

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДЕЛАЙ ДЕНЬГИ!

Making Money

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Making Money

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Делай деньги!

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett
MAKING MONEY

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2004
First published as Going Postal by Transworld Publishers

Перевод с английского *Елизаветы Шульги*

Оформление серии *Ильи Саукова*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

П68   **Пратчетт, Терри.**
Делай деньги! / Терри Пратчетт ; [пер. с
англ. Е. Шульги]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 480 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-91438-8

О, Анк-Морпорк, великий город контрастов! Что ты делаешь со своими верными сынами?

Мокриц фон Липвиг в тяжких раздумьях. С одной стороны, жизнь честного человека, который (о ужас!) исправно платит налоги, ведет к определенному долголетию. С другой стороны, такая жизнь скучна до зубовного скрежета, что особенно ясно в свете нового предложения патриция Витинари — заняться реформированием банковской системы города.

Впрочем, Мокриц слишком хорошо помнит, что жизнь приличного мошенника не только весела и задорна, но и прискорбно коротка. Выбрав путь благочестивого горожанина, главный почтмейстер еще не знает, что ему предстоит стать хозяином очаровательного Шалопая — милого песика, владеющего мажоритарным пакетом акций «Королевского банка Анк-Морпорка».

Первые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Шульга Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91438-8

От автора

Длина подола как индикатор национального кризиса (стр. 84): автор будет вечно благодарен известному военному историку и стратегу сэру Бэзилу Лидделлу Харту за то, что в 1968 году он поделился с ним этим ценным наблюдением. Это объясняет, почему с шестидесятых мини-юбки не выходили из моды.

Знатоки истории вычислительной техники распознают в Хлюпере далекие отголоски гидравлического компьютера Филлипса, который был сконструирован в 1949 году инженером и впоследствии экономистом Уильямом Филлипсом и представлял собой не менее эффективную гидравлическую модель национальной экономики. Игори, очевидно, в его создании участия не принимали. Одну из ранних моделей можно увидеть в Музее науки в Лондоне, и еще десятка два подобных машин выставлены для интересующихся по всему миру.

И, наконец, автор, как всегда, выражает признательность Британскому фонду юмористического наследия — за труды, направленные на то, чтобы хорошие старые шутки никогда не умирали...

Глава 1

Ожидание в темноте — Сделка заключена —
В подвешенном состоянии — Голем в голубом
платье — Преступление и наказание — Возможность
сделать хорошие деньги — Золотистая цепочка —
Хорошее отношение к утятам — Господин Бент
следит за временем

Они покоились в темноте и сторожили. Нельзя было сказать, сколько уже прошло времени, да и не чувствовалось никакой потребности в этом. Когда-то их здесь не было; не исключено, что однажды их тут снова не станет. Тогда они будут где-то еще. Время в промежутке было несущественно.

Но одни разбились, а иные, более юные, смолкли. Вес увеличивался.

Нужно было что-то делать.

Один из них мысленно затянул песню.

Сделка была невыгодной, но кому она была невыгодна? Вот в чем вопрос. И господин Мозоль, законник, никак не находил на него ответа. А ответ был бы очень кстати. Когда покупатель проявляет интерес к неприглядному участку земли, другим покупателям будет нелишне обратить внимание на

соседние участки, чтобы принять участие в участии участка, на случай если тот, первый покупатель, пронюхал что-то, неизвестное остальным.

Но как знать, было ли тут что пронюхать.

Законник наградил сидящую перед ним женщину подобающей обеспокоенной улыбкой.

— Госпожа Ласска, тебе ведь известно, что эти земли подпадают под действие горного права гномов? Это значит, что все металлы и все металлические руды принадлежат Королю-под-Горой. Тебе придется выплачивать значительные пошлины за любую добычу. Которых там и не окажется, надо заметить. Считается, что сверху донизу сплошной ил и песок, а до низу там, дескать, очень далеко.

Он подождал реакции от женщины напротив, но та лишь молча смотрела на него. Голубоватый дым от ее сигареты устремлялся под потолок конторы.

— Перейдем к вопросу о древностях, — продолжил законник, стараясь разглядеть за завесой дыма выражение ее лица. — Король-под-Горой оставляет за собой право конфисковать или обложить налогом любые ювелирные изделия, доспехи, предметы старины, которые могут быть классифицированы как Механизмы, а также оружие, посуду, свитки и кости, извлеченные вами из недр данного участка.

Госпожа Ласска задумалась, как бы сверяясь мысленно с собственным списком, затушила сигарету и поинтересовалась:

— Есть основания полагать, что мы найдем что-то из вышеперечисленного?

— Ни малейших, — ответил законник со скупой улыбкой. — Всем известно, что это заброшенная пустошь. Но Король-под-Горой хотел перестраховать-

ся на тот случай, если «всем известное» окажется неверным. Как оно часто бывает.

— Он требует огромных денег за такой короткий срок аренды.

— Но ты согласна платить. Пойми, гномам неспокойно. Они не привыкли расставаться со своими землями, даже на год или два. Похоже, Королю-под-Горой просто нужны деньги после всей этой истории с Кумской долиной.

— Я же плачу все, что он просит!

— Все так, все так, но...

— Он выполнит условия договора?

— До последней запятой. В этом можно не сомневаться. Гномы крайне дотошны в таких вопросах. От тебя требуется лишь поставить свою подпись и, к сожалению, заплатить.

Госпожа Ласска достала из сумки плотный лист бумаги и положила перед ним на столе:

— Банковский вексель на пять тысяч долларов, выписан Анк-Морпоркским Королевским банком.

— Надежные люди, — улыбнулся законник и добавил: — Исторически, во всяком случае. Распишись там, где галочки.

Он внимательно следил за ней, пока она ставила подписи, и, ей показалось, даже задержал дыхание.

— Готово, — сообщила она и вернула ему договор.

— А можно попросить тебя удовлетворить мое любопытство? — осведомился он. — Пока чернила подсыхают?

Госпожа Ласска посмотрела по сторонам, как будто у старинных книжных шкафов могли быть уши.

— Ты умеешь хранить секреты, господин Мозоль?

— А как же, госпожа, а как же!

Она заговорщически оглянулась и прошептала:

— Об этом можно говорить только шепотом.

Он с надеждой закивал, нагнулся поближе и впервые за много лет почувствовал женское дыхание над ухом.

— *Я тоже умею*, — сказала она.

Это было почти три недели назад...

Удивительные вещи можно узнать по ночам, сидя на водосточной трубе. Оказывается, например, что люди скорее обратят внимание на тихие звуки — щеколда щелкнет на окне, звякнет отмычка, — чем на громкие, вроде падения кирпича на мостовую или (дело-то происходило в Анк-Морпорке) чужого крика.

Это были громкие звуки и, стало быть, являлись достоянием широкой публики, что делало их общей проблемой — то есть не вашей. А тихие звуки были совсем рядом и говорили о том, что кому-то не удалось остаться незамеченным, а значит, были самыми насущными и лично вашими.

Поэтому он и старался не производить тихих звуков.

Внизу гудел, как опрокинутый улей, каретный двор Центрального Почтамта. Служба доставки теперь работала как часы. Ночные кареты прибывали, и новенькая «Убервальдская стрела» мерцала в свете фонарей. Все шло как положено, и именно поэтому у полуночного верхолаза все шло наперекосяк.

Он вогнал клинышек в мягкую известку, перенес вес на другую ногу, потянулся...

Проклятый голубь! Птица в панике вспорхнула, нога соскользнула, пальцы, цеплявшиеся за сточную трубу, разжались, а когда мир постепенно перестал вращаться, только стиснутый в его руке клинышек, который, скажем прямо, был не чем иным, как большим и плоским Т-образным гвоздем, оттягивал его свидание с далекой брусчаткой.

Стену не обманешь, рассуждал он. Может, получится раскачаться и ухватиться рукой и ногой за трубу — а может и клинышек выскользнуть.

Хо... ро... шо...

У него с собой было еще несколько гвоздей и маленький молоток. Сумеет ли он забить гвоздь, не выпустив из рук предыдущий?

Голубь присоединился к своим собратям на карнизе повыше.

Верхолаз всадил гвоздь в раствор со всей силой, на какую у него хватило смелости, вытащил из кармана молоток и под лязг и грохот выезжающей со двора «Стрелы» что было мочи ударил по гвоздю.

Гвоздь вошел в стену. Он отбросил молоток, не теряя надежды, что удар о землю потонет в общем гаме, и ухватился за новый клин еще до того, как молоток достиг земли.

Хо... ро... шо... Он что... застрял?

До трубы оставалось меньше трех футов. Ладно. Можно попробовать. Обеими руками взяться за новое крепление, чуть раскачаться, левой рукой обхватить трубу, а там уже подтянуться туда самому. Останется только...

Голубь нервничал. Обычное для голубей состояние. И именно в этот момент птица решила облегчиться.

Хо... ро... шо... Поправочка: теперь он обеими руками держался за *ставший внезапно слишком скользким* гвоздь.

Проклятье.

И поскольку нервозность в голубиной среде разительнее, чем смех на поминках, с карниза заморосило.

Бывают моменты, когда фраза «лучше не придумашь» никак не идет на ум.

А потом снизу раздался голос:

— Эй, наверху, кто там?

«Ну спасибо, молоток, — подумал он. — Увидеть меня они никак не могли: ты стоишь на освещенной улице, задираешь голову, смотришь — и видишь только кромешную темень. А толку-то? Раз все равно уже понятно, что я здесь».

Хо... ро... шо...

— Накрыл ты меня, начальник, — отозвался он.

— Вор, что ль? — спросили снизу.

— Пальцем ни к чему не притронулся, начальник. Мне бы подсобил тут кто, начальник.

— Ты из Гильдии Воров? Говоришь по ихней фене.

— Не, начальник. Я просто всех называю «начальник», начальник.

Сейчас ему сложно было посмотреть вниз, но, судя по голосам, к ним уже подтягивались конюхи и свободные возницы. Это было очень некстати. Возницы если сталкивались с ворами, то на большой дороге, где разбойники редко утруждали себя пустыми вопросами вроде: «Кошелек или жизнь?» Так что, когда вор попадался в руки *им*, возмездие и правосудие с удовольствием вершились при помощи подручной свинцовой трубы.

Снизу донеслись приглушенные голоса, и консенсус, похоже, был достигнут.

— Ладно, господин грабитель Почтамта, — раздался задорный голос. — Мы, значит, вот как поступим. Мы зайдем в здание, так? И спустим тебе веревку. Честнее некуда, так?

— Так, начальник.

Это был неправильный задор. Это был тот задор, который слышится в слове «приятель», когда оно стоит в предложении: «Ты на кого вылупился, приятель?» Гильдия Воров платила двадцать долларов за голову каждого нелегализованного вора, доставленного живым, но было столько разных способов остаться в живых, пока тебя не приволокнут и не свалят на ступеньках Гильдии...

Он задрал голову. Прямо над ним находилось окно квартиры главного почтмейстера.

Хо... ро... шо...

Руки и пальцы онемели, но это не мешало им ныть от боли. Он услышал грохот грузового подъемника в здании, лязг щеколды, шаги по крыше и почувствовал, как по руке его ударила спущенная веревка.

— Или хватайся, или падай, — произнес голос, когда он попытался ухватиться. — В сущности, какая разница?

В темноте раздался хохот.

Спасатели поднатужились и потянули. Вор поболтался в воздухе, потом оттолкнулся и выкинул ноги вперед. Под самым желобом раздался звон стекла, и они вытянули пустую веревку.

Люди переглянулись.

— Так, вы двое, возьмете на себя центральный и черный ход, живо! — распорядился возница, кото-

рый соображал побыстрее прочих. — Не дайте ему уйти! Вниз спуститесь на подъемнике. Остальные за мной, выкурим его отсюда, с этажа на этаж!

Всем скопом они бросились на лестницу и побежали по коридору. Из одной комнаты высунулся человек в халате, уставился на них сперва в изумлении, а потом сердито рявкнул:

— Вы еще кто такие? Живей, ловите его!

— Да ну? А ты кто такой? — Конюх притормозил и уперся в него взглядом.

— Да это ж сам господин Мокриц фон Липник! — ответил у него за спиной возница. — Он же главный почтмейстер!

— Кто-то влетел в мое окно, упал прямо между... то есть чуть прямо на меня не упал! — заорал человек в халате. — И выбежал в коридор! Десять долларов на нос, если вы его поймаете! И кстати, правильно — «Липвиг».

Они собрались было возобновить забег, но конюх спросил недоверчиво:

— Это, ну-ка, скажи «начальник»?

— Ты чего несешь, а? — одернул его возница.

— Да голос у него больно похожий, — заметил конюх. — И запыхался он.

— Ты дурак? — возмутился возница. — Он же почтмейстер! У него ключ есть! У него *все* ключи есть! Зачем ему вламываться в собственный Почтамт?

— Сдается мне, нужно осмотреть его комнату, — сказал конюх.

— Неужели? А мне вот сдается, что от каких таких занятий господин фон Липвиг запыхался в своей личной комнате, нас не касается, — парировал возница и подмигнул Мокрицу фон Липви-

гу. — И еще сдается, что от меня десять долларов убегают, потому что ты нам тут голову морочишь. Извиняй, господин, — обратился он к Мокрицу. — Новенький он у нас и манер не знает. Не будем тебе мешать, господин, — добавил он, прикладывая руку ко лбу где-то в области чуба. — Премного извиняемся за предоставленные неудобства. А ну, шевелитесь, недоумки!

Когда они скрылись из вида, Мокриц вернулся к себе и закрыл за собой дверь на засов. Ну, хоть какие-то навыки еще при нем. И легкий намек на присутствие дамы в его спальне оказался очень уместен. Да и потом, он действительно был главным почтмейстером, и у него были все ключи.

Оставался час до рассвета. Заснуть уже все равно не получится. Значит, можно официально начать новый день и окончательно закрепить за собой репутацию энтузиаста.

Он выбирал рубашку и думал о том, что его могли подстрелить прямо на стене. Могли не трогать, а просто делать ставки на то, сколько он протянет, пока не разожмутся руки — а что, это было бы вполне по-анк-морпоркски. Ему просто повезло, что конюхи решили его поколотить, прежде чем отправить по частям в Гильдию Воров. А везение приходит к тем, кто оставляет для него место...

В дверь тяжело, но вместе с тем как-то даже учтиво постучали.

— Ты Свободен, Господин Фон Липвиг? — прогремел голос.

«Как посмотреть», — подумал Мокриц, но вслух сказал:

— Входи, Глэдис.

Когда Глэдис вошла, половицы заскрипели, и в дальнем углу мебель задрожала.

Глэдис была големом — глиняным существом (во избежание недоразумений, сразу назовем ее глиняной женщиной) почти семи футов росту. Она — ну да, с именем «Глэдис» средний род был бы абсурден, а мужской попросту несостоятелен — была одета в необъятных размеров голубое платье.

Мокриц покачал головой. Если честно, то вся эта нелепица была просто вопросом приличий. Госпожа Макалариат, обладательница железной хватки и луженой глотки, которая заправляла почтамтскими кассами, воспротивилась тому, что голем мужского пола моет пол в дамской уборной. Каким образом госпожа Макалариат пришла к выводу, что големы мужского пола от природы, а не только на словах, уже само по себе вызывало вопросы, но спорить с такими людьми было совершенно бесполезно.

Так, посредством безразмерного хлопчатобумажного платья, голем стал женщиной — в достаточной степени, чтобы успокоить госпожу Макалариат. Но как бы странно это ни звучало, Глэдис теперь и в самом деле была *женщиной*. И дело не в одном только платье. Ей нравилось проводить время с девушками-кассиршами, и те приняли ее в свой девичий коллектив, невзирая на то что она весила полтонны. Они даже давали ей почитать свои модные журналы, хотя сложно было вообразить, чем советы по уходу за кожей в холодную погоду могут помочь тысячелетнему существу с глазами, полыхающими как печные горнила.

А теперь она спрашивает, *свободен* ли он. Что *она* имеет в виду, интересно?

Глэдис принесла ему чашку чая и свежий выпуск местной «Правды», еще не просохший после отпечатного станка. Все это было бережно оставлено на столе.

И... о, боги, они напечатали его снимок. Самый настоящий снимок! Вот он, Витинари, и всякие важные лица накануне вечером, задрав головы, смотрят на новую люстру. Он шевельнулся в момент съемки, и изображение чуть-чуть смазалось, но все равно это было то самое лицо, которое каждый день глядело на него из зеркала. Отсюда и до самой Орлеи везде были люди, одураченные, облапошенные, околпаченные и оболваненные этим самым лицом. Разве что объегоренных не было, и то лишь потому, что Мокриц так и не понял, как это делается.

Допустим, лицо у него было в своем роде универсальное и напоминало многие другие лица, но видеть его увековеченным в печати было невыносимо. Некоторые верят, что иконографии крадут душу, но Мокриц склонялся к мысли, что они крадут свободу.

Мокриц фон Липвиг, оплот общества. Ха!..

Что-то заставило его приглядеться. Кто это стоит за его спиной? И смотрит как будто поверх плеча Мокрица. Толстое лицо, борода почти как у Витинари, но если у лорда Витинари это была эспаньолка, то у этого человека тот же фасон смотрелся как результат небрежного бритья. Какой-нибудь банкир? Там было столько лиц, столько рукопожатий, и все хотели влезть в кадр. Человек стоял как загипнотизированный, но такое часто бывает с людьми на иконографиях. Рядовой гость на рядовом мероприятии...

И они напечатали это на первой странице только потому, что кто-то счел главный репортаж номе-

ра — об очередном обанкротившемся банке и толпе озлобленных клиентов, которые попытались вздернуть управляющего прямо на улице, — недостойным иллюстрации. Хватило ли у редактора совести опубликовать иконографию, которая скрасила бы всем серые будни? О нет, нам нужен портрет чертова Мокрица фон Липвига!

А боги уж если прижмут человека к стенке, то никогда не ограничатся одной молнией под дых. Здесь же, на первой полосе, чуть ниже красовался заголовок: «ФАЛЬШИВОМАРОЧНИК БУДЕТ ПОВЕШЕН». Сычика Дженкинса собирались казнить. А за что? За убийство? За финансовые преступления? Нет, он всего-то подделал пару сотен листов с марками. Неплохо подделал причем. Страже не к чему было бы подкопаться, не вломись они к нему на чердак, где он развесил сушиться листы красненьких полпенсовиков.

А Мокриц был свидетелем на этом самом процессе. А как же иначе? Таков был его гражданский долг. Подделка марок считалась таким же преступлением, как подделка монет — как тут было отвертеться? Он ведь был главным почтмейстером, уважаемой фигурой в городе. Мокрицу было бы чуточку легче, если бы подсудимый заорал на него или посмотрел с ненавистью, но он просто сидел на скамье подсудимых, этот маленький человечек с жиденькой бородкой, с потерянными и растерянными видом.

Он подделывал полупенсовые марки, да, подделывал. Это был удар в самое сердце, да, удар. О, он брал и марки подороже, но кто пойдет на такую мороку ради полупенса? Сычик Дженкинс, вот кто. И теперь он сидел в Танти в камере смертников, и у него в запасе было несколько дней, чтобы по-

размыслить о превратностях судьбы, пока не придет его час сыграть в «виселицу».

«Это мы проходили, — подумал Мокриц. — Все погрузилось во тьму — а потом мне подарили новую жизнь. Но кто бы знал, что быть образцово-показательным членом общества окажется так непросто».

— Гм... спасибо, Глэдис, — сказал он деликатно нависшей над ним фигуре.

— У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витина-ри, — сообщила голем.

— Ничего подобного.

— Двое Стражников За Дверью Настаивают, Что Назначена, Господин Фон Липвиг.

«А, — догадался Мокриц, — *такая* встреча».

— И назначена она, надо полагать, прямо сейчас?

— Да, Господин Фон Липвиг.

Мокриц схватил брюки, но из какого-то остаточного чувства приличия замешкался. Он бросил взгляд на стоящую рядом глыбу в голубом платье.

— Не возражаешь?

Глэдис отвернулась.

«Это просто полтонны глины», — сердито думал Мокриц, натягивая одежду. Безумие таки заразительно.

Одевшись, он торопливо спустился по черной лестнице, ведущей на каретный двор, который еще недавно грозил стать его последним пристанищем. «Щеботанский Скорый» уже отчаливал, но Мокриц вскочил на козлы, кивнул вознице и с ветерком покатыл по Противовращательному проспекту, соскочив прямо у главных дворцовых ворот.

«Как было бы славно, — думал он, избегая по ступенькам, — если бы его светлость придерживался мнения, что встречи назначаются по обоюдному

согласию». С другой стороны, патриций же был тираном. Им тоже нужно как-то развлекаться.

Стукпостук, секретарь патриция, встретил Мокрица у дверей Продолговатого кабинета и поспешно усадил его напротив стола.

После девяти секунд усердного письма лорд Витинари оторвался от бумаг:

— А, господин фон Липвиг. Почему не в золотом костюме?

— Он в стирке, сэр.

— Как проходит день? Все хорошо? То есть было до настоящего момента?

Мокриц озираясь по сторонам, бегло прокручивая в голове все давешние неурядицы на Почтамте. Если бы не Стукпостук, который стоял подле своего господина с выражением почтительной готовности, он был бы один на один с патрицием.

— Я все могу объяснить, — сказал Мокриц.

Лорд Витинари вздернул бровь с тем озабоченным видом, с которым человек, нашедший у себя в салате полгусеницы, переворачивает все листья лагука.

— Не томи, — отозвался он и откинулся на спинку кресла.

— Нас немного занесло, — признался Мокриц. — Мы слишком творчески подошли к проблеме. Додумались разводить мангустов в почтовых ящиках, чтобы отводить змей...

Лорд Витинари промолчал.

— Э... которых, не скрою, мы поселили в почтовых ящиках, чтобы умерить популяцию жаб...

Лорд Витинари снова промолчал.

— Э... которых, если начистоту, посадили туда наши сотрудники, чтобы избавиться от улиток...

Лорд Витинари промолчал еще раз.

— Э... которые справедливости ради завелись там сами по себе, чтобы съесть клей с марок, — заключил Мокриц, понимая, что начинает путаться.

— Что ж, хотя бы они обошлись без посторонней помощи, — ответил Витинари шутливо. — Как ты понимаешь, это тот самый случай, когда неумолимая логика должна была уступить здравому смыслу — да хотя бы среднестатистического цыпленка. Но я позвал тебя сюда сегодня не за этим.

— Если это насчет клея со вкусом капусты...

Витинари отмахнулся.

— Любопытный инцидент, — сказал он. — Но никто ведь не умер.

— Э... второе издание пятидесятипенсовой марки? — предположил Мокриц.

— Это ее называют в народе «Любовники»? — спросил Витинари. — Лига Приличий обращалась с жалобой, да, но...

— Художник не отдавал себе отчета в том, что рисует! Он плохо разбирается в сельском хозяйстве и решил, что молодые люди заняты жатвой!

— Гм. Впрочем, как я понимаю, оскорбительное действие хоть сколь-нибудь отчетливо можно разглядеть лишь под мощным увеличительным стеклом, так что оскорбление нравственности, если оно и имеет место, можно считать самостоятельно нанесенным. — Патриций усмехнулся тихой, наводящей страх улыбкой. — Насколько мне известно, те немногие экземпляры, которые остались в обращении у коллекционеров, приклеены к простым коричневым конвертам. — Глядя на непроницаемое лицо Мокрица, он вздохнул: — Скажи мне, господин фон Липвиг, хочешь ли ты сделать хорошие деньги?

Мокриц хорошенько обдумал это и спросил с особой осторожностью:

— Что случится, если я отвечу «да»?

— Тебя будет ждать новая карьера, господин фон Липвиг, полная приключений и испытаний.

Мокриц нервно переступил с ноги на ногу. Не нужно было оглядываться, чтобы понять, что кто-то уже встал у дверей. Кто-то умеренно внушительного телосложения, в недорогом черном костюме и без капли чувства юмора.

— И, чисто теоретически, что случится, если я отвечу «нет»?

— Ты можешь выйти вон в ту дверь, и мы больше не будем возвращаться к этой теме.

Другая дверь. Через ее порог он не переступал.

— Вот в эту? — Мокриц встал и указал на дверь.

— Совершенно верно, господин фон Липвиг.

Мокриц повернулся к Стукпостуку:

— Одолжи мне свой карандаш, пожалуйста. Благодарю.

Он подошел к двери и отворил ее. Там он театральным жестом приложил ладонь к уху и бросил карандаш.

— Посмотрим, как до...

Тюк! Карандаш отскочил и покатился по самому что ни на есть твердому полу. Мокриц подобрал карандаш, уставился на него и побрел обратно на свое место.

— Разве не там раньше была глубокая яма, утыканная колыями? — спросил он.

— Ума не приложу, с чего ты это взял, — ответил лорд Витинари.

— Точно была, — не унимался Мокриц.

— Стукпостук, как ты думаешь, почему наш дорогой господин фон Липвиг полагает, что за этой дверью когда-то была глубокая яма, утыканная кольями? — спросил Витинари.

— Понятия не имею, откуда у него могли возникнуть такие мысли, милорд, — пробормотал Стукпостук.

— Я очень доволен работой на Почтамте, между прочим, — сказал Мокриц и поймал себя на мысли, что как будто оправдывается.

— Кто бы сомневался. Из тебя вышел выдающийся главный почтмейстер, — сказал Витинари и повернулся к Стукпостуку. — Здесь мы закончили. Можно приступать к утренней корреспонденции из Орлеи. — С этими словами он бережно вложил письмо в конверт.

— Да, милорд, — отозвался Стукпостук.

Тиран Анк-Морпорка погрузился в работу. Мокриц бессмысленно наблюдал за действиями Витинари, который вынул из ящика стола небольшую, но увесистую на вид шкатулку, достал оттуда палочку черного сургуча и накапал его на конверт с таким сосредоточенным видом, что Мокрица это взбесило.

— Это все? — спросил он.

Витинари поднял на него взгляд, как будто удивленный тем, что он еще здесь.

— Конечно, господин фон Липвиг, можешь быть свободен.

Он отложил сургуч и достал из шкатулки черный перстень с печаткой.

— И все, и никаких проблем?

— Нет, ровным счетом никаких. Ты стал образцовым гражданином, господин фон Липвиг, — сказал Витинари, аккуратно впечатывая в остывающую

лужицу литеру V. — Каждый день в восемь утра ты на ногах, в восемь тридцать — на рабочем месте. Ты превратил Почтамт из ходячей катастрофы в хорошо отлаженный механизм. Исправно платишь налоги и, мне тут шепнули, метишь на место председателя Гильдии Купцов в будущем году. *Похвально*, господин фон Липвиг!

Мокриц собрался уходить, но задержался.

— И что не так с местом председателя Гильдии Купцов? — поинтересовался он.

Медлительно и с невероятным терпением лорд Витинари убрал перстень обратно в шкатулку, а шкатулку — в ящик стола.

— Прошу прощения, господин фон Липвиг?

— Вы просто сказали это таким тоном, как будто тут что-то не так.

— Уверен, что я этого не делал. — Витинари перевел взгляд на секретаря. — Стукпостук, разве в моих словах просквозила уничижительная интонация?

— Нет, милорд. Вы неоднократно отмечали, что купцы и торговцы являются оплотом нашего города, — ответил Стукпостук, протягивая патрицию толстую папку.

— Мне вручат настоящую золотистую цепочку, — сказал Мокриц.

— Слышишь, Стукпостук, ему вручат настоящую золотистую цепочку, — проговорил Витинари, вчитываясь в очередное письмо.

— И что в этом плохого? — возмутился Мокриц.

Витинари поднял на него взгляд, исполненный искусно подделанного недоумения.

— Как твое здоровье, господин фон Липвиг? Кажется, у тебя какие-то проблемы со слухом. Тебе

пора спешить. Почтамт открывается через десять минут, и ты наверняка захочешь, как всегда, подать хороший пример своим сотрудникам.

Когда Мокриц вышел, Стукпостук тихонько положил перед Витинари папку. Досье было подписано: «Альберт Стеклярс/Мокриц фон Липвиг».

— Благодарю, Стукпостук, но зачем мне это?

— Смертный приговор Альберту Стеклярсу все еще действителен, — прошелестел Стукпостук.

— А. Понимаю. Ты думаешь, я захочу указать господину фон Липвигу на то, что его криминальное альтер-эго все еще можно казнить? Ты думаешь, я намекну ему, что мне достаточно просто сообщить газетам о потрясении, которое я испытал, когда внезапно выяснилось, что наш почтенный господин фон Липвиг на самом деле криминальный талант, фальшивомонетчик и аферист, который нагребил сотни тысяч долларов, разоряя банки и пуская по миру честных предпринимателей? Ты думаешь, я стану угрожать, что направлю самых надежных своих ревизоров в бухгалтерию Почтамта, где, вне всякого сомнения, будут выявлены вопиющие хищения? Ты думаешь, что там они недосчитаются, скажем, целиком всего пенсионного фонда Почтамта? Ты думаешь, я заявлю всему свету, какой ужас испытываю от того, что негодяй фон Липвиг сумел избежать петли палача при помощи неизвестных пособников? Проще говоря, ты думаешь, я захочу втолковать ему, что могу затащить его так низко, что всем его бывшим товарищам придется садиться на корточки, чтобы плюнуть на него? Такого ты мнения, Стукпостук?

Секретарь устался в потолок. Секунд двадцать он молча шевелил губами, пока Витинари продол-

жал заниматься бумагами. Потом он оторвался от потолка и ответил:

— Да, милорд. В общих чертах.

— Видишь ли, Стукпустук, человека можно укротить и другим способом.

— Болевым, милорд?

— Ах, Стукпустук, ты знаешь, как я ценю твое выпестованное отсутствие воображения.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

— На самом деле нужно позволить человеку самому потянуться за пряником и подождать, пока он схватится за кнут.

— Не уверен, что до конца понимаю вас, милорд. Лорд Витинари отложил перо.

— Всегда принимай в расчет индивидуальный образ мысли, Стукпустук. Каждый человек — это замок, и к каждому замку есть ключ. Я возлагаю большие надежды на господина фон Липвига в надвигающемся конфликте. В нем все еще живы криминальные инстинкты.

— Откуда вам это известно, милорд?

— Да так, разные мелочи, Стукпустук. Самой убедительной мне кажется та, что он вышел отсюда с твоим карандашом в кармане.

Собрания. Бесконечные собрания. На них было невыносимо скучно, отчасти поэтому они и были собраниями. Не в одиночестве же скучать.

Почтамт уже не открывал новые горизонты. Почтамт уже открыл все горизонты. Теперь этим горизонтам требовались сотрудники, а сотрудникам графики дежурств, оклады и пенсии, а здания нуждались в ремонте и уборке помещений, а еще

были графики приема товара, и дисциплинарный порядок, и инвестиции, и далее, и далее...

Мокриц в унынии глядел на письмо от госпожи Эстрессы Партлей из комитета «Гномы на высоте». Оказывается, на Почтамте служило мало гномов. Мокриц отметил, и весьма справедливо, как ему казалось, что каждый третий работник Почтамта был гномом. Она ответила, что не в этом суть. А суть была в том, что если рост гномов в среднем составляет две трети от человеческого роста, то Почтамт, как авторитетное учреждение, должен брать на работу по полтора гнома на каждую рабочую единицу человеческой расы. Неужели у Почтамта поднимется рука на все гномье сообщество, возмущалась госпожа Партлей. Мокриц поднял письмо большим и указательным пальцем и бросил его на пол. «Не поднимется, госпожа Партлей, *а опустится*».

Были еще какие-то основополагающие принципы. Мокриц вздохнул. Вот до чего он докатился. Стал ответственным лицом, и люди могли безнаказанно говорить ему про «основополагающие принципы».

Мокриц, однако, готов был поверить, что существуют люди, находящие радость и умиротворение в созерцании столбиков чисел. Он в их число не входил.

Уже несколько *недель*, как он не нарисовал ни одной марки! И еще дольше он не испытывал этого жжения, этого нерва, этого чувства полета, означавшего, что афера складывается гладко и он вот-вот оставит с носом того, кто вздумал оставить с носом его.

Все было такое... почтенное. От этого становилось трудно дышать.

Потом Мокриц вспомнил об утреннем происшествии и улыбнулся. Ну да, он влип, но у тайного общества ночных верхолазов Почтамт вообще считался проблемным зданием. К тому же ему удалось выкрутиться из затруднительного положения. Кругом выигрышная ситуация. И ненадолго, в перерыве между приступами паники, он ожил и полетел.

Тяжелая поступь из коридора возвестила о приближении Глэдис с полуденным чаем для Мокрица. Пригнувшись, чтобы не задеть головой косяк, она переступила порог и с поразительной для ее нескладной комплекции ловкостью поставила перед ним чашку с блюдцем, не расплескав ни единой капли.

— Карета Лорда Витинари Ожидает Снаружи, Господин, — сообщила она.

Мокриц мог поклясться, что в ее голосе последнее время стали слышны высокие нотки.

— Я же час как от него! Кого она ожидает? — удивился Мокриц.

— Тебя, Господин. — Глэдис отвесила реверанс, а когда голем делает реверанс, это *слышно*.

Мокриц выглянул в окно. У Почтамта стояла черная карета. Рядом стоял возница и тихонько курил.

— Он говорит, что мне назначено? — спросил Мокриц.

— Возница Говорит, Что Ему Велено Ждать, — ответила Глэдис.

— Ха!

Глэдис сделала еще один реверанс и удалилась.

Когда дверь за ней закрылась, Мокриц вернулся к кипе бумаг, подлежащих рассмотрению. Верхняя папка была озаглавлена «Акт заседания комиссии

филиалов Почтамта», но больше было похоже на трагедию в пяти актах. Он взял со стола чашку. На чашке была надпись: «НЕ НУЖНА БЫТЬ ПСИХАМ ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ТУТ НО ТАК ЛУЧШЕ!» Он уставился на слова, рассеянно потянулся за толстым черным пером и поставил запятые после «психам» и «работать». И вычеркнул восклицательный знак. Мокриц ненавидел этот восклицательный знак, презирал его истощную маниакальную веселость. Этот знак как бы говорил: «Да, не нужно быть психом! Об этом позаботимся *мы!*»

Он заставил себя дочитать акт, ловя себя на мысли, что взгляд из чувства самосохранения проскакивает целые абзацы.

Потом он приступил к еженедельным отчетам региональных отделений. Потом настала очередь комиссии по чрезвычайным происшествиям, растекшейся мыслью на многие мили.

Время от времени Мокриц поглядывал на чашку.

В двадцать девять минут двенадцатого зазвенел будильник в его настольных часах. Мокриц встал, задвинул стул, подошел к двери, досчитал до трех, открыл дверь, сказал: «Привет, Пис-Пис», как раз когда в кабинет вошел древний почтамтский кот, досчитал до девятнадцати, пока кот делал обход по комнате, сказал: «Пока, Пис-Пис», когда кот, ковыляя, вышел обратно в коридор, захлопнул за ним дверь и вернулся на прежнее место.

«Ты только что открыл дверь престарелому коту, который разучился обходить предметы, — сказал Мокриц сам себе, заводя будильник. — Ты делаешь это каждый день. Разве это поведение нормального человека? Конечно, когда он часами стоит, уткнувшись лбом в ножку стула, пока кто-нибудь

его не отодвинет, — зрелище действительно печальное, но это *ты* каждый день встаешь и отодвигаешь для него стул. Вот до чего честный труд доводит человека».

«Да, но нечестный труд чуть было не довел меня до виселицы!» — возразил он.

«Подумаешь! Виселица отнимает пару минут. Собрание комиссии пенсионного фонда отнимает вечность! Это же скука смертная! *Ты по рукам и ногам скован золотистыми цепями!*»

Мокриц в конце концов подошел к окну. Возница грыз печенье. Поймав на себе взгляд Мокрица, он помахал ему рукой в знак приветствия.

Мокриц чуть не отпрянул. Он поспешно сел за стол и подписывал бланки заказов пятнадцать минут кряду. Потом вышел, пошел по коридору, который привел его к центральному вестибюлю, и посмотрел вниз.

Он обещал вернуть люстры на место, и теперь обе они висели под потолком, переливаясь, как его личные созвездия. Широкие прилавки сверкали во всем своем полированном великолепии. Вокруг не стихал гул целенаправленной и в целом успешной деятельности.

У него получилось. Все жило. Это был Почтамт. И он больше не приносил радости.

Мокриц спустился в сортировочное отделение, заглянул в почтальонскую раздевалку хлебнуть за компанию черного, как деготь, чая, побродил по каретному двору, мешаясь под ногами у тех, кто занимался делом, и в конце концов побрел обратно в свой кабинет, прогнувшись под тяжестью рутины.

По чистой случайности Мокриц выглянул из окна — с кем не бывает. Возница обедал! Обедал, чер-

ти его подери! Он поставил на тротуаре складной стульчик и разложил еду на небольшом складном столике! Большой кусок мясного пирога и бутылку пива! И даже белую скатерть постелил!

Мокриц махнул вниз по лестнице в темпе рехнувшегося чечеточника и вырвался из массивных двойных дверей на улицу. В одно насыщенное мгновение, когда он стремительным шагом шел к карете, еда, стол, скатерть и стул исчезли где-то в потайном отделении, и возница уже стоял у дверцы, открытой для Мокрица.

— Так, что все это значит? — осведомился тот, переводя дыхание. — Не могу же я весь...

— А, господин фон Липвиг, — раздался изнутри голос Витинари. — Присаживайся. Благодарю, Хаусман, госпожа Шик будет тебя ждать. *Поживее*, господин фон Липвиг, не съем же я тебя. Я только что перекусил сносным сэндвичем с сыром.

«С меня не убудет, если я просто разузнаю, что к чему». — Слова, за которыми кроется многовековой опыт набивания шишек — даже хуже, чем «От одного раза мне ничего не будет» и «Все будет нормально, если стоять смирно».

Мокриц нырнул в полумрак. За спиной с щелчком захлопнулась дверца, и он резко обернулся.

— Да, в самом деле, — вздохнул лорд Витинари. — Она *закрыта*, господин фон Липвиг, не *заперта*. Возьми себя в руки!

Рядом с ним чинно восседал Стукпостук и держал на коленях солидный кожаный портфель.

— Чего вы хотите? — спросил Мокриц.

Лорд Витинари вскинул бровь.

— Я? Ничего. А ты чего хочешь?

— Что?

— Это же ты сел в мою карету.

— Да, мне сказали, что она тут стоит!

— А если бы тебе сказали, что она черного цвета, ты бы счел необходимым что-либо предпринять по этому поводу? Дверь прямо перед тобой, господин фон Липвиг.

— Но вы простояли здесь целое утро!

— Это общественная территория, — парировал Витинари. — А теперь *сядь*. Замечательно.

Карета дернулась и поехала.

— Ты не находишь себе места, господин фон Липвиг, — говорил Витинари. — Не думаешь о собственной безопасности. Жизнь утратила краски, не правда ли?

Мокриц не ответил.

— Поговорим об ангелах, — предложил Витинари.

— О да, что-то знакомое, — язвительно сказал Мокриц. — Вы уже рассказывали. В прошлый раз я на это купился после того, как меня повесили...

Витинари снова вскинул бровь.

— *Почти* повесили, согласись. На волосок от смерти.

— Да какая разница! Меня повесили! И самое обидное было — узнать потом, что этому посвятили всего два абзаца в «Вестнике Танти»!¹ Два абзаца, позволю себе заметить, о жизни виртуозного, хитроумного и в высшей степени гуманного преступника! Да с меня молодежи можно было при-

---

¹ Периодическое издание, распространяемое по всей территории Столатских равнин и снискавшее известность благодаря своим репортажам об убийствах (чем кровожаднее, тем лучше), судебных процессах, тюремных побегах и в целом о мире меловых контуров. Очень популярная газета.

мер брать! Всю передовицу оттяпал Дислектичный алфавитный маньяк, а он успел отработать только А и Ц!

— Да, редакция придерживается мнения, что преступление не заслуживает внимания, если жертва не была найдена в трех подворотнях одновременно, но такова цена свободной прессы. Но то, что кончина Альберта Стекляrsa осталась... не замеченной окружающими... пошло на пользу нам обоим, ты же не станешь с этим спорить?

— Нет, но я не рассчитывал на такую жизнь после смерти! Мне теперь что, до конца жизни делать все по указке?

— Поправка: новой жизни. Сказано грубо, но верно, — отвечал Витинари. — Позволь мне перефразировать. Тебя, господин фон Липвиг, впереди ждет тихая благополучная жизнь уважаемого человека, исполнение гражданского долга и, разумеется, по выслуге лет — заслуженная пенсия. Не говоря уже о почетной настоящей золотистой цепочке.

Мокриц поморщился:

— А если я *не захочу* выполнять ваши условия?

— М-м-м? О, ты меня недопонял, господин фон Липвиг. Это — то, что тебя ждет, если ты *откажешься* от моего предложения. А если согласишься, то будешь ловкостью ума сражаться с серьезными и опасными противниками, а каждый день будет преподносить новые испытания. Тебя даже могут попытаться убить.

— Как? Почему?

— Ты действуешь людям на нервы. Этого можно ожидать.

— И что, место денежное?

— Не то слово, господин фон Липвиг. Речь идет о должности распорядителя Королевского монетного двора.

— Это что же, целыми днями монеты бить?

— Если вкратце. Но самая серьезная задача связана с руководящим постом в Королевском банке Анк-Морпорка. Это будет составлять большую часть твоих обязанностей. Делать деньги можешь в свободное от работы время.

— Меня? *Банкиром?*

— Да, господин фон Липвиг.

— Но я понятия не имею, как управлять банком!

— Отлично. Никаких предубеждений.

— Я же *грабил* банки!

— Превосходно! Осталось только изменить мыслительный вектор. — Лорд Витинари улыбнулся. — Деньги должны оставаться *внутри*.

Карета притормозила и остановилась.

— Зачем все это? — спросил Мокриц. — Seriously, зачем?

— Когда ты принял управление Почтамтом, он был в плачевном состоянии. Теперь почта работает безотказно. Настолько безотказно, что даже скучно. Человеку молодому и энергичному так и не долго пристраститься лазить ночами по крышам, взламывать замки из спортивного интереса и даже присматриваться к чиханию без правил. Где ты берешь отмычки, кстати говоря?

В грязном магазинчике в грязной подворотне, где не было ни души, кроме мелкой старушонки, которая продала ему отмычки. Мокриц до сих пор не понимал, зачем их купил. Противозаконны они были лишь контекстуально, но он все равно начинал радостно трепетать при мысли, что они лежали

у него в кармане. Печальное зрелище. Совсем как те коммерсанты, которые ходят на работу в деловых костюмах, но повязывают разноцветные галстуки в отчаянной попытке показать, что где-то там еще остался вольный дух.

«О, боги, я стал таким же. Ну, хоть о кистене Витинари не знал».

— Все не так уж и запущено.

— А кистень? Ты же ни разу в жизни никого не ударил! Ты лазишь по крышам и подбираешь отмычки к собственному столу. Ты словно зверь в клетке, который мечтает о джунглях! Я могу дать тебе то, чего ты так жаждешь. Я могу бросить тебя ко львам.

Мокриц хотел было возразить, но Витинари жестом остановил его.

— Почтамт был посмешищем, господин фон Липвиг, и ты взялся за него и превратил его в солидное предприятие. Но банки Анк-Морпорка — дело серьезное. И у ослов банкиров серьезные проблемы. Слишком часто они терпят неудачи. Они увязли в болоте, живут прошлым, они заморожены статусом и богатством, они полагают, что золото — это главное.

— А... разве не так?

— Нет. И такой вор и мошенник, как ты... прости, оговорился, каким ты был когда-то, в глубине души прекрасно это понимает. Золото было для тебя просто способом вести счет. Как золоту судить об истинной ценности? Выгляни в окно и скажи, что ты там видишь.

— Э... лохматая собачонка наблюдает за мужиком, который справляет нужду в подворотне, — ответил Мокриц. — Прошу прощения, но момент выбрали неудачный.

— Если бы ты понял мои слова *не так* буквально, — сказал Витинари, наградив его *взглядом*, — ты бы увидел огромный кипящий город, полный находчивых людей, которые добывают золото из обычной соломы. Они строят, конструируют, чеканят, пекут, ваяют, куют, мошенничают и измышляют необычные запутанные преступления. Но они хранят свои деньги в старых чулках. Чулкам они доверяют больше, чем банкам. Возникает искусственный дефицит монет, именно поэтому твои почтовые марки, по сути, стали новой валютой. Наша внушительная банковская система сейчас в разрухе. Курам на смех, я бы сказал.

— Куры вообще животики надорвут, если поручить банк *мне*, — сказал Мокриц.

Витинари коротко улыбнулся ему.

— Ты считаешь? — сказал он. — Что ж, всем иногда полезно посмеяться.

Возница открыл им дверь, и они вышли на улицу.

«Почему именно храмы? — думал Мокриц, разглядывая фасад Королевского банка Анк-Морпорка. — Почему банки всегда строят по образу и подобию храмов, несмотря на то что многие церкви (а) канонически против того, что происходит в их стенах, и (б) имеют там вклады?»

Он, конечно, видел банк и раньше, но сейчас впервые удосужился на него *посмотреть*. Среди прочих денежных храмов этот был отнюдь не дурен. Архитектор, по крайней мере, сумел возвести колонну прямо и даже вовремя остановиться. Он был категорически настроен против любых намеков на ангелочков, хотя колонны и венчал величественный фриз, изображающий нечто аллегорическое, при участии дев и амфор. В большинстве ваз и даже

на нескольких девах, как отметил Мокриц, гнездились птицы. С каменной груди на него поглядывал сердитый голубь.

Мокриц много раз проходил мимо этого места и никогда не замечал тут наплыва людей. А за банком находился Королевский монетный двор, который вовсе не подавал признаков жизни.

Сложно было вообразить здание более уродливое, которое не выиграло бы никакой архитектурной награды. Монетный двор был угрюмой кирпичной коробкой с массой высоких зарешеченных окон и дверями за опускаемыми воротами. Вся постройка как бы обращалась к людям со словами: «Даже не думайте».

Мокриц даже не думал вплоть до этого момента. Это же монетный двор. В таком месте тебя ухватят за пятки и потрясут, подставив ведро, прежде чем выпустить за порог. А еще там была охрана и острые решетки.

И Витинари хотел сделать его здесь начальником. В такой бочке меда где-то должна быть *огромная* ложка дегтя.

— А скажите, милорд, — начал он осторожно, — что случилось с человеком, который занимал этот пост до сих пор?

— Так и думал, что ты спросишь, поэтому я навел справки. Умер в возрасте девяноста лет от разрыва сердца.

Звучало не так уж плохо, но Мокриц был научен опытом и продолжил расспросы:

— Еще какие-нибудь смерти в последнее время?

— Сэр Джошуа Шик, председатель банка. Умер полгода назад в собственной постели в возрасте восьмидесяти лет.

— Есть много самых неприятных способов умереть в собственной постели, — отметил Мокриц.

— Не сомневаюсь. Однако этот джентльмен скончался в объятиях молодой женщины, известной как Карамелька, после большой порции пряных устриц. Насколько это было неприятно, увы, мы уже никогда не узнаем.

— Это была его жена? В собственной постели, вы сказали...

— У него были апартаменты в банке, — объяснил Витинари. — Традиционный бонус, который приходился как нельзя кстати, когда он... — здесь Витинари на долю секунды задумался, — ...задерживался на работе. Госпожа Шик в это время отсутствовала.

— Если он сэр, разве она не должна быть леди? — спросил Мокриц.

— Характерная черта госпожи Шик состоит в том, что ей не нравится быть леди, — объяснил Витинари. — И я уважаю ее желание.

— И часто он «задерживался на работе»? — спросил Мокриц, явственно обозначив кавычки.

— С поразительным для его возраста постоянством, насколько мне известно.

— Неужели? Знаете, я, кажется, припоминаю некролог в «Правде», и там не было *этих* подробностей.

— Подумать только, до чего дошла пресса.

Витинари повернулся и оглядел оба здания.

— Если выбирать, я бы предпочел прямому монетного двора, — решил патриций. — Он так и скажется на окружающий мир. А ты что скажешь, господин фон Липвиг?

— Что это за золотая штукавина там торчит из крыши? — спросил Мокриц. — Как будто огромная монета застряла в щели копилки.

— Как ни странно, раньше ее так и называли: Мелкой Монетой, — ответил Витинари. — Это топчак, который приводит в действие чеканочный пресс и другие машины. Когда-то его приводили в движение арестанты, когда «общественные работы» были не просто пустым словом. Точнее, двумя. Впрочем, это считалось жестоким и изощренным наказанием, что свидетельствует скорее о скудости человеческого воображения. Зайдем внутрь?

— Послушайте, сэр, что я-то, по-вашему, могу сделать? — спросил Мокриц, когда они поднимались по мраморным ступеням. — О банках я еще кое-что знаю, но как прикажете управлять монетным двором?

Витинари пожал плечами.

— Понятия не имею. Там работают люди, наверное, они дергают какие-то рычаги, а кто-то указывает им, сколько раз и когда остановиться.

— Но почему меня могут попытаться убить?

— Откуда мне знать, господин фон Липвиг? Но на твою жизнь было совершено как минимум одно покушение, когда ты занимался безобидной доставкой почты, и я предполагаю, что твоя банковская карьера будет весьма захватывающей.

Они поднялись на крыльцо. Пожилой человек в мундире, который мог бы сойти за генеральский в какой-нибудь ненадежной армии, распахнул перед ними дверь.

Лорд Витинари жестом пригласил Мокрица войти первым.

— Я просто осмотрюсь тут, ясно? — заявил Мокриц, споткнувшись о порог. — У меня совершенно не было времени ничего обдумать.

— Понимаю, — ответил Витинари.

— И я ни к чему себя этим не обязываю?

— Ни к чему.

Он опустился на кожаный диван, подзывая Мокрица сесть рядом. Предупредительный Стукпостук был тут как тут, прямо за спиной патриция.

— В банках всегда приятно пахнет, не находишь? — спросил Витинари. — Смесью полироли, чернил и богатства.

— И утяжательства, — добавил Мокриц.

— Какая жестокость по отношению к утятам. Ты, наверное, имеешь в виду стяжательство. Церкви сегодня уже почти ничего не имеют против. И кстати, только нынешний председатель банка осведомлен о моих намерениях. Для всех остальных сегодня ты проводишь инспекцию по моему поручению. Оно и к лучшему, что на тебе нет твоего знаменитого золотого костюма.

В банке царил полупшепот. Часть звуков просто терялась под высоченными потолками, и к тому же людям свойственно понижать голос в присутствии больших денежных сумм. В изобилии были представлены красный бархат и латунь. Повсюду висели портреты деловых людей во фраках. Иногда по белому мраморному полу прокатывалось эхо шагов, но тут же замолкало, стоило ступить на островок ковра. А большие столы были обтянуты кожей зеленого цвета. С самого детства зеленая кожаная обивка на столах символизировала для Мокрица *богатство*. Красная кожа? Пф! Это для позеров и выскочек. Зеленая кожа означала, что ты всего добился от жизни и предки твои добились. Если кожа была немного потертой, это еще больше усиливало эффект.

На стене за стойкой тикали большие часы, окруженные ангелочками. Присутствие лорда Витинари

навело шороху. Сотрудники подталкивали друг друга и выразительно смотрели в его сторону.

Мокриц подумал, что в действительности они не должны были так сразу обращать на себя внимание. Его природа наградила внешностью, которая позволяла сливаться с толпой, даже когда он стоял в двух шагах от наблюдателя. Он не был уродлив, он не был красив, он просто был до того незапоминающимся, что иногда сам себе удивлялся во время бритья. Витинари носил все черное, а это не самый кричащий цвет. Но его присутствие было сродни свинцовому шарик у на каучуковой поверхности: оно искажало пространство вокруг себя. Люди могли не замечать его, но они чувствовали его присутствие.

Теперь они шептались в переговорные трубы. В банке был патриций, и никто не вышел официально его поприветствовать! Это грозило неприятностями!

— Как поживает госпожа Ласска? — поинтересовался Витинари, словно не замечая нарастающего беспокойства.

— В отъезде, — отрубил Мокриц.

— А, понимаю, трест обнаружил очередного погребенного голема?

— Да.

— И он все еще исполняет приказы, отданные тысячи лет назад?

— Вероятно. В какой-то глуши.

— Неутомимая женщина, — радостно произнес Витинари. — Целый народ воскресает, поднимается из темноты на свет, чтобы вращать колеса торговли ради общего блага. Совсем как ты, господин фон Липвиг. Она делает очень полезное для города дело. Для города и для «Треста Големов».

— Да, — отозвался Мокриц, решив пропустить мимо ушей замечание о воскрешении.

— Ты как будто бы не согласен.

— Ну... — Мокриц стушевался, но отвечал: — Вечно она куда-то летит, потому что в какой-нибудь древней канализации обнаружили очередного голема...

— Летит не к тебе то есть?

— А в этот раз ее нет уже несколько недель, — продолжал Мокриц, проигнорировав комментарий, потому что Витинари, в общем, был прав. — И она не хочет признаваться, в чем дело. Только говорит, что это что-то очень важное. Что-то новое.

— Похоже, она занялась разработкой месторождения, — сказал Витинари. Он стал ритмично постукивать тростью по мраморному полу. Каждый удар отдавался звонким эхом. — Мне стало известно, что големы якобы занялись раскопками на гномьей земле по эту сторону Химерии, недалеко от торговой дороги. К превеликому, замечу, интересу гномов. Король сдал участок тресту внаем и хочет удостовериться, что ничего не пройдет мимо него.

— У нее неприятности?

— У госпожи Ласски? Ничуть. Зная ее, не исключено, что это у короля гномов неприятности. Надо сказать, она весьма... уравновешенная девушка.

— Ха! Вы и понятия не имеете насколько.

Мокриц решил, что нужно отправить Доре Гае клик-сообщение, как только он освободится. Ситуация с големами снова накалялась, и гильдии жаловались, что те отнимают у них рабочие места. Ей пора было возвращаться... к големам, разумеется.

Послышался тихий звук. Он доносился снизу и напоминал не то шум пузырьков воздуха в жид-

кости, не то характерное бульканье воды, льющейся из бутылки.

— Вы это слышите?

— Да.

— Знаете, что это?

— Будущее экономического планирования, — ответил лорд Витинари с видом если не взволнованным, то, во всяком случае, непривычно озадаченным. — Наверное, что-то стряслось, — проговорил он. — Господин Бент обычно выскальзывает в холл через считанные секунды после моего прихода. Надеюсь, с ним не приключилось ничего невеселого.

В дальнем конце холла разъехались двери большого лифта, и из них вышел человек. Долю секунды человек был взволнован и расстроен, что, вероятно, осталось не замеченным теми, кому никогда не приходилось читать лица из профессиональной необходимости, но это моментально прошло, он поправил запонки и нацепил на лицо благодушную улыбку человека, который вот-вот останется с твоими деньгами.

Господин Бент был во всех отношениях гладким и отутюженным. Мокриц ожидал увидеть на нем традиционный банкирский фрак, но он был одет в хорошо скроенный черный пиджак и брюки в полосочку. А еще господин Бент был неслышным. Его ступни, бесшумные даже на мраморе, казались необычайно крупными для такого щеголя, зато туфли, черные, лакированные и блестящие, как зеркало, были отлично пошиты. Возможно, ему хотелось покрасоваться ими, потому что он ступал, как лошадь на выездке, старательно отрывая каждую ногу от пола, прежде чем снова ее поставить. За исключением этой несообразности, господин Бент производил

впечатление человека, который тихо переживает в уголке, когда в нем нет необходимости.

— Лорд Витинари! Прошу прощения! — залепетал он. — Увы, было неоконченное дело...

Лорд Витинари встал.

— Господин Маволио Бент, позволь представить тебе господина Мокрица фон Липвига, — сказал он. — Господин Бент наш старший кассир.

— Ага! Изобретатель революционной необеспеченной однопенсовой банкноты? — Бент протянул Мокрицу худосочную руку. — Какая дерзость! Очень рад встрече, господин фон Липвиг.

— Однопенсовая банкнота? — переспросил Мокриц озадаченно. Господин Бент, несмотря на горячее приветствие, выглядел совсем не радостно.

— Ты меня совсем не слушал? — спросил Витинари. — Речь о *марках*, господин фон Липвиг.

— Валюта *де-факто*, — сказал Бент, и в голове у Мокрица все стало на свои места. Что ж, как ни крути, это было правдой. По его мысли марки должны были крепиться на письма, но люди в своем простодушии решили, что однопенсовая марка была просто облегченной и утвержденной правительством версией однопенсовой монеты, которую к тому же *можно было вложить в конверт*. Страницы газет были испещрены рекламными объявлениями организаций, которых развелось как сорняков на почве заманчиво компактных почтовых марок: «Познай глубинные секреты мироздания! Пришли 8 п. марок — и получи наш буклет!» Марки циркулировали вместо валюты, и многие из них так никогда не побывали изнутри почтового ящика.

Только что-то в улыбке Бента раздражало Мокрица. Вблизи она уже не казалась такой приветливой.

— А что значит «необеспеченная»?

— Что удостоверяет ваши притязания на то, что марка стоит пенни?

— Ну, если приклеить ее на письмо, ровно на столько оно уедет, — ответил Мокриц. — Не вижу, к чему ты...

— Господин Бент принадлежит к числу тех, кто свято верит в превосходство золота, господин фон Липвиг, — сказал Витинари. — Уверен, вы быстро найдете общий язык, как гномы с троллями. Здесь я тебя покину и буду с нетерпением ждать твоего, кхм, *положительного* ответа. Пойдем, Стукпостук. Господин фон Липвиг, заглянешь ко мне завтра, договорились?

Мокриц и Бент проводили их взглядами. Потом Бент посмотрел на Мокрица в упор.

— Полагаю, мне стоит все вам тут показать... сэр, — сказал он.

— Что-то мне подсказывает, что мы начали наше знакомство не лучшим образом, господин Бент, — сказал Мокриц.

Бент пожал плечами — впечатляющий маневр для такой поджарой фигуры. Как будто гладильная доска грозилась развернуться.

— Вы не давали поводов сомневаться в вас, господин фон Липвиг. Но мне кажется, что председатель банка и лорд Витинари затеяли опасную игру, а вы у них пешка, господин фон Липвиг, вы их инструмент.

— Речь о новом председателе?

— Совершенно верно.

— Не испытываю ни особого желания, ни намерения быть чьей-либо пешкой, — сказал Мокриц.

— Похвально, сэр, но происходящее происходит...

Снизу слышался звон разбитого стекла и чей-то приглушенный крик: «Проклятье! Вот тебе и пла-тежный баланс!»

— А приступим, пожалуй, к осмотру! — весело заявил Мокриц. — Начиная с того, что это сейчас было?

— Эта мерзость? — Бент содрогнулся. — Давайте отложим это, пока Хьюберт не приберется. О, вы только посмотрите. Какой кошмар...

Господин Бент пересек холл и остановился под большими парадными часами. Он посверлил их взглядом, как будто те нанесли ему смертельное оскорбление, и щелкнул пальцами, хотя один младший клерк уже мчался к нему со стремянкой. Господин Бент поднялся на лесенку, открыл циферблат и подвинул длинную стрелку на две секунды вперед. Часы тут же были захлопнуты, стремянка собрана, и счетовод вернулся к Мокрицу, поправляя запонки.

Он смерил Мокрица взглядом:

— Они отстают на минуту за неделю. Я один нахожу это оскорбительным? Увы, похоже на то. Начнем с золота, что скажете?

— О да, — сказал Мокриц. — Начнем.

Глава 2

Обещание золота — Люди из подсобок —
Сколько стоит пенни и зачем нужны вдовы —
Накладные такие накладные — Охрана и серьезный
подход к безопасности — Обаяние транзакций —
Сын многих отцов — Мнимая ненадежность ввиду
воспламенившегося исподнего —
Панорама мира и слепота господина Бента —
Сводная интерпретация

— Я как-то ожидал чего-то... большего, — протянул Мокриц, заглядывая через железные прутья в небольшое помещение, где хранилось золото. В раскрытых мешках и ящиках металл тускло мерцал в свете фонаря.

— Здесь почти десять тонн золота, — сказал Бент с укоризной. — Ему необязательно выглядеть больше.

— Но все эти слитки и мешки размером выходят чуть больше письменного стола!

— Золото очень тяжелое, господин фон Липвиг. Эталонный металл, и без малейших примесей, — сказал Бент. Левый его глаз дернулся. — Металл, который никогда не утратит своей славы.

— В самом деле? — спросил Мокриц, проверяя, не заперт ли выход.

— И к тому же единственная основа для стабильной финансовой системы, — продолжал господин Бент, а свет фонаря отражался от слитков и золотил его лицо. — В нем ценность! В нем достоинство! Без золотого якоря наступит хаос!

— Почему?

— Кто тогда определит ценность доллара?

— Но наши доллары ведь и так не из чистого золота?

— А, ну да. *Цвета* золота, если хотите, — сказал Бент. — Так, золотистые, в морской воде золота и то больше. Мы фальсифицируем собственную валюту! Какой позор! Нет более тяжкого преступления, чем это! — Глаз его снова дернулся.

— А... убийство? — предположил Мокриц. Да, дверь по-прежнему была открыта.

Господин Бент только отмахнулся.

— Убийство — вещь однократная, — сказал он. — А когда доверие к золоту оказывается подорвано, воцаряется хаос. Но нам пришлось на это пойти. Пусть эти богомерзкие монеты просто золотистые, зато это прочный символ настоящего золотого запаса. В своем убожестве они хотя бы констатируют главенство золота и нашу независимость от правительственных махинаций! Конкретно здесь хранится золота больше, чем в любом другом городском банке, и я единственный обладатель ключа от этих дверей! Ну и председатель, конечно, — прибавил он запоздало с явной завистью и неохотой.

— Я где-то читал, что монета — это символическое обещание банка выдать в обмен на нее доллар золота, — подсказал Мокриц.

Господин Бент сцепил руки в замок под носом и возвел глаза к небу, словно бы молясь.

— Теоретически да, — ответил он чуть погодя. — Я предпочитаю называть это неписанным соглашением: мы *не нарушим* нашего обещания обменять монету на золото, при том, конечно, условии, что на деле нас об этом просить не станут.

— То есть... это никакое не обещание?

— Разумеется, обещание, сэр, в финансовых кругах. В конце концов, все дело в доверии.

— То есть как это... у нас высокое шикарное здание — доверяйте нам?

— Вы вот шутите, господин фон Липвиг, но в ваших словах есть доля правды, — вздохнул Бент. — Понимаю, вам еще многому предстоит научиться. Вам повезло, что у вас есть я. Думаю, теперь вам будет интересно взглянуть на монетный двор. Все всегда хотят взглянуть на монетный двор. Сейчас двадцать семь минут и тридцать шесть секунд второго, так что обед уже должен подойти к концу.

Монетный двор напоминал собой пещеру. Это Мокрица порадовало. Монетный двор и должен освещаться живым огнем.

Главный холл был разбит на три яруса, в ряды зарешеченных окон понемногу проникал серый дневной свет. На этом базовая архитектура заканчивалась, и начинались подсобки.

Они были пристроены к стенам, они лепились как ласточкины гнезда к потолку, и к ним были приставлены деревянные лесенки сомнительной прочности. На неровном полу стоял целый поселок из подсобок, расположенных как попало, абсолютно разных на вид, неизменно защищенных крышами на невероятный случай дождя. В густом воздухе мягко струился дымок. У одной стены горел рыжим

пламенем кузнечный горн, создавая в помещении аутентичную атмосферу преисподней. Так должен выглядеть посмертный пункт назначения для грешников, совершавших мелкие и скучные грехи.

Но все это отступало на задний план. Центральным предметом интерьера была Мелкая Монета. Колесо было... своеобразным.

Мокрицу и раньше доводилось видеть топчаки. Такое колесо было в Танти — там заключенным, хотели они того или нет, давали возможность укреплять сердечно-сосудистую систему. Мокриц попутел там пару раз, пока не сообразил, как перехитрить систему. То была монструозная штукавина, тесная, массивная и гнетущая. Мелкая Монета была намного больше, но на первый взгляд как будто бы вовсе отсутствовала. Железный обруч издали казался до ужаса тонким. Мокриц сначала силился разглядеть спицы, но сообразил, что их там и не было, а вместо них были натянуты сотни тонких тросов.

— Я вроде и понимаю, что оно в рабочем состоянии, но... — начал он, разглядывая огромную коробку передач.

— Все в отличном состоянии, можно не сомневаться, — ответил Бент. — Там работает голем, который вращает колесо при необходимости.

— Но оно же вот-вот рассыпется!

— Вы полагаете? Я не компетентен что-либо на это ответить, сэр. А, вот и они...

Со всех подсобок и из дверей в хвосте здания к ним начали сходиться фигуры. Они шли медленно, настойчиво, видя перед собой одну ясную цель, как живые мертвецы.

В итоге Мокриц стал называть их про себя «люди из подсобок». Не все они были старыми, но даже

самые молодые из них как будто с юных лет приняли обличье среднего возраста. Оказывается, чтобы получить работу на монетном дворе, нужно было дожидаться, пока кто-нибудь умрет — подсобки, можно считать, передавались по наследству. Скрашивало такое мрачное положение дел то, что, когда вакансии открывалась, работу мог получить даже тот, кто был лишь немногим живее ее предыдущего обладателя.

Люди из подсобок работали в шлифовальной подсобке, фрезеровочной подсобке, отделочной подсобке, литейном цехе (две подсобки), службе безопасности (одна, но очень большая) и складской подсобке, которая была закрыта таким замком, что Мокриц открыл бы его одним чихом. Остальные подсобки оставались загадкой и, вероятно, были построены на всякий пожарный, вдруг кому-то в срочном порядке понадобится своя подсобка.

У людей из подсобок было и то, что здесь сходило за имена: Альф, Альф Младший, Индюк, Малыш Чарли, Король Генри... но у того, кто служил их посредником для общения с внешним миром, имелось полное имя.

— А это господин Теневик Восемнадцатый, господин фон Липвиг, — представил Бент. — Господин фон Липвиг... с визитом.

— Восемнадцатый? — переспросил Мокриц. — Вас таких еще семнадцать штук?

— Уже нет, господин, — ухмыльнулся Теневик.

— Господин Теневик — потомственный бригадир, сэр, — объяснил Бент.

— Потомственный бригадир... — тупо повторил Мокриц.

— Так и есть, господин, — сказал Теневик. — Господин фон Липвиг желает послушать историю?

— Нет, — заявил Бент категорично.

— Да, — заявил Мокриц, принимая его «категорично» и повышая до «выразительно».

— О нет, он, видимо, желает, — вздохнул Бент.

Господин Теневик улыбнулся.

Это была очень пространный история, и на ее рассказ ушло некоторое время. Мокрицу показалось, что успел бы пройти ледниковый период. Слова сыпались на него, как град, и некоторые, как град, оставляли отпечатки. Должность потомственного бригадира была учреждена сотни лет тому назад, когда распорядителем монетного двора становился по благу собутыльник текущего короля или патриция, и он использовал ее как кормушку и не ударял палец о палец, только иногда объявляясь с большим мешком, похмельем и многозначительным видом. Должность бригадира придумали, когда наконец стало доходить, что кому-то нужно вести дела, и желательно трезвым.

— То есть, по сути, главный здесь ты? — быстро вставил Мокриц, чтобы перекрыть поток ужасно интересных фактов о деньгах.

— Так и есть, господин. Временно. У нас уже сто лет не было распорядителя.

— И кто платит вам жалованье?

Повисла пауза, и потом господин Теневик ответил, обращаясь к нему, как к ребенку:

— Это монетный двор, господин.

— Вы сами изготавливаете себе жалованье?

— А кто ж еще, господин? У нас все официально, правда, господин Бент? У него и квитанции есть. Мы обходимся без посредников, вот и все.

— Зато дело у вас прибыльное, — оживился Мокриц. — Деньги небось лопатой гребете!

— В ноль с горем пополам выходим, господин, — ответил Теневик, как будто это было одно и то же.

— В ноль? Вы же монетный двор! — удивился Мокриц. — Как можно не получать прибыль, делая деньги?

— Да все эти накладные расходы, господин, — объяснил Теневик.

— Что, накладно?

— Не то слово, господин, — сказал Теневик. — Гиблое дело, гиблое. Понимаешь, какая штука, изготовить фартинг стоит полпенни, и пенни — изготовить полпенни. А пенни обходится в один пенни с фартингом. А шестипенсовик идет по два пенни фартинг, так что тут мы с прибылью. Полдоллара стоят семь пенсов, а на один доллар уходит всего шесть пенсов, уже прогресс, но это потому, что мы их прямо тут и чеканим. Самая засада с мелочью, там каких-то полфартинга выходят в шесть пенсов, потому что работа кропотливая, они ж мелкие, зарезы, еще и с дырочкой. Трехпенсовики — их у нас только пара ребят чеканит, куча работы, аж в семь пенсов обходится. О двухпенсовиках даже и говорить нечего!

— А что с двухпенсовиками?

— А я тебе скажу, что с двухпенсовиками! Когда сработано на совесть, оно обходится в семь целых и одну шестнадцатую пенса! И да, одна шестнадцатая пенса, бывает и такое, элим называется.

— Впервые о таком слышу!

— Ну откуда бы тебе слышать, такому джентльмену, но и такое бывает, господин. Прекрасная ве-

щичка, филигранные детали! Чекаются, согласно обычаю, вдовами, стоят по целому шиллингу, потому что работа больно тонкая. У старушек на каждую такую монетку по несколько дней уходит, сам понимаешь, зрение уже не то и всё такое, зато они пользу обществу приносят, им приятно.

— Но шестнадцатая часть пенни? Четверть фар-тинга? Что на это можно купить?

— Ты удивишься, господин, но есть места. Огарок свечи, картофелину — почти негнилую, — сказал Теневик. — Может, огрызок яблока, на котором даже что-то осталось. И, конечно, удобно бросать в ящики для пожертвований.

«И золото — это якорь?» — подумал Мокриц.

Он окинул взглядом просторное помещение. Тут работало порядка дюжины человек, если считать за человека и голема, к которым Мокриц научился относиться как к людям «по причине ценности, эквивалентной человеческой», и прыщавого юнца, раз-носившего чай, — его Мокриц не считал.

— Рабочих у вас совсем не много, — заметил он.

— Ну, тут-то мы делаем только серебряные и золотые...

— Золотистые, — быстро поправил Бент.

— ...золотистые монеты. И всякие редкости вроде медалей. Еще делаем заготовки для медяков, а все остальное делают внештатные сотрудники.

— Внештатные сотрудники? При монетном дворе?

— Так и есть, господин. Вдовы опять же. Работают на дому. Ха, ты что же, решил, что эти старушечки будут сюда таскаться? Да им две клюки нужно, чтобы на крыльцо выйти!

— Монетный двор — предприятие, где произво-

дят деньги, — обеспечивает население работой *на дому*? Не спорю, это очень прогрессивно, но... то есть тебе самому это не кажется странным?

— Да боги с тобой, господин, есть такие семейства, которые из поколения в поколение исправно делают по паре медяков за вечер! — рассказывал Теневик со счастливым видом. — Папаша чеканит, мамаша шлифует, детишки зачищают и полируют... таков обычай. Наши внештатные сотрудники — все как одна большая семья.

— Допустим, но каковы гарантии?

— Если они украдут хоть фартинг, то будут повешены, — сказал Бент. — Это расценивается как государственная измена.

— Это в какой же ты семье вырос? — ужаснулся Мокриц.

— Надо сказать, до такого никогда не доходило, потому что они не изменщики, — сказал Теневик, недобро глядя на Бента.

— А раньше в качестве первого предупреждения отрубали руку, — добавил этот семьянин.

— И сколько денег они получают? — спросил Мокриц осторожно, влезая между ними. — В смысле жалованья?

— Около пятнадцати долларов в месяц. Это кропотливый труд, — сказал Теневик. — Старушки, бывает, поменьше. Элимы часто идут в брак.

Мокриц поднял взгляд на Мелкую Монету. Она возвышалась над бетонной коробкой и вопреки своим размерам казалась хрупкой, как паутинка. Внутри колеса мерно шагал одинокий голем с грифельной доской на шее — это значит, он был из тех големов, которые еще не умели говорить. Мокриц задался вопросом, знают ли о нем в «Тресте Голе-

мов». Они там неплохо поднаторели в поисках големов.

Пока он смотрел, колесо постепенно остановило ход. Безмолвный голем замер.

— Ответь мне, — обратился Мокриц к бригадиру, — к чему возиться с золотистыми монетами? Почему бы не делать доллары, я не знаю, прямо из золота? Много у вас остается настрига и оплавки?

— Удивляюсь, как это джентльмен вроде тебя знает такие вещи, господин, — ответил тот ошеломленно.

— Меня живо интересует криминальная психология, — ответил Мокриц чуть быстрее, чем рассчитывал. И он не врал. Для самоанализа нужен особый талант.

— Здорово, господин. Ну да, ну да, знаем мы и эти хитрости, и многие другие! Мы это все проходили, вот те слово. И покраска, и наплавка, и забивка. Даже перечеканка с примесью желтой меди — чистейшая работа. Вот клянусь, господин, иной человек два дня будет хитрить и из кожи вон лезть, чтобы заработать столько денег, сколько можно получить честным трудом за один!

— Не может быть! Правда?

— Чтоб мне провалиться, господин, — подтвердил Теневик. — И какой нормальный человек станет этим заниматься?

«Еще совсем недавно — я бы стал, — подумал Мокриц. — Тогда было *веселее*».

— Я даже не знаю, — ответил он.

— В общем, в городском совете решили, чтобы доллары были золотистыми — ну а так, латунные они по большей части, потому что блестят красиво. Да, и их подделывают, но тут легко ошибиться,

а Стража спуска никому не дает, ну, и золото хотя бы никто не таскает, — сказал Теневик. — Вопросы есть, господин? А то, понимаешь, нам тут еще закончить надо до звонка, ведь если мы задержимся, то придется еще наделать денег, чтобы выплатить себе сверхурочные, а парни к ночи уже устанут, вот и выйдет, что мы будем зарабатывать деньги быстрее, чем успевать их делать, что может привести к ситуации, которую я иначе как дилеммой назвать не могу...

— Хочешь сказать, когда вы работаете сверхурочно, вам приходится работать сверхурочно, чтобы получить сверхурочные? — спросил Мокриц, по-прежнему недоумевая, до чего нелогичным может быть логическое мышление, если за ним стоит достаточно большая организация.

— Именно, господин, — ответил Теневик. — И это верный путь к безумию.

— И очень короткий, — кивнул Мокриц. — У меня только один вопрос, если не возражаешь. Как у вас обстоят дела с охраной?

Бент откашлялся:

— На монетный двор невозможно проникнуть снаружи после закрытия банка. По соглашению со Стражей, стражники не при исполнении по ночам патрулируют оба здания вместе с нашими собственными охранниками. Все, конечно, носят банковскую охранную униформу, потому что доспехи у Стражи никуда не годятся, зато их офицеры обеспечивают профессиональный подход, если вы понимаете.

«Ага, — подумал Мокриц, чье взаимодействие со стражами правопорядка было гораздо более плотным, нежели у Бента. — Деньги, возможно, и будут

в безопасности, но, бьюсь об заклад, расход кофе и карандашей у них невероятный».

— Я скорее имел в виду... в течение дня, — уточнил он. Люди из подсобок смотрели на него непонимающими взглядами.

— Ах, *это*, — протянул Теневик. — С этим мы сами справляемся. Дежурим. На этой неделе за охрану у нас Малыш Чарли. Чарли, покажи ему свой жезл!

Чарли достал из-под шинели большую палку и стеснительно поднял ее вверх.

— Раньше у нас был еще и значок, но мы его потеряли, — сказал Теневик. — Но это мелочи, мы ведь и так знаем, кто у нас охранник. А перед уходом он всегда напоминает нам ничего не красть.

Повисла тишина.

— Что ж, больше вопросов не имею, — сказал Мокриц, потирая руки. — Благодарю, господа!

И они разошлись, все по своим подсобкам.

— Не думаю, что много, — проронил господин Бент, провожая их взглядом.

— Хм? — переспросил Мокриц.

— Вам, наверное, любопытно, сколько денег уходит отсюда вместе с ними.

— Хм, да.

— Не думаю, что много. Говорят, со временем деньги становятся для них просто... вещью, — сказал главный кассир, провожая Мокрица обратно в банк.

— Сделать пенни стоит дороже пенни, — пробормотал Мокриц. — Мне одному кажется, что что-то тут не так?

— Зато когда пенни уже сделан, он *продолжает* быть пенни. В этом его очарование.

— Разве? Это — медный кругляшок. Какие у него еще варианты?

— Любые, — ответил Бент без запинки. — Он может стать яблоком, оглоблей от телеги, парой шнурков, пучком сена, часом театрального представления. Может даже стать маркой и отправить письмо, господин фон Липвиг. Его могут потратить триста раз, а он — вот оно, самое интересное — так и останется одним пенни, готовым уйти в оборот снова и снова. Это вам не яблоко, которое вскоре испортится. Его ценность стабильна и непоколебима. Его нельзя поглотить. — В глазах господина Бента блеснул опасный огонек, и один глаз дернулся. — А все потому, что если копнуть глубже, то стоит он малую толику того самого вечного золота!

— Но это просто кусок металла. Если бы мы использовали яблоки вместо монет, то яблоки хотя бы можно было есть, — сказал Мокриц.

— Да, но яблоко можно съесть лишь однажды. А пенни — это в своем роде нескончаемое яблоко.

— Которое нельзя съесть. А из яблока можно вырастить дерево.

— И деньги можно использовать, чтобы получить больше денег.

— Да, но откуда получить больше золота? Алхимики разводят руками, гномы не отдают то, что есть у них, агатяне своим тоже не поделятся. Почему не перейти на серебряный стандарт? Так делают в Бангбангдуке.

— Конечно, делают, они же иностранцы, — сказал Бент. — Но серебро чернеет. Золото — единственный нетускнеющий металл. — И снова этот тик: золото явно вцепилось в него мертвой хваткой. —

Вы уже достаточно насмотрелись, господин фон Липвиг?

— Даже немного слишком.

— Тогда следуйте за мной, я познакомлю вас с председателем.

Следуя за отрывисто шагавшим господином Бен-том, Мокриц поднялся на два пролета мраморной лестницы и пошел за ним по коридору. Они остановились у двойных дверей темного дерева, и господин Бент постучал, и не один раз, а перестуком, похожим на условный знак. Потом он очень осторожно отворил дверь.

Просторный председательский кабинет был неброско обставлен дорогой мебелью. Наличествовали в изобилии бронза и латунь. Не исключено, что последнее из дошедших до наших дней дерево исчезающей экзотической породы было срублено и пущено на председательский стол, таких размеров, что в нем можно было кого-нибудь похоронить. О таком столе можно было только мечтать. Он отливал темно-темно-зеленым и воплощал собой властность и неподкупность. Мокриц ни минуты не сомневался, что стол врал.

В латунном лотке для документов сидела крошечная собачонка, но только после слов Бента «Господин фон Липвиг, госпожа председатель» Мокриц понял, что за столом сидел кто-то еще. Над столом едва виднелась голова миниатюрной престарелой седовласой дамы. На столе по обе стороны от нее сверкали стальным блеском в этой обители золота два заряженных арбалета на шарнирах. Дама только что сняла с рукояток свои худые ручонки.

— Ах, какое счастье, — зашебетала она. — Я — госпожа Шик. Присаживайся, господин фон Липвиг.

Он присел, стараясь оставаться за пределами радиуса поражения, и собачонка соскочила к нему на колени с бурным, но небезопасным для его паха энтузиазмом.

Это была самая крохотная и уродливая собачонка, какую Мокрицу доводилось видеть. Она смахивала на аквариумную рыбку с вечно выпученными глазами, которые грозили выскочить из орбит. Нос у собаки, напротив, был как будто вдавлен. Она громко сопела, и у нее были кривые лапы, которые наверняка заплетались при ходьбе.

— Это Шалопай, — сказала дама. — Обычно он не любит посторонних. Впечатляюще, господин фон Липвиг.

— Здравствуй, Шалопай, — сказал Мокриц.

Шавка твякнула и покрыла лицо Мокрица отборными слюнями.

— Ты ему нравишься, — отметила госпожа Шик с одобрением. — Попробуй угадать породу.

Мокриц вырос среди собак и хорошо разбирался в породах, но в случае Шалопая он не знал, что и сказать. Он решил говорить прямо.

— Все сразу? — предположил он.

Госпожа Шик рассмеялась, и ее смех звучал лет на шестьдесят моложе ее самой.

— Совершенно верно! Его мать была мопстерьером, в прошлом очень популярная порода в королевских домах, но однажды она убежала, всю ночь стоял дикий лай, так что, боюсь, Шалопай, бедняжка, дитя многих отцов.

Шалопай обратил свои проникновенные глаза на Мокрица, и у него на морде появилось напряженное выражение.

— Бент, у Шалопая возникли затруднения, — сказала госпожа Шик. — Будь добр, своди его в сад на прогулку. Мне кажется, младшие клерки уделяют ему слишком мало времени.

Мрачные тучи стремительно промелькнули на лице старшего кассира, но он послушно снял с крючка красный поводок.

Пес зарычал.

Бент взял пару плотных кожаных перчаток и ловко натянул их. Под нарастающее рычание он осторожным движением подобрал собаку и взял ее под мышку. Не проронив ни слова, он удалился.

— Значит, ты и есть знаменитый главный почтмейстер, — сказала госпожа Шик. — Человек в золотом костюме. Но, вижу, не сегодня. Подойди сюда, юноша, дай погляжу на тебя при свете.

Мокриц подошел, и старушка неуклюже встала из-за стола, обеими руками опираясь на тросточки с набалдашниками из слоновой кости. Поднявшись, она отбросила одну трость и ухватила его за подбородок. Старушка пристально вглядывалась в Мокрица, так и эдак поворачивая его голову.

— Хм, — сказала она, отступив назад. — Так я и думала...

Второй тростью Мокрица ударило по ногам и подкосило, как травинку. Он распластался на ворсистом ковре госпожи Шик, которая тем временем торжествующе продолжала:

— Ты вор, жулик, аферист и вообще прохиндей! Сознавайся!

— Вовсе нет! — слабо запротестовал Мокриц.

— И лжец в придачу, — веселилась госпожа Шик. — Еще и самозванец небось! О, избавь меня от этого невинного взгляда. Я назвала тебя плутом, господин! Я бы тебе и ведра воды не доверила, даже если бы у меня исподнее загорелось!

Она с силой ткнула Мокрица палкой в грудь.

— Ну и что ты тут разлегся? — фыркнула она. — А ну-ка подъем. Я же не сказала, что ты мне не нравишься!

Голова у Мокрица шла кругом, но он осторожно поднялся с пола.

— Дай руку, — сказала госпожа Шик. — Господин почтмейстер, ты — настоящая находка! Дай сюда, говорю!

— Что? А... — Мокриц взял старушку за руку. Все равно что обменяться рукопожатием с холодным пергаментом.

Госпожа Шик рассмеялась:

— Да, да! Точь-в-точь решительная и ободряющая хватка моего покойного супруга. Ни один честный человек не может похвастаться таким честным рукопожатием. И как ты до сих пор не открыл для себя финансовый сектор?

Мокриц огляделся. Они были одни, ноги у него болели, а некоторых людей невозможно провести. Понятно, с кем он имеет дело. «Бойкая старушонка», модель № 1, характеристики: гусиная шея, беззастенчивое чувство юмора, азарт при нанесении незначительного физического вреда, склонность прямо выражаться, умение строить диалоги и, что важно отметить, глазки. Ни за что не признает «ле-ди». Попробует все, что не будет грозить падением, и взгляд говорит: «Что хочу, то и делаю, потому что я старая. Питаю слабость к шельмецам». Обмануть

таких старушек сложно, но в этом и нет необходимости. Мокриц расслабился. Как приятно иногда просто сбросить маску.

— Во всяком случае, я не самозванец, — сказал он. — Мокриц фон Липвиг — мое нареченное имя.

— Да уж, такое вряд ли добровольно с собой сделаешь, — ответила госпожа Шик, возвращаясь на свое место. — Однако ты как будто дуришь всех сразу и непрерывно. Сядь, господин фон Липвиг, я не укушу, — последние слова были сказаны с видом, сообщавшим: «Но дай мне полбутылки джина и пять минут на поиски вставной челюсти, и там видно будет!» Она указала на стул рядом.

— Как? Я думал, ты выставишь меня за порог! — решил подыграть Мокриц.

— С чего бы это?

— За все вышеперечисленное.

— Я же не сказала, что считаю тебя плохим человеком, — возразила госпожа Шик. — И Шалопая ты понравился, а он очень хорошо разбирается в людях. К тому же ты сотворил чудеса с Почтамтом, вот и Хэвлок так считает. — Госпожа Шик опустила руку и поставила на стол большую бутылку джина. — Выпьешь, господин фон Липвиг?

— Э, нет, сейчас не время.

Госпожа Шик хмыкнула:

— Ну, времени у меня осталось немного, а вот джина — достаточно. — Мокриц смотрел, как она наливала в стакан дозу джина, граничащую со смертельной.

— Есть ли у тебя дама сердца? — спросила она, поднимая стакан.

— Да.

— Она знает, что ты за человек?

— Да. Я все время ей повторяю.

— Не верит, значит? Таковы они, эти влюбленные девушки, — вздохнула госпожа Шик.

— Я сомневаюсь, что это ее вообще беспокоит. Она не самая типичная девушка.

— Ах, она видит твой внутренний мир? Или тот тщательно выстроенный внутренний мир, который ты позволяешь видеть другим людям, а? Такие, как ты... — Она задумалась. — ...такие, как *мы*, всегда держат наготове как минимум один внутренний мир для любопытных гостей, не так ли?

Мокриц оставил это без ответа. Беседовать с госпожой Шик было все равно что смотреться в волшебное зеркало, которое обнажало тебя до самого скелета. Он только сказал:

— Почти все ее знакомые — големы.

— Да? Большие, сильные люди из глины, которые надежны, как никто на свете, и ничем не могут похвастаться ниже пояса? И что же она находит в *тебе*, господин фон Липвиг? — Она ткнула в него сухим, как соломинка, пальцем.

У Мокрица отвисла челюсть.

— Очевидно, контраст, — ответила госпожа Шик и похлопала его по руке. — Хэвлок направил тебя к нам, чтобы ты объяснил мне, как управлять моим банком. Зови меня Тилли.

— Ну, я...

Объяснить ей, как управлять ее банком? *Такого* ему не говорили.

Тилли подалась вперед.

— Я ничего не имела против Карамельки, между прочим, — сказала она, чуть понизив голос. — Славная девочка, правда, тупая, как детские ножницы. Она была у него не первой и далеко не единствен-

ной. Я и сама когда-то ходила у Джошуа в любовницах.

— Правда? — Мокриц понимал, что ему придется выслушать все от начала и до конца, хотелось ему того или нет.

— О да, — ответила Тилли. — Люди тогда были *понимающие*. Все это было вполне приемлемо. Раз в месяц мы чаевничали с его женой, чтобы составить график, и она всегда повторяла, что только рада стряхнуть его со своей шеи. Конечно, тогда от любовницы требовалось иметь какое-никакое образование. — Она вздохнула. — Сейчас, увы, умения кружиться вверх ногами вокруг шеста уже достаточно.

— Стандарты падают во всех отношениях, — сказал Мокриц. Это был безошибочный ход. Стандарты всегда падали.

— С банковским делом примерно то же самое, — проговорила Тилли, как бы размышляя вслух.

— Не понял?

— Сама цель фактически остается прежней, но ведь нужен и стиль, ты не находишь? Нужен хороший вкус. Нужен свежий взгляд. Нужно мастерство, а не банальное выполнение обязанностей. Хэвлок говорит, ты в этом понимаешь толк. — Она посмотрела на Мокрица вопросительно. — В конце концов, удалось же тебе сделать из Почтамта какое-то даже героическое предприятие. Люди часы сверяют по прибытию экспресса из Орлеи. Раньше сверяли календари!

— Клики все еще терпят убытки, — заметил Мокриц.

— Крайне незначительные, при этом всячески обогащая род людской, и сборщики налогов Хэвлока тоже с пустыми руками не останутся, можешь

не сомневаться. Ты умеешь воодушевлять, господин фон Липвиг.

— Ну, я... наверное, да, — выдавил он. — Я знаю, что, если хочешь продать сосиску, нужно сперва продать шипение сковородки.

— Верно, верно, — сказала Тилли. — Но ты же понимаешь, что как бы хорошо ни продавалось шипение, рано или поздно придется предъявить сосиску, а? — Она подмигнула ему так, что женщина угодила бы за это под арест.

— В этой связи, — продолжала она, — припоминаю, как боги однажды указали тебе на зарытый клад, благодаря которому удалось восстановить Почтамт. Что там на самом деле произошло? Можешь все рассказать Тилли.

Он решил, что действительно может, и заметил, что хоть ее волосы заметно поредели и почти побелели, в них еще сохранился потускневший оранжевый оттенок, намекавший на более сочную рыжину в прошлом.

— Это был мой схрон со сбережениями за годы мошенничества, — ответил он.

Госпожа Шик захлопала в ладоши.

— Замечательно! Вот тебе и сосиски! Одно удовольствие! У Хэблока всегда было чутье на людей. У него большие планы относительно города, знаешь ли.

— Подземный проект. Да, я слышал.

— Подземные улицы, доки, все-все-все. А для этого государству нужны деньги, а деньгам нужны банки. Но увы, люди утратили веру в банки.

— Почему?

— Потому что мы все время теряем их деньги. Чаще всего не специально. За последние годы мы

пережили много потрясений. Крах 88-го, Крах 93-го, Крах 98-го... Хотя последнее было скорее встречной. Мой покойный супруг был склонен давать необдуманные ссуды, так что мы погрязли в долгах, которые нужно выплачивать, и это далеко не единственное последствие его сомнительного правления. Дошло до того, что деньги у нас теперь хранят одни старушки, потому что они всю жизнь так делали, а молодые кассиры все такие же учтивые, и у входа все так же стоит миска с водой, чтобы их собачки могли напиться. Ты можешь что-нибудь с этим сделать? Запас старушек уже иссякает, об этом я знаю, как никто.

— Хм, ну, у меня есть пара мыслей, — сказал Мокриц. — Но я еще не до конца пришел в себя. Я плохо понимаю, как работают банки.

— Ты никогда не пользовался услугами банков?

— С их ведома? Нет, никогда.

— Как, по-твоему, они работают?

— Ну, вы берете деньги у богачей, одалживаете под процент адекватным клиентам и возвращаете как можно меньше этих самых процентов.

— Да, а кто такие адекватные клиенты?

— Это те, кто может доказать, что деньги им не нужны.

— А ты циник! Но основную мысль уловил верно.

— Стало быть, никаких бедняков?

— Не в банках же, господин фон Липвиг. Только люди с доходом выше ста пятидесяти долларов в год. Для остальных были изобретены чулки и матрацы. Мой покойный супруг говаривал, что единственный способ заработать на бедняках — это не мешать им оставаться бедняками. С ним не всегда

было приятно вести дела. Какие еще будут вопросы?

— Как ты стала председателем банка? — спросил Мокриц.

— Председателем и управляющим, — гордо поправила Тилли. — Джошуа любил все держать под контролем... о да, это он любил, — добавила она сама себе. — И теперь я сижу здесь за двоих из-за древнего колдунства под названием «получи в наследство пятьдесят процентов акций».

— Мне казалось, это колдунство составляет пятьдесят один процент акций, — сказал Мокриц. — Разве остальные акционеры не могут вынудить...

В дальнем конце кабинета открылась дверь, и вошла высокая женщина в белом, с подносом в руках, прикрытым салфеткой.

— Пора пить лекарство, госпожа Шик, — сказала женщина.

— Мне от него никакой пользы, сестра! — отрезала Тилли.

— Ты же знаешь, что врачи запретили тебе пить спиртное, — сказала сиделка и укоризненно посмотрела на Мокрица. — Больше ей не наливать, — повторила она, как будто у него с собой было еще несколько бутылок.

— А я говорю, больше никаких врачей! — воспротивилась госпожа Шик и заговорщически подмигнула Мокрицу. — Это мои так называемые приемные детки платят за лечение, можешь себе представить? Они хотят меня отравить! А сами всем трезвонят, будто я сошла с ума...

В дверь постучали — не столько спрашивая разрешения войти, сколько заявляя о намерении. Госпожа Шик двигалась с завидной скоростью: когда

дверь открылась, арбалеты уже были нацелены на вход.

Вернулся господин Бент, держа под мышкой Шалопая, который все еще рычал.

— Пять раз, господин Бент, я же сказала! — закричала госпожа Шик. — Я же могла застрелить Шалопая! Ты считать не умеешь?

— Прошу меня извинить, — сказал господин Бент, аккуратно поместив Шалопая на поднос. — И я *умею* считать.

— Кто тут у нас маленький Шалопай? — спросила госпожа Шик, и песик чуть не лопнул от взбодраженного восторга при виде хозяйки, с которой расстался целых десять минут назад. — Ты был хорошим мальчиком? Был он хорошим мальчиком, господин Бент?

— Да, мадам. Чрезвычайно. — В замороженной змее и то было бы меньше льда и яда. — Могу я теперь вернуться к своим прямым обязанностям?

— Господин Бент думает, что я не умею управлять банком, да, Шалопай? — просюсюкала госпожа Шик. — Глупый господин Бент, правда? Да, господин Бент, можешь идти.

Мокриц вспомнил старую бангбангдукскую поговорку: «Когда старухи что-то зловеще нашептывают своим собакам, собаки становятся ужином». Она показалась ему как нельзя кстати в этот момент, и момент этот был не лучшим для разговоров.

— Что ж, был рад встрече, госпожа Шик, — сказал он, поднимаясь. — Я... все обдумую.

— Он уже был у Хьюберта? — спросила госпожа Шик у собаки. — Он должен повидать Хьюберта перед уходом. Кажется, финансы его чуть-чуть сму-

щают. Отведи его к Хьюберту, господин Бент. Хьюберт так понятно все объясняет.

— Как прикажете, мадам, — ответил Бент, бросая свирепые взгляды на Шалопая. — Уверен, что после объяснений Хьюберта о денежных потоках он уже не будет чуть-чуть смущен. Ступайте за мной, господин фон Липвиг.

Бент не проронил ни слова, пока они спускались вниз. Он отрывал свои огромные стопы от пола с такой сосредоточенностью, как будто вокруг были рассыпаны иголки.

— А госпожа Шик — заводная старушенция, да? — начал Мокриц.

— Полагаю, ее можно смело назвать «эксцентричной особой», сэр, — мрачно отозвался Бент.

— Назойливая, наверное?

— Без комментариев, сэр. Госпоже Шик принадлежит пятьдесят один процент акций в моем банке.

«В *его* банке», — отметил Мокриц.

— Странно, — сказал он вслух. — Она мне только что сказала, что у нее пятьдесят процентов акций.

— Собака, — ответил Бент. — Собака владеет одним процентом, который завещал ей покойный сэр Джошуа, а госпожа Шик владеет собакой. У покойного сэра Джошуа было, что называется, злое чувство юмора.

«Значит, собака — совладелец банка, — думал Мокриц. — Какие, однако, весельчаки эти Шики».

— Я так понимаю, ты вряд ли находишь это смешным, господин Бент, — сказал он.

— Я счастлив сообщить, что нисколько не нахожу это смешным, сэр, — ответил Бент, когда они достигли нижней ступеньки. — У меня попросту отсутствует чувство юмора. Напрочь. Это доказано

френологией. У меня синдром Нихтлахена—Кайнворца, который по какой-то непонятной причине считается тяжким недугом. Я же, напротив, считаю его подарком судьбы. Я рад, что вид толстяка, поскользнувшегося на банановой кожуре, кажется мне лишь злополучным происшествием, которое подчеркивает важность грамотного избавления от домашних отходов.

— А ты пробовал... — начал Мокриц, но Бент жестом прервал его:

— Умоляю! Повторяю, я не считаю это проблемой! И, говоря откровенно, меня раздражает, когда люди так к этому относятся! Пожалуйста, не нужно пытаться рассмешить меня, сэр! Не будь у меня ног, стали бы вы уговаривать меня бегать? Я всем доволен, спасибо большое!

Он остановился перед очередными дверями, немного успокоился и ухватился за ручки.

— А теперь позвольте продемонстрировать вам, где вершатся... осмелюсь сказать, *серьезные* дела, господин фон Липвиг. Раньше это называлось бухгалтерией, но лично я предпочитаю считать это... — он потянул на себя, и двери величественно распахнулись, — ...своим миром.

Мокриц был под впечатлением. И впечатление это было: ад в тот день, когда там закончились спички.

Он провел взглядом по ряду согбленных спин. Никто не оторвался от лихорадочной писанины.

— В этих стенах я не терплю счетных досок, палочек и прочих бездушных устройств, господин фон Липвиг, — сказал Бент, ведя его по проходу между столами. — Человеческий мозг *способен* быть непогрешимым в мире чисел. Мы сами их изобрели, разве

может быть иначе? Мы все здесь неутомимы, неутомимы... — Одним ловким движением Бент извлек из лотка с документами на ближайшем столе листок, пробежал его взглядом и, ворча, бросил на место. Это могло означать как одобрение в адрес хорошо постаравшегося клерка, так и разочарование оттого, что он не нашел к чему придраться.

Листок был испещрен вычислениями, уследить за которыми простому смертному беглым взглядом было ну никак невозможно. Но Мокриц не сомневался, что Бент принял в расчет каждую циферку.

— Здесь, в этой конторе, мы в самом сердце банка, — произнес старший кассир с гордостью.

— В сердце, — повторил за ним Мокриц.

— Здесь мы вычисляем проценты, и издержки, и кредиты, и расценки, и... да все на самом деле. И не допускаем ошибок.

— Что, никогда?

— Ну, почти никогда. Некоторые личности иногда и ошибаются, — согласился Бент брезгливо. — К счастью, все вычисления проверяю я. Мимо меня не проскочит ни одна ошибка, уж будьте уверены. Ошибка, сэр, хуже греха, по той причине, что грех нередко дело мнения, или точки зрения, или даже неверно выбранного момента, тогда как ошибка — это факт, и она вопиет об исправлении. Вижу, вы старательно сдерживаете ухмылку, господин фон Липвиг.

— Да? То есть нет. Я? — пролепетал Мокриц. Проклятье. Он забыл об одном из важнейших правил: если ты внимательно за кем-то наблюдаешь, будь осторожен, чтобы за тобой столь же внимательно не наблюдали в ответ.

— И все же вы в замешательстве, — сказал Бент. — Вы орудуете словами и, говорят, хорошо с ними управляетесь, но слова податливы, и, если язык у вас хорошо подвешен, в них можно уложить любой смысл. А цифры непоколебимы. Да, их можно подтасовать, но их суть останется неизменной. Три — это три. Вы не уговорите тройку побыть четверкой, даже если осыпать ее поцелуями.

Откуда-то из глубины зала послышался тихий, сдавленный смешок, но господин Бент не обратил на него внимания.

— И они не прощают. Мы работаем не покладая рук, делаем нужное дело, — сказал он. — И вот здесь мое место, в самом центре...

Они подошли к высокой ступенчатой платформе в центре зала. В этот момент мимо них уважительно проскользнула худая женщина в белой блузе и черной юбке и бережно положила стопку бумаг в уже переполненный лоток. Она бросила взгляд на господина Бента, который сказал: «Спасибо, госпожа Драпс». Он был слишком увлечен описанием прелестей площадки, на которой полукругом громоздился рабочий стол сложной конструкции, чтобы заметить выражение, промелькнувшее на ее бледном личике. Но Мокриц заметил и прочитал там тысячу слов, которые наверняка были записаны в ее дневнике и никогда-никогда не произносились вслух.

— Видите? — спросил старший кассир нетерпеливо.

— А? — переспросил Мокриц, наблюдая, как женщина убегает прочь.

— Вот здесь, видите? — Бент присел и указал вниз с выражением лица, подозрительно похожим на воодушевление. — С помощью этих педалей я мо-

гу передвигать стол так, чтобы видеть любую точку в зале! Всю панораму моего маленького мирка. Ничто не останется незамеченным!

Он стал яростно крутить педали, и вся платформа затряслась, поворачиваясь вокруг своей оси.

— Работает на двух скоростях, как видите, потому что здесь совершенно гениальное...

— Действительно, мало что останется незамеченным, — сказал Мокриц, когда госпожа Драпс села на свое место, — но мне жаль, что я отрываю тебя от работы.

Бент бросил взгляд на кипу бумаг на столе и отрывисто пожал плечами.

— Это? Это много времени не отнимет, — сказал он, поставив платформу на ручной тормоз, и встал с места. — К тому же мне было важно сначала показать вам, что мы в действительности собой представляем, потому что теперь я должен отвести вас к Хьюберту. — Он кашлянул.

— Хьюберт — не то, что вы собой представляете? — догадался Мокриц, и они отправились обратно в центральный холл.

— Уверен, намерения у него самые лучшие, — ответил Бент, позволяя словам повиснуть в воздухе, как петля.

В холле царило благородное затишье. Несколько человек стояли у окошек, пожилая дама смотрела, как ее собачка пьет воду из медной миски у входа, и все сказанные слова произносились, как подобает, вполголоса. Мокриц ничего не имел против денег, он их очень даже любил, но не тогда, когда о них можно было говорить только тихонько, чтобы слу-

чайно не разбудить. Здесь когда деньги говорили, то шепотом.

Старший кассир открыл маленькую и отнюдь не парадную дверь под лестницей, почти незаметную за горшками с растениями.

— Будьте осторожны, здесь вечно мокрый пол, — предупредил он и спустился по широким ступенькам в самый роскошный подвал, который Мокрицу доводилось видеть. Величественные каменные арки подпирали мозаичные потолки, убегавшие во тьму. Повсюду были свечи, а в отдалении что-то сверкало и заливало колоннаду синевато-белым свечением.

— Это место было криптой храма, — сказал Бент, указывая дорогу.

— То есть банк неспроста похож на храм?

— Да, здание было построено под храм, но никогда не использовалось с этой целью.

— Серьезно? — сказал Мокриц. — Какому богу он был посвящен?

— Как выяснилось, никакому. Почти девятьсот лет назад король Анка просто велел построить храм, — сказал Бент. — Полагаю, это был пример спекулятивного строительства. Иными словами, с богом он не определился.

— Он надеялся, что какой-нибудь да объявится?

— Именно, сэр.

— Как синица, что ли? — спросил Мокриц, озираясь. — И все это сооружение было у него вроде божественной кормушки?

Бент вздохнул:

— Вы образно выражаетесь, господин фон Лип-виг, но думаю, в ваших словах есть доля правды. Ничего не вышло. Потом здание использовали под

Делай деньги!

склад на случай осады города, потом под крытый рынок, и далее по списку, пока здание не перешло Йокателло Ла Виче после того, как городские власти не вернули кредит. Все это записано в городских анналах. Не правда ли, совокупления восхитительны?

После долгой паузы Мокриц осмелился спросить:

— Да?

— А вы не согласны? Здесь их больше, чем во всем городе.

— Правда? — Мокриц нервно оглянулся по сторонам. — Э, сюда приходят в какое-то определенное время?

— Как правило, в часы работы банка, но мы пускаем группы и по особой договоренности.

— Знаешь, — сказал Мокриц, — мне кажется, я где-то утратил нить беседы.

Бент взмахом обвел потолки.

— Я говорю об этих изумительных сводах, — сказал он. — Слово образовано от «совокупность» и «скопление».

— А! Да? Ясно! — сказал Мокриц. — Не удивлюсь, если немногие об этом знают.

И тогда Мокриц увидел мерцающего под сводами Хлюпера.

Глава 3

Хлюпер — Настоящий Хьюберт — Один, но очень
большой матрац — Несколько слов о туризме —
Глэдис готовит сэндвич — Отдел слепых писем —
Наследники госпожи Шик — Зловещее письмо —
Аварийный план — Еще одно зловещее письмо,
и куда более зловещее, чем предыдущее —
Господин фон Липвиг ошибается каретой

Мокриц видел стеклодувов за работой и изумлялся их мастерству, как может изумляться только человек, мастерски владеющий лишь словом. Возможно, здесь потрудились именно такие мастера. Заодно со своими Злыми Двойниками из гипотетического параллельного мира — стеклодувами, продавшими души своему плавкому богу за талант выдувать из стекла спирали, и хитроумные перекрещивающиеся бутылки, и фигуры, которые казались совсем близко и в то же время так далеко. Жидкость бурлила, плескалась и — да — хлюпала в стеклянных трубах. В воздухе пахло солью.

Бент подтолкнул Мокрица, указал на несуразную деревянную вешалку и молча протянул ему длинный желтый клеенчатый плащ и такую же непромокаемую шляпу. Сам он уже успел облачиться

в этот костюм и, словно по волшебству, добыл где-то зонтик.

— Это — «платежный баланс», — объяснил он, когда Мокриц натянул плащ. — И он никогда не сходится.

Где-то послышался грохот, и на них дождем полилась вода.

— Что я говорил? — добавил Бент.

— Что оно делает? — спросил Мокриц.

Бент закатил глаза.

— Черти знают, боги догадываются, — сказал он. — Хьюберт, — позвал он громче. — У нас гости!

Плеск стал ближе, и из-за угла стеклянного сооружения показалась фигура.

Справедливо или нет, но Хьюберт — одно из тех имен, к которым всегда мысленно подрисовываешь картинку. Хьюберты могут быть высокими, могут быть худыми — Мокриц ни на чем не настаивал, но этот Хьюберт выглядел как самый настоящий Хьюберт, то есть был упитанным коротышкой. У него были рыжие волосы — необычная, по опыту Мокрица, черта для стандартной модели Хьюберта. Густая шевелюра топорщилась у него на голове, как щетина на кисточке. На высоте пяти дюймов от черепа они были обрезаны при помощи садовых ножниц и ватерпаса. На эту голову можно было поставить чашку с блюдцем.

— Гости? — нервно переспросил Хьюберт. — Чудно! К нам сюда нечасто заглядывают! — На Хьюберте был длинный белый халат, и из нагрудного кармана торчали карандаши.

— Неужели? — протянул Мокриц.

— Хьюберт, знакомься, господин фон Липвиг, — сказал Бент. — Он здесь для того... чтобы узнать о нас побольше.

— Мокриц, — сказал Мокриц и выступил вперед с протянутой рукой и лучшей своей улыбкой.

— Ой, мои извинения, нужно было повесить плащи ближе к двери, — запричитал Хьюберт. Он осмотрел руку Мокрица, как некий любопытный прибор, и осторожно пожал ее.

— Ты застал нас не в лучшей форме, господин фон Липвиг, — сказал он.

— Неужели? — спросил Мокриц, продолжая улыбаться. Он все гадал, *почему* волосы Хьюберта стоят торчком. Клеем он их, что ли, мажет?

— Господин фон Липвиг у нас главный почтмейстер, Хьюберт, — объяснил Бент.

— О, вот как. Я в последнее время редко выхожу из подвала, — сказал Хьюберт.

— Неужели? — повторил Мокриц, улыбаясь уже несколько натянуто.

— Да, мы ведь так близки к идеалу, — сказал Хьюберт. — Я уверен, что еще чуть-чуть и...

— Господин Хьюберт полагает, что сей... аппарат — сродни хрустальному шару, который показывает будущее, — пояснил Бент, закатывая глаза.

— *Вероятные* будущие. Желает ли господин фон Липка увидеть аппарат в действии? — спросил Хьюберт, дрожа от усердия и энтузиазма. Только бессердечный человек смог бы ему отказать, поэтому Мокриц предпринял героическую попытку изобразить, что именно это и было пределом его мечтаний.

— С удовольствием, — воскликнул он. — Но что конкретно это за аппарат?

Слишком поздно он заметил знаки. Хьюберт вцепился в лацканы своего халата, словно обращаясь к аудитории, и весь раздулся от нетерпения на-

чать разговор или по крайней мере монолог, полагая, что это одно и то же.

— Хлюпер, как мы тут между собой выражаемся, — это то, что я называю, цитата, аналоговым устройством, конец цитаты. Он решает задачи не путем отношения к ним как к числовым примерам, но реально дублируя их в формате, которым мы можем управлять: в данном случае денежный поток, циркулирующий внутри города, становится потоком воды, обращающимся в стеклянной матрице — Хлюпере. Геометрическая форма определенных сосудов, функционирование клапанов и, осмелюсь сказать, гениальные опрокидывающиеся ковши и винты для подачи воды позволяют Хлюперу симулировать самые сложные транзакции. Мы также можем калибровать исходные условия, чтобы изучить законы, лежащие в основе экономики. К примеру, можно выяснить, что произойдет, если сократить рабочую силу в городе вдвое, просто подкрутив пару клапанов, вместо того чтобы идти на улицы и убивать жителей.

— Огромный шаг вперед! Bravo! — отчаянно воскликнул Мокриц и зааплодировал.

Никто не присоединился. Он сунул руки в карманы.

— О, возможно, ты предпочтешь менее, э, радикальный пример? — предложил Хьюберт.

Мокриц закивал.

— Да, — сказал он. — Покажи мне... покажи, что произойдет, когда люди махнут рукой на банки.

— Ах да, знакомый случай! Игорь, включи пятую программу! — крикнул Хьюберт фигуре, спрятанной в стеклянном лесу. Послышался скрип заворачивающихся болтов и бульканье наполняющихся резервуаров.

— Игорь? — переспросил Мокриц. — У тебя есть Игорь?

— О да, — ответил Хьюберт. — Благодаря ему у нас это дивное освещение. Они умеют ловить молнии банками! Но ни о чем не беспокойся, господин фон Липка. То, что у меня служит Игорь, а я работаю в подвале, вовсе не значит, что я какой-нибудь безумный ученый, ха-ха-ха!

— Ха-ха, — отозвался Мокриц.

— Ха-хах-хах! — продолжал Хьюберт. — Ха-ха-ха-ха-ха-ха!! Аха-ха-ха-ха-ха-ххххх!!!!!!...

Бент похлопал Хьюберта по спине. Тот закашлялся.

— Извиняюсь, — пролепетал он. — Воздух здесь такой.

— Оно определенно выглядит... непростым, это твоё устройство, — заметил Мокриц, как будто ничего не произошло.

— Кхм, да, — сказал Хьюберт, немного сбитый с толку. — И мы постоянно его дорабатываем. Допустим, поплавки вкупе со шлюзовыми затворами на пружинах в других секторах Хлюпера позволяют изменению уровня одной колбы автоматически регулировать поток в других секторах системы...

— А это для чего? — перебил Мокриц, ткнув наугад в круглую склянку, подвешенную среди труб.

— Клапан лунных фаз, — отчеканил Хьюберт.

— Луна влияет на денежный оборот?

— Мы не в курсе. Но почему нет? Погода ведь влияет.

— Неужели?

— Конечно! — Хьюберт просиял. — И мы продолжаем подключать новые факторы. Нет, я не успокоюсь, пока это великое устройство не сможет

с точностью до мелочей имитировать экономический цикл нашего замечательного города!

Звякнул колокольчик, и он отозвался:

— Спасибо, Игорь, опускай!

Что-то лязгнуло, и в самые толстые трубы с пеной и плеском полилась цветная вода. Хьюберт поднял указку и повысил голос:

— Итак, если мы понизим общественное доверие к банковской системе — вот эта трубка, — здесь мы увидим отток наличности из банков — в колбу двадцать восемь, в данной задаче выступающую как «старый чулок под матрацем». Даже самые богатые люди не хотят терять власть над своими деньгами. Видишь, как набирается «матрац»? Или лучше сказать... набивается?

— Очень много матрацев, — согласился Мокриц.

— Я бы назвал это одним матрацем в треть мили вышиной.

— Неужели? — сказал Мокриц.

Плюх! Где-то пооткрывались клапаны, и вода потекла по новому маршруту.

— Теперь смотри, как опустошаются «банковские займы», пока деньги утекают в «чулок». — *Буль!* — Следи за резервуаром номер одиннадцать, вот он. Это значит, замедляется экономический рост... вот он идет, идет... — *Кап!* — Теперь посмотри на ковш номер тридцать четыре, вот он наклоняется, наклоняется... опа! Шкала слева от семнадцатой колбы обозначает обвал торговли, кстати. Видишь, вот начинает переполняться девятая колба? Это у нас «взыскания по закладным». «Потеря рабочих мест» в седьмой колбе... и вот открывается клапан на двадцать восьмой колбе, в ход идут «чулки». — *Плюх!* — Но что же можно купить? Мы пре-

красно видим, что одиннадцатая колба тоже опустошена... — *Кап!*

Водная активность стихла, не считая отдельных побулькиваний.

— И мы оказываемся в безвыходном положении, потому что наплевали, грубо говоря, в свой колодец, — сказал Хьюберт. — Безработица растет, люди остаются без средств к существованию, жалование падает, фермы возвращаются в первобытное состояние, тролли спускаются с гор и буянят...

— Тролли уже здесь, — сказал Мокриц. — Некоторые даже в Страже служат.

— Точно? — не поверил Хьюберт.

— Точно, в шлемах, и все как положено. Я сам видел.

— Ну, тогда они убираются буянить обратно в горы, — решил Хьюберт. — Я бы на их месте так и сделал.

— И ты считаешь, что все может так и случиться? — спросил Мокриц. — Ты настолько доверяешь своим трубочкам и ковшикам?

— Они очень тесно взаимосвязаны с происходящим, господин фон Липка, — ответил Хьюберт с обиженным видом. — Взаимосвязи играют критическую роль. Знаешь ли ты — и это научный факт, — что в период национального кризиса всегда задираются подолы?

— То есть?.. — начал Мокриц, понятия не имея, как закончить этот вопрос.

— Женские платья становятся короче, — объяснил Хьюберт.

— И это вызывает национальный кризис? Серьезно? Это насколько же короче они становятся?

Господин Бент гулко откашлялся.

— Кажется, нам пора идти, господин фон Липвиг. Если вы увидели все, что хотели, то вы наверняка торопитесь, — сказал он с еле заметным ударением на последнем слове.

— Что? Ах... да, — спохватился Мокриц. — Пожалуй, пора мне идти. Что ж, спасибо, Хьюберт, было очень познавательно и правдоподобно.

— Я только никак не могу избавиться от утечек, — проговорил коротышка с подавленным видом. — Готов поклясться, что в каждом колене все абсолютно водонепроницаемо, но к концу эксперимента воды вечно меньше, чем в начале.

— Ну, конечно же, Хьюберт. — Мокриц похлопал его по плечу. — А все потому, что ты близок к идеалу!

— Правда? — спросил Хьюберт с распахнутыми глазами.

— Конечно. Каждый знает, что в конце месяца всегда остается меньше денег, чем должно оставаться. Это общеизвестный факт!

Лицо Хьюберта озарилось лучами счастья. «А Тилли была права, — подумал Мокриц. — Я лажу с людьми».

— Теперь наглядно подтвержденный и Хлюпером! — выдохнул Хьюберт. — Я сделаю это темой своей диссертации.

— Или просто темой для разговора с коллегами, — сказал Мокриц, дружески пожимая ему руку. — Ну что, господин Бент, найдем в себе силы удалиться!

Когда они поднимались по главной лестнице, Мокриц спросил:

— Кем приходится Хьюберт нынешнему председателю?

— Племянником, — ответил Бент. — Но как вы...

— Люблю наблюдать за людьми, — ответил Мокриц, улыбаясь себе под нос. — Ну и рыжие волосы, конечно. Зачем госпоже Шик два арбалета на столе?

— Семейные реликвии, сэр, — соврал Бент. Это была преднамеренная, вопиющая ложь, и Бент нарочно ее не скрывал. Семейные реликвии, как же. И она спит в кабинете. Да, она инвалид, но инвалиды-то сидят дома.

«Она не собирается покидать эти стены. Она на чеку. И далеко не каждого пустит к себе на порог».

— Какое твое любимое занятие, господин Бент?

— Я выполняю свою работу с усердием и вниманием, сэр.

— Да, но что ты делаешь по вечерам?

— Перепроверяю итоги дня у себя в кабинете, сэр. Подсчеты меня... успокаивают.

— Ты в них так силен?

— Лучше, чем вы можете себе представить, сэр.

— Тогда, если я буду откладывать девяносто три доллара сорок семь пенсов в год в течение семи лет под два с четвертью процента — процент сложный — сколько...

— Восемьсот пятьдесят три доллара тринадцать пенсов при ежегодном пересчете, сэр, — невозмутимо ответил Бент.

«Да, и дважды ты называл точное время, даже не взглянув на часы, — подумал Мокриц. — Ты и *впрямь* силен в математике. Нечеловечески силен...»

— Отпуск?

— Прошлым летом я ходил в туристический поход по крупнейшим банковским домам Убервальда, сэр. Было очень познавательно.

— Это, наверно, заняло не одну неделю. Я рад, что ты нашел в себе силы оторваться от работы.

— О, было нетрудно, сэр. Госпожа Драпс, наш старший бухгалтер, каждый день, когда закрывался банк, посылала закодированные клики с итогами прошедшего дня в те места, где я останавливался. Я успевал ознакомиться с ними за вечерним штруделем и направлял ей свой ответ с указаниями и предписаниями.

— Госпожа Драпс хороший работник?

— Весьма. Она исполняет свои обязанности аккуратно и расторопно.

Он умолк. Они остановились наверху лестницы. Бент повернулся к Мокрицу и посмотрел на него в упор:

— Я проработал здесь всю свою жизнь, господин фон Липвиг. Остерегайтесь семейства Шиков. Госпожа Шик — замечательная женщина, лучшая из них. Остальные... привыкли получать то, что хотят.

Старый род, старые деньги. *Такая* семья. Мокриц слышал далекий зов вроде песни жаворонка. Этот звук дразнил его каждый раз, когда, например, на улице он видел растерянного приезжего с картой в руках, который так и напрашивался, чтобы его избавили от его же денег в какой-нибудь услужливой и неотслеживаемой манере.

— Они опасны? — спросил Мокриц.

Бента застала врасплох его прямолинейность.

— Они не привыкли к разочарованиям, сэр. Они пытались признать госпожу Шик невменяемой.

— Неужели? — сказал Мокриц. — По сравнению с кем?

...Ветер продувал городок Великий Кочан, который любил величать себя «Зеленым сердцем Равнин».

Он назывался Великий Кочан, потому что был родиной самого большого в мире кочана капусты, и горожане были не слишком-то изобретательны, когда дело касалось названий. Люди приезжали издалека, чтобы взглянуть на это чудо природы. Они попадали в его зацементированное нутро, выглядывали в его окошки. Покупали книжные закладки в виде капустного листа, капустные чернила, капустные рубашки, игрушечного Капитана Капусту, музыкальные шкатулки, виртуозно вырезанные из кольраби и цветной капусты и наигрывающие «Песенку едоков капусты», капустное варенье, капустный эль, зеленые сигары, скрученные из свежесозревших сортов капусты на бедрах местных девиц, которым это, видимо, нравилось.

Потом были еще и прелести Кочаноланда, где слышались истошные вопли малышей, завидевших огромную голову самого Капитана Капусты и его друзей, Краснокочанного Клоуна и Билли-Брокколи. Для гостей постарше был и Капустный НИИ, над которым небо всегда было затянуто зеленой пеленой, а если оттуда дул ветер, растения принимали вид самый необычайный и иногда поворачивались проводить вас взглядом.

А потом — как нельзя кстати будет запечатлеть лучший день в своей жизни, отозвавшись на призыв человека в черном, с иконографом наперевес, который подсказывал к счастливой семье и обещал цветной снимок в рамочке, по почте прямо на дом за каких-то три доллара, включая почтовые пересылки, со страховым депозитом в один доллар, чтобы покрыть расходы, будь так любезен, господин, какие

между прочим замечательные у вас детки, госпожа, все в вас, точно вам говорю, да, и я уже говорил, что, если вы не будете *в восторге* от снимка в рамочке, можете просто не посылать больше никаких денег, и будем в расчете?

Капустный эль был вкусным и крепким, и лести много не бывает, если льстишь матерям, и, пожалуй, зубы у этого человека были какие-то странные и как будто ждали случая вырваться изо рта, но никто ведь не идеален, да и чего нам терять?

Терять было доллар, и доллары накапливались. Тот, кто сказал, что нельзя надуть честного человека, врал.

Примерно на седьмой семье к нему начал издалека присматриваться стражник, так что человек в черном демонстративно записал последнюю фамилию и адрес и скрылся в переулке. Он швырнул сломанный иконограф обратно на грудку мусора, где и нашел его — дешевая модель, откуда давно бежали бесята, — и был уже готов припустить бегом по полям, когда увидел поддуваемую ветром газету.

Человеку, который идет по жизни, полагаясь на свой ум, газета всегда пригодится. Засунь ее под одежду, и она будет защищать от ветра. Ею можно развести костер. Наиболее взыскательным она восполняла ежедневную потребность в лопухах, подорожниках и прочих широколистных растениях. На худой конец ее можно было прочитать.

В тот вечер усиливался ветер. Он пробежал первую страницу газеты взглядом и заткнул ее под жилет.

Зубы пытались ему что-то сказать, но он никогда не слушал. Можно и умом повредиться, если слушать, что тебе зубы говорят.

...Вернувшись на Почтамт, Мокриц отыскал фамилию Шиков в альманахе «Кто, где, когда». Такие семьи действительно называли «старой денежной знатью», иными словами, состояние они сколотили так давно, что темные делишки, которые помогли им обогатиться, успели потерять свое значение за давностью лет. Что вообще-то забавно: если у тебя разбойник-отец, ты будешь держать рот на замке, но пират и рабовладелец твой прапрапрадед — это предмет гордости и похвалы за стаканом портвейна. Время обращало душегубов в негодяев, а негодяй — слово с огоньком и вовсе не повод для стыда.

Они были богаты не первый век. Ключевыми игроками в текущем составе Шиков помимо Тилли были, во-первых, ее деверь Марко Шик со своей женой Каприцией Шик, дочерью крупного трастового фонда. Они жили в Орлее, подальше от остальных Шиков, что было в духе Шиков вообще. Во-вторых, это были близнецы Космо и Пуччи, пасынок и падчерица Тилли соответственно, которые, по слухам, родились, вцепившись своими маленькими ручонками друг другу в глотки, как истинные Шики. Была также толпа кузенов, тетушек и нахлебников, седьмая вода на киселе, и все не спускали друг с друга зорких глаз. Как узнал Мокриц, семейным делом исторически были банковские операции, но последнее поколение, поддерживаемые на плаву сложной системой долгосрочных вложений и древних трастовых фондов, занимались тем, что с огромным энтузиазмом и с завидным хладнокровием таскались по судам и отбирали друг у друга наследства. Он видел их снимки в светских колонках «Правды», когда они выходили из черных элегантных карет и почти не улыбались, опасаясь спугнуть деньги.

О родственниках со стороны Тилли упоминаний не было. Они были Тряммами, и это, видимо, было недостаточно весома, чтобы попасть в «КГК»... Попахивало мюзик-холлом, и в это Мокриц даже мог поверить.

В отсутствие Мокрица поднос для писем переполнился. Сплошь пустяковые дела, которые спокойно решались и без его участия, но хлопоты доставляла нововведенная копировальная бумага. Теперь он получал копии абсолютно всего, и это отнимало много времени.

Не то чтобы Мокриц не умел перекладывать обязанности на других. Он это очень хорошо умел. Но талант требует, чтобы люди на другом конце цепочки хорошо исполняли переложенные на них обязанности. А они этого не делали. Это как-то было связано с тем, что Почтамт не поощрял креативное мышление. Письма суются в прорези — все. Здесь не было места тем, кто подходил к делу творчески и совал их в уши, в дымоходы и отхожие места. Им бы пошло на пользу...

Среди бумаг он заметил тоненький розовый листочек с кликом и выхватил его.

От Шпильки!

Он прочел:

Успех. Возвращаюсь послезавтра. Скоро все станет известно. III.

Мокриц бережно отложил листок. Совершенно ясно, что она ужасно по нему скучает и не может дожждаться встречи, но очень бережно расходует деньги «Треста Големов». И скорее всего у нее закончились сигареты.

Мокриц побарабанил пальцами по столу. Год назад он предложил Доре Гае Ласске стать его женой, и она объяснила ему, что вообще-то это он станет ее мужем.

Это произойдет... произойдет это где-то в недалеком будущем, когда старшая госпожа Ласска окончательно махнет рукой на плотный график своей дочери и устроит свадьбу сама.

Но, как ни крути, он был почти женатым человеком. А почти женатому человеку лучше не связываться с семейством Шиков. Почти женатый человек должен быть защитой и опорой. Он всегда должен быть готов подать своей почти жене пепельницу. Он должен быть рядом со своими потенциальными детьми и следить за тем, чтобы они спали в хорошо проветриваемом помещении.

Он разгладил бумажку.

И ночные вылазки тоже нужно прекращать. Разве это разумно? Разве так себя ведут взрослые люди? Разве он пешка Витинари? Нетушки!

Что-то шевельнулось в его памяти. Мокриц встал из-за стола и подошел к картотеке, которую обычно избегал всеми правдами и неправдами. Под заголовком «Марки» он нашел небольшой отчет двухмесячной давности от Стэнли, главного по маркам. В нем вкратце отмечалось, что неизменно большим спросом пользуются долларовые и двухдолларовые марки, и их продажи превышают даже прогнозы Стэнли. Может, марочные деньги были в более широком употреблении, чем он думал. В конце концов, правительство ведь их одобряло. И их легко носить с собой. Нужно будет проверить, сколько...

Раздался деликатный стук в дверь, и вошла Глэдис. С большой осторожностью она несла тарелку

тончайших сэндвичей с ветчиной, какие умела делать только Глэдис: положить ветчину между двумя ломтями хлеба и со всей силы прижать ручищей размером с лопату.

— Я Догадалась, Что Ты Не Успел Пообедать, Почтмейстер, — пророкотала она.

— Спасибо, Глэдис, — отозвался он и мысленно встряхнулся.

— Лорд Витинари Внизу, — продолжала Глэдис. — Говорит, Что Не Торопится.

Мокриц застыл, не донеся сэндвич до рта:

— Он здесь?

— Да, Господин Фон Липвиг.

— И ходит тут сам по себе? — спросил он с нарастающим ужасом.

— В Настоящий Момент Он В Отделе Слепых Писем¹, Господин Фон Липвиг.

— Что он там делает?

— Читает Письма, Господин Фон Липвиг.

«Не торопится, — мрачно подумал Мокриц, — как же. Ну, тогда доем сначала сэндвичи, которые мне приготовила добрая тетя голем».

— Спасибо, Глэдис, — сказал он.

Когда она ушла, Мокриц достал из ящика стола щипчики, вскрыл свой сэндвич и извлек из мяса

---

¹ Изобретение, которым Мокриц особенно гордился. Жители Анк-Морпорка подходили к написанию писем с простодушием, которое в общих чертах сводилось к следующему: раз я знаю, что имею в виду, то и вы должны. В результате привычным делом для Почтамта были письма, адресованные «маиму брату Джонну, он высокий и у моста» или «гаспаже Смит, здаров, Сестры Долли». Светлые и иногда пугающе острые умы, работающие в отделе слепых писем, с радостью разгадывали эти головоломки, а в обеденный перерыв играли в шахматы в уме.

мелкие косточки, раскрошившиеся под бронебойной рукой Глэдис.

Прошло минуты три, когда голем снова объявилась и терпеливо встала у его стола.

— Да, Глэдис?

— Его Светлость Изволит Напомнить, Что Он Все Еще Не Торопится.

Мокриц бросился вниз, где лорд Витинари действительно расположился в отделе слепых писем, положив ноги на стол, с пачкой писем в руке и улыбкой на устах.

— А, Липвиг, — сказал он, помахивая перепачканными конвертами. — Увлекательнейшая вещь! Лучше кроссвордов! Мне вот это нравится: «Рыгלקаторыии черз патеку». Я подписал внизу правильный адрес. — Он протянул конверт Мокрицу.

Он написал: «К. Свистун, пекарь, Свиный Холм, 3».

— В городе три пекарни, которые находятся в непосредственной близости от аптек, — сказал Витинари. — Но только Свистун печет эти недурственные рогаики, которые выглядят, к сожалению, так, словно собака сделала свои дела у тебя на тарелке и умудрилась плюхнуть сверху глазури.

— Прекрасная работа, сэр, — проблеял Мокриц.

Из угла комнаты за Витинари с благоговейным смятением наблюдали Фрэнк и Дэйв, которые целыми днями расшифровывали неразборчивые, с ошибками, без адреса и попросту ненормальные отправления, которыми засыпало Почтамт ежедневно. В другом углу Стукпостук заваривал чай.

— Я считаю, весь секрет в том, чтобы поставить себя на место автора, — продолжал Витинари, разглядывая конверт, заляпанный грязными отпечат-

ками и остатками чьего-то завтрака. — Иногда это место может оказаться самым неожиданным.

— Фрэнк и Дэйв успешно расшифровывают пять из шести, — сказал Мокриц.

— Они сущие волшебники, — ответил Витинари. Он повернулся к ребятам, которые нервно улыбнулись и попятились назад, прячась за улыбки, которые остались неловко висеть в воздухе. — Но мне кажется, пришло время их обеденного перерыва.

Ребята посмотрели на Стукпостука, разливавшего чай по чашкам.

— Где-нибудь не здесь? — предложил Витинари.

Ни одна экспресс-доставка не перемещалась с большей скоростью, чем Фрэнк и Дэйв. Когда дверь за ними захлопнулась, Витинари продолжил:

— Как тебе банк? Какие будут мысли?

— Да я лучше палец в мясорубку засуну, чем свяжусь с семьей Шиков, — ответил Мокриц. — Я бы, конечно, что-нибудь придумал, и монетному двору нужна хорошая встряска. Но управлять банком должен тот, кто понимает в банках.

— Те, кто понимает в банках, довели его до нынешнего состояния, — парировал Витинари. — Я стал правителем Анк-Морпорка не потому, что понимаю город. Как и в случае с банками, город до обидного просто понять. Я *остаюсь* его правителем потому, что научил город понимать *меня*.

— И я понял вас, сэр, когда вы говорили что-то такое об ангелах, помните? Ну, так это сработало. Я перевоспитался и буду вести себя сообразно.

— Даже золотистая цепочка — не предел? — спросил Витинари, когда Стукпостук подал ему чашку чая.

— Вот именно!

— Ты произвел хорошее впечатление на госпожу Шик.

— Она назвала меня отъявленным проходимцем!

— От Тилли это более чем похвальные слова, — сказал Витинари и вздохнул. — Что ж, раз ты перевоспитался, не могу же я тебя заставить... — Он замолчал, когда Стукпостук наклонился и зашептал ему что-то на ухо, и потом продолжал: — ...то есть, естественно, я *могу* тебя заставить, но в этом случае не стану этого делать. Стукпостук, запиши, пожалуйста. «Я, Мокриц фон Липвиг, ответственно заявляю, что не имею желания или намерения управлять или принимать участие в управлении любым банком города Анк-Морпорк, предпочитая вместо этого трудиться на благо дальнейшего усовершенствования Почтамта и семафорной системы». Оставь место для подписи господина фон Липвига и для даты. Далее...

— Подождите, зачем обязательно... — начал было Мокриц.

— ...с новой строки: «Я, Хэвлок Витинари и т.д., подтверждаю, что действительно имел с господином фон Липвигом разговор касательно будущего анк-морпоркской банковской системы и принимаю выраженное им желание продолжать нести службу на Почтамте. Претензий к нему не имею и препятствовать ему не намерен». Место для подписи и так далее. Спасибо, Стукпостук.

— Но к чему все это?... — спросил Мокриц.

— «Правда» почему-то решила, что я собираюсь национализировать Королевский банк, — сказал Витинари.

— Национализировать? — не понял Мокриц.

— Украсть, — перевел Витинари. — Откуда только берутся эти слухи?

— Неужели даже у тиранов есть враги? — удивился Мокриц.

— Красиво сказано, господин фон Липвиг, как всегда. — И Витинари пристально на него посмотрел. — Стукпостук, дай меморандум ему на подпись.

Стукпостук так и сделал, после чего с самодовольным видом поспешил забрать карандаш у Мокрица из рук. Тогда Витинари встал и отряхнул мантию.

— Я прекрасно помню наш любопытнейший разговор об ангелах, господин фон Липвиг. Кажется, я говорил, что ангел является лишь однажды, — сказал он натянуто. — Не забывай об этом.

— Видимо, и горбатого можно отмыть добела, сэр, — заметил Стукпостук.

Вечерний туман по пояс высотой стелился по улицам.

— Видимо, да. Но Мокриц фон Липвиг — сам по себе человек видимости. Не сомневаюсь, он верит в то, что говорит, но если заглянуть под оболочку, мы увидим там настоящего фон Липвига, его честное сердце и блестящий криминальный ум.

— Вы уже говорили нечто подобное, сэр, — сказал секретарь, открывая дверцу кареты. — Но, кажется, он свернул на путь исправления.

Витинари замер, стоя одной ногой на подножке кареты.

— Может быть, Стукпостук, но меня обнадеживает тот факт, что он в очередной раз украл твой карандаш.

— На самом деле нет, сэр, я обратил внимание и убрал его к себе в карман, — сказал Стукпостук с чувством некоторой гордости.

— Да, — ответил Витинари с удовольствием, усаживась на скрипучую кожу, в то время как секретарь с нарастающим нетерпением принялся похлопывать себя по карманам. — Знаю.

По ночам банк охранялся. Охранники лениво патрулировали коридоры и насвистывали себе под нос, зная, что самые крепкие замки удерживают правонарушителей снаружи. На мраморном полу каждый шаг тихой ночью отдавался как колокольный звон, и чувствовали себя в безопасности. Иногда они дремали, стоя навтыжку с полуопущенными веками.

Но кто-то пренебрег железными замками, миновал латунные решетки, беззвучно прошел по звонкому полу, проскользнул под самыми носами сонных людей. И все же, когда фигура вошла через высокие двери в председательский кабинет, две арбалетные стрелы просвистели насквозь и вонзились в дорогое дерево.

— Ну, это тело хотя бы попыталось, — сказала госпожа Шик.

— МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ ТВОЕ ТЕЛО, ГОСПОЖА ТИЛЛИ ШИК, — сказал Смерть.

— Оно уже давно никого не интересуется, — вздохнула Тилли.

— ЭТО ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ, ГОСПОЖА ШИК. ПОСЛЕДНЕЕ СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ.

— Ты всегда говоришь банковскими словечками в такие моменты? — спросила Тилли и встала. Что-то обмякшее осталось в кресле, но это была уже не госпожа Шик.

— СТАРАЮСЬ СООТВЕТСТВОВАТЬ СИТУАЦИИ, ГОСПОЖА ШИК.

— «Свести дебет с кредитом» тоже неплохо звучит.

— СПАСИБО. Я ЗАПОМНЮ. А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ.

— Похоже, вовремя я дописала завещание, — сказала Тилли, распустив длинные белые волосы.

— О ПОТОМКАХ НУЖНО ДУМАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ.

— О потомках? Пусть Шики поцелуют меня в одно место, милый! Уж я им показала. О да! Ну и что теперь, господин Смерть?

— ТЕПЕРЬ? — отозвался Смерть. — ТЕПЕРЬ, МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО НАС ЖДЕТ... РЕВИЗИЯ.

— Ах. Все-таки будет ревизия? Ну, мне стыдиться нечего.

— ЭТО ТОЖЕ СЧИТАЕТСЯ.

— И правильно. Должно считаться, — согласилась Тилли.

Она взяла Смерть за руку и пошла за ним сквозь двери и дальше, и дальше, в черную пустыню под вечным ночным небом.

Спустя некоторое время Шалопай проснулся и заснул.

На следующее утро в «Правде» появилась небольшая статейка про положение банков. Там часто повторялось слово «кризис».

Ага, вот и оно, думал Мокриц, добравшись до четвертого абзаца. Точнее, вот и я.

Лорд Витинари сообщил «Правде»:

«Действительно, с позволения председателя банка, мы с главным почтмейстером обсуждали возможность его содействия Королевскому банку в эти непростые времена. Он ответил отказом, и точка.

Государственные служащие не управляют банками. Будущее Королевского банка Анк-Морпорка в руках его дирекции и акционеров».

«И да помогут ему боги», — подумал Мокриц.

Он энергично принялся за бумаги. Он копался в документации, сверял цифры, исправлял орфографические ошибки и бубнил себе под нос, чтобы заглушить внутренний голос соблазна.

Пришло время обеда, и вместе с ним появилась тарелка гигантских сэндвичей с сыром, а заодно Глэдис принесла и дневной выпуск «Правды».

Ночью скончалась госпожа Шик. Мокриц не мог оторвать глаз от некролога. Писали, что она умерла тихо, во сне, после долгой болезни.

Он бросил газету и уставился в стену. Да, госпожа Шик выглядела так, будто держалась на честном слове и джине. И все же ее энергия, ее огонь... что ж, она не могла держаться вечно. Но что будет теперь? О, боги, как хорошо, что он в этом не участвует!

Да и Шалопаю сейчас не позавидуешь. Такой неказистой шавке хорошо бы научиться *очень быстро* бегать.

Среди свежей почты, которую принесла Глэдис, обнаружился продолговатый, многократно бывавший в употреблении конверт, жирными черными буквами адресованный «литчно» ему. Он вскрыл его канцелярским ножом и вытряхнул письмо над мусорной корзиной — на всякий случай.

Внутри был сложенный газетный листок. Как оказалось — вчерашняя «Правда», с Мокрицем фон Липвигом на первой странице. *Обведенным в кружок.*

Мокриц перевернул вырезку. На обратной стороне убористым почерком было написано:

Уважаемый господин, я принял неаппходимые меры при до сто рожности и передал некоторый кампромад на хранение надежному лицу. Жди от меня вестей.

Друз

Спокойствие, спокойствие... это никакой не друг. Все, кого он мог назвать друзьями, знали правила правописания. Это точно какая-то афера. Но в его шкафу не было скелетов...

Ой, ну ладно, если придираться к мелочам, в его шкафу на самом деле было столько скелетов, что хватило бы на целый склеп, и еще останется, чтобы украсить ярмарочную «комнату ужасов», и, может, даже заодно смастерить готичную, но в меру веселенькую пепельницу. Но они не были связаны с именем фон Липвига. Он внимательно за этим следил. Его преступления почили вместе с Альбертом Стеклярсом. Хороший палач точно знает, сколько веревки нужно человеку, чтобы переправить его из прежней жизни в новую.

Неужели кто-то его узнал? Но ведь когда Мокриц снимал золотой костюм, он становился самым неузнаваемым человеком на свете! Когда он был маленьким, его мама иногда забирала из школы чужих мальчиков!

А когда он надевал костюм, люди узнавали костюм. Он прятался, будучи на виду...

Это точно какая-то афера. Да, наверняка. Старый трюк «я знаю твой секрет». Вряд ли хоть кто-то добивался больших успехов, не натворив таких вещей, которые не хотелось бы выносить на публику.

Эта строчка про компромат — хороший штрих. Она заставляла человека занервничать и задуматься. Она подразумевала, что аноним знает нечто настолько страшное, что ты, адресат, можешь попытаться избавиться от него и что он уже готов спустить на тебя законников.

Ха! И он еще дает ему время на размышления, чтобы помариновать его. Его! Мокрица фон Липвига! Что ж, придется кое-кому отведавать, каким острым бывает маринад. Но до поры до времени письмо отправилось в нижний ящик. Ха!

В дверь постучали.

— Входи, Глэдис, — сказал он, снова принимаясь копать в документах.

Дверь открылась, и в нее просунулось беспокойное бледное лицо Стэнли.

— Это я, сэр. Стэнли, сэр, — сказала оно.

— Да, Стэнли?

— Главный по маркам, сэр, — добавил Стэнли на случай, если от него требовалось стопроцентное удостоверение личности.

— Да, Стэнли, я знаю, — терпеливо ответил Мокриц. — Мы видимся каждый день. Ты что-то хотел?

— Ничего, сэр, — ответил Стэнли. Повисла пауза, и Мокриц попытался настроиться на волну Стэнли. Этот юноша был очень... щепетилен. И терпелив, как могила.

Мокриц сделал еще одну попытку.

— С какой целью ты пришел сюда, ко мне, сейчас? — спросил он, четко произнося каждое слово, чтобы предложение выходило маленькими порциями.

— Там внизу законник, сэр, — объявил Стэнли.

— Но я же только что прочитал эту анонимку... — начал Мокриц, а потом сделал глубокий вдох. — Законник? Он сказал, по какому поводу?

— Сказал, что дело чрезвычайной важности. С ним два стражника, сэр. И собака.

— В самом деле? — спокойно отозвался Мокриц. — Тогда, конечно, проводи его ко мне.

Он посмотрел на часы.

Хо... ро... шо... Все плохо.

«Ланкрская стрела» отправится в рейс через сорок пять секунд. Мокриц знал, что успеет спуститься по злополучной водосточной трубе за одиннадцать секунд. Стэнли спускается и ведет их сюда — скажем, тридцать секунд. Главное — увести их с первого этажа. Вскочить на запятки кареты, прыгнуть у Пупсторонних ворот, где она замедлит ход, подобрать жестяной сундук, припрятанный под стропилами старой конюшни на Лоббистской улице, переодеться, подправить лицо, пересечь город, выпить кофе в закусочной рядом со штаб-квартирой Стражи, понаблюдать немного за семафорными сообщениями, отправиться в подворье Наседки-с-Цыплятами, где он держал еще один сундук у Я-не-знаю Джека, переодеться, уйти с небольшой котомкой и в твидовой кепке (которую он сменит на старый коричневый котелок где-нибудь в переулке, на случай, если у Джека случится внезапный приступ хорошей памяти, вызванный лишними деньгами), и оттуда юркнуть в скотобойный район, где он войдет в образ погонщика Джеффа и зависнет в большом вонючем кабаке «Орел мясника», где обычно отряхивают с башмаков дорожную пыль погонщики скота. В Страже сейчас появился вампир, а вервольф у них уже несколько лет. Ну вот и пусть их знаменитые острые носы понюхают смесь из навоза, страха, пота, помоев и мочи, посмотрим, как им понравится! И это только в кабаке — на скотобойнях бывало намного хуже.

Там он, пожалуй, подождет до вечера, и в смердящем помойном фургоне его вместе с другими пьяными погонщиками вывезут из города. Стражники у ворот никогда их не проверяли. С другой стороны, если его шестое чувство все еще будет подавать голос, он поиграет в наперстки с каким-нибудь пьянчужой, пока не наберет денег на флакончик одеколона и дешевенький, но приличный поношенный костюм в какой-нибудь сомнительной лавочке, после чего двинется в «Меблированные комнаты госпожи Эвразии Арканум для приличных трудоустроенных джентльменов», где с помощью надвинутой на лоб шляпы и очков в проволочной оправе он *станет* господином Пролазом Вылупнем, торговцем шерстью, который останавливался здесь всякий раз, когда дела забрасывали его в Анк-Морпорк, и всегда подносил хозяйке сувениры, уместные для вдовы того возраста, который она себе приписывала. Да, так, пожалуй, будет лучше. У госпожи Арканум пища была плотной и регулярной, постели мягкими, и ими почти никогда не приходилось делиться.

А там уже можно будет строить и дальнейшие планы.

План побега пронесся перед его внутренним взором со скоростью молнии. Но внешний взор зацепился за кое-что менее вдохновляющее. На каретном дворе стоял стражник и болтал с возницами. Мокриц узнал сержанта Фреда Колона, чьей первейшей обязанностью, очевидно, было слоняться по улицам и чесать языком с людьми сходного возраста и настроений.

Стражник заметил в окне Мокрица и помахал ему рукой.

Нет, если он попробует бежать, получится некрасиво и запутанно. Придется оставаться на месте и блефовать напропалую. Технически он ведь ничего и не нарушал. Просто письмо выбило его из колеи, вот и все.

Мокриц с занятым видом сидел за столом, когда вернулся Стэнли и завел в кабинет господина Кривса, самого известного и, в триста пятьдесят один год от роду, вероятно, самого старого законника в городе. Его сопровождали сержант Ангва и капрал Шноббс, который, по слухам, и был тайным вервольфом Стражи. Капрал Шноббс нес большую плетеную корзину, а сержант Ангва держала в руке пищущую резиновую косточку, которую она время от времени машинально сжимала. Что-то начало вырисовываться, но непонятно что.

Они пожелали друг другу доброго дня, хотя в непосредственной близости от Шноббси Шноббса и законника, от которого разило бальзамической жидкостью, ничего доброго быть не могло. А когда с этим было покончено, господин Кривс сказал:

— Мне известно, что вчера ты посещал госпожу Тилли Шик, господин фон Липвиг.

— Ах да. Гм, когда она была жива, — запнулся Мокриц и мысленно проклял себя и анонима. Он терял хватку, стремительно терял.

— Это не расследование убийства, господин, — спокойно сказала сержант Ангва.

— Вы уверены? В таких обстоятельствах...

— Это наша работа, господин, быть абсолютно уверенными, — ответила сержант, — *в таких обстоятельствах.*

— Вы не подозреваете ее родственников?

— Нет, господин. Тебя тоже нет.

— Меня? — У Мокрица, как положено, отвисла челюсть.

— О болезни госпожи Шик было прекрасно известно, — сказал господин Кривс. — И, похоже, она прониклась к тебе большой симпатией, господин фон Липвиг. Она завещала тебе своего песика, Шалопая.

— Вместе с мешком игрушек, ковриков, пледиков, башмачков, восемью ошейниками, включая один инкрустированный бриллиантами, и прочими разнообразными мелочами, — перечислила сержант Ангва. Она снова стиснула резиновую косточку.

Мокриц захлопнул рот.

— Собаку? — спросил он бесцветным голосом. — Только собаку? И игрушки?

— Ты ожидал чего-то большего? — спросила Ангва.

— Я и этого-то не ожидал! — Мокриц перевел взгляд на корзину. Внутри было подозрительно тихо.

— Я дал ему голубую таблеточку, — пояснил Шнобби Шноббс. — Он от них ненадолго вырубается. А на людей не действует. И на вкус они как анис.

— Все это как-то... странно, не находите? — спросил Мокриц. — Зачем здесь Стража? Бриллиантовый ошейник? И потом, мне казалось, завещание оглашается только после похорон...

Господин Кривс откашлялся. Из рта у него вылетела моль.

— И это так. Но, зная о содержании ее завещания, я счел благоразумным поторопить Королевский банк и разобраться с наиболее...

Повисла очень длинная пауза. Для зомби и целая жизнь будет паузой, но он, похоже, просто подбирал подходящее слово.

— ...проблематичными пунктами немедленно, — закончил он.

— Да, полагаю, собачку нужно кому-то кормить, — согласился Мокриц. — Но я не думал, что...

— Проблема как таковая заключается в документах собаки, — сказал господин Кривс.

— Плохая родословная? — предположил Мокриц.

— Не в родословной дело, — сказал господин Кривс, открывая портфель. — Ты, возможно, в курсе, что покойный сэр Джошуа оставил один процент своих акций Шалопаю?

Холодный черный ветер подул на задворках сознания Мокрица.

— Да, — проговорил он. — В курсе.

— Покойная госпожа Шик завещала ей еще пятьдесят процентов. Это по правилам банка означает, что собака — новый председатель банка, господин фон Липвиг. А ты — хозяин собаки.

— Секундочку, животное не может владеть...

— О, еще как может! — воскликнул Кривс с законническим задором. — У нас полно прецедентов. Одного осла как-то раз посвятили в сан, а черепаху назначили судьей. Конечно, чем сложнее ремесло, тем реже оно встречается в судебной практике. Ни одна лошадь, например, так и не освоила профессию плотника. А вот собака в председательском кресле — дело относительно обычное.

— Это ерунда какая-то! Она меня совсем не знает! — на что внутренний голос ему тут же ответил: *«О, еще как знает! Она видела тебя насквозь с первого взгляда!»*

— Она надиктовала мне завещание прошлым вечером, господин фон Липвиг, в присутствии двух

свидетелей и своего лечащего врача, который признал, что она была в здравом уме, если не теле. — Господин Кривс встал. — Короче говоря, завещание законно. Оно не обязано быть логичным.

— Но как же он будет, не знаю, председатель? Он может разве что ножки у стула обнюхать!

— Я так понимаю, ты станешь его фактическим представителем, — сказал законник. Со стороны сержанта Ангвы послышался писк.

— А что будет в случае его смерти? — спросил Мокриц.

— Ах да, спасибо, что напомнил, — сказал господин Кривс и достал из портфеля бумагу. — Тут все сказано: акции будут распределены среди всех живых членов семьи.

— Среди членов семьи? Чьей семьи, *его*? Не думаю, что у него была возможность обзавестись семьей!

— Нет, господин фон Липвиг, — ответил Кривс. — Семьи Шиков.

Ветры в голове Мокрица задули холоднее.

— И сколько живут собаки?

— Обычные собаки? — спросил Шнобби Шноббс. — Или такие, которые стоят между толпой Шиков и большим состоянием?

— Капрал Шноббс, вот это было самое уместное замечание! — резко сказала сержант Ангва.

— Звиняюсь, сержант.

— Кхм. — Еще одна моль выпорхнула после кашля Кривса. — Шалопай привык спать в директорских апартаментах в банке, — сказал он. — Ты будешь спать там же. Таково условие завещания.

Мокриц встал.

— Я не обязан ничего этого делать, — крикнул

он. — Я никакого преступления не совершал! Нельзя просто взять и с того света перевернуть человеку жизнь... то есть тебе можно, господин Кривс, ничего не имею против, но она...

Из портфеля был извлечен еще один конверт. Господин Кривс улыбался, а это было дурным знаком.

— Еще госпожа Шик написала тебе это проникновенное обращение, — сказал он. — А теперь, сержант, думаю, пришло время нам оставить господина фон Липвига.

Они удалились. Впрочем, несколько мгновений спустя сержант Ангва вернулась и, не говоря ни слова, даже не повернувшись в его сторону, подошла к мешку с игрушками и бросила сверху резиновую косточку.

Мокриц подошел к корзинке и приподнял крышку. Шалопай посмотрел на него, зевнул, а потом встал с подушечки и вытянулся на задних лапках. Он пару раз нерешительно вильнул хвостом, и его огромные глаза наполнились надеждой.

— Нечего на меня смотреть, малыш, — сказал Мокриц и повернулся к нему спиной.

Письмо госпожи Шик было вымочено в лавандовой воде и слегка отдавало джином. Аккуратным старушечьим почерком она писала:

Дорогой господин фон Липвиг!

Я чувствую, что ты милый, добрый человек и не оставишь моего маленького Шалопая на произвол судьбы. Прошу тебя, будь с ним ласков. Он был мне единственным другом в эти трудные времена. Так неделикатно говорить о деньгах в такой момент, но ежегодно тебе будет выписываться сумма в \$20.000 (по окончании периода) за выпол-

нение этого поручения, от которого умоляю тебя не отказываться.

Если ты все-таки откажешься или если Шалопай умрет не своей смертью, тобой займется Гильдия Убийц. \$100.000 уже лежат на хранении у лорда Низза, так что его подопечные найдут тебя и выпотрошат, как крысу, что будет вполне заслуженно, Умник!

Да благословят тебя боги за твою доброту к отчаявшейся вдове.

Мокриц был впечатлен. И кнут, и пряник. Витинари пользовался только кнутом ну или бил пряником по голове.

Витинари! Вот кому нужно было ответить на кое-какие вопросы!

Волосы у него на загривке стали дыбом, наученные годами постоянных уверток и прятков и излишне чувствительные после письма госпожи Шик, которое никак не шло у Мокрица из головы. Что-то влетело в окно и вонзилось в дверь. Но Мокриц уже нырнул под стол, когда стекло еще только разбивалось.

В двери дребезжала черная стрела.

Мокриц пополз по ковру, потянулся, схватил стрелу и снова прильнул к полу.

Изящным белым курсивом, как гравировка на старинном кольце, на ней было написано: «ГИЛЬДИЯ УБИЙЦ: СТИЛЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ».

Наверняка же это просто предупреждение, да? Предупредительный выстрел? Чтобы подчеркнуть серьезность намерений? На всякий случай?

Шалопай выскочил из корзинки и не упустил случая облизать Мокрицу лицо. Шалопая было все

равно, кто такой этот человек и что он совершил, — он просто хотел дружить.

— Наверное, — сдался Мокриц, — нам с тобой пора гулять.

Пес восторженно тявкнул, кинулся к мешку со своими принадлежностями, потянул его и опрокинул на пол. Он исчез внутри, истерически виляя хвостом, и вынырнул, волоча за собой красное бархатное собачье пальтишко, на котором было вышито слово «Вторник».

— Ты просто угадал, — сказал Мокриц, застегивая одежду, что было непросто, поскольку его беспрерывно омывало собачьей слюной.

— Хм, а ты случайно не знаешь, где твой поводок? — спросил Мокриц, стараясь не глотать.

Шалопай прыгнул к мешку и сразу вернулся с красным ремешком.

— Ну что, — сказал Мокриц. — Это будет самая реактивная прогулка в истории. Это будет пробежка.

Как только он потянулся к ручке, дверь открылась. Перед лицом Мокрица возникли две ноги кирпичного цвета, каждая толщиной с дерево.

— Надеюсь, Ты Не Под Юбку Мне Смотришь, Господи Фон Липвиг, — прогремела Глэдис свысока.

«На что там смотреть?» — подумал Мокриц.

— А, Глэдис, — сказал он. — Будь добра, встань у окна и постой там. Спасибо!

Послышалось негромкое «тюк», и Глэдис повернулась к нему, держа пальцами еще одну черную стрелу. От резкого контакта с ладонью голема стрела воспламенилась.

— Кто-то Пустил В Тебя Стрелу, Господин Фон Липвиг, — объявила она.

— Неужели? Ты просто задуй ее и положи в лоток с документами, — сказал Мокриц, выползая из кабинета. — Мне нужно встретиться кое с кем по поводу собаки.

Он подхватил Шалопая и припустил вниз по лестнице, по запруженному холлу, по каменным ступенькам — и вот она, черная карета, как раз остановилась у обочины. Ха! Патриций всегда на один скачок впереди.

Мокриц распахнул дверцу кареты, едва лишь та остановилась, с разбегу плюхнулся на свободное сиденье с заливисто лающим Шалопаем на руках, посмотрел на собеседника и сказал...

— О... прошу прощения, я решил, что это карета лорда Витинари...

Рука потянулась и захлопнула дверцу. На руке была очень дорогая черная перчатка, большая, расшитая бусинами черного янтаря. Мокриц поднял взгляд от руки к лицу и услышал:

— Нет, господин фон Липвиг. Я как раз сам собирался к тебе заглянуть. Меня зовут Космо Шик. Как поживаешь?

Глава 4

Темное кольцо — Неправильный подбородок —
«Работа на всю жизнь — это ненадолго» —
Первые распоряжения — Занимательная
журналистика — Все на благо города —
Миля в чужих сапогах — Шикарное общество

Человек... делал вещи. Он был невоспетым творцом, потому что вещи, которые он делал, никогда не были подписаны его именем. Нет, обычно они были подписаны именами покойников, которые были мастерами своих ремесел. Он, в свою очередь, был мастером другого ремесла. Это было ремесло подражания.

— Деньги принес?

— Да. — Человек в коричневом одеянии кивнул на флегматичного тролля, стоящего рядом.

— И зачем ты это привел? Терпеть их не могу.

— Пятьсот долларов — тяжелая ноша, господин Морпет. И высокая цена за изделие, которое, к слову, даже не серебряное, — сказал юноша, которого звали Досихпор.

— Так ведь в том и вся соль, да? — ответил старик. — Я-то понимаю, что дело ты затеял нечистое. Еще раз повторяю, стиксий — ценнее золота. Просто он не блестит... ну, это если ты не напортачишь.

Даже не думай, я все, что достал, мог бы и Гильдии Убийц продать. Уж черное у этих ребят в почете. С руками бы оторвали.

— Все в рамках закона. Буква V никому не принадлежит. Мы это уже обсуждали. Показывай.

Старик смерил Досихпора взглядом, открыл ящик стола и достал небольшую шкатулку. Он подправил отражатели и потом сказал:

— Хорошо, открывай.

Юноша приподнял крышку и увидел его, черное, как ночь, с литерой V, высеченной более глубокой, резкой тенью. Он глубоко вдохнул, потянулся к кольцу и в ужасе выронил его.

— Оно горячее!

Мастер подражаний фыркнул:

— Ясное дело. Это же стиксий, не что-нибудь. Он поглощает свет. Если б дело было при свете дня, ты бы уже визжал и дул на пальцы. Когда на улице солнце, не вынимай его из шкатулки, понял? Или на перчатку носи, если пофрантить любишь.

— Оно идеально!

— Ага. — Старик выхватил кольцо, и Досихпор стал проваливаться в свой персональный ад. — Совсем как настоящее, да? — прорычал подражатель. — И нечего тут удивляться. Думаешь, я не понимал, что делал? Я и настоящее кольцо видел пару раз, а этим самого лорда Витинари можно провести. Многое придется стереть из моей памяти.

— Не понимаю, о чем ты! — упирался Досихпор.

— Значит, и впрямь дурак.

— Я же сказал тебе, буква V никому не принадлежит!

— Так и скажешь его светлости? То-то же. В общем, будешь должен мне еще полтыщи. Я тут со-

брался выходить на покой, и такого бонуса мне как раз надолго хватит.

— Мы же договаривались!

— И сейчас договоримся, — сказал Морпет. — На этот раз ты платишь за мою короткую память.

Мастер подражаний ликовал. Юноша был недоумен и неуверен.

— Это же для кого-то бесценно, — намекнул Морпет.

— Хорошо, еще пятьсот, чтоб тебя.

— Да нет, уже тысяча, — сказал старик. — Разумеешь? Слишком быстро согласился. Не поторговался. Кому-то дозарезу нужна моя поделка, да? Полторы тысячи на все про все. Ты во всем городе не найдешь мастера, который управлялся бы со стиксием лучше меня. А если я услышу от тебя что-то помимо «да», станет две. Будь по-моему.

Повисла долгая пауза, и Досихпор сказал:

— Да. Но остальное мне придется принести позже.

— Пожалуйста, господин. Буду ждать. Ну вот, совсем не сложно. Ничего личного, просто бизнес.

Кольцо отправилось обратно в шкатулку, шкатулка — обратно в стол. По сигналу от юноши тролль сбросил мешки и, выполнив дело, удалился в ночь.

Досихпор резко обернулся, и правая рука подражателя скрылась под столом. Он расслабился, когда юноша спросил:

— Ты будешь здесь, да?

— Я? Я всегда здесь. Выход сам найдешь.

— Ты будешь здесь?

— Да, я же только что сказал.

В темноте душного коридора юноша с колотящимся сердцем открыл дверь. Через порог ступила

фигура в черном. Лица не было видно за маской, но юноша прошептал:

— Шкатулка в левом верхнем ящике. Справа какое-то оружие. Деньги оставь себе. Только не... делай ему больно, ладно?

— Что? Я здесь не за этим! — прошипела мрачная фигура.

— Знаю, но... ничего лишнего, хорошо?

И с этим Досихпор закрыл за собой дверь.

Лил дождь. Юноша отошел и встал на крыльце дома напротив. Было плохо слышно за шумом дождя и воды в канавах, но ему показалось, что за всем этим он расслышал слабый звук удара. Но ему могло показаться, потому что он не слышал ни скрипа дверей, ни шагов убийцы, и у него чуть душа в пятки не ушла со страху, когда фигура нависла над ним, вложила ему в руку шкатулку и скрылась за пеленой дождя.

На улицу вытек аромат мяты. Тщательно замечая за собой следы, убийца оставил мятную бомбочку.

«Ах ты, старый дурак! — мысленно воскликнул Досихпор в душевной агонии. — Почему ты просто не взял деньги и не заткнулся? Ты не оставил мне выбора! Он не мог рисковать, чтобы ты проболтался!»

Подступила тошнота. Он не думал, что так все выйдет! Он не хотел никому смерти! И тут его вырвало.

Это было неделю назад. С тех пор ничего не изменилось к лучшему.

У лорда Витинари была черная карета.

У других людей тоже бывают черные кареты.

Следовательно, не все обладатели черных карет — лорды Витинари.

Важное философское наблюдение, которое Мокриц, к вящему сожалению, забыл принять во внимание в пылу спешки.

Пыла теперь как не бывало. Космо Шик был холоден, или по меньшей мере изо всех сил старался так выглядеть. Одет он был, разумеется, в черное, как и все люди, желающие показать, насколько они богаты, но окончательно его выдавала борода.

Теоретически это была эспаньолка, почти как у лорда Витинари. Тонкие полоски черной щетины спускались по обеим щекам, такой же тонкой дугой загибались под носом и сходились черным треугольником под самой губой, придавая Космо вид, который ему самому наверняка казался угрожающе-элегантным. И в самом деле, на Витинари оно так и смотрелось. На лице у Космо элегантная стриженная растительность уныло топорщилась на синюшной челюсти, блестящей мелкими капельками пота, и в целом создавалось впечатление, что у него на подбородке была мошонка.

Какому-то цирюльнику приходилось иметь дело с этой бородой, с каждым ее волоском, что ни день, и его работу вряд ли облегчало то, что Космо изрядно располнел с тех пор, как создал себе этот имидж. В жизни беспечных молодых людей бывают моменты, когда кубики становятся шариками, но у Космо они превратились в бадью жира.

Но стоило посмотреть ему в глаза — и эффект сразу менялся. В них читалось скучающее выражение человека, который уже видел вас трупом...

Впрочем, как показалось Мокрицу, это не были глаза убийцы. Такие люди скорее всего покупают смерть, когда возникает такая необходимость. Да, на пухлых пальцах красовались демонстративно

громоздкие перстни с выемками для ядов, но вряд ли *настоящему* профессионалу нужно столько ядов, не так ли? Настоящие убийцы не занимаются саморекламой. Но что за элегантная черная перчатка на другой руке? Это мода Гильдии Убийц. Выходит, он обучался в школе при Гильдии. Большинство детей из высшего общества получают там образование, хотя и не все изучают Черную Программу. Он, наверное, приносил записку от мамы, освобождающую его от уроков с холодным оружием.

Шалопая трясло от страха или, возможно, от бешенства. У Мокрица на коленях он рычал, как леопард.

— О, песик моей мачехи, — сказал Космо, когда карета тронулась с места. — Как мило. Не буду ходить вокруг да около. Я дам тебе за него десять тысяч долларов, господин фон Липвиг. — Рукой, на которой не было перчатки, он протянул Мокрицу листок бумаги. — Долговая расписка. В этом городе ее примут везде.

Каждое слово Космо походило на вздох, как будто разговор причинял ему физическую боль.

Мокриц прочел:

Прошу выплатить сумму в Десять тысяч долларов Мокрицу фон Липвигу.

И размашисто подписано Космо Шиком поперек однопенсовой марки.

Подписано поперек марки... Кто это придумал? Но в городе так делали все чаще и чаще, и если спросить кого угодно — зачем, — они бы ответили: «Этак оно сразу законно». Это обходилось дешевле услуг законника и поэтому всех устраивало.

Десять тысяч долларов смотрели с расписки прямо на него.

«Как он смеет предлагать мне взятку?» — подумал Мокриц. По правде говоря, это была его вторая мысль, мысль будущего обладателя золотистой цепочки. Первая мысль, за которую отвечал прежний Мокриц, была такой: «Как он смеет предлагать мне *такую маленькую* взятку?»

— Нет, — ответил он. — К тому же я получу намного больше, если присмотрю за ним несколько месяцев!

— Возможно, зато мое предложение не такое рискованное.

— Ты так думаешь?

Космо улыбнулся.

— Будет тебе, господин фон Липвит. Мы люди бывалые...

— ...ты да я, что ли? — подхватил Мокриц. — Как же это *предсказуемо*. И потом, тебе стоило предложить мне намного больше.

В этот момент что-то произошло в области лба Космо. Брови начали кривиться, как у Шалопая, когда тот был чем-то озадачен. Они поизвивались так, пока Космо не заметил выражение лица Мокрица и не прилепнул брови ладонью, сверкнув взглядом, чтобы было понятно, что под страхом неминуемой смерти собеседнику следует воздержаться от комментариев.

Космо прочистил горло.

— За то, что могу получить даром? У нас есть все шансы доказать, что наша мачеха была в поместье, когда составляла это завещание.

— Мне она показалась разумной, как никто, — сказал Мокриц.

— Это с двумя-то заряженными арбалетами на столе?

— А, вижу, к чему ты клонишь. Согласен, будь она в своем уме, поставила бы на входе пару троллей с дубинками.

Космо смерил его долгим оценивающим взглядом, ну или, во всяком случае, как ему самому показалось, но Мокрицу была хорошо известна эта тактика. Адресат такого взгляда должен почувствовать, что его мысленно взвешивают, прикидывая, куда лучше бить, хотя он мог с той же легкостью означать и: «Посижу и посмотрю на него, пока не придумаю, что с ним делать дальше». Космо мог быть беспощадным человеком, но дураком он не был. Человек в золотом костюме бросается в глаза, и наверняка кто-то обратил внимание, в какую карету он сел.

— Боюсь, моя мачеха навлекла на тебя море неприятностей, — сказал Космо.

— К неприятностям мне не привыкать, — ответил Мокриц.

— Да ну? Расскажешь поподробнее? — Вопрос прозвучал резко и внезапно.

Ах. Прошное. Не лучшая тема для разговоров. Мокриц предпочитал ее избегать.

— О тебе так мало известно, господин фон Липвиг, — продолжал Космо. — Родился в Убервальде, стал нашим почтмейстером. А в промежутке...

— Остался в живых.

— Завидное достижение, — сказал Космо. Он постучал по стенке кареты, и экипаж замедлил ход. — Надеюсь, так и останется. А пока что позволь дать тебе хотя бы это...

Он разорвал расписку пополам и бросил Мокри-

цу на колени ту часть, на которой красноречиво отсустствовали и марка, и подпись.

— Это еще зачем? — не понял Мокриц и подобрал листок, другой рукой пытаясь удержать беснующегося Шалопая.

— О, просто знак моих честных намерений, — ответил Космо, когда карета остановилась. — Однажды у тебя может возникнуть желание попросить у меня вторую часть. И пойми меня правильно, господин фон Липвиг, я предпочитаю не решать дела сложным путем.

— И не стоит из-за меня изменять своим привычкам, умоляю, — сказал Мокриц, распахивая дверцу. Снаружи кишела повозками, людьми и, увы, возможными свидетелями Саторская площадь.

Брови Космо снова сделали то же движение. Космо шлепнул по ним и сказал:

— Ты не понял, господин фон Липвиг. *Это* был сложный путь. Прощай. Мое почтение твоей даме.

Мокриц развернулся на мостовой, но дверца была уже захлопнута, и карета уезжала прочь.

— Что ж ты не добавил, что тебе известно, в какой школе учатся мои дети? — прокричал он ей вслед.

И что дальше? Вот бесовщина, угораздило его все-таки влипнуть!

Дворец был совсем близко и манил его к себе. Витинари нужно было ответить на некоторые вопросы. Как он все это подстроил? Стража сказала, что госпожа Шик умерла своей смертью! Но Витинари был профессиональным наемным убийцей, не так ли? Самым настоящим, может даже со специализацией по ядам.

Широким шагом Мокриц миновал дворцовые ворота, но стражники остановили его у входа в са-

мо здание. Мокриц давно их знал. Устраиваясь на эту работу, они, наверное, проходили специальный тест. Если они неправильно отвечали на вопрос «Как тебя зовут?», то их нанимали. Иные *тролли* лучше соображали. Зато их нельзя было провести и нельзя было заговорить зубы. У них был список тех, кому можно войти сразу, и тех, кому нужно договориться о встрече. Если тебя не было ни в одном из списков, ты оставался за порогом.

Но их начальник, достаточно смысленный для того, чтобы читать крупный шрифт, узнал «главного почтмейстера» и «председателя Королевского банка» и велел одному из своих сгонять к Стукпостуку, нацарапав тому записку. К изумлению Мокрица, десять минут спустя его проводили в Продолговатый Кабинет.

Все места за длинным столом для переговоров в дальней части кабинета были заняты. Мокриц узнал глав нескольких гильдий, но многие из собравшихся были обычными горожанами, работягами, которые чувствовали себя неуютно в четырех стенах. На столе были разложены карты города. Он отвлекал этих людей от чего-то. Точнее, Витинари из-за него отвлекся от чего-то.

Патриций встал, как только Мокриц вошел, и поздравил его ближе.

— Дамы и господа, прошу меня извинить, но мне нужно переговорить с почтмейстером. Стукпостук, пробегитесь еще раз по цифрам, хорошо? Господин фон Липвиг, сюда, пожалуйста.

Мокрицу послышался приглушенный смех за спиной, а потом Витинари вывел его в художественную галерею, которую он сначала принял за ко-

ридор с высокими потолками. Патриций захлопнул за ними дверь. Щелчок замка показался Мокрицу оглушительным. Злость улетучивалась, уступая место оторопи. Все же Витинари был тираном. Если Мокрица никто и никогда больше не увидит, репутация патриция только закрепится.

— Поставь Шалопая на землю, — сказал Витинари. — Пусть побеждает, это пойдет ему на пользу.

Мокриц опустил собаку, как будто отбросил щит. Теперь можно было рассмотреть, что за скульптуры стояли в галерее.

Лица, которые он принял за каменные, оказались восковыми. И Мокриц догадался, как и когда они были сделаны.

Это были посмертные слепки.

— Мои предшественники, — сказал Витинари, шагая вдоль рядов. — Неполное собрание, разумеется. Не всегда находили голову, и не всегда она была, скажем так, в пригодном состоянии.

Повисла тишина. Мокриц наивно нарушил ее:

— Странно, наверное, когда они на тебя смотрят каждый день свысока.

— Хм, ты так считаешь? Я бы сказал, это я смотрю на них свысока. Чудовищные по большей части люди, жадные, продажные, ленивые. Коварство может сослужить хорошую службу до поры до времени, а потом ты умираешь. Почти все они умерли богатыми, толстыми и испуганными. Город чах, пока они были у власти, и поднимался, когда они умирали. Но сейчас город живет, господин фон Липвиг. Мы прогрессируем. Это было бы невозможно, если бы городом правил человек, который убивает старушек, ты это понимаешь?

— Я не говорил...

— Я прекрасно знаю, чего ты не говорил. Ты очень громко воздержался от того, чтобы это сказать. — Витинари поднял бровь. — Я очень зол, господин фон Липвиг.

— Меня втянули в этот замес!

— Но не я, — отчеканил Витинари. — Уверяю тебя, если бы я, как ты выражаешься на вашем безобразном уличном наречии, «втянул тебя в этот замес», ты бы полностью оценил все оттенки значений слова «втянул» и как никто познал бы, что такое «замес».

— Вы понимаете, о чем я!

— Святые небеса, и это говорит настоящий Мокриц фон Липвиг? Или человек, который ждет не дождется золотистой цепочки? Тилли Шик знала, что умирает, и просто переписала завещание. И я поздравляю ее с этим. Сотрудники теперь отнесутся к тебе с большим пониманием. Она оказала тебе большую услугу.

— Услугу? В меня стреляли!

— Гильдия Убийц просто дала знать, что они за тобой следят.

— Два раза стреляли!

— Для выразительности, — предположил Витинари, усаживаясь в бархатное кресло.

— Но ведь у банкиров, по идее, должна быть *скучная* работа! Циферки, пенсии — работа на всю жизнь!

— «На всю жизнь» не всегда означает «надолго», — сказал Витинари с явным удовольствием.

— Вы не можете ничего с этим сделать?

— С Космо Шиком? С чего бы? Предложение купить собаку не противозаконно.

— Но вся их семейка... А как вы узнали? Я ничего вам не рассказывал!

Витинари только отмахнулся.

— Если знаешь человека, знаешь и его поступки. Я знаю Космо. В ситуации подобного толка он не станет применять силу, если дело можно решить деньгами. Он умеет располагать к себе, когда хочет того.

— Я слышал и об остальных. Очень желчная у них компания.

— Мне нечего на это ответить. Однако Тилли и здесь тебя выручила. Гильдия Убийц не примет второго заказа на тебя. Конфликт интересов, сам понимаешь. Думаю, теоретически они могли бы взять заказ на председателя, но сильно в этом сомневаюсь. Убийство комнатной собачки? Это ничье резюме не украсит.

— Я на подобное не подписывался!

— Нет, господин фон Липвиг, ты подписывался на смерть, — внезапно отрубил Витинари ледяным и смертельным, как падающая сосулька, голосом. — Ты подписался на законную смерть через повешение за твои преступления перед городом, перед общественными интересами, перед человеческой верой в людей. И ты был воскрешен, потому что городу это требовалось. Это ради города, господин фон Липвиг. Все ради города. Тебе, конечно, известно о моих планах?

— Об этом писали в «Правде». Подземный проект. Вы хотите построить под городом дороги, каналы и улицы. К нам в руки попал какой-то гномий механизм под названием Устройство. Гномы используют его для строительства водонепроницаемых туннелей. Гильдия Изобретателей очень воодушевлена.

— По твоему мрачному тону я делаю вывод, что ты — нет?

Мокриц пожал плечами. Механизмы никогда его особо не интересовали.

— Я вообще ничего об этом не думаю.

— Невероятно, — сказал Витинари озадаченно. — Ну, господин фон Липвиг, ты можешь хотя бы предположить, что́ нам потребуется для этого проекта в огромных количествах.

— Лопаты?

— Финансы, господин фон Липвиг. И они бы у нас были, если бы городская банковская система шла в ногу со временем. Я свято верю в твою способность... встряхнуть это дело.

Мокриц выбросил последнюю карту.

— Я нужен Почтамту... — начал он.

— В настоящий момент — уже нет, и у тебя все зудит от этой мысли, — ответил Витинари. — Рутинна не для тебя. Посему я отправляю тебя в отпуск. Господин Грош побудет твоим заместителем, и, хотя он не обладает твоим... размахом, назовем это так, он справится с Почтамтом, я в нем не сомневаюсь.

Витинари встал, подчеркивая этим, что аудиенция подошла к концу.

— Город истекает кровью, господин фон Липвиг, и ты — тромб, который мне нужен. Иди и делай деньги. Выпусти на волю богатства Анк-Морпорка. Госпожа Шик доверила тебе банк. Управляй им как следует.

— Банк принадлежит собаке, если что.

— И какая у нее доверчивая мордочка, — сказал Витинари, направляя Мокрица к выходу. — Не стану далее тебя задерживать. И не забывай: все на благо города.

...Когда Мокриц подошел к банку, там проходил очередной марш протеста. В последнее время их становилось все больше и больше. Странное дело, но всем хотелось жить под деспотичным правлением тирана Витинари. Люди стекались в город, как будто улицы его были вымощены золотом.

Это было отнюдь не золото. Но наплыв приезжих оказывал несомненные последствия. Для начала падало жалование.

Пикет был направлен против трудоустройства големов, которые безропотно выполняли самую грязную работу, трудились круглые сутки и были такими честными, что платили налоги. Но они не были людьми, и у них светились глаза, а люди относятся к таким вещам настороженно.

Господин Бент, похоже, поджидал за колонной. Мокриц едва успел переступить порог банка с Шалопаем, уютно устроившимся у него под мышкой, а старший кассир был уже тут как тут.

— Персонал крайне обеспокоен, сэр, — сказал он, направляя Мокрица к лестнице. — Я взял на себя смелость сообщить им, что вы выступите перед ними позднее.

Мокриц ловил на себе обеспокоенные взгляды. На глаза попадались и другие мелочи, потому что теперь он смотрел на все отчасти хозяйским взглядом. Да, банк был построен на совесть из дорогих материалов, но если приглядеться, становилось видно, какое все старое и запущенное. Банк напоминал собой ставший вдруг непомерно большим дом несчастной старой вдовы, которая давно не замечает пыли. Латунь потемнела, красный бархат залоснился и местами протерся, мраморный пол сверкал только кое-где...

— Что? — переспросил он. — Ах да. Хорошая мысль. Здесь можно провести уборку?

— Сэр?

— Ковры затоптаны, бархатные веревки размотаны, шторы видали лучшие столетия, а латунь надо хорошенько надраить. Банк должен выглядеть опрятно, господин Бент. Нищему можно дать денег, но разве ты дашь ему в долг?

Глаза Бента поползли на лоб.

— Таково мнение председателя, я правильно понимаю? — спросил он.

— Председателя? Ах да. Шалопай любит, чтобы все было чисто. Не так ли, Шалопай?

Шалопай перестал рычать на господина Бента, чтобы пару раз протявкать.

— Видишь? — сказал Мокриц. — В любой непонятной ситуации — причесывайся и чисти туфли. Народная мудрость. Займись этим, господин Бент.

— Я приложу все силы, сэр, — сказал Бент. — Между тем вас спрашивала молодая женщина. Она отказалась называть свое имя, но уверяла, что вы будете рады ее видеть. Я проводил ее в малый конференц-зал.

— Тебе не пришлось открывать форточку? — спросил Мокриц с надеждой.

— Нет, сэр.

Это исключало Дору Гаю. На смену этой мысли тут же пришла совершенно чудовищная:

— Это кто-то из Шиков?

— Нет, сэр. А Шало... господину председателю уже пора обедать, сэр. Он ест холодную курятину из-за проблем с пищеварением. Мне приказать подавать обед в малый зал?

— Будь так добр. И не мог бы ты мне тоже чего-нибудь сообразить?

— Сообразить, сэр? — Бент выглядел озадаченным. — В смысле решить задачу?

«Ах, он из *этих*», — догадался Мокриц.

— В смысле найти мне что-нибудь поесть, — переревел он.

— Разумеется, сэр. В апартаментах есть отдельная кухня с личным поваром. Госпожа Шик довольно долго жила здесь. Будет любопытно снова обзавестись распорядителем монетного двора.

— Распорядитель монетного двора, мне нравится, как это звучит, — сказал Мокриц. — А тебе, Шалопай?

Председатель, как по команде, залаял.

— Хм, и последнее, сэр, — сказал Бент. — Вы не могли бы это подписать? — Он указал на стопку бумаг.

— Что это? Надеюсь, это не акты заседаний? Я не занимаюсь актами.

— Это формальности, сэр. Вкратце, от вас требуется расписаться везде от лица господина председателя, и мне рекомендовали, чтобы лапа Шалопая появилась в полях, отмеченных галочками.

— Ему нужно все это читать? — спросил Мокриц.

— Нет, сэр.

— Тогда и я не буду. Это же банк. Ты провел мне экскурсию. Вряд ли у него не хватает колеса. Показывай, где ставить подпись.

— Вот здесь, сэр. И здесь. И здесь. И здесь. И здесь. И здесь. И здесь...

Женщина в конференц-зале была бесспорно привлекательной, но поскольку работала она в «Правде», Мокриц не находил в себе сил называть

ее дамой. Дамы не цитируют с дьявольской дословностью то, чего ты на самом деле не имел в виду, и не бьют наотмашь неожиданными вопросами. Хотя, если подумать, как раз это дамы делают регулярно, но *ей* за это *платили*.

Но нельзя было не признать, что с Сахариссой Резник не соскучишься.

— Сахарисса! Какой сюрприз, которого следовало ожидать! — воскликнул он, заходя в зал.

— Господин фон Липвиг! Рада тебя видеть! — сказала она. — Значит, ты теперь официальное собачье лицо?

В *этом* смысле не соскучишься. Как при жонглировании ножами. С ней постоянно приходилось ходить на цыпочках. Это держало в тонусе, совсем как физзарядка.

— Уже сочиняешь заголовки, Сахарисса? — спросил Мокриц. — Я всего лишь исполняю условия завещания госпожи Шик.

Он поставил Шалопая на полированный стол, и сам сел в кресло.

— Значит, теперь ты председатель банка?

— Нет, председатель банка — Шалопай, — поправил Мокриц. — Шалопай, гавкни милой барышне с бойким карандашом, только осторожно.

— Гав, — сказал Шалопай.

— Шалопай — председатель банка. — Сахарисса закатила глаза. — Ну конечно. И он твой начальник?

— Да. А я распорядитель монетного двора, кстати.

— Собака и ее хозяин, — проговорила Сахарисса. — Какая прелесть! Наверное, ты можешь читать его мысли благодаря особой у вас с ним мистической связи, соединяющей человека и собаку?

— Сахарисса, даже я не сказал бы лучше.

Они улыбнулись друг другу. Это был только первый раунд. Оба понимали, что только разминаются.

— Тогда, наверное, ты не согласишься с теми, кто считает это последней попыткой госпожи Шик уберечь банк от когтей ее родственников, о которых отзываются как о полных бездарях, которые не в состоянии управлять этим банком и могут только окончательно свести его в могилу? Или ты присоединишься к популярному мнению, что патриций все-ррез вознамерился поставить непослушную банковскую систему города на ноги и видит в сложившейся ситуации прекрасную возможность для этого?

— Те, кто считает, те, кто отзывается... кто все эти загадочные люди? — спросил Мокриц, пытаясь повести бровью так же эффектно, как Витинари. — И откуда ты их столько знаешь?

Сахарисса вздохнула:

— И ты не скажешь, что Шалопай просто сподручная марионетка?

— Гав? — отозвалась собака на звук своей клички.

— Я нахожу этот вопрос оскорбительным! — заявил Мокриц. — Он тоже.

— Мокриц, с тобой стало скучно иметь дело. — Сахарисса закрыла блокнот. — Ты говоришь совсем как... *банкир*.

— Рад, что ты так думаешь.

«Не забываем: то, что блокнот закрыт, еще не значит, что можно расслабляться!»

— Где скачки на диких скакунах? Где вдохновенные речи? Где безумные мечты? — спросила Сахарисса.

— Ну, я велел навести чистоту в холле.

Глаза Сахариссы сузились:

— Уборку в холле? Кто ты такой и куда ты дел Мокрица фон Липвига?

— Да нет же, я серьезно. Нужно навести порядок у себя, прежде чем наводить порядок в экономике, — сказал Мокриц и почувствовал, как его мысли соблазнительно включили вторую скорость. — Я планирую избавиться от всего лишнего. Например, у нас целое хранилище забито совершенно бесполезным металлом. От него придется избавляться.

Сахарисса нахмурилась:

— Ты имеешь в виду *золото*?

Откуда взялась эта мысль? Теперь нельзя отпираться, иначе она возьмет тебя за горло. Гни свою линию! К тому же приятно видеть ее удивление.

— Да, — сказал он.

— Ты, наверное, шутишь!

Блокнот тут же раскрылся, и у Мокрица развязался язык. Мокриц уже не мог его остановить. Было бы неплохо, если бы он сначала с ним советовался.

Заглушая здравый смысл, он сказал:

— Я абсолютно серьезно! Я порекомендую лорду Витинари продать все золото гномам. Нам оно ни к чему. Это товар, и ничего больше.

— Но что может быть ценнее золота?

— Практически все. Ты, например. Золото — вещь тяжелая. Твой вес в золоте даст совсем немного золота. Разве ты не стоишь большего?

К радости Мокрица, Сахарисса на мгновение смутилась.

— Что ж, в некотором смысле...

— В единственном смысле, который имеет значение, — сказал Мокриц решительно. — В мире полно вещей, которые дороже золота. Но мы роем землю в поисках этой дряни, чтобы спрятать его потом в другую яму. Где тут смысл? Мы что, сороки? Все дело в блеске? Святые небеса, да в *картошке* ценности больше, чем в золоте!

— Это вряд ли.

— Если ты окажешься на необитаемом острове, что ты предпочтешь, мешок картошки или мешок золота?

— Да, но Анк-Морпорк — не необитаемый остров.

— Следовательно, золото имеет ценность только потому, что мы между собой так решили, верно? Это иллюзия. Но ценность картошки всегда будет равна картошке, где бы мы ни были. Капля масла, щепотка соли, и ты будешь сыт, *где бы ты ни был*. Зарой золото в землю — и будешь вечно бояться воров. Зарой картофель — и в сезон урожая у тебя будут дивиденды под тысячу процентов.

— Надеюсь, ты не собираешься перевести нас на картофельный стандарт? — съязвила Сахарисса.

Мокриц улыбнулся:

— Нет, этого не будет. Но через несколько дней я начну раздавать деньги. Деньги не любят покоя, знаешь ли. Они любят гулять и заводить новых друзей.

Краешком сознания, пытавшегося поспевать за языком, Мокриц подумал: «Жалко, что я не записываю. Не уверен, что смогу все это запомнить». Но разговоры предыдущего дня наталкивались друг на друга у него в памяти и творили музыку. Мокриц не был уверен, что нашел все ноты, но он уже мог на-

петь мотив. Оставалось только послушать себя еще немного, чтобы понять, о чем он говорит.

— Говоря «раздавать», ты имеешь в виду...

— Дарить. Отдавать. Честно.

— Как? Зачем?

— Всеу свое время!

— Ты смеешься надо мной, Мокриц!

«Нет, я впал в ступор, потому что услышал самого себя, — подумал Мокриц. — Я пока ничего не понимаю, это просто отдельные мысли. Это...»

— Это как с необитаемыми островами, — сказал он. — Наш город — совсем не остров.

— И все?

Мокриц потер лоб:

— Госпожа Резник, госпожа Резник... этим утром я проснулся с единственной мыслью: разобраться с бумажной волокитой на почте, и еще у нас никак не клеится со специальным выпуском специальной двадцатипятипенсовой капустной марки. Помнишь, та, которая прорастает, если ее посадить? Как мне было успеть разработать новый финансовый проект к послеобеденному чаю?

— Да, но...

— Дай мне времени хотя бы до завтрака.

Она это записала. Потом спрятала блокнот в сумку.

— Это обещает быть интересным, — сказала Сахарисса, и Мокриц подумал: «Не доверяй ей даже тогда, когда блокнот уже спрятан. У нее хорошая память».

— Откровенно говоря, я считаю, что это мой шанс сделать что-то важное и значительное для города, заменившего мне родной дом, — сказал Мокриц своим честным голосом.

— Это твой честный голос, — заметила Сахарисса.

— Потому что я говорю честно, — ответил он.

— Но раз уж ты сам затронул эту тему, Мокриц, что ты делал по жизни до того, как жители Анк-Морпорка встретили тебя с распростертыми карманами?

— Оставался в живых, — ответил Мокриц. — В Убервальде разрушалась старая империя. В порядке вещей было свергать правительство дважды еще до завтрака. Я работал где придется, чтобы заработать на жизнь. Ты, наверное, хотела сказать «объятиями», — добавил он.

— И попав к нам, ты произвел такое впечатление на богов, что они показали тебе клад, чтобы ты мог восстановить Почтамт.

— Я отношусь к этому с большим смирением, — сказал Мокриц, пытаясь соответствовать.

— Ага, а божественное золото было все в старых монетах из равнинных городов...

— Знаешь, я и сам об этом иногда думаю долгими бессонными ночами, — сказал Мокриц. — И я пришел к выводу, что боги в своей мудрости решили, что дар должен быть легок в применении.

«Я так долго могу продолжать, — думал Мокриц, — а ты пытаешься играть в покер без карт. Подозревай все, что хочешь, но я вернул те деньги! Ну да, сначала я их украл, но то, что я их все же вернул, должно считаться, правда? С чистого листа, так? Ну, или с чуть заляпанного».

Дверь медленно приоткрылась, и в комнату протиснулась юная нервная особа с тарелкой холодного куриного мяса. Она поставила тарелку перед Шалопаем, и тот просиял.

— Извини, может, ты хочешь кофе? — спросил Мокриц, когда девушка направилась к выходу.

Сахарисса встала.

— Спасибо, не стоит. У меня сроки горят. Уверена, мы еще скоро побеседуем, господин фон Липвиг.

— Не сомневаюсь, госпожа Резник.

Она подошла к нему и тихо спросила:

— Ты знаешь эту девушку?

— Нет, я почти ни с кем еще не знаком.

— Так ты не знаешь, можно ли ей доверять?

— Доверять?

Сахарисса вздохнула:

— Это совсем на тебя не похоже, Мокриц. Она только что принесла еду самой ценной собаке в мире. Которую некоторые хотят видеть мертвой.

— С какой стати... — начал Мокриц. Они повернулись к Шалопая, который уже вылизывал пустую тарелку, гоняя ее мордочкой по столу, и одобрительно причмокивал.

— Э... я не буду тебя провожать, ладно? — сказал Мокриц и бросился к скользящей тарелке.

— Если будешь сомневаться, сунь пальцы ему в горло! — сказала из дверей Сахарисса с каким-то неуместным, по мнению Мокрица, весельем.

Он подхватил собаку и выбежал за девушкой. Она вела в узкий и невыразительный коридор, который упирался в зеленую дверь. Оттуда доносились голоса.

Мокриц ворвался в дверь.

За ней оказалась опрятная маленькая кухня, и там его взгляду предстало зрелище. Девушка была приперта к столу, а бородатый мужчина в белой одежде размахивал огромным ножом. Увидев его, они удивились.

— Что здесь происходит? — закричал Мокриц.

— Э, э... ты только что ворвался и закричал? — сказала девушка. — Что-то не так? Я всегда подаю Шалопая закуски примерно в это время.

— А я готовлю главное блюдо, — сказал бородач и опустил нож на блюдо с потрохами. — Куринные шейки, фаршированные потрошками, и его любимый ирисковый пудинг на десерт. А кто спрашивает?

— Я... его хозяин, — ответил Мокриц со всей надменностью, которую смог наскрести.

Повар снял белый колпак.

— Виноват, господин, ну конечно. Золотой костюм, все дела. Это Пегги, дочка моя, а я — Эймсбери.

Мокриц немного взял себя в руки.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я просто волновался, что кто-то может попытаться отравить Шалопая...

— Мы как раз об этом и говорили, — сказал Эймсбери. — Я подумал, что... Минуточку, ты же не меня имеешь в виду?

— Нет, нет, конечно же, нет! — ответил Мокриц человеку, державшему в руках нож.

— Ну, тогда ладно, — смягчился Эймсбери. — Ты здесь новенький, господин, откуда тебе знать. А вот Космо однажды ударил Шалопая!

— Этот кого угодно отравить может, — сказала Пегги.

— Но я каждый день хожу на рынок, господин, и лично покупаю еду для песика. Продукты хранятся в холодильной комнате внизу, и у меня у одного есть ключ.

Мокриц вздохнул свободнее.

— А не мог бы ты сообразить мне омлет, если нетрудно? — попросил он.

Повар занервничал.

— Это из яиц, да? — спросил он в панике. — Как-то никогда не приходилось их готовить, господин. Пес ест одно сырое яйцо с говяжьим тартаром по пятницам, и госпожа Шик выпивала по два сырых яйца с джином и апельсиновым соком каждое утро, вот и все мое знакомство с яйцами. У меня тут свиная голова маринуется, если тебе интересно. Есть языки, сердечки, мозги, баранья голова, превосходный подгрудок, печенка, селезенка, ушки, щечки, почки, мочки...

В детстве Мокрицу на стол подавали многое из этого перечня. Идеальная пища, если вы хотите научить своего ребенка бессовестному вранью, ловкости рук и искусству отвода глаз. Мокриц, разумеется, всегда прятал невнятные склизкие мясные кусочки под овощами, однажды соорудив картошку в двенадцать дюймов высотой.

Мокрица озарило.

— И часто ты готовил для госпожи Шик? — спросил он.

— Нет, господин. Она сидела на диете из джина, овощного супа, утреннего тоника и...

— ...джина, — твердо закончила Пегги.

— Выходит, ты собачий повар?

— Я предпочитаю «псовый». Ты случайно не читал мою книгу? «Готовим с мозгами»? — спросил Эймсбери без особой надежды, и был прав.

— Необычный выбор специализации, — сказал Мокриц.

— Это позволяет мне... так оно безопаснее... короче, по правде сказать, господин, у ме-

ня аллергия. — Повар вздохнул. — Пегги, покажи ему.

Девушка кивнула и вытащила потрепанную карточку из кармашка.

— Пожалуйста, не произноси вслух. — Она протянула ему карточку.

Мокриц взглянул.

— А без этого в кулинарном деле никуда, — сокрушался Эймсбери.

Момент был не самый удачный, ох не самый. Но если у тебя не вызывает интерес человеческая натура, значит, нет в тебе души обманщика.

— У тебя аллергия на ч... на это? — спросил он, вовремя поправившись.

— Нет, господин. На слово. Я выношу само растение, могу даже съесть, но вот слово...

Мокриц снова посмотрел на карточку и грустно покачал головой.

— Так что пришлось мне поставить крест на ресторанном деле.

— Понимаю. А как тебе слово... «чёс»?

— Да, господин, вижу, к чему ты клонишь, я уже это проходил. Чёс ног, чист, но... никакого эффекта.

— Значит, только «чеснок»... ох, я не...

Эймсбери застыл с отрешенным выражением лица.

— О, боги, мне так жаль, честное слово, я не нарочно... — начал Мокриц.

— Знаю, — сказала Пегги устало. — Слово так и просится наружу, да? Он постоит так пятнадцать секунд, потом метнет нож прямо перед собой, секунды четыре поговорит на беглом щеботанском и придет в норму. Вот. — Она всучила Мокрицу миску с большим коричневым комком. — Ты иди, вот

тебе ирисовый пудинг для Шалолая, а я спрячусь в кладовке. Я привыкшая. И омлет я тебе тоже сделаю. — Она вытолкнула Мокрица за дверь и закрыла за ним на замок.

Он поставил миску на пол, и внимание Шалолая было поглощено окончательно и бесповоротно.

Наблюдать за тем, как собака пытается прожевать кусок ириски, — воистину царское развлечение. Смешанное происхождение Шалолая наградило его поразительными жевательными способностями, которые не могли не приводить в восторг. Он радостно катался по полу, корча рожи, как резиновая горгулья в стиральной машинке.

Прошло несколько секунд, и Мокриц отчетливо услышал, как в дверь вонзился нож, и следом раздался крик: «*Nom d'une bouilloire! Pourquoi est-ce que je suis hardiment ri sous cape à part les dieux?*»¹

В дверь кабинета постучали. Не дожидаясь ответа, вошел господин Бент. Он нес большую круглую коробку.

— Ваши апартаменты готовы, распорядитель, — объявил он. — Точнее, апартаменты Шалолая.

— Апартаменты?

— Да. Председательские апартаменты.

— Ах вот оно что. Сон без отрыва от производства, так сказать?

— Совершенно верно. Господин Кривс был столь любезен и передал мне копию условий завещания. Председатель обязан по ночам спать в банке...

— Но меня абсолютно устраивает моя квартира на...

---

¹ Настоящий чайник! Почему я так смело смеюсь исподтишка, когда речь идет о боге?

— Кхм. Таковы условия, сэр, — сказал Бент. — Вы можете спать на кровати, разумеется, — добавил он благодушно. — Шалопай будет спать в лотке для бумаг. Он в нем родился, если хотите знать.

— Мне придется торчать здесь взаперти *каждую ночь?*

Но когда Мокриц увидел апартаменты, перспектива перестала казаться ему такой мучительной. Ему пришлось открыть четыре разные двери, пока он не нашел спальню. Помимо нее там были столовая, гардеробная, ванная, отдельная уборная со смывом, гостевая спальня, приемная, а также небольшой личный кабинет. В хозяйской спальне стояла огромная дубовая кровать с узорчатым балдахином, и Мокриц влюбился в нее с первого взгляда. Он прилег, чтобы оценить ее по достоинству. Кровать была такой мягкой, как будто он лежал в большой теплой луже...

Мокриц подскочил как ужаленный.

— Госпожа Шик... — вымолвил он в панике.

— Она умерла за своим столом, распорядитель, — утешил его Бент и развязал веревочку на круглой коробке. — Мы поставили новое кресло. Похороны завтра. Кладбище Мелких богов, в полдень, родственников пускают только по приглашениям.

— Мелких богов? Не слишком ли неприятно для Шик?

— Насколько мне известно, предки госпожи Шик похоронены именно там. Однажды в минуту откровения она поведала мне, что ни за какие коврижки не проведет с Шиками всю оставшуюся вечность, — слышался шелест бумаги, и Бент добавил: — Ваш головной убор, сэр.

— Какой еще убор?

— Форма распорядителя монетного двора. — Бент протянул ему шляпу.

Это был черный цилиндр. Некогда он был блестящим. Теперь он был вытертым. У старых бродяг встречались шляпы поновее.

Цилиндр мог выглядеть как стопка монет или корона с драгоценными инкрустациями, изображающими многовековую историю финансовых преступлений и денежного обращения, начиная с козюков, ракушек и коров и заканчивая золотом. Он мог бы сообщать что-то о магии денег. Он мог бы *отлично* смотреться.

Черный цилиндр. Никакой индивидуальности. Ноль.

— Господин Бент, можно ли послать кого-нибудь на Почтамт, чтобы доставили сюда мои вещи? — спросил Мокриц, мрачно разглядывая эту развалину.

— Конечно, распорядитель.

— Господина фон Липвига вполне достаточно, спасибо.

— Да, сэр. Конечно.

Мокриц уселся за огромный стол и любовно провел руками по потертой зеленой коже.

Витинари был прав, разрази его гром. Почтамт сделал его осмотрительным и осторожным. Закончились испытания, закончился *задор*.

Вдали послышались раскаты грома, и над предвечерним солнцем нависли иссиня-черные тучи. Сравнин подступала долгая и сильная ночная гроза. Если верить «Правде», в последнее время дождливыми ночами уровень преступности поднимался. Причиной якобы было то, что вервольфу Стражи под дождем было сложнее идти по следу.

Немного погодя Пегги принесла Мокрицу омлет, в котором не было ни намека на слово «чеснок». А вскоре появилась и Глэдис со всем его гардеробом, который весь, включая дверцы, помещался у нее под мышкой. Эхо отскакивало от стен и потолка, когда она протопала по ковру и сбросила шкаф прямо посреди большой спальни.

Мокриц хотел пойти за ней, но она в ужасе подняла огромную ладонь.

— Нет, Господин Фон Липвиг! Сначала Я Выйду! Она протиснулась мимо него в коридор.

— Как Неудобно Могло Получиться, — сказала она.

Мокриц подождал, не разовьет ли она эту мысль, и уточнил сам:

— А это почему?

— Мужчина Не Должен Находиться В Спальне Наедине С Незамужними Девицами, — сказала голем с непоколебимой твердостью.

— Э, сколько тебе лет, Глэдис? — спросил Мокриц осторожно.

— Одна Тысяча Пятьдесят Четыре, Господин Фон Липвиг.

— Ага, ясно. И ты сделана из глины. То есть все мы в каком-то роде сделаны из глины, но, будучи големом, ты, как бы это сказать... *совсем* сделана из глины...

— Да, Господин Фон Липвиг, Но Я Не Замужем. Мокриц застонал.

— Глэдис, что наши девочки дали тебе почитать на этот раз? — спросил он.

— «Благоразумные Советы Для Юных Девиц» Леди Дейрдре Вагон, — ответила Глэдис. — Очень Познавательно. Там О Приличиях. — Она выудила

тоненькую, низкопробного вида книжицу из бездонного кармана своего платья.

Мокриц вздохнул. Это была одна из тех старомодных книг о правилах хорошего тона, в которых рассказывалось про «десять вещей, которых не нужно делать с зонтиком».

— Понятно, — сказал он.

Он не знал, как это объяснить. Хуже того, он не знал, что собирается объяснять. Големы были... големами. Большие комья глины с вложенным в них огоньком жизни. Одежда? Зачем? Даже големы мужского пола на Почтамте были лишь слегка подкрашены синей и золотой краской, чтобы выглядеть по уставу... Стоп, теперь и он это подхватил! Нет у големов никакого мужского пола! Големы есть големы, и они тысячелетиями охотно оставались просто големами! А теперь они оказались в современном Анк-Морпорке, где были перемешаны всевозможные расы, люди и мысли, и удивительное дело, что они могли впитать из этой смеси.

Глэдис молча затопала по коридору, развернулась и неподвижно застыла. Огонь в ее глазах померк до тускло-красного. Вот и все. Она решила остаться.

У себя в лотке храпел Шалопай.

Мокриц достал половину расписки, которую оставил ему Космо.

«Необитаемый остров. Необитаемый остров. Да, лучше всего я соображаю в критический момент, но что именно я имел в виду?»

На необитаемом острове золото ничего не стоит. Еда помогает пережить времена без золота лучше, чем золото помогает во времена без еды. По большому счету, золото ничего не стоит даже на

золотом руднике. Кирка — вот средство обращения на руднике.

Хм. Мокриц разглядывал бумажку. Что здесь есть, что позволяет ей стоять десять тысяч? Печать и подпись Космо, вот что. Все знают, что слово он сдержит. Уж в том, что касается денег, сдержит, мерзавец.

Банки пользуются этим постоянно, рассуждал Мокриц. Любой банк на Равнинах обналичит такой вексель, оставив себе комиссию, разумеется, потому что банки всегда обдерут тебя как липку. И все же это проще, чем таскать за собой мешки монет. Конечно, Мокрицу тоже придется его подписать, иначе это будет необеспеченный вексель.

Короче, если бы вместо имени там стоял пропуск, этим векселем мог бы воспользоваться любой желающий.

Необитаемый остров, необитаемый остров... На необитаемом острове мешок овощей стоит дороже золота, в городе золото стоит дороже овощей.

Получается какое-то уравнение. В чем ценность? Он искал.

Она в самом городе. Город говорит: в обмен на золото ты можешь получить это и вон то. Город — фокусник, алхимик наоборот, он превращает бесполезное золото... во все остальное.

Сколько стоит Анк-Морпорк? Сложите все это вместе! Здания, улицы, людей, ремесла, музеи, гильдии, законы, библиотеки... Миллиарды? Нет. Никаких денег не хватит.

Город был одним сплошным золотым слитком. Что требуется, чтобы обеспечить валюту? Нужен только город. *Город* говорит, что доллар стоит доллар.

Это была иллюзия, но Мокрицу хорошо удавалось продавать иллюзии. И если всучить ее достаточному количеству человек, никто не рискнет снимать розовые очки.

На столе есть чернильная подушечка и два каучуковых штампа с изображениями городского герба и банковской печати. Но Мокриц видит золотой ореол даже вокруг таких простых предметов. Они чего-то стоят.

— Шалопай, — позвал Мокриц. Пес с выжидающим видом сел в лотке.

Мокриц засучил рукава и размял пальцы.

— Будем делать деньги, господин председатель? — спросил он.

Председатель выразил свое безусловное согласие одним «гав!».

«Предъявителю сего уплатить сумму размером в один доллар», — написал Мокриц на хрустящем банковском бланке.

Он проштамповал бланк обеими печатями и критически осмотрел результат. Чего-то недоставало. Людям нужна красивая картинка. Люди любят смотреть.

Недоставало... солидности, которую воплощал банк. Никто не станет устраивать банк в деревянной хижине.

Хм.

Ах да. Ведь все ради города, так? Внизу крупными витиеватыми буквами Мокриц приписал:

AD URBEM PERTINET¹

---

¹ Принадлежит городу.

И, поразмыслив, буквами помельче:

Promitto fore ut possessori postulanti nummum
unum solvem, an apte satisfaciam¹.

*Подписал Мокриц фон Липвиг
по доверенности Председателя.*

— Очень извиняюсь, господин председатель, —
сказал он и подхватил собаку. Секундным делом
было прижать переднюю лапу Шалопая к влажной
подушечке и оставить аккуратный маленький отпе-
чаток рядом со своей подписью.

Мокриц повторил процедуру еще с десятков раз,
засунул пять готовых банкнот под пресс-папье,
а оставшиеся новые деньги взял с собой, когда по-
вел председателя на прогулку.

Космо Шик буравил взглядом свое отражение.
Иногда перед зеркалом у него получалось все пра-
вильно три-четыре раза подряд, но потом — увы,
увы — он пробовал это на людях, и те, кому не
хватало ума промолчать, спрашивали: «Тебе что-то
в глаз попало?»

Он даже изготовил на заказ прибор с механиче-
ским заводом, который методично подтягивал одну
бровь. Он отравил инженера прямо на месте, когда
пришел за товаром, и беседовал с ним в его вонючей
тесной мастерской, пока яд не подействовал. Ему
было около восьмидесяти, а Космо был очень ос-
мотрителен, так что Стража даже не обратила вни-
мания. Да и потом, в таком возрасте разве можно
считать это убийством? Скорее одолжение. И ясное

---

¹ Подтверждаю, что обладателю сего по требованию я
выплачу одну монету или должным образом возмещу.

дело, он не мог рисковать, чтобы старик проболтался на радостях, когда Космо станет патрицием.

Задним числом он подумал, что нужно было подождать и убедиться, исправен ли тренажер. Он успел поставить себе огромный фингал, прежде чем решился подправить настройки.

Как у Витинари это получается? Космо не сомневался, что именно это обеспечило ему кресло патриция. Пара таинственных убийств тоже пошли на пользу, не без этого, но то, как Витинари поднимал бровь, помогало ему оставаться у власти.

Космо долгое время изучал Витинари. На банкетах это было просто. К тому же он собирал вырезки с Витинари из «Правды». В чем заключался секрет этого могущественного и неуязвимого человека? Как он мог его разгадать?

Но однажды Космо прочел в какой-то книге: *«Если ты хочешь понять человека, пройди мило в его сапогах»*.

И тогда ему пришла в голову великолепная мысль...

Он блаженно вздохнул и стянул черную перчатку.

Само собой, он обучался в школе при Гильдии Убийц. Это было обычное пристанище для юношей определенного сословия и происхождения. Он выжил там и избрал своей специальностью яды, потому что слышал, что их изучал Витинари, но ему было скучно. Все в Гильдии стало таким прилизанным. Там так зациклились на своих нелепых представлениях о чести и элегантности, что, кажется, стали забывать, чем должны заниматься настоящие убийцы...

Перчатка соскользнула с руки, и — вот оно...

О да...

Досихпор справился *блестяще*.

Космо уставился на диковинную вещицу, подставляя руку под свет. Стикий странно вел себя на свету: иногда он отсвечивал серебряным, иногда маляно-желтым, а иногда оставался бескомпромиссно-черным. И он был теплым, даже сейчас. А под прямыми солнечными лучами нагревался, как печка. Этот металл был предназначен для тех, кто живет в тени...

Кольцо Витинари. Печатка Витинари. Маленькая, но такая могущественная вещь. На нем совершенно отсутствовали украшения, если не считать картуша, внутри которого была высечена одна-единственная буква:

V

Оставалось только гадать, на какие меры пришлось пойти его секретарю, чтобы добыть его. Он сделал точную копию, «реверсивный дизайн», что бы это ни значило, по слепкам с восковых печатей, которые столь внушительно штемпелевал Витинари. Имели место взятки (крупные), и намеки на срочные встречи, и осторожные передачи, и внесенные в последний момент изменения, чтобы копия получилась идентичной...

И вот настоящее кольцо было у него на пальце. И оно крепко там сидело, надо сказать. С точки зрения Космо, у Витинари были слишком тонкие пальцы для мужчины, и натянуть кольцо на костяшку оказалось очень нелегко. Досихпор заикнулся о подгонке, по глупости своей не понимая, что это все испортило бы. Магия — а Витинари, уж конечно, обладал ею — вся вытечет. Кольцо перестанет быть совсем настоящим.

Да, на протяжении нескольких дней боль была адская, но сейчас он парил в чистом синем небе, не замечая ее.

Космо считал себя неглупым человеком. Он бы сразу догадался, если бы его секретарь попытался подсунуть ему какую-то обыкновенную подделку. Разряд, простреливший его руку, когда он надел кольцо — ладно, *натянул* кольцо, — не оставил сомнений в его подлинности. Космо сразу почувствовал, что начинает мыслить быстрее и острее.

Он провел указательным пальцем по глубоко врезанной литере и поднял взгляд на Стукпо... Досихпора.

— Ты чем-то обеспокоен, Досихпор? — спросил он благосклонно.

— Ваш палец так побелел, сэр, что почти посинел. Вам точно не больно?

— Нисколько. Я чувствую, что... все под контролем. В последнее время ты вечно... встревожен, Досихпор. Ты здоров?

— Я... в порядке, сэр, — ответил Досихпор.

— Ты должен понимать, что я отправил с тобой господина Кренберри из самых лучших побуждений, — сказал Космо. — Морпет проговорился бы рано или поздно, сколько бы ты ни заплатил.

— Но паренек из шляпной мастерской...

— Был в точно такой же ситуации. И это был честный поединок. Не так ли, господин Кренберри?

Лоснящаяся лысая голова господина Кренберри оторвалась от чтения.

— Да, господин. Он был вооружен.

— Но... — начал Досихпор.

— Да? — невозмутимо спросил Космо.

— Э... ничего, сэр. Вы правы, конечно.

Вооружен маленьким ножиком и пьян. Досихпор задумался, сколько у него было шансов против профессионального убийцы.

— Я прав, не так ли? — сказал Космо дружелюбно. — А ты безукоризненно справляешься со своими обязанностями. Как и Кренберри. Думаю, скоро у меня будет для вас еще одно задание. Теперь ступайте и можете поужинать.

Когда Досихпор открыл дверь, Кренберри бросил взгляд на Космо, который едва заметно покачал головой. К несчастью для Досихпора, у него было прекрасное периферийное зрение.

«Он все узнает, он все узнает, он все узнаааеттт!!! — мысленно стонал он, идя по коридору. — Это чертово кольцо, вот что это! И не моя вина, что у Витинари тонкие пальцы! Он бы почуял неладное, если бы кольцо пришлось впору! Почему он не разрешил мне подогнать его? Ха, да если бы я это сделал, он послал бы Кренберри избавиться от ювелира! Я знаю, он пошлет его и за мной, *знаю!*»

Досихпор боялся Кренберри. Он мало говорил и скромно одевался. А когда Космо не нуждался в его услугах, он целыми днями сидел и читал книги. Это огорчало Досихпора. Будь он безграмотным громилой, ситуация была бы, как ни парадоксально, лучше... *понятнее*. Еще у Кренберри, кажется, во все не росли волосы на теле, и в солнечную погоду блеск его затылка мог ослепить.

А все началось со лжи. Почему Космо поверил ему? Потому что был безумцем. Но, к сожалению, лишь периодически. Он был вроде как сумасшедшим на полставки. У него были эти... идеи про лорда Витинари.

Досихпор не сразу это заметил, он только удивлялся, почему Космо такое внимание обратил на его рост, когда он устраивался на службу. Потом Досихпор сказал, что служил во дворце, и был немедленно нанят.

Вот в чем заключалась его ложь, и ни в чем ином, хотя Досихпор предпочитал относиться к этому, как к неудачному сопряжению двух правд.

Досихпор *действительно* некоторое время работал при дворце, но Космо пока не выяснил, что служил он в качестве садовника. А до того он *действительно* занимал мелкий секретарский пост в Гильдии Оружейников и поэтому смог с уверенностью сказать: «Я занимал мелкий секретарский пост и работал во дворце». Эту фразу лорд Витинари, как ему казалось, исследовал бы тщательнее, чем пришедший в восторг Космо. И вот теперь он был советником очень важного и умного человека и опирался на все слухи, которые только мог припомнить, а в минуты отчаяния и сочинить. И ему сходило это с рук. В повседневных делах Космо был находчив, беспощаден и хваток, но как только дело касалось Витинари, он становился доверчив, как дитя.

Досихпор замечал, что босс периодически называет его именем секретаря патриция, но он получал пятьдесят долларов в месяц и пансион, а за такие деньги он отзовется даже на Маргаритку. А если не на Маргаритку, то на Клайва уж точно.

А потом начался кошмар, и, как часто бывает в кошмарах, самые обыкновенные вещи стали обретать зловещее значение.

Космо потребовал достать старые сапоги Витинари.

Та еще задачка. Досихпор никогда не бывал в самом дворце, но той ночью он проник в дворцовые уголья, перебравшись через забор у старых садовых ворот, встретился со своим старым приятелем, который не спал, потому что следил за отоплением в теплице, пообщался с ним, а на следующую ночь получил пару старых, но приличных черных сапог восьмого размера и подсказку от чистильщика, что его светлость снашивал левый каблук чуть сильнее, чем правый.

Досихпор не видел никакой разницы между представленными сапогами, и никто прямым текстом не утверждал, что они принадлежали лично Витинари. Поношенную, но еще пригодную обувь обычно доносило волнами барской милости с верхних этажей до комнат obsługi, так что если это и не были сапоги самого патриция, то по меньшей мере они почти наверняка хоть раз да стояли в одной с ним комнате.

Досихпор заплатил за них десять долларов и целый вечер стаптывал левый каблук так, чтобы это стало заметно. Космо не моргнув глазом заплатил ему пятьдесят, но зажмурился, как только примерил сапоги.

— Если хочешь понять человека, пройди мимо в его сапогах, — сказал он, ковыляя по кабинету. Какую пользу смогут принести ему сапоги, если они принадлежали просто кому-то из прислуги, Досихпор не знал, но полчаса спустя Космо потребовал таз холодной воды с успокаивающими травами, и больше сапог никто не видел.

Потом была черная шапочка. Единственная удача Досихпора в этой эпопее. Она даже была настоящей. Можно было уверенно предположить, что Витинари заказывал их у Болтера в Гостевых Рядях, и Досихпор сперва понаблюдал за мастерской, за-

шел, когда старшие партнеры отправились обедать, пообщался с бедным юношей, который управлялся с отпаривающими и растягивающими машинами в заднем помещении, и выяснил, что одну из шапочек как раз послали к ним на чистку. Досихпор ушел оттуда с нечищеным головным убором, сделав юношу далеко не таким бедным и дав ему указание постирать и вернуть во дворец новую шапочку.

Космо был окрылен и хотел знать все подробности.

На следующий день оказалось, что небедный юноша провел вечер в кабаке и погиб в пьяной драке где-то около полуночи, оставшись без денег и без дыхания. Комната Досихпора была рядом с комнатой Кренберри. Задним числом Досихпор вспомнил, что его сосед вернулся поздно той ночью.

И вот теперь — перстень. Досихпор сказал, что может сделать копию и использовать свои знакомства во дворце — очень затратные знакомства, — чтобы подменить ею настоящий перстень. Заплатили ему пять тысяч долларов.

Пять тысяч долларов!

Босс был вне себя от счастья. Вне себя и не в себе. Он получил поддельное кольцо, но клялся, что в нем течет дух Витинари. Может, так оно и было, потому что Кренберри тоже ввели в действие. Досихпор слишком поздно понял, что если однажды ты окажешься втянут в небольшое увлечение Космо, то рано или поздно умрешь.

Он добежал до своей комнаты, влетел в нее и запер за собой дверь. Прислонился к ней. Нужно было бежать, прямо сейчас. Его сбережений хватит на дальнюю дорогу. Но пока он собирался с мыслями, страх немного поутих.

Мысли твердили ему: успокойся, успокойся. Стража еще не стучалась в двери. Кренберри был профессионалом, а хозяин умел быть щедрым.

Тогда... что мешает ему повернуть последний фокус? Заработать настоящие деньги! Что бы такого ему «раздобыть», чтобы хозяин выложил еще пять тысяч?

Что-нибудь простое, но впечатляющее, вот что нужно, и когда он узнает правду — если вообще узнает, — Досихпор будет уже на другом конце континента, под новым именем, загорелый до неузнаваемости.

Да... есть одна вещь...

Солнце было жарким, и гномам было жарко. Они были горными гномами и чувствовали себя уютно под открытым небом.

И зачем они были здесь? Король хотел знать, вдруг из ямы, которую копали големы для сумасшедшей курящей женщины, извлекут что-то ценное, но гномам было запрещено спускаться внутрь, потому что это нарушение границ владения. Так что они сидели в тени и обливались потом, а сумасшедшая курящая женщина, которая дымила без остановки, примерно раз в день подходила и раскладывала перед ними на неотесанном походном столе всякие... штуки. У штук имелось между собой кое-что общее: они были скучны.

Здесь было нечего добывать, все это знали. Пустые пески и ил, сколько ни копай. Ни капли свежей воды. Те растения, которые здесь выживали, накапливали зимнюю дождевую воду в набухших, полых корнях или перебивались влагой морских туманов. Здесь не было ничего интересного, и то, что вынималось из глубокой, отвесной шахты, доказывало это и повергало в уныние.

Здесь находили останки древних кораблей, а временами — останки древних матросов. Нашлись две монеты, серебряная и золотая, которые оказались не такими скучными, и были правомерно конфискованы. Находились глиняные черепки, осколки статуи, которые собирали, как мозаику, кусок чугунного котла, якорь с несколькими звеньями цепи.

Гномам, сидящим в тени, было ясно, что сюда попадали только предметы, занесенные с моря. Но нельзя было забывать: в вопросах торговли и золота никогда не доверяй тому, кто смотрит поверх твоего шлема.

А еще тут были големы. Гномы ненавидели големов, потому что те передвигались бесшумно, несмотря на весь свой вес, и походили на троллей. Они постоянно прибывали и удалялись, неведь откуда тащили доски и спускались во мраке...

Однажды големы повалили из шахты, последовал долгий разговор, и курящая женщина направилась к наблюдателям. Они смотрели на нее нервно, как бойцы смотрят на приближение самоуверенного штатского, зная, что нельзя его убивать.

На ломаном гномьем женщина сообщила им, что туннель обвалился, и она уезжает. Все раскопанные ими предметы, сказала она, пусть подарят королю. И ушла, уводя с собой окаянных големов¹.

Это было на прошлой неделе. С тех пор туннель окончательно обрушился, и все занесло песком.

---

¹ Гномам не пришло в голову пересчитать их и проверить, не осталось ли кого под завалом. Это бы все равно не помогло, но, впоследствии король не кричал бы на них так громко.

...Деньги сами заботились о себе. Они плыли по течению веков, погребенные среди бумаг, спрятанные за спинами законников, вычищенные, вложенные, изъятые, превращенные, отмытые, высушенные, выглаженные и отполированные, убереженные от вреда и налогов, а в первую очередь от самих Шиков. Они знали своих отпрысков — они ведь сами взрастили их, — поэтому к деньгам они приставляли охрану в виде попечителей, управляющих и контрактов, выдавая следующему поколению лишь строго отмеренное количество, достаточное для поддержания образа жизни, с которым ассоциировалась их фамилия, и оставляя излишки, чтобы потомки не отказали себе в удовольствии поучаствовать в семейной традиции и устроить между собой дразги.

Они съезжались теперь, все ветви семейства, а нередко и отдельные члены семьи, со своими личными законниками и телохранителями, далеко не каждого удостаивая приветствием, чтобы ненароком не улыбнуться тому, с кем они в данный момент судились. Говорили, что в родственном смысле Шики ладили между собой, как кошки в мешке. Космо наблюдал за ними на похоронах, все они наблюдали друг за другом и, совсем как кошки, ожидали, кто нападет первым. Но тем не менее это было бы весьма достойное собрание, если бы придурковатый племянник, которому старая карга разрешила жить в подвале, не появился в замызганном белом халате и желтой дождевой шляпе. Он не умолкал ни на минуту и совершенно испортил церемонию.

Но похороны закончились, и Шики приступили к своему обычному для такого повода занятию: они говорили о деньгах.

Шиков нельзя было усадить вокруг *стола*. Космо расставил небольшие *столики* таким образом, который, насколько ему было известно, отражал текущее положение альянсов и мелких братских междоусобиц, но родственники много раз пересаживались, ерзали и грозили судом, прежде чем наконец устроиться. За их спинами выстроились ряды бдительных законников, зарабатывавших по доллару каждые четыре секунды.

Космо вспомнил, что у Витинари из родственников была одна только тетушка. Вот повезло. Когда он станет Витинари, придется позаботиться о расправе.

— Дамы и господа, — сказал он, когда шипение и брань стихли. — Я счастлив видеть, что вы все собрались здесь сегодня...

— Ложь!

— Тебя в особенности, Пуччи, — сказал Космо, улыбаясь своей сестре. У Витинари не было и такой сестры, как Пуччи. Ни у кого не было, Космо мог побиться об заклад. Она была монстром в более или менее человеческом облике.

— У тебя до сих пор что-то не так с бровями, между прочим, — сказала Пуччи. Она сидела одна за отдельным столом, ее голос звучал как пила, напорываясь на гвоздь, с добавочной ноткой противотуманной сирены, и ее всегда называли «первой красавицей», что лишний раз доказывало, сколько у Шиков денег. Раздели ее надвое, и хватило бы на двух красавиц, впрочем, не самых первых. Говорили, что отвергнутые ею мужчины от горя сигали с мостов, правда единственной, кто так говорил, была сама Пуччи.

— Уверен, все вы в курсе... — начал Космо.

— ...что благодаря полной некомпетентности твоих родственников ты потерял наш банк!

Это слышалось из угла залы и вызвало хор всеобщего возмущения.

— Все мы здесь Шики, Жозефина, — сказал он строго. — Некоторые даже ими *родились*.

Это не сработало. А должно было. У Витинари бы сработало, Космо не сомневался. Но сейчас собравшиеся только рассердились. Несогласное ворчание стало громче.

— От некоторых из *нас* больше толку! — огрызнулась Жозефина. На ней было ожерелье из изумрудов, которые отбрасывали зеленоватый отсвет на ее лицо. Эффект впечатлял.

При всякой возможности Шики женились на дальних родственницах, но в каждом поколении, как правило, случалось несколько браков на стороне, чтобы избежать неприятностей вроде трехпалых отпрысков. Женщины находили красивых мужей, которые делали все, что им скажут, а мужчины находили жен, которые со сказочным успехом перенимали обидчивость и вспыльчивость оципанной обезьяны — отличительные черты истинных Шиков.

Жозефина села на место с ядовитым удовольствием в глазах, когда ее слова были встречены одобрением, и вышла на бис:

— И что ты намерен предпринять по поводу этой непростительной ситуации? Ваша сторона поставила какого-то фигляра во главе *нашего* банка! *Опять!*

Пучки развернулась в ее сторону:

— Как смеешь ты так отзываться об отце!

— И как смеешь ты так отзываться о Шолопае! — сказал Космо.

У Витинари бы такое сработало, он был в этом уверен. Витинари выставил бы Жозефину на посмешище и поднял свой авторитет среди присутствующих. У Витинари, который умел вздергивать бровь идеальной дугой, вышло бы именно так.

— Что? Что? О чем ты говоришь? — спросила Жозефина. — Не глупи, мальчик! Я говорю об этом вашем фон Липвиге! Он же почтальон, ради всего святого! Почему ты не предложил ему денег?

— Я предлагал, — ответил Космо и мысленно добавил: «Я припомню тебе это “мальчик”, кислая ты старая кошелка. Когда мои брови будут мне подчиняться, посмотрим, что ты тогда запоешь!»

— И?

— Он не заинтересован в деньгах.

— Чушь!

— А что там с шавкой? — послышался старый голос. — Что будет, если она, упаси боги, преставится?

— Банк перейдет к нам, тетя Бережена, — ответил Космо крошечной старушке в черных кружевах, чьи руки были заняты вышивкой.

— Вне зависимости от того, как она преставится? — уточнила Бережена Шик, усердно орудуя иглой. — Животное всегда можно отравить.

С отчетливым свистящим звуком законник тети Бережены поднялся со своего места и заявил:

— Моя клиентка желает прояснить, что она подразумевала исключительно общедоступность смертоносных препаратов, и сказанное не должно рассматриваться как подстрекание к какому-либо противозаконному виду деятельности.

Отработав гонорар¹, он сел.

---

¹ Рассмотрение подтекстов и вмешательство с соответствующим разъяснением: AM\$12.98

— Увы, Стража вцепится в нас, как в дешевые колючуги на базаре, — сказал Космо.

— Стражники в нашем банке? Да просто указать им на дверь!

— Времена уже не те, тетушка. Теперь так нельзя делать.

— Когда твой прадед столкнул своего брата с балкона, Стража за пять шиллингов и пинту пива на нос сами от трупы избавились!

— Да, тетушка. Но сейчас патриций — лорд Витинари.

— И он позволит Страже шастать в нашем банке?

— Вне всякого сомнения, тетушка.

— Какой же он после этого джентльмен? — заметила тетя с грустью.

— Он допускает в Стражу вампиров и вервольфов, — вставила Тарантелла Шик. — Отвратительно, что им позволяют ходить по нашим улицам, как нормальным людям.

...и что-то щелкнуло в памяти Космо.

«Он почти как нормальный человек», — прозвучал голос его отца.

— Это твоя проблема, Космо Шик! — воскликнула Жозефина, не замечая того, что мишени сдвинулись. — Это все твой проклятый отец...

— Молчать, — спокойно перебил Космо. — Молчать. Эти изумруды, кстати, тебе не к лицу.

Это было неожиданно. Шики могли судиться, устраивать заговоры, злословить и клеветать, но нельзя же забывать о манерах.

В голове Космо раздался новый щелчок, и снова отцовский голос сказал: *«И ведь как ловко он научился прятать свое истинное лицо, и чего ему это стоит. То, чем он был, уже не то, что он есть.»*

Но ты имей в виду, на случай если он начнет чудить...»

— Мой отец восстановил банковское дело, — сказал Космо, все еще слыша звон отцовских слов в голове, когда Жозефина набрала воздуха в грудь для тирады. — И все вы ему позволили. Да, позволили. Вам было все равно, что он делал, лишь бы банк был открыт для вас и ваших махинаций, которые вы так тщательно скрываете и замалчиваете. Он перекупил акции всех мелких вкладчиков, и вы ничего не имели против, пока *сами* получали свои дивиденды. Прискорбно лишь, что он водился с дурной компанией...

— Хуже, что он водился с той певичкой! — сказала Жозефина.

— ...чего не скажешь о его выборе последней супруги, — продолжал Космо. — Тилли была хитра, коварна, безжалостна и беспощадна. Моя проблема исключительно в том, что она в этом превзошла вас всех. Теперь же я попрошу вас всех удалиться. А я пойду и верну наш банк. Вы знаете, где выход.

Он встал, направился к двери, закрыл ее за собой и опрометью ринулся к себе в кабинет, где прислонился спиной к двери и принялся злорадствовать, для чего его лицо идеально подходило.

Старый добрый папаня! Конечно, этот разговор произошел, когда Космо было десять лет, он еще не обзавелся личным законником и не до конца понимал колючие и настороженные семейные отношения Шиков. Но отец знал, что говорит. Он не просто дал Космо совет, он вручил ему оружие, которое можно использовать против других. Зачем еще нужны родители?

Господин Бент! Он был... не просто господином Бентом. Он был порождением кошмарного сна. В тот момент откровение напугало маленького Космо, и впоследствии он думал засудить отца за бессонные ночи — все в лучших традициях Шиков, — но, хвала богам, передумал. В суде все вышло бы наружу, и он лишился бы этого чудесного подарка.

Так этот фон Липвиг решил, что он правит банком, да? Но нельзя управлять банком без Маволио Бента, и завтра к вечеру Бент будет уже у Космо в кармане. Хм, нет... Отложим ненадолго. Еще один день эпатажного сумасбродства фон Липвига доведет беднягу Бента до точки, когда даже особые навыки убеждения, которыми обладал Кренберри, вряд ли понадобятся. О да.

Космо подтолкнул бровь наверх. Он не сомневался, что у него уже начинает получаться. Он вел себя с ними точь-в-точь как Витинари, да? Да. О, выражения лиц родни, когда он велел Жозефине замолчать! От одного воспоминания дрожь бежала по позвоночнику.

Не правда ли, самое время? Да, хотя бы на минутку. Он заслужил... Космо отпер ящик стола и нажал потайную кнопку внутри. С другой стороны открылось потайное отделение. Оттуда Космо достал маленькую черную шапочку. Почти как новая. Досихпор был гений.

С великой серьезностью Космо водрузил шапочку на макушку.

Кто-то постучал к нему в кабинет. Непонятно зачем, потому что дверь тут же распахнулась.

— Снова запираешься у себя в комнате, братец? — спросила, торжествуя, Пуччи.

Космо подавил порыв сдернуть шапочку с головы, как будто его поймали за чем-то непристойным.

— Было не заперто, сама видишь, — ответил он. — А тебе запрещено приближаться ко мне ближе, чем на пятнадцать ярдов. У меня есть предписание.

— А тебе не разрешено находиться в двадцати ярдах от меня, так что ты первый его нарушил, — сказала Пуччи, придвигая стул. Она грузно оседлала его и сложила руки на спинке. Стул заскрипел.

— Но приближался-то не я.

— Ну, в широком смысле все равно, — сказала Пуччи. — Знаешь, у тебя это уже опасная одержимость.

Теперь Космо снял шапочку.

— Я просто пытаюсь забраться в его шкуру, — сказал он.

— *Очень* опасная.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я хочу понять, как работает его мозг.

— А это? — спросила Пуччи, махнув рукой в сторону большой картины, висевшей напротив стола.

— Вильям Поутер, «Человек с собакой», портрет Витинари. Обрати внимание, как его глаза следят за каждым твоим движением.

— Это собачий нос следует за каждым моим движением! А у Витинари есть собака?

— Была. Вафля. Давно умерла. На территории дворца есть ее могилка. Он ходит туда один раз в неделю и кладет на могилку собачье лакомство.

— Это Витинари-то?

— Да.

— Витинари? Холодный, бессердечный, расчетливый тиран? — уточнила Пуччи.

— Да.

- Ты нагло врешь своей любимой сестренке, да?
— Можешь не верить.

Про себя Космо ликовал. Ему нравилось видеть на лице сестры это раздраженно-куриное выражение бешеного любопытства.

— Такая информация дорогого стоит, — сказала она.

— Верно. Тебе я рассказываю только потому, что она бесполезна, если не знать, куда именно он ходит, во сколько и по каким дням недели. Может статься, милая Пуччи, что моя, как ты выражаешься, одержимость найдет и практическое применение. Я наблюдаю, изучаю и учусь. И я полагаю, Мокрица фон Липвига и Витинари соединяет некая страшная тайна, которая может даже...

— Но ты влез и предложил ему взятку!

В пользу Пуччи говорило хотя бы то, что ей всегда можно было доверять секреты, поскольку она никогда не слушала. Пока собеседник говорил, она обдумывала, что сказать самой.

— Крошечную. И немного пригрозил. И сейчас он думает, что все обо мне знает, — сказал Космо, даже не пытаясь скрыть гордости. — А я не знаю о нем ничего, что вдвойне интересно. Почему он возник из ниоткуда и сразу же занял один из самых высоких постов в...

— А это что еще за чертовщина? — воскликнула Пуччи, чье непомерное любопытство сочеталось с объемом внимания, как у маленького котенка. Она показывала на небольшую диораму у окна.

— Это? А...

— Похоже на декоративную оконную клумбу. Это игрушечный городок? Зачем тебе это? Рассказывай немедленно!

Космо вздохнул. Он не то чтобы не любил свою сестру — только в рамках врожденного чувства неприязни, которое испытывали друг к другу все Шики, — но сложно было любить ее громкий, гнусавый, вечно раздраженный голос, тем более что Пуччи принимала за личное оскорбление то, что казалось ей непонятым с первого взгляда — иными словами, практически всё.

— Это попытка посредством масштабированных моделей создать вид, близкий к тому, что открывается из окна Продолговатого Кабинета лорда Витинари, — объяснил он. — Мне так лучше думается.

— С ума сойти. Какое собачье лакомство? — спросила Пуччи.

Информация достигала сознания Пуччи с разной скоростью. «Должно быть, потому, что у нее столько волос», — думал Космо.

— «Нямки Тракльмента», — ответил он. — Печенье в форме косточки, пять цветов в ассортименте. Но он никогда не оставляет желтые, потому что Вафля их не любил.

— Ты слышал, что Витинари называют вампиром? — спросила она, перескакивая с темы на тему.

— Ты в это веришь? — поинтересовался Космо.

— Потому что он высокий, худой и носит черное? Я думаю, для этого нужно кое-что еще!

— Еще он скрытный и расчетливый, — сказал Космо.

— Ты же в это не веришь, правда?

— Нет, но даже будь это правдой, разницы бы не было, не так ли? Впрочем, есть люди и с более... опасными секретами. Для них опасными, я имею в виду.

— Фон Липвиг?

— Вполне может быть.

У Пуччи загорелись глаза.

— Тебе что-то известно, да?

— Не совсем, но думаю, мне известно, где можно что-то узнать.

— Где?

— Ты правда хочешь знать?

— Конечно!

— Ну, а я не собираюсь тебе рассказывать, — ответил Космо с улыбкой. — Не позволяй мне тебя задерживать! — добавил он, когда Пуччи выбежала из кабинета.

Не позволяй мне тебя задерживать. Какую прекрасную фразу придумал Витинари. Звнящее двойное дно вызвало глубинную тревогу и в самых невинных умах. Патриций изобрел метод бескровной пытки, ничуть не уступающий дыбе.

Каков гений! Но Космо Шик, если забыть о бровях, уже наступал ему на пятки.

Придется исправлять просчеты жестокой природы. Загадочный фон Липвиг был ключом к Витинари, а ключ к фон Липвигу...

Пришла пора пообщаться с господином Бентом.

Глава 5

Трата денег — Почему не стоит доверять големам
делать массаж — Дармовые деньги —
Наблюдения о природе доверия —
У господина Бента гости — Один из нас

Где проверить рентабельность идеи на практике? Уж точно не в банке. Нужно проверять ее там, где люди следят за деньгами намного внимательнее и жонглируют финансами в мире постоянного риска, где одно молниеносное решение отделяет триумфальный успех от бесславного поражения. В широком смысле это называлось реальным миром, но одним из конкретных его проявлений была улица Яичной Скорлупы.

«Магазинчик приколов и сувениров Боффо» на улице Десятого Яйца, принадлежащий Дж. Прусту, был раем для всех, кто полагал пукательный порошок последним словом в мире юмора, чем он во многих отношениях и являлся. Внимание Мокрица, однако, он привлекал своими маскировочными материалами и прочими полезными вещами.

Мокриц всегда подходил к маскировке с осторожностью. Усам, которые можно отклеить одним рывком, не было места в его жизни. А так как у него было самое незапоминающееся в мире лицо, лицо,

которое оставалось лицом в толпе, даже когда вокруг никого не было, иногда не грех и дать людям что-то, о чем можно рассказать Страже. Самым очевидным вариантом были очки, но особенно хорошие результаты Мокрицу приносили парики его собственной разработки для ушей и носа. Покажи человеку уши, в которых явно свили гнезда певчие птицы, оцени вежливый ужас в его глазах, и можешь не сомневаться, *кроме этого, он ничего не запомнит.*

Теперь-то понятно, Мокриц был человеком честным, но какая-то часть его чувствовала необходимость оставаться в форме, мало ли.

Сегодня он купил клей и большую банку мелких золотых блесток, потому что это могло ему пригодиться.

— С тебя тридцать пять пенсов, господин фон Липвиг, — сказал господин Пруст. — Ожидаются ли новые марки?

— Одна-две, Джек, — ответил Мокриц. — Как поживает Этель? И малыш Роджер? — добавил он, всего лишь секунду порывшись в мысленной картошке.

— Замечательно, твоими молитвами. Могу я еще чем-нибудь помочь? — с надеждой спросил Пруст — вдруг Мокриц вспомнит, что жизнь его значительно улучшится, если приобрести десяток фальшивых носов.

Мокриц осмотрел ассортимент масок, страшных каучуковых рук и клоунских носов и счел, что полностью удовлетворен покупкой.

— Только сдачей, Джек, — ответил он и осторожно выложил на прилавок свое последнее творение. — Полдоллара будет достаточно.

Пруст уставился на бумажку так, как будто та могла взорваться или выпустить какой-нибудь одурманивающий газ.

— Это чего такое, господин?

— Долларовая банкнота. Банковская расписка на один доллар. Последнее слово.

— Мне надо ее подписать или что?

— Нет. В этом вся соль. Это доллар. Он может быть чьим угодно.

— Я бы хотел, чтобы он был моим, господин.

— И сейчас он твой, — сказал Мокриц. — Но на него ты можешь что-то себе купить.

— Тут нет золота, — заметил лавочник, поднимая бумажку на расстоянии вытянутой руки, на всякий случай.

— Если бы я заплатил тебе в пенни и шиллингах, в них тоже не было бы золота, верно? А так у тебя на пятнадцать пенсов больше, и это неплохо для начала, согласишься. А эта банкнота стоит доллар. Если ты принесешь ее ко мне в банк, тебе выдадут на нее доллар.

— Но у меня же уже есть доллар... ведь так? — уточнил Пруст.

— Молодчина! Так почему бы не пойти сейчас же на улицу и не потратить его? Ну-ка, я хочу посмотреть, как это работает.

— Это что же, господин фон Липвиг, как марки? — спросил лавочник, цепляясь за что-нибудь доступное. — Мне иногда платят марками, я ведь много почты отправляю...

— Да! Да! Именно! Представь, что это просто большая марка. Знаешь, что я тебе скажу? Это означительное предложение. Потратить этот доллар — и я дам тебе еще одну долларовую банкноту, так что

у тебя по-прежнему будет доллар. То есть ты ничем не рискуешь...

— Только если это и правда одна из первых... короче, сын мой купил несколько самых ранних твоих марок, да, и теперь они стоят целое состояние, значит, если я попридержу эту штуку, придет день, когда она будет стоить денег...

— *Она и сейчас стоит денег!* — взревел Мокриц. Вот почему с тугодумами было сложно. Он всегда предпочитал откровенных тупиц. До непонятливых все доходит медленно, зато когда доходит, они так просто в руки не дадутся.

— Да, но, — и тут лавочник усмехнулся улыбкой, которую он сам, вероятно, считал хитрой, хотя на самом деле она наводила на мысль о Шалопаях с ириской в пасти, — с марками ты вон как хитер, господин фон Липвиг, вечно придумываешь что-то новое. Бабуля моя говорит, что такому скользкому типу, как ты, и мыла в бане не надо, без обид, бабуля моя всегда говорит, что у нее на уме...

— Я наладил доставку почты или нет?

— О да, бабуля так и говорит, что ты, может, и жук, но дело свое знаешь, тут спору нет...

— Ну вот! Тогда пойдем и потратим этот чертов доллар.

«Это что, какая-то двойная сверхспособность у меня такая, — думал Мокриц, — которая позволяет старушкам видеть меня насквозь и при этом *одобрять* то, что они видят?»

И вот господин Пруст дерзнул обменять доллар в магазинчике по соседству на унцию трубочного табака «Веселый моряк», мятные конфетки и выпуск «Что новенького?». А господин Натти Полфорт, после того как ему объяснили процеду-

ру, принял банкноту и снес ее через дорогу мяснику, который, в свою очередь, недоверчиво взял ее, когда ему все разложили по полочкам, в уплату за сосиски, и даже дал Мокрицу кость «для песика». Шалопай в жизни до этого не видел настоящей кости. Он кружил вокруг нее в ожидании, когда же она запищит.

Улица Яичной Скорлупы была улицей мелких торговцев, которые продавали мелкие вещи в мелких количествах, за мелкие деньги, при мелкой прибыли. На такой улице нужно было мыслить мелко. Здесь не было места великим идеям. Нужно было присматриваться к мелочам. Люди здесь видели фартинги чаще, чем доллары.

Некоторые лавки уже закрывали ставни и двери до завтрашнего дня. Влекомые анк-морпоркским чутьем на интересненькое, торговцы подтягивались посмотреть, что происходит. Они все друг друга знали. Все имели дела друг с другом. И все знали Мокрица фон Липвига, человека в золотом костюме. Банкноты были изучены с большой внимательностью и обсуждались со всей серьезностью.

— Это как бы расписка, чек.

— Допустим, но что, если тебе понадобятся деньги?

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве чек — это не деньги?

— Допустим, но кто дает тебе этот чек?

— Ну... да вот Джек, потому что... нет, стоп... Деньги это или нет?

Мокриц улыбался, пока разговор скакал от вопроса к вопросу. Целые новые теории о сути денег росли и множились здесь, как грибы во мраке и на сомнительной почве. Но эти люди считали каждые

полфартинга и спали с копилкой под подушкой. Они взвешивали муку, изюм и сахар, со свирепой сосредоточенностью следя за шкалой весов, потому что они жили на грани. Если ему удастся провести идею бумажных денег среди них, значит, он почувствует себя если не королем, то самим собой.

— Ну, так как вы считаете, это может прижиться? — спросил он в паузе.

Общее мнение сводилось к тому, что да, может, но они должны выглядеть «побогаче», как выразился Натти Полфорт: «Ну там, чтобы буквы побогаче, и всякое такое».

Мокриц согласился и раздал каждому присутствующему по банкноте в качестве сувенира. Оно того стоило.

— Но если все это пойдет коту под это самое, — сказал господин Пруст, — золото у вас все равно есть? Лежит оно у вас там в подвале?

— Ага, золото обязательно должно остаться, — согласился господин Драйман.

Все согласно закивали, и Мокриц упал духом.

— Но я думал, мы все согласились, что золото нам не нужно? — сказал он. На самом деле такого не было, но попытаться стоило.

— Так-то оно так, но должно же оно быть *где-то*, — ответил господин Драйман.

— Чтобы банки не завирались, — добавил господин Полфорт тоном незыблемой уверенности, которая выдает самое всезнающее из существ — Трактирного Завсегдатая.

— Но мне казалось, вы все поняли, — сказал Мокриц. — Вам *не нужно* золото.

— Конечно, господин, конечно, — успокоил его Полфорт. — Главное, чтоб оно было.

— Никто, случайно, не знает, *зачем* оно должно быть? — спросить Мокриц.

— Чтобы банки не завирались, — ответил Полфорт, исходя из того, что истина достигается повторением. Все закивали, и так думала вся улица Десятого Яйца. Пока золото где-нибудь было, банки не завирались, и все шло хорошо. Мокриц прямо сник от такой веры. Может, и цапли не ели лягушек, пока золото где-нибудь было? Но по правде, не существовало в мире такой силы, которая заставила бы банки не врать, если только они сами того не хотели.

Но все равно неплохо для первой попытки. С этим можно работать.

Пошел дождь, не сильный, но такой мелкий дождик, когда *почти* можно обойтись без зонта. Кебы не удосуживались заворачивать в поисках пассажиров на улицу Десятого Яйца, но один экипаж стоял на обочине улицы Потерянных Вещей. Лошадь стояла, повесив голову, возница сгорбился под пальто, моргали в сумраке фонари. Когда дождь уже пробирал насквозь, такое зрелище было бальзамом для промокших ног.

Он поспешил к карете, забрался внутрь, и голос в темноте произнес:

— Добрый вечер, господин фон Липвиг. Рада наконец встретиться с тобой. Меня зовут Пуччи. Уверена, мы подружимся...

— Видал, каков, а? — сказал сержант Колон из Городской Стражи, когда фигура Мокрица фон Липвига скрылась за поворотом, продолжая набирать скорость. — Вылететь прямо из окна кареты, не повредив раму, отскочить от этого подкрадывающегося типа, четко этак перекатиться по призем-

лении и не выпустить из рук собачку. Не удивлюсь, если ему не впервой. Но все ж таки, если хорошенько подумать, надо сказать, что он кретин.

— Первый кеб, — покачал головой капрал Шноббс. — Боже, боже, *боже*. Ни за что бы о нем так не подумал.

— А я о чем, — подхватил Колон. — Когда у тебя масса врагов, никогда, никогда не садись в первый же кеб. Правда жизни. Это даже червяки знают.

Они смотрели, как уже куда не подкрадывающийся тип с мрачным видом собирал осколки своего иконографа, пока Пуччи орала на него из кареты.

— Бьюсь об заклад, когда построили самый первый в мире кеб, никто не смел в него сесть, а, сержант? — весело заметил Шнобби. — А первый кебмен каждый вечер возвращался домой с пустым желудком, потому что все знали, что он первый, а?

— Нет, Шнобби, людям, у которых нет массы врагов, ничего не грозит. Пойдем рапортовать.

— Что вообще значит «масса врагов»? — спросил Шнобби на пути к штаб-квартире Стражи на Угольной улице и к верной кружке горячего чаю.

— Крупных это значит, Шнобби. Это так же очевидно, как нос на лице. На твоём особенно.

— Да уж, эта Пуччи Шик — барышня крупная.

— И враги из этой семейки опасные, — рассудил Колон. — Каковы ставки?

— Ставки, сержант? — переспросил Шнобби с невинным видом.

— Ты принимаешь, Шнобби. Ты всегда принимаешь.

— Так никто же не ставит. Дело-то ясное, — ответил Шнобби.

— Ну да, ну да. Разумно. К концу недели найдут фон Липвига обведенным мелом?

— Не, сержант. Все уверены, что победит он.

Мокриц проснулся в большой мягкой постели и подавил вопль.

Пуччи! Ааагрх! И в том состоянии, которое деликатные натуры называли бы дезабилье. Ему всегда было любопытно, как выглядит это самое дезабилье, но никогда он не рассчитывал увидеть его в таком изобилии зараз. Даже сейчас некоторые клетки его памяти пытались покончить с собой. Но он не был бы Мокрицем фон Липвигом, если бы на выручку не пришла внутренняя беспечность, которая залечила бы его раны. Все же ему удалось сбежать. О да. Это было отнюдь не первое окно, из которого Мокрицу пришлось выпрыгивать. И бешеный вопль Пуччи был почти таким же громким, как и хруст иконографа о мостовую. Типичный прием с мухоловкой. Ха. Но ему явно пора было предпринять что-нибудь нелегальное, просто чтобы мозг не отвыкал от должного уровня циничного самосохранения. Год назад он бы ни за что не сел в первый попавшийся кеб, это уж точно. Впрочем, какие же присяжные поверят в то, что его могла привлечь Пуччи Шик? Нет, вряд ли это прошло бы в суде.

Мокриц встал, оделся и внимательно прислушался к звукам, доносящимся с кухни. Не услышав ничего, он сварил себе кофе.

С чашкой в руках он вернулся в свой кабинет, где в лотке Шалопай дремал, а форменный цилиндр на столе оставался укоризненно черным.

Ах да, он же хотел что-то с этим сделать, не так ли?

Мокриц достал из кармана клей в удобной баночке, с кисточкой прямо под крышкой, аккуратно нанес его на ткань и стал сыпать блески как можно равномернее.

Он был все еще поглощен этим занятием, когда поле его зрения перегородила Глэдис, подобная солнечному затмению. Она принесла два сэндвича, на поверку оказавшихся с яйцом и беконом, двух футов в длину и в одну восьмую дюйма в толщину. Она также захватила для него свежую «Правду».

Мокриц застонал. Он попал на первую полосу. Он часто это делал. А виной всему его натренированный язык, который терял волю всякий раз, когда Мокриц видел блокнот.

Хм... на вторую полосу он тоже попал. О, и в колонку главного редактора. Проклятье, даже в политическую карикатуру, которая никогда не была особенно смешной.

Первый попрошайка: «Чем Анк-Морпорк отличается от необитаемого острова?»

Второй попрошайка: «На необитаемом острове тебя не съедят акулы!»

Животики надорвешь.

Его усталый взгляд вернулся к редакторской колонке. А вот *они* иногда получались уморительными, ибо основывались на предположении, что мир стал бы гораздо лучше, если бы им правили журналисты. Они были... Что? Что такое?

Время вообразить немыслимое... ветер перемен подул наконец и в банковских хранилищах... не-

сомненный успех обновленного Почтамта... марки уже выступают валютой де-факто... нужны свежие идеи... молодежь у руля...

Молодежь у руля? И это говорит Вильям де Словв, который почти наверняка был ровесником Мокрица, но писал такие колонки, что казалось, он весь был обернут твидом?

За всеми этими тяжеловесными оборотами зачастую сложно было сказать, что-де Словв в самом деле думал на тот или иной счет, но сквозь тягучий туман многосложных слов казалось, что, с точки зрения «Правды», Мокриц фон Липвиг с учетом всех существующих обстоятельств проявляет дальновидность и в общей сложности, наверное, подходит для этой роли.

По красному свету, отражавшемуся на латунных деталях стола, он понял, что Глэдис стоит у него за спиной.

— Ты Очень Напряжен, Господин Фон Липвиг, — сказала она.

— Ну да, — ответил Мокриц, перечитывая колонку. Боги праведные, де Словв и впрямь писал так, как будто высекал каждое слово на камне.

— В Журнале «Только Для Дам» Была Одна Очень Интересная Статья Про Массаж, — продолжала Глэдис. Впоследствии Мокриц решит, что, возможно, стоило насторожиться, услышав в ее голосе нотку надежды. Но в тот момент он думал: не просто высекает, а еще и с вензелями.

— Массажки Замечательно Помогают Справляться Со Стрессами, Вызванными Бешеным Ритмом Современной Жизни, — сказала Глэдис с выражением.

— Это нам нужно в последнюю очередь, — отозвался Мокриц, и все померкло.

Самое странное, подумал он, когда Пегги и Эймсбери привели его в чувство и вправили суставы на место, что он и впрямь почувствовал себя намного лучше. Может, в этом и был смысл. Может, чудовищная, ослепительная боль нужна, чтобы осознать, что есть в мире вещи и похуже периодических колик.

— Мне Очень Жаль, — говорила Глэдис. — Я Не Знала, Что Случится Такое. В Журнале Было Сказано, Что Пациент Ощутит Приятную Дрожь.

— Вряд ли имелось в виду, что у него глаза из орбит выкатятся, — сказал Мокриц, потирая шею. Глаза Глэдис потускнели, и он тут же поспешил добавить: — Но мне уже гораздо лучше. Очень приятно смотреть вниз и не видеть там пяток.

— Не слушай его, все не так уж плохо, — сказала Пегги из чувства женской солидарности. — Мужчины вечно из любой царапины драму устраивают.

— Все Они Просто Большие Трогательные Дети, — сказала Глэдис. Это вызвало задумчивую паузу.

— А *это* ты откуда взяла? — спросил Мокриц.

— Информация Была Сообщена Мне Продавщицей Марок Глендой.

— Тогда отныне я запрещаю...

Большие двери распахнулись. В них ворвался гвалт с нижних этажей, и вместе с шумом, словно оседлав воздушную волну, влетел господин Бент, угрюмый и слишком блестящий для столь раннего часа.

— Доброе утро, сэр, — сказал он ледяным тоном. — Улица перед Банком полна людей. Могу ли

я воспользоваться случаем и поздравить вас с опровержением теории, столь модной на сегодняшний день в Незримом Университете?

— А? — не понял Мокриц.

— Полагают, будто существует бесконечное количество вселенных, которое предоставляет достаточно места, чтобы все, что только может случиться, таки случилось. Это, конечно, ерунда, которую мы принимаем всерьез только потому, что приравниваем слова к реальности. Однако теперь я могу доказать свою позицию, поскольку в таком бесконечном множестве миров должен быть и такой, где я аплодирую вашим недавним действиям, и можете поверить мне на слово, сэр, бесконечность не так велика! — Он выпрямился во весь рост. — Люди ломятся в двери! Хотят закрыть свои счета! Я же *говорил* вам, что банковское дело зиждется на доверии и стабильности!

— О, боги, — сказал Мокриц.

— Люди требуют золота!

— Мне казалось, вы сами обеща...

— Это было *метафорическое* обещание! Я же говорил, что оно основано на взаимном понимании, что никто на самом деле его не потребует!

— Сколько человек хотят забрать свои вклады? — спросил Мокриц.

— Около двадцати!

— Как-то они слишком громко шумят, не находишь?

Господин Бент неловко помялся.

— Ну, есть и другие, — сказал он. — Несколько человек сбито с толку и хотят *сделать* вклады, но...

— Сколько?

— Человек двести-триста, но...

— Сделай вклады, говоришь? — спросил Мокриц. Господин Бент поерзал.

— Совсем пустяковые суммы, доллар тут, доллар там, — отмахнулся он. — Видимо, они считают, что у вас «припрятан козырь в рукаве». — Кавычки дрожали, как порядочная девица, подобравшая дохлую мышь.

В глубине души Мокриц дрогнул. Но в то же время он почувствовал порыв ветра, подувшего в лицо.

— Тогда не будем их разочаровывать, — сказал он и подхватил золотой цилиндр, все еще немного липкий. Бент впился в него взглядом.

— Другие банки в бешенстве, — сказал он, поспешно отскочив в сторону, когда Мокриц, окончательно войдя в должность распорядителя монетного двора, направился на выход.

— Это хорошо или плохо? — бросил Мокриц через плечо. — Подскажи мне, что там за правило у банковских ссуд? Я где-то слышал. Что-то о процентах.

— «Бери вдвое дешевле, ссужай вдвое дороже, стремись выиграть втрое»? — сказал Бент.

— Точно! Я тут подумал, мы же можем снизить эти цифры, да?

— Это Анк-Морпорк! Банк должен оставаться крепостью! А это *недешево!*

— Но мы же можем их немного скорректировать? Мы ведь не выплачиваем проценты по вкладам меньше ста долларов, верно?

— Да, это так.

— Значит, отныне любой желающий может положить на счет пять долларов, и мы начнем выплачивать проценты намного раньше. Это должно разглаживать бугры в матрацах, правда??

— Сэр, я протестую! Это вам не игра!

— Уважаемый господин Бент, это именно игра, старинная игра под названием «Что еще сойдет нам с рук?».

Толпа шумела. Мокриц и Бент вышли на открытую площадку с видом на центральный холл банка, — точь-в-точь вид с церковной кафедры на грешников, — и море лиц повернулось к Мокрицу, и ненадолго все смолкли. Потом кто-то выкрикнул:

— Ты сделаешь так, чтобы мы все разбогатели, господин фон Липвиг?

«Ах, черт, — подумал Мокриц. — *Зачем* они все здесь?»

— Я изо всех сил постараюсь прибрать к рукам ваши деньги, — пообещал он.

Это вызвало всеобщее одобрение. Мокриц не был удивлен. Скажи кому-нибудь, что хочешь его ограбить, — и заработаешь себе репутацию честного человека.

Развешанные уши наострились в ожидании, и здравый смысл покинул Мокрица. А губы сами произнесли:

— И чтобы я получил побольше, я предлагаю — точнее, председатель предлагает — перейти на однопроцентную ставку по всем вкладам от пяти долларов на год.

Старший кассир задохнулся, но толпа не пошевелилась — все придерживались чулочно-матрачных взглядов. Новость скорее произвела неблагоприятное впечатление. Потом кто-то поднял руку и спросил:

— Не дороговато ли за то, что мы сунем свои же деньги в ваши подвалы?

— Нет! Это то, столько заплачу *вам* я за воз-

возможность на год засунуть ваши деньги в наши подвалы, — растолковал Мокриц.

— Ты?

— Конечно. Верьте мне.

Лицо спрашивающего исказилось привычной гримасой тугодума, который пытается поспеть за сказанным.

— И в чем подвох? — спросил он наконец.

«Во всем, — подумал Мокриц. — Для начала, я буду держать их не в своем подвале, а в чужом кармане. Но тебе сейчас лучше об этом не знать».

— Никакого подвоха, — ответил он. — Если вы кладете на счет в нашем банке сто долларов, то через год у вас на счету будет сто один доллар.

— Это ты все красиво говоришь, но где таким, как я, взять сто долларов?

— Прямо здесь, если вложить один доллар и подождать... сколько, господин Бент?

Старший кассир фыркнул.

— Четыреста шестьдесят один год!

— Да, да, придется подождать, зато пра-пра-пра-и-далее внуки будут вами гордиться, — сказал Мокриц, перекрывая смех. — Но я скажу вам, что я сделаю. Если сегодня вы вложите какие-то пять долларов, то в понедельник получите от нас бесплатный доллар. Бесплатный доллар, дамы и господа, станет вашим, и где вы еще услышите такое заманчивое предложение...

— Настоящий доллар, интересно мне знать, или очередную *фальшивку*?

У входа произошла суматоха, и в зал ворвалась Пуччи Шик. Точнее, попыталась ворваться. Грамотное врывание нужно продумать и желательно отрепетировать. Нельзя просто импровизировать

и надеяться на лучшее. Это обязательно кончится толкотней. Два тяжеловеса, поставленных расчищать путь в толпе, потерпели численное поражение, а следом за ними застряли и более стройные молодые люди, которые вели на поводках элитных белых гончих Пуччи. Ей пришлось расталкивать толпу самой.

Мокриц чувствовал, что это могло бы быть так *эффектно*. Для этого имелось все необходимое: пугающие амбалы в черном, изящные белые псы. Но самой Пуччи достались мелкие подозрительные глазки и огромная верхняя губа, что в сочетании с длинной шеей вызывало у простого обывателя ассоциации с уткой, которую оскорбила проплывшая мимо форель.

«Кто-то должен сказать ей, что черный — не ее цвет, что эти дорогие меха смотрелись лучше на их изначальных обладателях, что если ты надеваешь высокие каблуки, то, будь добра, не сочетай их с солнечными очками, потому что, когда заходишь с яркого солнечного света в полумрак, например банка, ты утрачиваешь всякую координацию и можешь проткнуть каблуком ногу собственного же телохранителя. Кто-то должен сказать ей, что настоящее чувство стиля происходит от врожденного хитроумия и двуличия. Его нельзя купить».

— Госпожа Пуччи Шик, дамы и господа! — объявил Мокриц, хлопая в ладоши, когда Пуччи сдернула очки и приблизилась к банковской стойке, сверкая убийственным взглядом. — Член совета директоров, и она присоединится к нам *всем* в создании денег.

В толпе кое-где слышались аплодисменты от тех, кто в жизни не встречался с Пуччи, но был рад поглазеть на бесплатное представление.

— Возмутительно! Слушайте меня! Всем слушать меня! — потребовала она. Она снова замахала чем-то подозрительно похожим на одну из экспериментальных банкнот Мокрица. — Это обычная ничтожная бумага! Вот что он собирается вам раздавать!

— Нет, это аналог открытого чека или банковского векселя, — сказал Мокриц.

— Да что ты? Это мы еще посмотрим! Возмутительно! Добрые люди Анк-Морпорка! Неужели кто-то из вас думает, что этот клочок бумаги может стоить доллар? Разве кто-нибудь из вас даст мне за него доллар? — Пуччи пренебрежительно помахала бумажкой.

— Ну не знаю. А что это? — спросил кто-то, и в толпе начали переговариваться.

— Экспериментальная банкнота, — ответил Мокриц, перекидывая нарастающий гул. — Испытываем идею на практике.

— И сколько таких всего? — спросил любопытный.

— Около двенадцати, — ответил Мокриц.

Любопытный повернулся к Пуччи:

— Даю за нее пять долларов, устраивает?

— Пять? Тут написано, один доллар, — опешила Пуччи.

— Ага. Пять долларов, госпожа.

— Но почему? Ты сумасшедший?

— Не безумнее некоторых, спасибо большое, дамочка!

— Семь долларов! — поднял руку другой человек.

— Это безумие! — взывала Пуччи.

— Безумие? — переспросил второй. — Да если б я купил в том году горсть пенсовых черных марок,

когда этот парень их придумал, был бы сейчас богачом!

— А помните Синий Треугольник? — подхватил второй участник торгов. — Стоили пятьдесят пенсов. Я купил одну штучку, написать письмо тетушке. Пока письмо до нее дошло, марка стоила уже пятьдесят долларов! А старая кошелка отказалась мне ее возвращать!

— Сейчас уже сто шестьдесят, — подсказал кто-то за его спиной. — Ушла с молотка на той неделе в «Империи марок и булавок Дэйва». Даю десять долларов, госпожа.

— Пятнадцать!

У Мокрица с лестницы открывался отличный обзор. В дальнем конце холла образовался небольшой синдикат, объединенный мыслью, что лучше иметь небольшую долю, чем совсем никакой.

Филателия! Она началась с первого же дня, а потом раздулась, как огромный... организм, живущий по странным, безумным законам. Есть ли хоть одна сфера, где изъяны поднимали бы товар в цене? Купите ли вы костюм только потому, что один рукав короче другого? Или потому, что там остался неотрезанный лоскут ткани? Естественно, когда Мокриц заметил это, он стал добавлять изъяны намеренно, чтобы позабавить публику, но он точно не планировал, чтобы голова лорда Витинари оказалась перевернутой на одной-единственной марке на каждом листе с «синенькими». Один из печатников собирался уничтожить выпуск, но Мокриц прыгнул на него и повалил наземь.

Все это было нереально, а нереальность была стихией Мокрица. Когда он был плохишом, то продавал мечты, и лучше всего продавались те, где ты

в одно мгновение становился богачом. Мокриц выдавал стекляшки за бриллианты, потому что жадность застила глаза. Разумные, порядочные люди, которые трудились в поте лица, все же верили вопреки голосу опыта в деньги просто так. Но коллекционеры марок... они верили в маленькие совершенства. Один крошечный кусочек мира можно было создать таким, *как надо*. И даже если «как надо» не получалось, ты хотя бы знал, чего не хватало. Например, бракованного пятидесятипенсового Синего Треугольника, но их таких было еще шесть в обращении, и как знать, не посетит ли удача самоотверженного коллекционера?

Мокриц признавал, что это должна быть очень серьезная удача, потому что четыре из них были бережно припрятаны на черный день в маленькой железной шкатулке под половицей его кабинета. Но две все-таки были где-то там, возможно уничтожены, потеряны, съедены улитками или — и тут стелился густой, как зимний снег, слой надежды — до сих пор красовались на конвертах каких-то неучтенных писем в глубине ящика.

...а госпожа Пуччи попросту не умела обращаться с толпой. Она топала ногами и требовала внимания, нападала и оскорбляла, и лучше бы она не называла их «добрыми людьми», потому что кому же понравится такая наглая ложь. Теперь Пуччи начинала выходить из себя, потому что цена взлетела до тридцати четырех долларов. И вот...

...она порвала банкноту!

— Вот что я думаю об этих дурацких деньгах! — объявила она, швыряя клочки в воздух. И так и осталась стоять, тяжело дыша и с победоносным видом, как будто сделала что-то умное.

Удар под дых каждому из здесь присутствующих. От такого хотелось плакать, серьезно. Ну что ж...

Мокриц выудил из кармана еще одну банкноту и поднял над головой.

— Дамы и господа! — объявил он. — Я держу в руках банкноту из редющего на глазах первого тиража банкнот номиналом в один доллар, — ему пришлось подождать, пока все отсмеются, — подписанную мной и председателем лично. Ставки начинаются с сорока долларов! Вся прибыль пойдет маленьким детишкам!

Ставки выкрикивались наперебой, и цена возросла до пятидесяти. Пучки кипела от негодования, но никто не обращал на нее внимания, и она бросилась прочь. И как бросилась! Она понятия не имела, как общаться с людьми, и считала, что самооценка может заменить самоуважение, но бросаться у нее получалось лучше, чем у индюшки на трамплине.

Счастливым победитель, едва успевший достигнуть дверей банка, был уже окружен своими несчастливыми соперниками. Остальная толпа ринулась к кассам, не вполне понимая, что происходит, но твердо намеренная не отставать.

Мокриц поднес ладони ко рту и прокричал:

— Дамы и господа! Сегодня после обеда господин Бент и ваш покорный слуга будут принимать всех желающих обсудить условия кредитования!

Это вызвало еще большее оживление.

— Дым и зеркала, господин фон Липвиг, — сказал Бент, отворачиваясь от балюстрады. — Сплошной дым и зеркала...

— Только без дыма и при полном отсутствии зеркал, господин Бент! — бодро ответил Мокриц.

— А «детушки»? — спросил Бент.

— Найди кого-нибудь. Должен же быть какой-то сиротский приют, где возьмут пятьдесят долларов. Пожертвование должно быть анонимным, естественно.

Бент удивился:

— Серьезно, господин фон Липвиг? Осмелюсь сказать, вы производите впечатление человека, который дает деньги на благотворительность и делает из этого ад-вер-тис-мент. — Он произнес это слово, словно оно означало некое эзотерическое извращение.

— Вовсе нет. Делай добро втихомолку — вот мой девиз.

«Все равно это скоро выйдет наружу, — добавил Мокриц про себя, — и тогда я окажусь не только славным парнем, но еще и скромным».

«Вот интересно... я правда такой мерзавец или просто хорошо умею думать, как мерзавец?»

Что-то не давало ему покоя. Волоски на загривке подрагивали. Что-то было не так, не на своем месте... небезопасно.

Он обернулся и еще раз выглянул вниз, в холл. Люди кружили по залу, выстраиваясь в очереди, разговаривая между собой...

Там, где все движется, глаз цепляется за неподвижное неподвижное. Посередине холла не замеченный толпой, словно застывший во времени, стоял человек. Он был одет во все черное, в широкополой приплюснутой шляпе, которые часто носят в угрюмых омнианских сектах. Он просто... стоял. И наблюдал.

«Всего лишь зевака, решивший поглазеть на представление», — уверял себя Мокриц, хотя знал,

что обманывается. Человек мертвым грузом тянул его мир вниз.

Я передал некоторый компромат...

Он? О чем это могло быть? У Мокрица не было прошлого. С десяток его альтер-эго сообща создавали довольно насыщенное и занятое прошлое, но они исчезли вместе с Альбертом Стеклярсом, казненным на виселице, после чего, не такой уж и мертвый, Мокриц фон Липвиг был пробужден лордом Витинари, который предложил ему новую блестящую карьеру...

Боги, как он задержался всего лишь от того, что какой-то старик смотрел на него со странной ухмылкой! *Никто* не знал его! Он был сама непримечательность! Когда Мокриц ходил по городу без своего золотого костюма, он ничем не выделялся из толпы.

— С вами все в порядке, господин фон Липвиг?

Мокриц повернулся и посмотрел на старшего кассира:

— Что? А... нет... то есть да. Э... ты видел прежде этого человека?

— О ком конкретно речь?

Мокриц развернулся, чтобы указать на человека в черном, но того уже не было.

— Он был похож на проповедника, — пробормотал Мокриц. — Он... в общем, он смотрел на меня.

— Вы к этому весьма располагаете. Может, теперь вы согласитесь, что золотой цилиндр был ошибкой?

— А мне нравится! Это единственный такой цилиндр!

Бент кивнул:

— К счастью, тут вы правы, сэр. Подумать только, бумажные деньги. Практика, которой не гнушаются только эти язычники, агатыне...

— Язычники? У них богов больше, чем у нас! И золото у них дешевле железа!

Мокриц смягчился. Лицо Бента, обычно такое сдержанное и надменное, сморщилось, как мятый лист бумаги.

— Послушай, я читал про это. Банки выпускают вчетверо больше монет, чем обеспечивает их золотой запас. Это бред, без которого мы могли бы и обойтись. Это мир иллюзий. Город достаточно богат, чтобы служить золотым запасом самому себе!

— У них нет никаких оснований вам доверять, — сказал Бент. — Но они доверяют вам, потому что вы их смешите. Я никого не смешу, и это не мой мир. Я не умею улыбаться, как вы, и говорить, как вы. Неужели вы не понимаете? Должно быть что-то, что несет в себе ценность, которая выходит за пределы моды и политики, ценность, которая устоит. Вы хотите поставить Витинари во главе моего банка? Что обеспечит сохранность сбережений, которые все эти люди доверяют нашим кассам?

— Не что, а кто. Я. Я лично прослежу, чтобы этот банк не прогорел.

— Вы?

— Да.

— Ну конечно, человек в золотом костюме, — кисло сказал Бент. — А если больше ничего не поможет, станете молиться?

— В прошлый раз сработало, — ответил Мокриц невозмутимо.

Глаз Бента дернулся. Впервые за все время их знакомства он казался... растерянным.

— Я не знаю, что вы *хотите* от меня!

Он почти плакал. Мокриц похлопал его по плечу.

— Веди дела банка так, как ты всегда это делал. Я думаю, с таким притоком средств мы можем выдать несколько ссуд. Ты хорошо разбираешься в людях?

— Мне всегда так казалось, — ответил Бент. — Теперь? Понятия не имею. Сэр Джошуа, как ни прискорбно, был в этом плох. Госпожа Шик — исключительно хороша.

— Лучше, чем ты можешь себе представить, — сказал Мокриц. — Ладно. Я выведу председателя на прогулку, а потом мы... будем перераспределять деньги. Как ты на это смотришь?

Господин Бент содрогнулся.

Послеобеденный выпуск газеты «Правда» вышел с большой картинкой на первой полосе, изображающей вытянувшуюся перед банком очередь на первой странице. Большинство собравшихся хотели принять участие в действии, чем бы это действие ни оказалось, остальные же становились в очередь на случай, если она ведет к чему-то интересному. Мальчишка продавал газеты, и люди покупали их, чтобы прочитать статью «Огромная очередь нахлынула в Банк», что казалось Мокрицу немного странным. Они *стояли* в этой очереди. Или это не считается, пока об этом не напишут в газете?

— Есть первые... желающие обсудить ссуды, сэр, — сказал у него за спиной Бент. — Лучше предоставьте мне разбираться с ними.

— Нет, господин Бент, разберемся вместе, — сказал Мокриц, отворачиваясь от окна. — Пригласи их в кабинет на нижнем этаже, будь добр.

— Я все же считаю, что лучше справлюсь, сэр. Для многих из них идея банковских операций еще внове, — настаивал Бент. — Я сомневаюсь, что они хоть раз в жизни были в банке, по крайней мере в часы работы.

— Конечно, я бы хотел, чтобы ты присутствовал, но окончательное решение будет за мной, — сказал Мокриц, стараясь говорить высокомерно. — При содействии председателя, разумеется.

— Шалопая?

— О да.

— У него есть экспертное мнение?

— О да!

Мокриц подхватил собаку и направился в кабинет. Он чувствовал, как старший кассир буравит глазами его спину.

Бент был прав. Некоторые из посетителей явно считали, что попросить ссуду в банке — это все равно что перехватить пару долларов до пятницы. С ними было достаточно просто. Но бывало и по-другому...

— Господин Достабль, если не ошибаюсь? — спросил Мокриц. Он знал, что не ошибается, но так уж было положено говорить, если ты сидишь за таким столом.

— Он самый, господин, с утра был, — отозвался господин Достабль, который постоянно смахивал на очень энергичного грызуна. — Могу быть еще кем-нибудь, если пожелаешь.

— И ты торгуешь пирогами со свиной, сосисками, крысами на палочке...

— Я их *предпринимаю*, господин, — поправил Достабль. — Я же *предприниматель*.

Мокриц посмотрел на него поверх бумаг. Спенсер Рудольф Бомонд Новатор, имя длиннее самого

человека. Все знали С. Р. Б. Н. Достабля. Он продавал пироги и сосиски с лотка — чаще всего тем, кому было плохо после выпивки, и тогда им становилось плохо после пирогов.

Мокриц иногда и сам был не прочь съесть пирог со свининой или сосиску в тесте, и этот факт интриговал даже его. Что-то было в еде Достабля, что заставляло тебя возвращаться. То ли некий секретный ингредиент, то ли мозг попросту не верил тому, что говорили ему вкусовые рецепторы, и хотел еще раз ощутить вкус горячих, жирных, едва ли натуральных и слегка похрустывающих субстанций на языке. И ты покупал еще.

И, нельзя не признать, временами сосиска в тесте от Достабля была именно тем, что нужно. Печально, но факт. У всех бывали такие моменты. Когда жизнь наносит такой удар, что на несколько критически важных мгновений сочетание странных жиров и сомнительных текстур оказывается твоим единственным другом на всем белом свете.

— У тебя есть счет в нашем банке, господин Достабль?

— Да, господин, спасибо, господин, — ответил Достабль, который отказался снять свой лоток и сидел, выставив его перед собой, как щит. В банке матерый уличный торговец заметно нервничал. Так это и было задумано, для того и были нужны колонны и мрамор. Чтобы ты чувствовал себя не в своей тарелке.

— Господин Достабль открыл у нас счет на пять долларов, — сказал Бент.

— И я принес сосиску песику, — сказал Достабль.

— Зачем тебе нужна ссуда, господин Достабль? — спросил Мокриц, глядя, как Шалопай с опаской обнюхивает сосиску.

— Хочу расширить бизнес, господин, — ответил Достабль.

— Ты занимаешься торговлей больше тридцати лет, — сказал Мокриц. — И продукция твоя, рискну сказать, уникальна.

— Да, господин, спасибо, господин.

— И теперь, похоже, тебе нужна наша помощь, чтобы открыть под своим именем сеть ресторанов, предлагающих ассортимент продуктов и напитков, продолжающих твои традиции? — спросил Мокриц.

Шалопай прыгнул со стола с сосиской в зубах, бросил ее в углу кабинета и попытался закопать ее в ковер.

Достабль уставился на Мокрица и проговорил:

— Конечно, господин, если ты настаиваешь, но я вообще-то думал о тачке.

— О тачке? — переспросил Бент.

— Да, господин. Я знаю, где можно достать небольшую поезженную тачку, с жаровней, все как положено. И разукрашена красиво. Калека Уолли выходит из бизнеса по печеной картошке, потому что нервы сдают, и уступает ее мне за пятнадцать долларов, наличными. Такую возможность нельзя упустить, господин. — Он нервно посмотрел на господина Бента и добавил: — Я могу выплачивать по доллару в неделю.

— Двадцать недель, — сказал Бент.

— Семнадцать, — сказал Мокриц.

— Но собака только что... — начал Бент.

Мокриц отмахнулся от возражений:

— Договорились, господин Достабль?

— Да, господин, спасибо, — сказал Достабль. — Это ты хорошо придумал, про сеть, конечно, спаси-

бо за совет, но мне кажется, в нашем деле выгоднее бегать.

Бент неохотно отсчитал пятнадцать долларов и заговорил, стоило только закрыться двери за торговцем:

— Даже собака не стала...

— А люди станут, господин Бент, — ответил Мокриц. — И в этом его талант. Я думаю, больше всего денег Достабль зарабатывает на горчице, но этот человек, господин Бент, умеет продавать шипение сковородки. А на это всегда будет спрос.

Появлению последнего перспективного заемщика предшествовали сначала двое мускулистых ребят, которые заняли позиции по обе стороны двери, а затем запах, который перешиб даже стойкий аромат сосисок Достабля. Запах не был особенно плохим. Он напоминал о гнилой картошке и заброшенных туннелях; это был запах, который остается от невыносимой вони, которую ты с силой, но безрезультатно пытаешься с себя соскоблить, и он окутывал Короля, как императорская мантия.

Мокриц был ошеломлен. Этого человека называли Королем Золотой Реки, потому что основой его состояния стала моча, которую его подчиненные ежедневно забирали из всех городских таверн и кабаков. Клиенты платили ему за вывоз, а алхимики, дубильщики и красильщики за доставку.

Но это было только начало. Потом подчиненные Гарри Короля стали вывозить *все*. Их телеги можно было увидеть повсюду, особенно в предрассветный час. Каждый старьевщик и мусорщик, каждый золотарь и водопроводчик, каждый сборщик металлолома... говорили, что на Гарри Короля работают потому, что перелом ноги вредит делу, а Гарри за-

нимался исключительно делом. Говорили, что стоит собаке на улице только поднатужиться, и люди Короля уже тут как тут, подставляют лопату ей под хвост, потому что свежайшее собачье дерьмо стоило по пяти пенсов за ведро у лучших кожевников. Они платили Гарри. Город платил Гарри. Все платили Гарри. А все, что он не мог продать им в более пахучей форме, отправлялось вниз по реке пополнять гигантские компостные кучи, которые в морозные дни выпускали такие клубы пара, что дети называли их фабрикой облаков.

Кроме подчиненных Гарри Короля сопровождал худощавый юноша, сжимавший в руках портфель.

— Милое у тебя тут местечко, — сказал Гарри, усаживаясь в кресло напротив Мокрица. — Добротное. Жenuшка моя все пилит меня, чтоб я такие же шторы купил. Зовут меня Гарри Король, господин фон Липвиг, и я только что сделал вклад в твоём банке на пятьдесят тысяч долларов.

— Большое спасибо, господин Король. Мы приложим все усилия, чтобы сберечь их.

— Уж постарайтесь. А сейчас я бы хотел взять ссуду на сто тысяч, спасибо, — сказал Гарри и достал пухлую сигару.

— У тебя есть какие-нибудь гарантии, господин Король? — спросил Бент.

Гарри даже не удостоил его взглядом. Он зажег сигару, раскурил ее и махнул ею в сторону Бента.

— Это кто такой?

— Господин Бент, наш старший кассир, — ответил Мокриц, не осмеливаясь смотреть на Бента.

— Клерк, значит, — сказал Гарри Король пренебрежительно. — И вопросы у него клерковские.

Он наклонился вперед.

— Мое имя — Гарри Король, вот мои гарантии, и этого должно хватить на сто тысяч в этих краях. *Гарри Король*. Все меня знают. Я отдаю долги и забираю долги, мое слово не просто так. Мои руки — мое богатство. Гарри Король.

Он стукнул своими огромными ручищами по столу. На каждом пальце было по массивному золотому кольцу, не считая мизинца левой руки, который отсутствовал, и на каждом кольце была выгравирована буква. Если бы эти кулаки неслись на тебя после того, как ты, скажем, попытался прикарманить пару монет с его барыша, последнее, что ты увидел бы, было Г*А*Р*Р*И*К*Р*А*Ь. Такой факт следовало всегда держать в голове в интересах *сохранения* этой самой головы.

Мокриц перевел взгляд на его лицо.

— Нам понадобится что-нибудь посуущественней, — прорычал Бент где-то за Мокрицем.

Гарри Король даже не подумал посмотреть на него.

— Я буду говорить только с главным в этой конторе, — сказал он.

— Господин Бент, не мог бы ты нас оставить на несколько минут, — попросил Мокриц бодро. — Может, и... ассистенты господина Короля сделают то же самое?

Гарри Король почти незаметно кивнул.

— Господин фон Липвиг, я совсем...

— Господин Бент, пожалуйста.

Старший кассир хмыкнул, но следом за амбалами вышел из кабинета. Юноша с портфелем тоже поднялся, но Гарри жестом усадил его обратно.

— Ты бы глаз с этого Бента не спускал. Чудак он какой-то.

— Он странный, возможно, но ему бы не понравилось, что его называют чудаком, — ответил Мокриц. — Итак, зачем Гарри Королю могли понадобиться деньги? Всем известно, что ты богат. У отхожего бизнеса прорвало дно? Или наоборот?

— Я кон-со-лидируюсь, — ответил Король. — Весь этот Подземный проект... если оказаться в нужном месте, там просто обязаны быть хорошие возможности. А для этого нужно покупать земли, давать на лапу... ну ты знаешь, как оно бывает. А в других банках — там не дадут ссуды Королю Золотой Реки, даром что это мои парни работают, чтобы их отхожие места фиалками пахли. Эти самодовольные пажоны так и ходили бы по щиколотки в собственной моче, если бы не я, а они нос воротят, когда я иду мимо, ага. — Он прервался, как будто обдумывая внезапную мысль, и продолжал: — Хотя все, конечно, воротят, не могу же я каждые пять минут в ванне купаться, но эти банкиры знать меня не хотят, даже когда женушка меня надраит дочиста. Что они себе позволяют! У меня страховые риски ниже, чем у всех их щеголеватых клиентов, за это я ручаюсь. Мне в этом городе тыща человек подчиняется, так или иначе. А это тыща семей, у кого от меня ужин зависит. Я хоть и дерьмом занимаюсь, но дерьма не делаю.

«Это не мошенник, — напомнил себе Мокриц. — Он вытащил себя из болота и собственными руками пробил себе путь на верх социальной лестницы — в том мире, где свинцовая труба была верным аргументом в переговорах. В том мире не доверяют бумагам. Там все решает репутация».

— Сто тысяч — большая сумма, — сказал он вслух.

— А ты все равно их мне дашь, — усмехнулся Гарри Король. — Знаю, что дашь, потому что и сам такой же рискованный, как я, я это нюхом чую. Чую, что ты жизнь повидал, а?

— Всем нам нужно есть, господин Король.

— Конечно, конечно. Зато теперь можем развалиться в креслах, прямо как судьи, и быть плотами общества, а? Так что давай скрепим договор как джентльмены, хотя какие мы джентльмены, и порешим. Это вот, — он положил огромную ладонь на плечо юноши, — Уоллес, секретарь мой, бухгалтерию ведет. Он новенький, последнего-то я споймал на том, что он меня душить пытался. Вот смеху-то было, можешь себе представить!

Уоллес не смеялся.

— Думаю, что могу, — сказал Мокриц. Многочисленные владения Гарри Короля сторожили существа, которых нельзя было назвать иначе как собаками, потому что волки не настолько безумны. И их держали голодными. Такие ходили слухи, и Гарри Короля они наверняка радовали. Реклама всегда окупалась. Никто не становился на пути у Гарри Короля. Но это была и палка о двух концах.

— Уоллес договорится о цифрах с твоей мар-тышкой, — сказал Гарри и встал. — А то дай вам волю, вы из меня все выжмете, уж я-то знаю. Бизнес есть бизнес. Ну, что скажешь?

— Скажу, что мы пришли к соглашению, господин Король, — ответил Мокриц. А потом плюнул на ладонь и протянул ее Гарри Королу.

Оно того стоило, чтобы увидеть выражение его лица.

— Не знал, что у банкиров так принято, — сказал Гарри.

— Это потому, что они нечасто жмут руку Гарри Королю, — сказал Мокриц. Это, пожалуй, было уже слишком, но Король подмигнул, плюнул на свою ладонь и стиснул руку Мокрица. Тот был морально готов, но железная хватка все равно чуть не переломала ему кости.

— Дерьма в тебе больше, чем в перепуганном стаде на пастбище, господин фон Липвиг.

— Спасибо, господин. Приму за комплимент.

— А чтоб твоя мартышка была довольна, оставляю в задаток документы на бумажную фабрику, скотный двор и еще кое-какую недвижимость, — сказал Гарри. — Передашь их ему, Уоллес.

— Нужно было с этого начинать, господин Король, — сказал Мокриц, когда юноша протянул несколько внушительных свитков.

— Да, но я решил по-другому. Хотел для начала в тебе убедиться. Когда я могу получить свои деньги?

— Скоро. Когда мы их напечатаем.

Гарри Король поморщился:

— Ах, бумажки. Лично мне нравится, чтоб деньги звенели, но Уоллес говорит, что за бумагой будущее. — Он подмигнул. — Да и грех жаловаться, когда старина Шпулькс закупает у меня бумагу. Не буду же я воротить нос от собственного производства, а? Доброго дня тебе, господин!

Двадцать минут спустя в кабинет вернулся господин Бент с физиономией как налоговая декларация и застал Мокрица, который рассеянно рассматривал лист бумаги на потертом зеленом столе.

— Сэр, я протестую...

— Тебе удалось уломать его на выгодную ставку? — перебил Мокриц.

— И горжусь этим, но ваши методы...

— Мы хорошо заработаем на Гарри Короле, господин Бент, и он хорошо заработает на нас.

— Но вы превращаете мой банк в какой-то...

— Не считая нашего дорогого Гарри, сегодня мы получили больше четырех тысяч долларов. По большей части это были вклады тех, кого ты бы назвал бедняками, но бедняков намного больше, чем богачей. Мы пустим эти деньги в оборот. И на этот раз мы не станем ссуживать их проходимцам, будь спокоен на этот счет. Я сам прохожимец и других за версту вижу. И пожалуйста, поблагодари всех касиров за прекрасную работу. А нам с Шалопаем, господин Бент, пора поговорить кое с кем о том, как делать деньги.

Словопечатня Цимера и Шпулькса пошла в гору после большого заказа на марки. У них и так всегда была лучшая печать в городе, но сейчас появилась и рабочая сила для крупных заказов. И им можно было доверять. Мокриц всегда чувствовал укол совести, когда приходил к ним. «Цимер и Шпулькс» олицетворяли все, чем Мокриц только притворялся.

Когда он вошел, много где еще горел свет. Господин Шпулькс был у себя в кабинете и что-то писал в грессбухе. Он оторвался от работы и, узнав Мокрица, улыбнулся ему как своему самому любимому клиенту.

— Господин фон Липвиг! Чем обязан? Присаживайся! Нечасто мы тебя видим в последнее время!

Мокриц уселся, и они побеседовали, потому что господину Шпульксу нравилось беседовать.

Дела шли тяжело. Дела всегда шли тяжело. В городе стало намного больше словопечатен, чем рань-

ше. «Цимер и Шпулькс» оставались в игре, потому что держались на голову вперед. К сожалению, говорил господин Шпулькс с серьезной миной, их «дружественные» противники — волшебники из издательства Незримого Университета — потерпели крах с их говорящими книгами...

— Говорящие книги? Звучит очень интересно, — сказал Мокриц.

— Вполне возможно, — хмыкнул Шпулькс. — Но этого не планировалось, и уж точно книги не должны были жаловаться на качество клея и криворукость наборщика. Ясное дело, Университет теперь не может даже пустить их в утиль.

— Почему нет?

— Это какой крик поднимется! Нет, я горжусь тем, что нам удастся остаться на коне... Кхм, ты пришел по какому-то вопросу?

— Что вы можете сделать из этого? — Мокриц выложил перед ним один новый доллар.

Шпулькс взял его в руки и внимательно изучил.

— Я ведь об этом слышал, — сказал он задумчиво. — Витинари в курсе того, что ты замышляешь?

— Господин Шпулькс, не удивлюсь, если он знает мой размер ноги и что я ел на завтрак.

Печатник отложил банкноту, как будто в ней тикал часовой механизм.

— Я понимаю, чего ты хочешь. Такая мелочь — и такая большая опасность.

— Вы возьметесь их отпечатать? — спросил Мокриц. — Не именно эту, просто сделайте пробную партию. Я имею в виду высококачественные банкноты, если я найду художника, чтобы нарисовать их.

— О да. Мы — образец качества. Мы строим дополнительный печатный станок, чтобы соответствовать спросу. Но как же безопасность?

— Что, здесь? До сих пор же никто вас не беспокоил?

— Это верно. Но до сих пор у нас не бывало гор денег, если ты меня понимаешь.

Шпулькс поднял банкноту и отпустил ее. Она мягко спланировала на стол, колыхаясь из стороны в сторону.

— И такие легкие, — продолжал Шпулькс. — Вынести несколько тысяч долларов не составит труда.

— Зато переплавить будет сложно. Вот что, установи новый станок на монетном дворе. Там полно места. Проблема решена, — сказал Мокриц.

— Что ж, разумно. Но станок — слишком большая вещь для перевозки. На это уйдет не один день. Ты не спешишь? Конечно, спешишь.

— Найми големов. Четыре голема перевезут все, что угодно. Отпечатай мне доллары к послезавтрашнему, и первая отпечатанная тысяча пойдет вам на премиальные.

— И куда ты все время так спешишь, господин фон Липвиг?

— Потому что люди не любят перемен. Но соверши эти перемены быстро — и все просто переключатся с одной нормы на другую.

— Что ж, думаю, големов можно нанять, — сказал печатник. — Но я боюсь, есть и другие препятствия, которые будет не так просто преодолеть. Ты же понимаешь, что если печатать деньги, то начнут появляться подделки. Двадцатипенсовая марка, может, и не стоит возни, но взять, скажем, десятидолларовую купюру?.. — Он вздернул брови.

— Возможно, согласен. Будут неприятности?

— Серьезные неприятности, друг мой. Мы можем помочь. Хорошая льняная бумага с орнаментом из рельефных волокон, водяные знаки, спиртовые чернила, почаще менять матрицы, чтобы не стирались, разные хитрости в оформлении... и сделать рисунок как можно сложнее. Это важно. Да, мы возьмемся за твой заказ. Обойдется недешево. Настоятельно рекомендую найти гравера не хуже этого... — Господин Шпулькс отпер нижний ящик стола и швырнул на промокашки лист пятидесятипенсовых «зелененьких» марок с Башней Искусств. Потом он протянул Мокрицу увеличительное стекло.

— Тут, конечно, и бумага высшего качества, — сказал печатник, пока Мокриц рассматривал марки.

— Отличная работа. Я вижу все до мельчайших деталей, — выдохнул Мокриц, жадно разглядывая лист.

— Нет, — сказал Шпулькс с явным удовольствием. — На самом деле не все. Но вот с *этим* можешь увидеть все. — Он открыл комод и вручил Мокрицу тяжелый латунный микроскоп.

— Он внес больше деталей, чем мы сами, — сказал печатник, когда Мокриц настроил фокус. — Я не знаю, можно ли добиться от металла и бумаги большего. И я заявляю, что это дело рук гения. Он мог бы выручить тебя.

— Поразительно, — сказал Мокриц. — Мы просто обязаны заполучить его! Где он сейчас работает?

— Нигде, господин фон Липвиг. Он в тюрьме, ожидает казни.

— *Сычик Дженкинс?*

— Ты сам давал против него показания, господин фон Липвиг, — мягко напомнил Шпулькс.

— Ну да, но я только сказал, что он подделывал наши марки и что от этого могли быть убытки! Я не думал, что его повесят!

— Его светлость всегда очень щепетилен, когда речь идет об измене интересам города, как он это называет. Думаю, адвокат Дженкинса плохо постарался. Все-таки рядом с его работой это наши марки выглядят подделками. Вообще, по моему ощущению, бедняга даже не сознавал до конца, что поступает неправильно.

Мокриц вспомнил влажные, полные страха глаза и беспомощно-удивленное выражение.

— Да, — ответил он. — Возможно, ты и прав.

— Может, замолвишь за него слово у Витинари...

— Нет. Ничего не выйдет.

— А. Ты уверен?

— Да, — ответил Мокриц твердо.

— В общем, наши возможности не безграничны. Мы даже номера на банкнотах могли бы предоставлять автоматически. Но рисунок должен быть высочайшего мастерства. Такие дела. Мне жаль. Хотел бы я чем-то помочь. Мы по гроб жизни тебе обязаны, господин фон Липвиг. Нам сейчас поступает столько государственных заказов, что нам *не обойтись* без свободного места на монетном дворе. Боги, мы же практически государственная словопечатня!

— Серьезно? — спросил Мокриц. — Это очень... интересно.

Шел неказистый дождь. Водостоки захлебывались водой и отплевывались. Временами ветер подхватывал льющийся с крыш водопад и плескал стеной воды в лицо любому, кому случалось задрать

голову. Но в такую ночь никто не задирает головы. В такую ночь все торопились, согнувшись в три погибели, домой.

Капли дождя стучали в окна пансиона госпожи Торт, в том числе в окно задней комнаты, где проживал Маволио Бент, с частотой двадцать семь ударов в минуту, плюс-минус пятнадцать процентов.

Господин Бент любил счет. Числам можно было доверять, за исключением разве что числа «пи», но он работал над этим в свободное время, и рано или поздно оно должно было покориться ему.

Он сидел на кровати, наблюдая за цифрами, танцующими у него в голове. Они всегда танцевали для него, даже в самые тяжелые времена. А тяжелые времена бывали такими тяжелыми. И впереди их наверняка предстояло еще больше.

В дверь постучали.

— Входи, госпожа Торт, — ответил он.

Хозяйка открыла дверь.

— Ты всегда знаешь, что это я, да, господин Бент? — спросила госпожа Торт, которая заметно нервничала в присутствии своего лучшего постояльца. Он всегда платил вовремя — минута в минуту — и содержал комнату в безупречной чистоте, и, конечно же, был профессиональным джентльменом. Ну и пусть он казался каким-то загнанным, и зачем-то он подводил часы каждое утро перед уходом на работу, но с этим она готова была мириться. В таком людном городе не было недостатка в квартирантах, но чисто плотные жильцы, которые исправно платили и не жаловались на питание, были такой редкостью, что заслуживали всяческого почитания, и если они вешали странные замки на шкаф, что ж, меньше знаешь — крепче спишь.

— Да, госпожа Торт, — сказал Бент. — Я всегда знаю, что это ты, по характерной паузе в одну целую четыре десятых секунды между ударами.

— Неужели? Прелестно! — сказала госпожа Торт, которой очень понравилось слово «характерный». — Вот я и говорю, как у тебя всегда все сходится. Кхм, придут три джентльмена и спросят тебя...

— Когда?

— Через пару минут, — ответила госпожа Торт.

Бент вытянулся во весь рост одним пружинистым движением, как чертик из табакерки.

— Трое мужчин? Во что они будут одеты?

— Ну, хм, как бы это, в одежду? — сказала госпожа Торт неуверенно. — Черную одежду. Один из них даст мне свою визитку, но я ничего не смогу на ней разобрать, потому что на мне будут другие очки. Конечно, я бы могла пойти и надеть сейчас правильные очки, но у меня потом так раскалывается голова, если я мешаю видению развиваться своим ходом. Кхм... и сейчас ты мне скажешь «Пожалуйста, дай мне знать, когда они будут здесь, госпожа Торт». — Она посмотрела на него выжидающе. — Извини, просто у меня было видение, что я приду рассказать тебе про видение, поэтому я решила, что надо. Глупо, конечно, но никто из нас не волен изменить то, какими нас сотворили, вот что я всегда говорю.

— Пожалуйста, дай мне знать, когда они будут здесь, госпожа Торт, — сказал Бент. Госпожа Торт посмотрела на него с благодарностью и удалилась.

Господин Бент снова сел. Видения госпожи Торт иногда сбивали его с толку, особенно теперь, когда они стали приходить в обратном порядке, но неписанный закон Вязовой улицы гласит: будь благосклонен

к причудам ближних в надежде на то, что и к тебе отнесутся точно так же. Госпожа Торт ему нравилась, но она заблуждалась. Можно изменить то, каким ты сотворен. Если нет, надеяться не на что.

Через пару минут он услышал дверной звонок, приглушенный разговор и изобразил удивление, когда хозяйка постучала к нему.

Бент разглядывал протянутую визитку.

— Господин Космо? О. Странно. Пригласи их ко мне. — Он замолчал и огляделся по сторонам. В городе полным ходом шло дробление жилой площади. Его комната была ровно вдвое больше кровати, причем неширокой. Чтобы поместиться здесь втроем, нужно было близко друг друга знать. А четверо узнали бы друг друга очень близко, хотя бы они того или нет. Тут был и маленький стул, но Бент держал его на шкафу, чтобы не путался под ногами.

— А лучше только господина Космо, — предложил он.

Минуту спустя гостя торжественно пригласили в комнату.

— Какое чудесное у тебя гнездышко, господин Бент, — начал Космо. — Удобно, когда, хм...

— ...все под рукой, — сказал Бент и снял стул со шкафа. — Прошу. У меня нечасто бывают гости.

— Я приступлю сразу к делу, господин Бент, — сказал Космо, присаживаясь. — Управляющим не нравится, хм, направление, в котором движутся дела. Думаю, ты солидарен с нами.

— Я мог бы пожелать иного развития событий, да.

— Ему следовало собрать совет директоров!

— Согласен, но, боюсь, по правилам банка он обязан провести совет только через неделю.

— Он развалит банк!

— На самом деле у нас появляется много новых клиентов.

— Не может же он тебе нравиться, господин Бент? Только не тебе!

— Он быстро вызывает симпатию, сэр. Но ты меня знаешь. Я не доверяю тем, кто легко смеется. В сердце дурака всегда есть место веселью. Этого человека не должно быть во главе вашего банка.

— Я предпочитаю считать его *нашим* банком, господин Бент, — расщедрился Космо, — потому что, по существу, он и *есть* наш.

— Ты слишком добр, сэр, — ответил Бент, глядя на половицы, проглядывающие сквозь дырку в дешевой клеенке, которая виднелась сквозь проплешину в ковре, который, по существу, *был* его.

— Ты попал к нам еще в юности, если не ошибаюсь, — продолжал Космо. — Мой отец лично взял тебя на работу помощником клерка, не так ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Мой отец был очень... понимающим человеком, — сказал Космо. — И не зря. Ни к чему ворошить прошлое. — Он сделал небольшую паузу, чтобы его слова успели усвоиться. Бент ведь не был дураком. Зачем браться за молоток, когда перышко произведет тот же эффект?

— Может, тебе удастся найти способ, который позволит удалить его с поста без скандалов и кровопролития? Должно же быть что-то, — предположил он. — Никто не возникает просто ниоткуда. Но о его прошлом известно еще меньше, чем — чисто гипотетически — о твоём.

Еще одно напоминание. Глаз Бента дернулся.

— Но председателем все равно останется Шалопай, — пробормотал он под стук дождя по стеклу.

— Да. Но уверен, за ним тогда станет приглядывать кто-то, кто, скажем так, способен переводить его твяканье более традиционным языком.

— Понимаю.

— Мне пора. — Космо встал. — Уверен, тебе многое нужно, — он обвел взглядом голую комнату, где не было никаких следов человеческого проживания — ни картинок, ни книг, ни бытового хлама, — и закончил: — сделать?

— Скоро я отхожу ко сну, — сказал господин Бент.

— Скажи мне, господин Бент, сколько мы тебе платим? — спросил Космо, поглядывая на шкаф.

— Сорок один доллар в месяц, сэр, — ответил Бент.

— Ага, ну зато у тебя исключительно стабильная работа.

— Так я до сих пор и полагал, сэр.

— Мне просто интересно, почему ты так живешь?

— Мне нравится серость, сэр. Она ни к чему меня не обязывает.

— Ну, теперь точно пора, — сказал Космо чуть быстрее, чем следовало. — Уверен, ты сможешь нам помочь, господин Бент. Ты всегда был нам замечательным помощником. Будет ужасно обидно, если в этот раз от тебя не будет помощи.

Бент смотрел в пол. Его трясло.

— От лица всех нас я хочу сказать, что ты для нас как родной, — продолжал Космо. Он обдумал эту фразу заново с учетом сомнительного очарования Шиков и добавил: — Но в хорошем смысле.

Глава 6

Побег из тюрьмы — Нежеланный сэндвич
с почками — Стук цирюльника-костоправа —
Красочное самоубийство и его несостоятельность —
Ангел во втором поколении — Игорь делает
покупки — Размышления о пользе подставных лиц
при повешении — Умение сохранить лицо —
Мокриц ждет солнышка — Шутки разума —
«Нам понадобятся банкноты побольше» —
Забавы с корнеплодами — Соблазнительность
планшетов — Невозможный шкаф

На крыше Танти, старейшей городской тюрьмы, Мокриц был более чем мокр. Он достиг той точки, когда настолько промок, что должен был вот-вот достичь сухости с обратного конца.

Он бережно снял последнюю масляную лампу с семафорной башенки на плоской крыше и выплеснул ее содержимое в завывающую ночь. Лампы и так были наполовину пусты. Удивительно, что кто-то вообще позаботился о том, чтобы зажечь их в такую погоду.

На ощупь он вернулся к краю крыши, нашел свой крюк, тихонько обвел его вокруг непреклонного зубца и раскрутил веревку, спустив ее на

невидимую землю. Теперь веревка обхватывала большой каменный выступ, и Мокриц скользнул вниз, держась за оба конца веревки и стягивая ее за собой. Крюк и веревку он спрятал среди хлама в подворотне. Не пройдет и часа, как кто-нибудь их украдет.

Отлично. Теперь к делу...

Доспехи Стражи, которые он умыкнул из банка, могли бы оказаться ему как раз, если бы только он брал их на вырост. Но сказать по правде, вряд ли они сидели лучше и на своем хозяине, который сейчас расхаживал по коридорам в форменных банковских доспехах, блестящих, но непрактичных. Было общеизвестно, что в Страже по вопросу обмундирования придерживаются той политики, что «размером больше, размером меньше, все равно никому не подойдет», а командор Ваймс не одобрял доспехов, по которым нельзя было бы сказать, что тебя отходил дубиной тролль. Ваймсу нравилось, чтобы доспехи четко заявляли, что они не лежали без дела.

Мокриц отдышался, обогнул здание, повернув к большим черным дверям, и позвонил в колокольчик. Механизм задребезжал и залязгал. Они не будут торопиться, только не в такую ночь.

Он был наг и гол, как новорожденный лобстер. Он надеялся, что ему удалось обойти все углы, но углы — как же это называлось, он слышал на лекции в университете... ах да. Углы были фракталами. Каждый угол состоял из других маленьких углов. Нельзя было обойти все. Стражника из банка могли вызвать на работу, и он обнаружил бы, что его шкафчик пуст. Кто-то мог увидеть Мокрица, Дженкинса могли переселить... Да к черту. Когда время

поджимало, оставалось только вращать барабан и быть готовым пуститься наутек.

Или, как сейчас, поднять огромный дверной молоток обеими руками и дважды резко опустить его. Он подождал, пока в двери с трудом не отворилось маленькое окошко.

— Чего? — раздраженно спросило покрытое тенью лицо.

— Поручено забрать заключенного. Имя Дженкинс.

— Чего? Ночь на дворе!

— У меня подписан ордер № 37, — сказал Мокриц флегматично.

Окошко захлопнулось. Он еще подождал под дождем. На этот раз прошло три минуты, прежде чем ему открыли.

— Чего? — спросил новый голос, пропитанный недоверием.

О, хорошо. Это был Беллистер. Мокриц обрадовался. То, что он запланировал на сегодня, поставит тюремщиков в очень неудобное положение, а некоторые из них были славными ребятами, особенно по отношению к смертникам. Но Беллистер был тюремщиком старой закалки, подлых дел мастер, агрессивный тип, который не упускал случая превратить жизнь арестанта в ад. Дело было даже не в том, что он плевал тебе в миску с сальной баландой, — главное, у него не хватало совести даже на то, чтобы сделать это, пока ты не видишь. И он издевался над слабыми и испуганными. Было здесь и еще одно преимущество. Беллистер терпеть не мог стражников, и те отвечали ему взаимностью. Грех этим не воспользоваться.

— Пришел забрать арестанта, — пожаловался Мокриц. — Стою тут под дождем уже пять минут!

— И еще постоишь, сынок, пока я не скажу. Покажи мне ордер!

— Здесь сказано, Сычик Дженкинс, — сказал Мокриц.

— Ну так показывай!

— Мне велели отдать вам бумажку, когда заключенный будет у меня, — сказал Мокриц, образец флегматичной настойчивости.

— О, да ты у нас законник, что ли? Ну ладно, Эйб, запускай этого ученого.

Окошко снова закрылось, и калитка с лязгом отворилась. Мокриц вошел в двери. Внутри караулки лило так же, как и снаружи.

— Мы с тобой раньше не виделись? — спросил Беллистер, склонив голову набок.

— Начал только на прошлой неделе, — ответил Мокриц. За его спиной дверь снова закрылась. Лязг засова эхом прокатился в его голове.

— Почему ты один? — спросил Беллистер.

— Не знаю, господин. Это надо у мамы с папой спросить.

— Не остри мне тут! Конвоиров должно быть двое!

Мокриц вяло пожал мокрыми плечами, выражая полное безразличие.

— Двое? Я ничего не знаю. Мне просто сказали, что это мелкий засранец, от которого хлопот не будет. Хочешь, можешь сам проверить. Вроде его срочно требуют во дворец.

Дворец. Это приглушило блеск мелких гаденьких глазок тюремщика. Человек разумный не станет стоять на пути у дворца. И было логично послать на

это неблагодарное дело в такую жуткую ночь какого-то недалекого новичка. Беллистер поступил бы точно так же.

Он вытянул к нему руку с требованием:

— Ордер!

Мокриц отдал ему хлипкую бумажку. Тот прочитал ее, заметно шевеля губами и явно надеясь, что с бумагой что-нибудь не так. С этим проблем не будет, как бы он ни сверлил ее взглядом. Мокриц прикарманил несколько бланков, пока господин Шпульск заваривал ему кофе.

— Его вздернут утром, — сказал Беллистер, поднося листок к фонарю — Зачем он им сейчас понадобился?

— Почем мне знать, — сказал Мокриц. — Только давай побыстрее, я сменяюсь через десять минут.

Тюремщик наклонился к нему.

— За одно за это, дружок, я *пойду* и проверю. Всего один конвоир? Лучше перебдеть, да?

«Хо-ро-шо, — подумал Мокриц. — Все идет по плану. Десять минут он будет спокойно пить свой чай, просто чтобы проучить меня, еще через пять минут выяснит, что семафоры не работают, еще через секунду решит, что в такую ночь его сдует, если он будет чинить неисправность, еще секунду будет думать: документы были в порядке, он же проверил бумагу на водяной знак, а это самое главное... плюс-минус двадцать минут».

Он, конечно, мог и ошибаться. Могло случиться все, что угодно. Беллистер мог прямо сейчас звать на помощь своих товарищей, он мог отправить кого-то через черный ход за настоящим стражником. Будущее было туманно. Разоблачение могло быть совсем рядом.

Лучше не бывает.

Беллистер отсутствовал двадцать две минуты. Медленно приблизились шаги, и показался Дженкинс, пошатываясь под весом оков. Беллистер сзади подгонял его дубинкой. Парень никак не мог идти быстрее, но это не мешало его подгонять.

— Вряд ли нам понадобятся кандалы, — быстро сказал Мокриц.

— Ты их и не получишь, — ответил тюремщик. — Потому что от вас, собак, их потом назад не дождешься!

— Ладно, — сказал Мокриц. — Давай, тут холод зверский.

Беллистер заворчал. Весельчаком его было не назвать. Он нагнулся, расстегнул кандалы и выпрямился, держа арестанта за плечо. В другой руке, протянутой Мокрицу, был планшет.

— Распишись! — скомандовал он. Мокриц расписался.

Теперь наступал магический момент. Тот, из-за которого документы играли такую роль в грязной жизни тюремщиков, надсмотрщиков за ворами и охотников за попрошайками, потому что единственное, что в любое время имеет реальное значение, это *habeas corpus*: чья рука держит вора за шиворот? Кто несет ответственность за этот корпус?

Мокриц прежде проходил через это, будучи субъектом действия, был знаком с процессом. Арестант перемещался по бумажному следу. Если его найдут в канаве, то последнему расписавшемуся за этого арестанта придется ответить на несколько вопросов в жесткой форме.

Беллистер толкнул арестанта вперед и изрек проверенные временем слова:

— Арестанта сдал, господин! — рявкнул он. — Хай беса в корпус!

Мокриц протянул ему обратно планшет и положил вторую руку на другое плечо Сычика.

— Арестанта принял, господин! — ответил он. — Отхаю этого беса как положено!

Беллистер заворчал и убрал руку с плеча. Дело было сделано, порядок соблюден, обычаи почтены, а Сычик Дженкинс...

...поднял на Мокрица грустные глаза, со всей силы ударил его в пах и дал стрекача по улице.

Он согнулся пополам, не сознавая ничего за пределами маленькой вселенной собственной боли, кроме задорного хохота Беллистера и его крика:

— Полетел твой птенец, милорд! Отхаял так отхаял! Хо-хо!

Когда Мокриц добрался до комнаты, которую снял у Я-не-знаю Джека, он уже мог идти не сгибаясь. Он переоделся в золотой костюм, просушил доспехи, запихнул их в мешок, вышел в переулок и поспешил в банк.

Вернуться было сложнее, чем выбраться. Стража сменялась тогда же, когда уходили сотрудники, и в общей суете, царившей вокруг Мокрица, одетого в невзрачный серый костюм, к которому он возвращался, когда хотел перестать быть Мокрицем фон Липпигом и побыть самым незапоминающимся человеком на свете, он вышел из банка, не вызывая никаких вопросов. Ведь как они думали: ночная охрана выходит на пост, когда все расходятся по домам, так? Значит, люди, уходящие домой, — не проблема, а если и проблема, то не моя.

Стражник, который вышел наконец посмотреть,

кто там возится с замком на входной двери, сначала не давал ему пройти, пока второй стражник, проявивший некоторую рассудительность, не заметил, что если председателю вздумалось возвращаться в банк после полуночи, то в этом ничего такого нет. Он же здесь главный! Ты что, газет не читаешь? Видишь золотой костюм? И у него ключ! Ну и подумаешь, что у него с собой большой тяжелый мешок. Он же его *заносят*! Вот если бы он его *выносил*, был бы совсем другой разговор, хе-хе, это я так шучу, господин, извиняй...

«Удивительно, чего можно достичь, если просто набраться смелости и попытаться», — подумал Мокриц, пожелав охранникам доброй ночи. Например, ключ, которым он так театрально ковырял в замке, был от Почтамта. Ключей от банка у него пока не было.

Даже повесить доспехи на место не составило труда. Сторожа все еще ходили по своим обычным маршрутам, а здания были большими и плохо освещались. Раздевалка могла пустовать часами, и ее никто не проверял.

Лампа в его новых апартаментах еще горела. Шалопай храпел, раскинувшись на спине в своем лотке. У двери в спальню горел ночник. Даже два, и это были красные мерцающие глаза Глэдис.

— Приготовить Тебе Сэндвич, Господин Фон Липвиг?

— Нет, Глэдис, спасибо.

— Мне Совсем Не В Тягость. В Холодильной Комнате Есть Почки.

— Спасибо, Глэдис, не стоит. Я совсем не голоден, — ответил Мокриц, тихо закрывая за собой дверь.

Мокриц лежал на кровати. На верхних этажах царила полная тишина. А он привык к своей постели на Почтамте, куда всегда доносились звуки со двора.

Но ему не спалось не из-за тишины. Он лежал, уставившись в потолок, и думал: как глупо, глупо, глупо! Через несколько часов в Танти сменятся часовые. Никто не станет слишком волноваться из-за отсутствия Сычика, пока не появится деловитый палач, и тогда наступит тревожный момент, когда стражники выберут того, кто пойдет во дворец узнавать, есть ли хоть малейшая вероятность, что заключенного сегодня повесят.

Заключенный к этому моменту наверняка уже будет за много миль, и даже вервольф не вынюхает его в такую промозглую, ветреную ночь. Мокрица они никак не смогут с этим увязать, но в холодном сыром свете двух часов ночи ему живо представлялось, как волнуется чертов командор Ваймс, подступая к делу в своей толстолобой манере.

Он захлопал глазами. *Куда Сычик мог убежать?* Если верить Страже, он не был членом банды. Он просто делал свои собственные марки. И что за человек станет возиться с подделкой марки за полпенни?

Что за человек...

Мокриц сел. Неужели все так просто?

Все возможно. Сычик был очень даже сумасшедшим в тихом, потерянном смысле слова. У него был взгляд того, кто давным-давно бросил попытки понять мир за пределами мольберта, того, для кого причина и следствие не имеют прямой взаимосвязи. Где такой человек может спрятаться?

Мокриц зажег лампу и подошел к развалинам, оставшимся от его шкафа. Он снова остановил свой

выбор на сером поношенном костюме. Это была памятная для Мокрица вещь: в нем его повесили. А еще это был незаметный костюм для незаметного человека, и его дополнительным преимуществом было то, что он не выделялся в темноте в отличие от черного. Продумав все загодя, Мокриц сходил в кухню и прихватил с буфета две тряпки для пыли.

Коридор был сносно освещен лампами, висящими через каждые несколько ярудов. Но лампы создают тени, и в одной из них, рядом с гигантской вазой династии Пинь из Гунгунга, Мокриц казался серой заплаткой на сером фоне.

Мимо прошел охранник, предательски неслышный на толстом ковре. Когда он скрылся, Мокриц бросился вниз по мраморной лестнице и на нижнем пролете юркнул за горшок с пальмой, который кто-то счел уместным поставить именно здесь.

Все этажи банка выходили в центральный холл, который, как и на Почтамте, шел от первого этажа до крыши. Кое-где, в зависимости от планировки, стражник с верхнего этажа мог видеть нижний этаж. Иногда стражники шли по незастеленному мрамору. Иногда на верхних этажах они пересекали изящные мозаичные кладки, которые звенели, как колокольчик.

Мокриц стоял и прислушивался, пытаясь уловить ритм обходов. Патрулей было больше, чем он думал. Ну же, ребята, вы работаете в охране: как насчет традиционной партии в покер на целую ночь? Ведите себя по-человечески!

Это было прекраснейшей задачей. Лучше, чем лазить по крышам, даже лучше чиханий без правил! А самое лучшее заключалось в том, что даже если

его поймают, то он что, он ничего, просто проверял охрану! Молодцы, ребята, нашли меня...

Но нельзя было, чтобы его поймали.

Охранник поднялся наверх неторопливым и твердым шагом. Он прислонился к балюстраде и, к неудовольствию Мокрица, зажег сигаретный окурочок. Выглядывая между листьев, Мокриц увидел, как охранник облокотился поудобнее на мрамор и посмотрел на нижние этажи. Он был уверен, что охране нельзя этого делать. Еще и курить вдобавок!

После нескольких задумчивых затяжек сторож бросил окурочок, затоптал его и пошел дальше наверх.

Две мысли в голове Мокрица боролись за первенство. Та, что кричала чуть громче, была такой: «У него арбалет! Они сначала стреляют, а потом не задают никаких вопросов!» Второй голос, дрожащий от негодования, говорил: «Он бросил свой чертов окурочок прямо на мраморный пол! Эти высокие латунные штуки с чашками белого песка тут *не просто так стоят*, между прочим!»

Когда охранник скрылся наверху, Мокриц сбежал до конца пролета, проехал по мраморному полу на ботинках с прикрепленными к ним тряпками, нашел дверь, ведущую в подвал, торопливо открыл ее и в самый последний момент не забыл закрыть ее за собой бесшумно.

Он зажмурился и подождал, не раздадутся ли крики и звуки погони.

Потом открыл глаза.

В дальнем конце подвала стояло прежнее ослепительное свечение, но вода не шумела. Случайные капли только подчеркивали глубину абсолютной тишины.

Мокриц осторожно обошел Хлюпера, который слегка позвякивал, и погрузился в неизведанные тени под великолепными совокуплениями.

«Если мы построим храм, придешь ли ты?» — подумал он. Но бог, на которого уповаешь, никогда не приходит. Это было печально и в каком-то божественном смысле глупо. А что, не так? Мокриц слышал, что миллионы мелких богов парят по миру, живут под камнями, разносятся ветром, как перекати-поле, цепляются за макушки деревьев... Они ждут важного момента, счастливого случая, который может привести к постройке храма, к появлению священнослужителей, к почитателям, которые будут твоими, собственными. Но они не заглядывают сюда, и несложно догадаться почему.

Богам нужна вера, а не логическое мышление. Начинать со строительства храма — это все равно что дать пару прекрасных башмаков безногому. Строительство храма говорило не о твоей вере в Бога, а о твоей вере в архитектуру.

Некое подобие мастерской было возведено в глубине крипты, вокруг большого старинного камина. Там с ярким синевато-белым пламенем работал Игорь, аккуратно выгибая стеклянную трубку. За его спиной в огромных сосудах шипела и пузырилась зеленая жидкость. У Игорей от природы был талант к работе с молниями.

Игоря всегда можно было узнать. Игори из всех сил *стафалились*, чтобы их можно было узнать. Дело было не в одних плесневелых пыльных костюмах, и даже не в лишние пальцах и непарных глазах. А в том, что им на голову можно было поставить мяч, и он бы никуда не укатился.

Игорь поднял на него взгляд.

— Гутен морген, гофподин. Ты кто такой ефть?..

— Мокриц фон Липвиг. А ты — Игорьь.

— Ф первой попытки, гофподин. Флышайт о тебе много хорошего.

— Здесь?

— Я вфегда держайт ухо на земле, гофподин.

Мокриц подавил желание посмотреть вниз. Игорьь и метафоры плохо сочетались.

— В общем, Игорьь... дело такое... Я хочу привести сюда кое-кого, не вмешивая в это охрану, и хотел бы узнать, нет ли тут дополнительной двери.

Чего он не сказал, но что пронеслось между ними в воздухе: ты же Игорьь! А когда толпа затачивает колья и норовит выломать двери, *Игорей уже нет на месте*. Игорь были мастерами уходить не прощаясь.

— Ефть калитка, которой мы пользуйтфя, гофподин. Фнаружи ее не открывайт, зато ее никогда не фторожайт.

Мокриц с вожделением посмотрел на дождевик на вешалке.

— Хорошо. Хорошо. Тогда я прямо сейчас ею и воспользуюсь.

— Ты здефь хозяин, гофподин.

— Но скоро я вернусь и приведу с собой человека. Этот джентльмен не горит желанием встречаться с городскими властями.

— О, понимаю, гофподин. Давай им вилы, и они решайт, что вфе здефь им принадлежайт, гофподин.

— Но он никого не убивал, ничего такого.

— Я — Игорьь, гофподин. Мы не задавайт вопрофов.

— Правда? Почему?

— Не знаю, гофподин. Не фпрашивал.

Игорь вывел Мокрица к низенькой двери, выходившей на грязную захламленную лестницу, которую наполовину затопило неутомимым ливнем. Мокриц задержался на пороге. Вода уже проникала под его серый костюм.

— Еще один вопрос, Игорь...

— Йа, гофподин?

— Я только что проходил мимо Хлюпера, и в нем была вода.

— Правильно, гофподин. Что-то не ефть так?

— Она двигалась, Игорь. Разве она должна двигаться в такое время суток?

— О, это профто фифонные переменные, гофподин. Это пофтоянно проифходит.

— Ах, сифонные? Ну, прямо от сердца отлегло...

— Когда будешь возвращайтфя, профто пофту-чай, как цирюльники-кофтоправы, гофподин.

— Что-что?..

Дверь захлопнулась.

Игорь вернулся на свое рабочее место и зажег газ.

Некоторые стеклянные трубочки, лежавшие перед ним на зеленом фетре, были... какие-то не такие и дезориентирующим образом отражали свет.

Смысл Игорей... суть Игорей... короче, большинство людей обращали внимание только на неопрятную одежду, жидкие волосы, косметические клановые шрамы, швы и шепелявость. Возможно, потому, что, кроме этого, смотреть там было, в общем-то, и не на что (и слушать, кроме шепелявости, нечего).

Поэтому люди забывали, что почти все наниматели Игорей были по общепринятым меркам не в своем уме. Попроси их построить громопривод

и расставить сосуды для хранения молний, и они рассмеются тебе в лицо¹. О, этим людям отчаянно был нужен кто-то с полноценным функционирующим мозгом, и у каждого Игоря был в запасе как минимум один. Игори были умны, и именно поэтому, когда в воздухе начинало пахнуть жареным, они всегда оказывались в другом месте.

Еще они были перфекционистами. Попроси их что-нибудь построить, и ты не получишь то, что просил. Ты получишь то, что *хотел*.

В паутине своих отражений хлюпал Хлюпер. Вода поднялась по тонкой трубке и закапала в стеклянную чашку, чашка опрокинулась на крошечный балансир, балансир накренился и открыл маленький клапан.

Последней обителью Сычика Дженкинса, если верить «Правде», был Короткий переулочек. Номера дома указано не было, потому что Короткого переулка хватало только на одну дверь. Дверь болталась на одной петле, но была прикрыта. Обрывок черно-желтой веревки намекал тем, кому не хватило выломанной двери, что недавно сюда наведалась Стража.

Мокриц толкнул дверь, и она, сорвавшись с петель, рухнула в реку дождя, текущую по переулку.

Искать долго не пришлось, потому что Сычик не прятался. Он сидел в комнате на первом этаже, окруженный свечами и зеркалами. С блаженным видом на лице он рисовал.

---

¹ Скорее всего они рассмеются тебе в лицо, даже если просто сказать слово «сосиска». Они вообще много смеются.

Увидев Мокрица, он выронил кисть, схватил с лавки тюбик и поднес его ко рту, чтобы проглотить.

— Не заставляй меня это делать! Не заставляй меня это делать! — затараторил он, дрожа, как осинновый лист.

— Это зубная паста? — спросил Мокриц. Он принюхался к воздуху в этой очень *обжитой* мастерской и добавил: — Тебе не повредило бы.

— Это уба желтая, самая ядовитая краска в мире! Назад, или я скончаюсь в муках! — пригрозил фальшивомарочник. — Хм, наверное, *самая* ядовитая все-таки агатынская белая, но она вся закончилась, какая досада. — Сычик спохватился, что ушел от темы, и тут же повысил голос вновь: — Но эта тоже очень даже ядовитая!

Яды всегда вызывали у Мокрица интерес, а будучи талантливым теоретиком, много можно узнать.

— Мышьяковая смесь? — спросил он. Все знали про агатынскую белую. Об уба желтой он слышал впервые, но мышьяк существовал во многих привлекательных вариациях. Главное — не облизывать кисточку. — Это ужасная смерть, — продолжал он. — Ты будешь плавиться несколько дней, если говорить коротко.

— Я туда не вернусь! Я туда не вернусь! — взвизгнул Сычик.

— Когда-то ее использовали вместо белил, — продолжал Мокриц, подступая чуть ближе.

— Назад! Я это сделаю! Клянусь, я это сделаю!

— Вот откуда пошла фраза «до смерти красиво», — добавил он, приближаясь.

Он бросился на Сычика, и тот сунул тюбик в рот. Мокриц вырвал его, отмахнулся от маленьких влажных рук художника и осмотрел тюбик.

— Ну, так я и думал, — сказал он и сунул тюбик себе в карман. — Ты забыл снять колпачок. Типичная ошибка новичка.

Сычик помешкал и спросил:

— А разве бывают люди, у которых есть большой опыт самоубийств?

— Господин Дженкинс, послушай меня. Я здесь... — начал Мокриц.

— Я не пойду обратно в тюрьму! Я не пойду! — заголосил тот, отступая назад.

— Вот и прекрасно. Я хочу предложить тебе...

— За мной следят, — признался Сычик. — Постоянно следят.

Ага. Это было лучше самоубийства красками, но ненамного.

— Ты... имеешь в виду, в тюрьме? — спросил Мокриц, чтобы не делать поспешных выводов.

— За мной везде следят! Один стоит прямо у тебя за спиной!

Мокриц запретил себе оборачиваться, потому что от этого недолго и до безумия. Впрочем, оно стояло прямо перед ним, здесь и сейчас.

— Мне жаль это слышать, Сычик. Поэтому...

Он задумался и решил: почему бы и нет? На нем же сработало.

— ...поэтому я расскажу тебе об ангелах, — сказал Мокриц.

Поговаривали, что с появлением в городе Игорей грозы стали чаще идти. Гром утих, но дождь лил так, как будто у него вся ночь была впереди.

Вода плескалась вокруг ботинок Мокрица, который стоял перед невзрачным банковским черным ходом и пытался вспомнить стук цирюльников-костоправов.

Ах да. Это был старый мотивчик, звучавший так: «па-дам пам-пам рам-пам ПАМ!»

Проще говоря: «Постричь, обрить, брюхо вскрыть!»

Дверь открылась немедленно.

— Мой глубочайший извинений за отфутфтий фкрипа, гофподин, но эти петли ни в какую...

— Просто помоги мне вот с этим, — перебил Мокриц, который проседал под весом двух тяжелых коробок. — Знакомся, это господин Дженкинс. Можешь организовать ему постель здесь, внизу? И ты совершенно случайно не мог бы поменять ему внешность?

— Больше, чем ты можешь фебе предфавляйт, гофподин, — воодушевился Игорь.

— Я скорее имел в виду, собственно, постричь и обрить. Ты можешь это сделать?

Игорь посмотрел на Мокрица страдальчески.

— Технически, йа, кофтоправы могут проводить и парикмахерфкие операции, вифочки там тронуть...

— Нет, нет, пожалуйста, оставь его височки в покое.

— Я имейт в виду, да, гофподин, я могу его подфтригайт, — со вздохом сказал Игорь.

— В висках у меня так часто стучит, — вставил Сычик.

— Хочешь, можем их заменяйт? — спросил Игорь, не утрачивая надежды найти что-то светлое в сложившейся ситуации.

— Какой изумительный свет! — воскликнул Сычик, пропуская это предложение мимо ушей. — Здесь светло как днем!

— Какое счастье, — сказал Мокриц. — А теперь ложись спать, Сычик. Не забывай, что я тебе сказал. Утром *ты* сделаешь эскиз первой настоящей однодолларовой банкноты, ты меня понимаешь?

Сычик кивнул, но мыслями он был уже где-то в другом месте.

— Мы же договорились да? — спросил Мокриц. — Ты нарисуешь банкноту такого качества, что никто другой не сможет ее воспроизвести? Я показывал тебе свои пробы. Я знаю, ты можешь намного лучше.

Он взволнованно смотрел на этого человечка. Мокриц увереннее сомневался, что Сычик не был сумасшедшим, но в то же время мир во многих своих проявлениях явно происходил для него где-то не здесь.

Сычик, разбиравший вещи в коробках, замер.

— Э... я не знаю, как это, — сказал он.

— В каком смысле? — не понял Мокриц.

— Я не умею придумывать. — Сычик уставился на кисточку, как будто ожидал, что она сейчас зашвистит.

— Но ты же фальсификатор! Твои марки выглядят лучше наших!

— Ну, да. Но у меня нет твоего... я не знаю, с чего начать... то есть мне нужно от чего-то отталкиваться... то есть, когда оно есть, я могу...

«Времени сейчас, наверное, четыре часа, — подумал Мокриц. — Четыре часа! *Ненавижу*, когда четыре часа бывает дважды в день...»

Он выхватил лист бумаги из коробки Сычика и взял карандаш.

— Вот, — сказал он. — Начни с...

С чего?

— ...с богатства, — ответил Мокриц себе вслух. — С богатства и стабильности — это лицо нашего банка. Побольше узорных завитков, их сложно подделать... Панорама, вид города... Точно! Анк-Морпорк, все на благо города! Голову Витина-ри, потому что этого все ждут, и жирную единицу, чтобы до всех дошло. Да, и герб, как же без герба. А внизу, — карандаш быстро чертил на бумаге, — пустое место для подписи председателя, то есть, извиняюсь, для лапы председателя. А на обороте... Короче, нам нужны мелкие детали, Сычик. Какой-нибудь бог придаст нам солидности. Из тех, что повеселее. Как, бишь, зовут того парня с трехзубой вилкой? В общем, кого-то вроде него. Тонкие линии, Сычик, вот что нам нужно. У-у-у, и корабль. Люблю корабли. Еще раз напомним, что это стоит доллар. Хм... да, и мистика лишней не бывает. Люди во все на свете поверят, если это покажется древним и загадочным. «Сравнится ли в зенице вдовьей блеск одной монеты со светом ослепительного солнца?»

— Что это значит?

— Без понятия, — ответил Мокриц. — Я это только что придумал.

Зарисовав все, он протянул бумагу Сычику.

— Что-то в этом духе, — сказал он. — Вперед. Хватит тебе этого для начала?

— Я попробую, — пообещал Сычик.

— Хорошо. Увидимся зав... позже. Игорь за тобой присмотрит.

Сычик уже смотрел в пространство. Мокриц отвел Игоря в сторону.

— Только постричь и побрить, ладно?

— Дело твое, гофподин. Правильно ли я полагайт, что гофподин не желайт перефекайтфя фо Фтражей?

— Совершенно верно.

— Найн проблем, гофподин. Офмелюфь предлагайт фменяйт ему имя.

— Хорошая мысль. Что у тебя на уме?

— Мне нравийтфя Клямф, гофподин, хорошая фамилия. А по чафти имени, Экзорбит — первое, что приходийт в голова.

— Правда? И откуда оно там взялось? Нет, не отвечай... Экзорбит Клямс...

Мокриц поразмыслил, но в такую ночь — к чему спорить? Особенно когда такая ночь уже такая рань.

— Решено. Экзорбит Клямс. Пусть он даже имя «Дженкинс» забудет, — добавил Мокриц с тем, что впоследствии оказалось серьезной недальновидностью.

Мокриц проскользнул наверх в свою спальню, и ему даже ни разу не пришлось прятаться в тени. На рассвете охрана всегда не в лучшей форме. Все закрыто на все замки. Кто сюда вломится?

Внизу среди сводчатых совокуплений художник, ранее известный как Сычик, разглядывал эскизы Мокрица и чувствовал, что мозг начинает оживать. В традиционном смысле слова он отнюдь не был сумасшедшим. По определенным меркам Сычик был *абсолютно* здоров. Когда он сталкивался с миром, слишком шумным, сложным и непостижимым, что-

бы с ним справиться, он сужал этот мир до размера небольшого пузыря, где было место только для него и его палитры. Там было тихо и уютно. Шум оставался где-то далеко, и *они* не могли следить за ним.

— Господин Игорь, — позвал он.

Игорь отвлекся от ящика, в котором копался. В руках он держал нечто вроде металлического дуршлага.

— Чем могу бывайт полезный, гофподин?

— Можешь достать мне старые книги с изображениями богов, кораблей и, например, с видами города?

— Йа, гофподин. На Лоббифтфкой улице быть антикварная букинифтичфкая лавка. — Игорь отложил прибор в сторону, достал из-под стола старую кожаную суму и, немного поразмыслив, положил в нее молоток.

Даже в мире новоиспеченного господина Клямса было так поздно, что уже рано.

— О, я уверен, это может подождать до рассвета, — заверил он.

— Я вфегда ходийт по магазинам в ночь, гофподин, — успокоил его Игорь. — Когда хочу поторговайтфя.

Мокриц проснулся слишком рано и увидел перед собой Шалопая, который стоял у него на груди. У него в пасти громко пищала резиновая косточка. На Мокрица в результате натекло немало слюней.

За Шалопаем стояла Глэдис. За Глэдис — двое в черном.

— Его светлость согласился тебя принять, господин фон Липвиг, — весело сказал один.

Мокриц постарался утереть слюну с лацкана пиджака, но преуспел только в том, что начистил костюм.

— А я хочу его видеть?

Один из людей в черном улыбнулся:

— *О-о-о да!*

— После повешений у меня всегда разыгрывается аппетит, — сказал лорд Витинари, аккуратно поедая яйцо вкрутую. — Ты не находишь?

— Эм... меня вешали только один раз, — сказал Мокриц. — Не сказал бы, что много думал тогда о еде.

— Дело, должно быть, в утренней прохладе. — Витинари пропустил его слова мимо ушей. — Она пробуждает чувство голода.

Впервые за время их встречи он с озабоченным видом посмотрел на Мокрица.

— Что же это? Ты не ешь, господин фон Липвиг? Нужно поесть. Ты выглядишь измотанным. Надеюсь, ты не устаешь на работе?

Мокриц пришел к выводу, что где-то по дороге ко дворцу он ступил в другое измерение. Наверняка именно это и произошло. Другого объяснения он не видел.

— А кого повесили? — спросил он.

— Сычика Дженкинса, фальшивомарочника, — сказал Витинари, вновь принимаясь скрупулезно отделять белок от желтка. — Стукпостук, быть может, господину фон Липвигу больше по вкусу фрукты? Или это твое любимое варево из орехов и злаков, истязющее кишечник?

— Сию минуту, сэр.

Витинари подался вперед, как будто посвящая Мокрица в тайну.

— Повар вроде бы готовит копченую рыбу для стражников. Очень укрепляет силы. Ты и верно какой-то бледный. Тебе не кажется, что он какой-то бледный, Стукпостук?

— Болезненно бледный, сэр.

Как будто в ухо ему по каплям лили кислоту. Мокриц лихорадочно соображал, но не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Много ли собралось зрителей?

— Не очень. Похоже, мероприятие не получило достаточного освещения в прессе, — сказал Витинари. — И преступление не включало ведра крови. Народ от такого в восторге. Зато Сычик Дженкинс присутствовал, о да. Он никому не перерезал горла, но выпускал кровь из города каплю за каплей.

Витинари отделил весь яичный белок и съел его, оставив нетронутым яркий желток.

«Что бы я сделал на месте Витинари, если бы узнал, что мою тюрьму вот-вот поднимут на смех? Ничто так не подрывает авторитета, как смех», — думал Мокриц. А главное, что бы сделал он, если бы был на своем месте, где он, собственно, и есть...

Повесил бы кого-нибудь другого — вот что. Выбрал бы в кутузке какого-то несчастного примерно сходных очертаний, который ожидал там своего пенькового фанданго, и предложил ему сделку. Повесить его все равно повесят, только под именем Сычика Дженкинса. Потом огласят, что подсадной был помилован, но скончался от несчастного случая или чего-то в этом роде, а его старушка мать и жена с детишками получают мешок монет и избегают не большого позора.

А толпа получит свою казнь. И Беллистеру теперь, если повезет, доверят разве что драить плева-

тельницы. Правосудие или некое его подобие возторжествует, и всем дадут понять, что преступления против города стоит совершать только тем, у кого железная шея, и то не факт.

Мокриц поймал себя на том, что поглаживает шею. Даже теперь он иногда просыпался посреди ночи в тот самый миг, когда под его ногами развезалась пустота...

Витинари не сводил с него взгляда. На его лице не то чтобы играла улыбка, но у Мокрица возникло щекочущее загрибок чувство, что, когда он попытался мыслить как Витинари, его светлость проскользнул с этими мыслями к нему в голову, как большой черный паук с гроздьё бананов, и принялся лазить там, где ему не место.

Тогда Мокриц со всей неотвратимостью понял одно. Сычик бы *в любом случае* не умер. Не с его талантом. Под дверцей люка для него открылась бы новая жизнь, как и для Мокрица. Он бы очнулся и получил предложение от ангела, которое для Сычика состояло бы в светлой комнате, трехразовом питании, выносе горшка по первому требованию и любых чернилах, какие он мог пожелать. С точки зрения Сычика, это был бы рай. А Витинари... получил бы лучшего в мире фальсификатора *на службу* своему городу.

«О боги. Я встал у него на пути. Я *на пути* у Витинари».

Оранжево-золотистый шарик отвергнутого желтка блеснул у Витинари на тарелке.

— А что твои грандиозные планы по бумажной валюте, продвигаются? — спросил его светлость. — Я столько об этом слышал.

— Что? Ах да. Кхм. Хочу поместить ваше лицо на банкноту, с вашего позволения.

— О, пожалуйста. Не самый плохой способ сохранить лицо.

«Тебе ли не знать...»

«Я ему нужен, — подумал Мокриц, расслышав эту никакую-не-угрозу. — Но насколько?»

— Понимаете, я...

— Возможно, твоя светлая голова поможет мне решить одну загадку, господин фон Липвиг. — Витинари вытер губы салфеткой и отодвинул стул. — Следуй за мной. Стукпостук, принеси мне кольцо. И клещи на всякий случай.

Мокриц поплелся за ним. Витинари вышел на балкон и прислонился спиной к балюстраде, отвернувшись от окутанного туманом города.

— Еще довольно облачно, но солнце может выглянуть в любую минуту, согласен? — спросил он.

Мокриц посмотрел в небо. Сквозь завесу облаков просвечивал бледно-золотой, как яичный желток, лоскут. «Что же у него на уме?»

— Да, уже скоро, — решил он.

Секретарь передал Витинари небольшую шкапулку.

— Шкапулка с вашим перстнем, — сказал Мокриц.

— Замечательно, господин фон Липвиг, ты всегда так наблюдателен! Бери его.

Мокриц с опаской взял кольцо. Оно было черным и странным на ощупь, почти как живое. «V» как будто смотрела прямо на него.

— Тебе ничего не кажется в нем необычным? — спросил Витинари, внимательно за ним наблюдая.

— Оно теплое, — ответил Мокриц.

— Верно. Это оттого, что оно сделано из стиксия. Он считается металлом, но я убежден, что это сплав, притом полученный посредством волшебства. Гномы изредка находят его в регионе Локо, и он стоит очень дорого. Когда-нибудь я напишу монографию о его увлекательной истории, но пока упомяну лишь, что, как правило, его предпочитают те, кто по образу жизни и личным предпочтениям передвигается в темноте — и, разумеется, те, кому жизнь без риска кажется неполноценной. Стиксий смертельно опасен. На солнце он за несколько секунд прогревается до температуры плавления железа. Никто не знает почему.

Мокриц посмотрел на затянутое небо. Варено-яичный солнечный свет спрятался за очередной грядой туч. Кольцо остыло.

— Кольца из стиксия — повальное увлечение среди молодых убийц. Обычно в течение дня они носят поверх кольца расшитую черную перчатку. Риск — вот что главное, господин фон Липвиг. Это жизнь со Смертью в кармане. В самом деле, иные люди и тигра за хвост дернут из хулиганства. Конечно, те, кто заинтересован в престиже больше, чем в опасности, носят только перчатку. Как бы то ни было, поздней ночью около двух недель назад единственный в городе обладатель запаса стиксия и мастер по его ковке был убит. Убийца бросил на месте преступления мятную бомбу. Что ты об этом скажешь?

«Не буду смотреть, — думал Мокриц. — Это просто игра. Он нарочно хочет заставить меня дергаться».

— Что-нибудь пропало? — спросил он.

— Стража не знает, потому что, видишь ли какое дело, то, что было украдено, *отсутствовало* на месте преступления.

— Допустим. Тогда что было оставлено? — спросил Мокриц и подумал: «Он тоже не смотрит на небо...»

— Драгоценные камни и несколько унций стиксия в сейфе, — ответил Витинари. — Ты не спросил, как он был убит.

— Как он?..

— За столом, арбалетным выстрелом в голову. Не правда ли, увлекательно, господин фон Липвиг?

— Значит, это наемник, — предположил Мокриц лихорадочно. — Преднамеренное убийство. Мастер не расплатился по долгам. Может, он был скупщиком краденого и решил кого-то кинуть. Слишком мало данных!

— Их всегда мало, — сказал Витинари. — Мой головной убор возвращается из чистки немного не таким, как прежде, а молодой человек, который там работает, погибает в пьяной драке. Бывший садовник возвращается во дворец под покровом ночи, чтобы купить поношенные сапоги Стукпостука. Зачем? Возможно, мы никогда этого не узнаем. Почему мой портрет в прошлом месяце был украден из Королевской картинной галереи? Кому это выгодно?

— Хм, а почему этот стиксий оставили в сейфе?

— Хороший вопрос. Ключ был у него в кармане. Так какой же мы имеем мотив?

— Слишком мало данных! Месть? Молчание? Он смастерил что-то опасное? Из этой штуки можно сделать нож?

— Ага, уже теплее, господин фон Липвиг. Не оружие, потому что скопления стиксия в размерах,

превышающих размеры кольца, имеют свойство спонтанно взрываться. Но он был жадным человеком, это правда.

— Он с кем-то поссорился? — предположил Мокриц. — И да, мне действительно становится *теплее*, спасибо за внимание! И для чего вам щипцы? Поднять кольцо, когда оно провалится сквозь мою ладонь??

Света становилось больше. Мокриц уже видел слабые тени на стене, чувствовал пот, струйкой сбегающий по позвоночнику...

— Интересная мысль. Дай мне кольцо, — сказал Витинари, протягивая шкатулку.

«Ха! Все-таки это был спектакль, чтобы меня напугать, — подумал Мокриц, бросив злополучный перстень в шкатулку. Я даже *не слышал* никогда о стиксии! Наверняка он все это придумал...»

Мокриц почувствовал жар и увидел, как кольцо, падая в шкатулку, вспыхнуло ослепительно-белым. Крышка захлопнулась, и перед глазами Мокрица осталось фиолетовое пятно.

— Удивительная вещь, не находишь? — спросил Витинари. — Было безрассудно с твоей стороны все это время держать его в руках. Я же не чудовище.

«Нет, чудовище не стало бы играть таких шуток с моей головой, — подумал Мокриц. — По крайней мере, пока она все еще у тебя на плечах...»

— В общем, по поводу Сычика. Я не думал... — начал он.

Но Витинари жестом прервал его:

— Не понимаю, о чем ты, господин фон Липвиг. Я пригласил тебя сюда в качестве действующего председателя Королевского банка. Я — а правиль-

нее сказать, город хочет взять полмиллиона долларов под двухпроцентную ставку. Но ты, конечно, вправе отказать мне.

Столько мыслей бросилось наутек из головы Мокрица, что осталась только одна: «Нам понадобятся банкноты покрупнее...»

Мокриц примчался в банк и напрямик направился к двери под лестницей. Ему нравилось в подвале. Здесь было свежо и тихо, если не считать бурления Хлюпера и чьих-то криков.

Последнее было лишним, да?

В голове у него плескались розовые яды невольной бессонницы, но он снова перешел на бег.

Бывший Сычик сидел на стуле. На его гладко выбритом лице красовалась остроконечная борода. На голове у него был надет металлический шлем. От шлема бежали проводки к светящемуся щелкающему устройству, к которому мог быть причастен только Игорь. В воздухе пахло грозой.

— Что ты делаешь с этим несчастным? — закричал Мокриц.

— Я меняйт ему мыфли, гофподин, — ответил Игорь и потянул здоровенный рубильник.

Шлем зажужжал. Клямс заморгал.

— Щекотно, — сказал он. — И на вкус почему-то как земляника.

— Ты бьешь молнией прямо ему в голову! — воскликнул Мокриц. — Это варварство!

— Найн, гофподин. Варвары так не умеют, — невозмутимо ответил Игорь. — Я вфего-навфего вынимайт у него вфе плохие вофпоминаний и фохра-няйт их... — Он сдернул покрывало с большой банки, наполненной зеленой жидкостью, в которой

болталось что-то продолговатое, утыканное проводками, — ...здефь!

— Ты перекладываешь его мозг в... репку?

— Это турнепф, — ответил Игорь.

— Удивительные у них способности, не правда ли? — произнес голос сбоку Мокрица. Он посмотрел вниз.

Клямс снял шлем и широко ему улыбнулся. Он весь лучился и казался полон сил, этаким усовершенствованный продавец обуви. Игорь даже костюм ему пересадил.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мокриц.

— Прекрасно!

— Что это было?

— Сложно объяснить, — сказал Клямс. — Но на слух было как малина.

— А, ну в таком случае все в порядке. Но ты точно хорошо себя чувствуешь? Ты в себе? — не унимался Мокриц, выискивая подвох. Где-то он должен был быть. Но Сы... Экзорбит выглядел счастливым, уверенным в себе и энергичным, как выглядит человек, готовый взяться за все, что подкинет ему жизнь, и выжать из этого максимум.

Игорь сворачивал проводочки с самодовольным видом — там, где подо всеми шрамами, вероятнее всего, было его лицо.

Мокрицу стало немного стыдно. Он был убервальдским пареньком; как и многие другие, он преодолел перевал Вилинус в поисках богатства — поправка: чужого богатства — и не имел никакого права подхватывать модные равнинные предрассудки о клане Игорей. В конце концов, они ведь просто нашли практическое применение тому, что проповедовали и многочисленные жрецы: а именно, что

тело — лишь громоздкий покров из дешевых материалов, обтягивающий неосязаемую вечную душу, и, *следовательно*, менять отдельные его фрагменты, как запчасти, — это все равно что одеваться в магазине поношенной одежды. Игорей всегда огорчало и удивляло: почему же люди не видят, что это и логично, и рационально? Но только пока топор не выскользнет из рук и людям срочно не потребуется новая конечность. В такой момент даже Игорь покажется красавцем.

Чаще всего они были... практичными. Игори, со своей невосприимчивостью к боли, удивительными способностями к исцелению и навыками проведения операций на самих себе при помощи ручного зеркала, запросто могли бы *не выглядеть* как коротышка-дворецкий, которого выставили на месяц под проливной дождь. Но даже у Игорин, которые сплошь были красавицы, всегда присутствовала какая-то деталь, дополняющая образ: изящно вырезанный шрам под глазом, кольцо декоративных швов вокруг запястья... Это смущало, но зато Игори все делали от чистого сердца. Даже если это было чужое сердце.

— Кхм, э... отлично сработано, Игорь, — выдавил из себя Мокриц. — Теперь-то ты готов заняться банкнотой, господин, э... Клямс?

Улыбка господина Клямса лучилась тысячей солнышек.

— Уже! — объявил он. — Еще с утра!

— Не может быть!

— Еще как может! Вот, взгляни! — Он подошел к столу и взял листок.

Банкнота переливалась лиловым и золотым. Богатство исходило от нее лучами. Рисунок как будто

парил над бумагой, точно миниатюрный ковер-самолет. В ней чувствовались деньги, тайны и традиции...

— Сколько же денег мы наделаем! — проговорил Мокриц. «А куда деваться? — добавил он мысленно. — Придется отпечатать по меньшей мере шестьсот тысяч штук, если только не ввести номинал покрупнее».

Но вот она, такая прекрасная, что хотелось плакать, делать еще много-много таких и складывать в кошельки.

— Как ты успел за такой короткий срок?

— Это в основном банальная геометрия, — сказал господин Клямс. — Господин Игорь оказал мне любезность и изготовил приборчик, который пришелся очень кстати. Это, конечно, не окончательный вариант, и за обратную сторону я еще не брался. Думаю, прямо сейчас и примусь, пока я еще *свеженький*.

— Ты думаешь, что можешь сделать еще лучше? — спросил Мокриц, мысленно падая ниц перед гением.

— Я весь... полон энергии! — воскликнул Клямс.

— Это из-за электролитов, — сказал Мокриц.

— Нет, в смысле теперь я так отчетливо вижу, что должно быть сделано! Раньше все было как непосильный груз, а сейчас такое ясное и светлое!

— Что ж, рад слышать, — сказал Мокриц, правда, не вполне искренно. — Прошу меня извинить, но мне еще банком управлять.

Он бегом миновал арки и выскочил в незаметную дверь, ведущую в центральный холл, где чуть не столкнулся с Бентом.

— А, господин фон Липвиг, я как раз вас искал...

— У тебя что-то важное, господин Бент?

Старший кассир заметно оскорбился — можно подумать, он стал бы беспокоить Мокрица по неважным вопросам.

— У монетного двора собралось много людей, — сказал он. — С троллями и телегами. Они утверждают, что вы якобы поручили им установить... — Бент содрогнулся. — ...печатный станок!

— Все так, — сказал Мокриц. — Они от «Цимера и Шпулькса». Мы обязаны печатать деньги здесь. Это выглядит официально, и так мы сможем контролировать, кто и что выносит отсюда.

— Господин фон Липвиг, вы превращаете банк в... цирк!

— Что ж, у меня есть цилиндр, господин Бент, так что полагаю, я... шталмейстр! — сказал он со смехом, чтобы разрядить обстановку, но лицо Бента вдруг стало мрачнее тучи.

— В самом деле, господин фон Липвиг? И с чего вы взяли, что цирком руководит конференсье? Вы сильно заблуждаетесь, сэр! И почему вы игнорируете остальных акционеров?

— Потому что они не понимают сути банка. Хочешь пойти со мной на монетный двор?

И он зашагал по холлу широкими шагами, лавируя между очередями.

— А вы, стало быть, понимаете суть банка? — спросил Бент, следуя за ним дерганой поступью фламинго.

— Учусь. Почему у нас перед каждым окошком очередь? — спросил Мокриц. — Если какой-то клиент отнимет много времени, вся очередь застопорится. Потом люди станут прыгать влево-вправо по соседним очередям, обернуться не успеешь, как кому-нибудь голову пробьют. Пусть выстроятся в од-

ну общую очередь и подходят к ближайшему освободившемуся окошку. Люди не станут возражать против длинной очереди, если будут видеть, что она движется... Извини, господин!

Последнее относилось к посетителю, на которого он наткнулся. Тот устоял на ногах, ухмыльнулся Мокрицу и произнес голосом из прошлого, которое должно было и дальше оставаться надежно похороненным:

— Кто бы мог подумать, Альберт, мой кореш! У тебя тут все пучком, я смотрю, а? — Незнакомец выплевывал слова сквозь плохо подогнанные вставные зубы. — Желтые коштюмчики носить повадился!

Жизнь Мокрица пронеслась у него перед глазами. И даже не пришлось для этого умирать, хотя и казалось, что конец близок.

Это был Криббинс! Это мог быть только Криббинс!

Воспоминания огорошили его. Горошина за горошиной. Зубы! Проклятые вставные зубы! Криббинс на них нарадоваться не мог. Он выдрал их изо рта ограбленного им старика, пока бедняга лежал и помирал со страха! Он все шутил, что его зубы себе на уме. И они плевались, и выскакивали, и заговаривались, и сидели во рту так криво, что однажды перекрутились там и укусили его за глотку! Он вынимал их и разговаривал с ними! И — ааагрх — они были такие старые, и все в пятнах! Вырезанные из моржовой кости, они были снабжены тугой пружиной, и иногда голова Криббинса откидывалась так далеко, что можно было заглянуть ему прямо в ноздри!

И все это выплыло на поверхность, какдохлая рыба в аквариуме.

Его звали просто Криббинс. Никто не знал его имени. Мокриц сошелся с ним, хм, лет десять назад, одной зимой в Убервальде, и они провернули старую аферу с наследством. Криббинс был намного старше Мокрица и до сих пор испытывал какие-то гигиенические трудности, из-за чего от него всегда пахло бананами.

А каким он был мерзавцем. Профессионалам знакомо понятие чести. Всегда есть люди, у которых ты не станешь красть, и вещи, которые ты не станешь красть. У тебя должен быть стиль. Без стиля не взлетишь.

У Криббинса не было стиля. Он не был агрессивен — особенно если был риск получить сдачи, — но в нем сидела какая-то обобщенная, гнусная, вкрадчивая злоба, от которой у Мокрица скребло внутри.

— Какие-то проблемы, господин фон Липвиг? — спросил Бент, сверля Криббинса взглядом.

— Что? О... нет... — сказал Мокриц и подумал: «Это шантаж». А все из-за той картинки в газете. Но Криббинс ничегошеньки не мог доказать, ничего...

— Ты меня с кем-то спутал, господин, — сказал Мокриц. Он огляделся. Очереди продвигались, никто не обращал на них внимания.

Криббинс склонил голову набок и посмотрел на Мокрица с любопытством.

— Путаю, гошпордин? Может быть. Очень может быть, что и путаю. Вечно в пути, каждый день новые знакомства, ну, ты понимаешь — хотя откуда бы тебе понимать, если ты не Альберт Штеклярш?

Однако странно, господин, у тебя ведь его улыбка, а улыбку, ее сложно изменить, она же как бы впереди тебя, как будто ты шам иж-жа нее выглядываешь *чавк*. Улыбка у тебя в точности как у юного Альберта. Смышленный был парень, и до чего шустрый. Я его научил всему, что я знаю.

«...На что ушло десять минут, — подумал Мокриц, — и еще год на то, чтобы забыть. Это из-за таких, как ты, у преступников дурная слава».

— ...ты небось спрашиваешь себя: можно ли отмыть горбатого добела? Мог ли тот пройдоха, которого я знавал много лет назад, сойти с кривой дорожки и встать на прямую? — Криббинс бросил взгляд на Мокрица и поправился: — Ой! Нет, конечно же нет, ты же меня впервые видишь. Но меня повязали в Псевдополисе, такие, брат, дела, бросили за решетку за злостное бродяжничество, и там я нашел Ома.

— А его-то за что? — Глупая шутка, но Мокриц не смог сдержаться.

— Не ерничай, господин, не ерничай, — серьезно ответил Криббинс. — Я изменился, кругом изменился. И мое дело нести благую весть, господин. — И тут, двигаясь со скоростью змеиного жала, Криббинс извлек из засаленного пиджака мятую жестянку. — Преступления мои тянут меня на дно, как цепи из каленого железа, господин, как цепи, но я жажду сбросить с себя это бремя через добрые дела и исповедь, особенно последнее. Мне многое надо снять с души прежде, чем я снова смогу спокойно спать. — Он погромел банкой. — На детишек, господин?

«Если бы я никогда раньше не видел, как ты отрабатываешь этот номер, я бы, может, и пове-

рил», — подумал Мокриц. «Раскаявшийся вор» был одним из старейших трюков в их деле.

— Что, ж, рад это слышать, господин Криббинс, — сказал он. — Мне жаль, что я не тот друг, которого ты ищешь. Возьми от меня пару долларов... на детишек.

Монеты звякнули о дно банки.

— Премного благодарен, господин Стекларс, — ответил Криббинс.

Мокриц только слегка улыбнулся.

— Вообще-то я не господин Стекларс, господин... — *«Я называл его Криббинсом! Только что! Я называл его Криббинсом! Он не называл мне свое имя? Он заметил? Наверняка заметил!»* — ...то есть, прошу прощения, я хотел сказать, преподобный, — выкрутился он, и обычный человек не заметил бы ни мимолетной паузы, ни умелой увертки. Но Криббинс не был обычным человеком.

— Благодарю, господин фон Липвиг, — ответил он, и Мокриц услышал и растянутое «господин», и ударное едкое «фон Липвиг». «Попался», — говорили эти интонации.

Криббинс подмигнул Мокрицу и зашагал по банковскому холлу, бряцая жестянкой под аккомпанемент собственных зубов, исполняющих жуткие стоматологические этюды.

— Горе, много горя *ты!* тому человеку, кто шло-вами обкрадывает ближнего, и да присохнет язык его к небу *чпок!* Не пожалейте пары медяков для бедных сироток *шшшшш!* Братья и шестры! Тем, кто дает *фссс!*, вождаштшя, в общем и целом...

— Нужно позвать охрану, — заявил Бент. — Нельзя допускать нищих в банк.

Мокриц схватил его за руку.

— Нет, — сказал он настойчиво. — Не при всем же народе. Грубое обращение со служителем Церкви... на нас будут косо смотреть. Похоже, он скоро уйдет.

«Вот теперь он оставит меня мариноваться, — думал Мокриц, когда Криббинс как ни в чем не бывало направился к выходу. — Так он работает. Он раскрутит меня. И будет ходить за деньгами, снова и снова».

Допустим, но что Криббинс мог *доказать*? И нужны ли тут вообще доказательства? Если он начнет трезвонить об Альберте Стеклярсе, дело может принять дурной оборот. Бросит ли Витинари его на съедение волкам? Возможно. Скорее всего. Можно биться об заклад, что патриций не стал бы играть в воскрешение без аварийного плана.

У него хотя бы есть немного времени в запасе. Криббинс не станет спешить с окончательным ударом. Ему нравилось смотреть, как люди мучаются.

— С вами все в порядке? — спросил Бент, возвращая Мокрица обратно в реальный мир.

— Что? Ах да, в полном, — ответил он.

— Нельзя поощрять подобное поведение в банке. Мокриц отряхнулся.

— Вот тут ты прав, господин Бент. Ну что, на монетный двор?

— Да, сэр. Но я предупреждаю вас, господин фон Липпиг, этих людей красивыми словами не подкупишь.

— Инспекторы, — проговорил господин Теневик десять минут спустя, пробуя слово на вкус, как конфету.

— Мне нужны люди, которые чтят высокие традиции монетного двора, — сказал Мокриц, не добавив: «...например, чеканить монеты *очень* медленно и брать работу на дом».

— Инспекторы, — повторил господин Теневик. За его спиной люди из подсобок мяли в руках фуражки, в изумлении уставившись на Мокрица, за исключением тех моментов, когда слово брал господин Теневик — тогда они смотрели ему в затылок.

Все они собрались в официальной подсобке господина Теневики, которая лепилась высоко на стене, как ласточкино гнездо. Стоило кому-то пошевелиться, подсобка скрипела.

— И мне понадобится пара человек, чтобы разобратся с внештатными сотрудниками, — продолжал Мокриц. — Но ваша основная задача — пронаблюдать, чтобы люди господина Шпулькса прибыли вовремя, вели себя подобающе и соблюдали правила безопасности.

— Безопасности, — повторил господин Теневик, пробуя и это слово на вкус. В глазах людей из подсобок Мокриц увидел зловещий блеск. Он говорил: «Эти типы, может, и займут наше место на монетном дворе, но чтобы выйти за порог, им придется пойти мимо *нас*! Ха-ха!»

— Подсобки, разумеется, остаются за вами, — продолжал Мокриц. — У меня в планах стоят юбилейные монеты и другие сувениры, так что ваш опыт не пропадет напрасно. Справедливо?

Теневик посмотрел на своих товарищей и обратил на Мокрица.

— Мы хотим все сначала обсудить, — сказал он.

Мокриц кивнул ему, потом Бенту и по скрипучей лестнице спустился на первый этаж монетного

двора, где уже собирали первые детали нового станка. От такой картины Бента передернуло.

— Они не согласятся, — сказал он с неприкрытой надеждой в голосе. — Здесь все делается по заведенному порядку уже сотни лет! Они мастеравые!

— Те, кто точил ножи из кремня, тоже были мастеравыми, — ответил Мокриц. Сказать по правде, он сам себе удивлялся. Наверное, все из-за встречи с Криббинсом. Из-за нее его мозг работал что есть сил. — Понимаешь, мне не нравится, когда навыки простаивают без дела. А я дам им лучшее жалованье и приличную работу и оставлю подсобки. Они такого предложения еще лет сто не получат...

Кто-то спускался по шаткой лестнице. Мокриц узнал Альфа Младшего, который как-то умудрялся работать на монетном дворе, будучи и слишком юным для бритвы, и слишком взрослым для прыщей.

— Э, они спрашивают, будут ли у них значки, — сказал парнишка.

— Я вообще-то подумывал об униформах, — ответил Мокриц. — Серебряный нагрудник с городским гербом и легкая серебряная кольчуга, которая произведет неизгладимое впечатление на посетителей.

Парнишка вынул из кармана листок бумаги и сверился с ним.

— Планшеты будут? — спросил он.

— Обязательно, — ответил Мокриц. — И свистки.

— И, э, про подсобки — это точно?

— Я — человек слова, — сказал Мокриц.

— Вы человек *слов*, господин фон Липвиг, — сказал Бент, когда парнишка поспешил вверх по раскачивающейся лестнице. — И я боюсь, они нас

в гроб вгонят. Банку нужны надежность и солидность... все, что олицетворяет собой золото!

Мокриц повернулся к нему. У него был тяжелый день. У него была тяжелая ночь.

— Господин Бент, если тебе не нравятся мои действия, тебя здесь никто не держит. Ты получишь прекрасные рекомендации и все причитающееся тебе жалованье!

Бента как будто ударили по лицу.

— Мне уйти из банка? *Уйти* из банка? Как я могу уйти из банка? Как вы смеете!

У них над головами хлопнула дверь. Они подняли головы. Люди из подсобок мрачной процессией спускались по лестнице.

— Сейчас посмотрим, — зашипел Бент. — Это люди несгибаемого достоинства. Они ни за что не пойдут на ваше вопиющее предложение, господин... конференсье!

Люди из подсобок спустились. Не говоря ни слова, все они посмотрели на господина Теневика — кроме господина Теневика, который посмотрел на Мокрица.

— Подсобки — наши, да? — переспросил он.

— Вы уступаете? — возмутился Бент. — После сотен лет?

— Ну-у-у, — протянул господин Теневик, — мы тут с ребятами посовещались чуток, ну и в такие времена, короче, человек должен думать о своей подсобке. И у внештатных все будет в порядке, да?

— Господин Теневик, я полезу за них на баррикады, — ответил Мокриц.

— И мы еще вчера поговорили с ребятами с Почтамта, и те сказали, что слову господина фон Лип-

вига можно доверять, потому что он надежен, как штопор.

— Штопор? — не понял Бент.

— Да и мы о том же спросили, — сказал Теневик, — а они объяснили, что, мол, хоть говорит он и кудряво, но это ничего, потому что уж пробку-то он вынимает как положено!

Лицо господина Бента погасло.

— А, — сказал он. — Это, очевидно, некая оценочная шутка юмора, которой я не понимаю. Извините, но у меня впереди много очень важной работы.

Поднимая и опуская ноги, как будто он шагал по движущейся лестнице, господин Бент удалился торопливой дерганой походкой.

— Прекрасно, господа, я благодарен вам за содействие, — сказал Мокриц, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. — Со своей стороны, я сегодня же закажу ваши униформы.

— Эк ты торопишься, господин фон Липвиг, — заметил Теневик.

— Будешь стоять неподвижно, и твои ошибки непременно тебя настигнут! — сказал Мокриц. Они засмеялись, потому что он сказал это в шутку, но в его памяти сразу всплыло лицо Криббинса, и совершенно бессознательно он сунул руку в карман и нащупал кистень. Теперь придется научиться им пользоваться, потому что оружие, которым ты обладаешь, но не владеешь, принадлежит твоему врагу.

Зачем он его купил? Как и отмычки, это был символ, доказательство — пускай только для самого себя, — что он не опустил руки, нет, не окончательно, что какая-то часть его была по-прежнему свободна. Также и все его заготовленные личины,

планы побега, денежные заначки и костюмы. Они напоминали, что можно бросить все в любой момент, раствориться в толпе, распрощаться с бумажной волокитой, с расписаниями, с бесконечной, бесконечной жаждой...

Они напоминали, что можно отказаться от этого когда угодно. В любое время, любой час, любую минуту, любую секунду. И пока Мокриц мог это сделать, он этого не делал... каждый час, каждую минуту, каждую секунду. Этому должна быть какая-то причина.

— Господин фон Липвиг! Господин фон Липвиг!

Запыхавшийся молодой клерк, выписывая зигзаги в суе монетного двора, остановился перед Мокрицем:

— Господин фон Липвиг, там пришла дама и желает тебя видеть, и мы трижды поблагодарили ее за то, что она не курит, а она все равно курит!

Лицо подлеца Криббинса исчезло, и вместо него в памяти всплыло другое, куда более приятное.

Ах да. *Эта* причина.

Госпожа Дора Гая Ласска, известная Мокрицу как Шпилька, стояла посередине банковского холла. Мокриц просто шел на дым.

— Ну, привет, — сказала она, и больше ничего. — Можешь вывести меня отсюда?

Свободной от сигареты рукой она обвела высокие медные урны с белым песком, которыми многозначительно обставили ее сотрудники банка.

Мокриц отодвинул две и выпустил ее.

— Как прошла... — начал он, но она перебила его:

— Поговорить можем по пути.

— А куда мы идем? — спросил Мокриц с надеждой.

— В Незримый Университет, — ответила Дора Гая, направляясь к выходу. У нее на плече висела большая плетеная сумка. Казалось, она была набита соломой.

— А обедать? — спросил Мокриц.

— Обед подождет. Это важно.

— О.

В Незримом Университете, где *каждый* прием пищи — это важно, шел обед. Сложно было улучшить момент, когда здесь не проходил тот или иной прием пищи. Библиотека непривычно пустовала, и Дора Гая подошла к ближайшему волшебнику, который не был поглощен любимым делом, и требовательно произнесла:

— Я хочу немедленно видеть Шкаф Любопытных Вещиц!

— Сомневаюсь, что у нас такое есть, — сказал волшебник. — Кто автор?

— Пожалуйста, не надо врать. Меня зовут Дора Гая Ласска, так что, сам понимаешь, характер у меня вспыльчивый. Мой отец привел меня с собой, когда вы позвали его сюда осмотреть Шкаф, это было лет двадцать назад. Вы хотели понять, как устроены дверцы. Кто-то наверняка это помнит. Шкаф стоял в большой комнате. Очень большой комнате. И в нем было много-много ящичков. И самое странное, что они...

Волшебник поспешно вскинул руки, как бы отгораживаясь от следующих слов.

— Подожди, пожалуйста, всего одну минуточку, — попросил он.

Они подождали пять. То и дело из-за книжной полки высывалась какая-то голова в остроконечной шляпе, смотрела на них и тут же ныряла обратно, как будто опасаясь, что ее заметили.

Дора Гая закурила новую сигарету. Мокриц указал ей на табличку, гласившую: «Вы все-таки курите? Спасибо за то, что сейчас получите по голове».

— Это просто для виду. — Дора Гая выпустила струю синего дыма. — Все волшебники дымят, как печные трубы.

— Но только не здесь, — заметил Мокриц. — И, наверное, дело в том, что полно легко воспламеняемых книг. Может, не стоит тебе...

Пахнуло тропическим лесом, что-то большое просвистело в воздухе, качнулось у них над головами и скрылось в сумраке наверху, оставив за собой дымный след.

— Эй, кто забрал мою... — начала Дора Гая, но Мокриц оттолкнул ее в сторону: нечто вылетело обратно и бананом сбило с него цилиндр.

— А здесь у них буквальный подход к вещам, — сказал он, подбирая шляпу. — Если тебя это утешит, метил Библиотекарь, скорее всего в меня. Он весьма галантен.

— Ах, это же господин фон Липвиг, узнаю костюм! — воскликнул престарелый волшебник, который, может, и хотел показаться как по волшебству, но на самом деле показался из-за книжного шкафа. — Я точно знаю, что я — заведующий кафедрой Бесконечных Штудий, это мне за мои прегрешения. А ты, а-ха-ха, методом исключения, будешь госпожа Ласска, которая помнит про Шкаф Любопытных Вещиц?

Завкафедрой Неясных Наук с заговорщическим видом подошел ближе и понизил голос:

— Не удастся ли мне убедить тебя забыть о нем?

— Ни за что, — ответила Дора Гая.

— Мы, вообще говоря, считаем его одним из своих самых главных секретов...

— Хорошо. Я помогу вам сохранить его, — сказала Дора Гая.

— Я совсем никак не могу изменить твоего решения?

— Не знаю, — ответила она. — Попробуй абракадабру. Книга заклинаний при тебе?

Мокриц был поражен. Как ловко у нее выходило... подпускать шпильки.

— Ах... вот ты какая, — устало произнес завкафедрой Неясных Наук. — *Современная*. Так и быть, тогда ступайте за мной.

— О чем вообще речь, не объяснишь? — зашипел Мокриц, когда они пошли за волшебником.

— Мне нужно кое-что перевести, — ответил Дора Гая. — Срочно.

— Разве ты не рада меня видеть?

— О да. Очень рада. Но мне срочно нужно кое-что перевести.

— И это бюро может помочь?

— Возможно.

— Возможно? «Возможно» могло бы подождать и до обеда, не находишь? Если бы это было «непрерывно», тогда я, наверное, еще бы понял...

— Ну что ты будешь делать, кажется, я опять заблудился, и не по своей, прошу заметить, вине, — ворчал завкафедрой Неясных Наук. — Настройки постоянно меняются, ох уж эти вечные утечки. То

одно, то другое, в наше время уж и не знаешь, можно ли свою дверь назвать своей...

— За какие грехи? — спросил Мокриц, махнув на Дору Гаю рукой.

— Что-что? А это что за пятно на потолке? Наверное, лучше не знать...

— Какие грехи нужно было совершить, чтобы тебя назначили заведующим кафедрой Неясных Искусств? — не унимался Мокриц.

— Да я так говорю, просто чтобы было что сказать, — ответил волшебник, открыл дверь и быстро ее захлопнул. — Но в данный момент я склоняюсь к мысли, что нагрешил достаточно, и *прескверно*. Нынче тут совершенно невыносимо, ясное дело. Говорят, что все в этой паршивой вселенной чисто технически не поддается однозначному объяснению, но мне-то что прикажете с этим делать? И конечно, этот проклятый Шкаф снова устраивает здесь хаос. Я-то думал, пятнадцать лет назад все кончилось... Эй, осторожнее, кальмар, мы сами, признаться, не до конца понимаем, откуда он взялся... А вот и наша дверь. — Завкафедрой принюхался. — И она на двадцать пять футов в стороне от положенного ей места. Ну что я вам говорил...

Дверь распахнулась, и вот тут главное было решить, с чего начать. Мокриц сделал выбор в пользу отвисшей челюсти. Просто и со вкусом.

Комната была крупнее, чем полагается. Никакой комнате не полагается быть больше мили в поперечнике, тем более что со стороны коридора, который казался самым обыкновенным, если не обращать внимания на гигантского кальмара, по обе стороны располагались комнаты нормального размера. И потолок в ней не должен был быть таким высоким, что

терялся из вида. Такая комната попросту не должна была сюда помещаться.

— Это на самом деле очень просто делается, — объяснил завкафедрой, пока они стояли и глазе-ли. — Так мне говорят, во всяком случае, — доба-вил он с тоской. — В общем, если сжать время, то пространство расширится.

— Как они это делают? — спросил Мокриц, раз-глядывая... структуру, которая являла собой Шкаф Любопытных Вещиц.

— Без ложной скромности отвечу, что не имею ни малейшего понятия, — признался завкафедрой. — Сказать по правде, я сбит с толку пример-но с того периода, когда мы перестали пользоваться оплывшими свечами. Понимаю, что формально это моя кафедра, но, по-моему, всем будет лучше, если я просто не стану вмешиваться. Они настойчиво пыта-ются мне все объяснить, а это вообще не помогает...

Мокриц если и представлял себе что-то, то шкаф. В конце концов, так эта штука называлась, да? Но большую часть немислимой комнаты занимало дерево, в общих чертах походящее на раскидистый вековой дуб. Таким дерево могло быть зимой — листы на нем не было. Мокрицу, едва успевшему зацепиться сознанием за уютный знакомый образ, предстояло смириться и с тем, что дерево состояло из выдвигных ящиков. Они были деревянными, но это уже не спасало.

Высоко в так называемых ветвях волшебники ле-тали на метлах и занимались бог их разберет чем. Они казались размером с букашек.

— В первый раз производит поразительное впе-чатление, согласитесь, — слышался дружелюб-ный голос.

Мокриц обернулся и увидел молодого волшебника, во всяком случае, по меркам волшебников молодого, в круглых очках, с планшетом в руках, с лучезарным лицом, на котором было написано: «Я почти наверняка знаю больше, чем ты можешь даже вообразить, но испытываю обоснованную радость от общения даже с такими, как ты».

— Ты Думминг Тупс, верно? — спросил Мокриц. — Единственный человек, который занят делом в этом Университете?

Другие волшебники повернули головы, а Думминг густо покраснел.

— Это совершенно не так! Я вношу скромный вклад, как и остальные члены преподавательского состава, — сказал он, но что-то в его голосе намекало на то, что, возможно, другие члены преподавательского состава предпочитали выносить, а не вносить. — Я, за свои грехи, назначен ответственным за Шкаф Любопытных Вещиц.

— Как? Ты-то что натворил? — спросил Мокриц, растерявшись от изобилия грехов. — Что-то ужасное?

— Ну, я вызвался добровольцем, — ответил Думминг. — И должен сказать, за последние полгода мы выяснили больше, чем за предыдущие двадцать пять лет. Шкаф — артефакт поистине изумительный.

— Откуда он у вас?

— Нашли на чердаке за коллекцией лягушачьих чучел. Видимо, все давным-давно махнули рукой на попытки в нем разобраться. Но, конечно, это было еще в эпоху свечного нагара, — сказал Думминг, на что завкафедрой Неясных Наук только хмыкнул. — Современная техномантия ощутимо полезнее.

— Ну, хорошо, — сказал Мокриц. — Зачем он нужен?

— Мы не знаем.

— Как он работает?

— Мы не знаем.

— Откуда он взялся?

— Мы не знаем.

— Ну, кажется, все охватили, — съязвил Мокриц. — А нет, еще вопрос: что это такое? Я весь внимание, честное слово.

— Такая постановка вопроса не совсем корректна, — сказал Думминг, качая головой. — Теоретически это похоже на классический Бездонный Мешок, но с энным числом устьев, где эн — количество предметов в одиннадцатимерной вселенной, которые в настоящий момент не являются одушевленными и/или розовыми и могут уместиться в ящик кубической формы глубиной в четырнадцать целых четырнадцать сотых дюйма, деленное на пэ.

— А что такое пэ?

— Такая постановка вопроса не совсем корректна.

— Когда я была маленькой, это была всего лишь волшебная шкатулка, — мечтательно вставила Дора Гая. — И комната была намного меньше, а когда она развернулась несколько раз, там оказался ящик со ступней голема.

— Ах да, третья итерация, — подхватил Думминг. — В те дни не было особой возможности продвинуться дальше. Теперь-то мы освоили контролируемую рекурсию и целевое свертывание, что благополучно сокращает побочное ящикообразование на тринадцать сотых процента. Это в двенадцать раз лучше, чем в прошлом году!

— Замечательно! — сказал Мокриц, чувствуя, что должен сделать хотя бы это.

— Госпожа Ласска желает снова взглянуть на вещицу? — Думминг понизил голос. Дора Гая все еще смотрела в пространство.

— Думаю, да, — ответил за нее Мокриц. — Она большая любительница големов.

— Мы как раз собирались сворачиваться на сегодня, — сказал Думминг. — Можем заодно и ступню прихватить.

Он взял со скамьи большой мегафон и поднес ко рту.

— ШКАФ ЗАКРЫВАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ТРИ МИНУТЫ, ГОСПОДА. ВСЕМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ ПРОЙТИ В БЕЗОПАСНУЮ ЗОНУ. А НЕ ТО ПЕНЯЙТЕ НА СЕБЯ.

— Пеняйте на себя? — переспросил Мокриц, когда Думминг опустил мегафон.

— Пару лет назад кто-то проигнорировал предупреждение, Шкаф свернулся, и он, ну, в общем, временно стал любопытной вещицей.

— Он что, оказался в четырнадцатидюймовом ящике? — ужаснулся Мокриц.

— В основном. И мы будем очень признательны, если вы никому не будете рассказывать про Шкаф, пожалуйста. Мы, как нам кажется, знаем, как им пользоваться, но, может быть, это совсем не то, что задумывалось. Мы не знаем, зачем он нужен, как ты выразился, и кто его построил, и корректна ли вообще такая постановка вопроса. Ни один предмет внутри Шкафа площадью не превышает четырнадцати квадратных дюймов, и мы не знаем, почему и кто решает, что эти вещицы любопытные, и мы уж точно понятия не имеем, почему Шкаф не содержит ничего розового. Ужасно неловкая ситуация. На-

деюсь, ты умеешь хранить секреты, господин фон Липвиг?

— Ты даже не представляешь.

— Да? Почему?

— Некорректная постановка вопроса.

— Хотите, я расскажу вам кое-что важное о Шкафе? — встрепелась Дора Гая. — Можно сказать наверняка, что он не предназначался для маленькой девочки в возрасте от четырех до, скажем, одиннадцати лет и не был сделан этой девочкой.

— Откуда нам это известно?

— Нет розового. Можете мне поверить. Никакая девочка в этой возрастной категории не обоглялась бы без розового.

— Это точно? Прекрасно! — Думминг сделал пометку на своем планшете. — Это действительно ценная информация. Теперь можно идти за ступней, никто не против?

Волшебники с метлами уже приземлились. Думминг Тупс прочистил горло и взялся за мегафон.

— ВСЕ СПУСТИЛИСЬ? ХОРОШО. ГЕКС, БУДЬ ЛЮБЕЗЕН, СКЛАДЫВАЙ, ПОЖАЛУЙСТА!

Сначала все было тихо, а потом издали, откуда-то из-под потолка, донесся клацающий звук. Будто боги тасовали деревянные игральные карты и каждая была с милю.

— Гекс — наш думательный аппарат, — пояснил Думминг. — Без него мы вряд ли вообще изучили бы Шкаф.

Звуки становились все чаще и громче.

— У вас могут заболеть уши, — предупредил Думминг громко. — Гекс пытается контролировать скорость, но требуется время, чтобы вентиля-

торы нагнали воздух обратно в помещение. ГРОМКОСТЬ ШКАФА ОЧЕНЬ БЫСТРО МЕНЯЕТСЯ, САМИ ВИДИТЕ.

Его крик перекрыло грохотом тысяч обрушившихся ящиков. Они захлопывались сами собой со скоростью, слишком быстрой для человеческого глаза, в то время как вся конструкция съеживалась, закрывалась и сворачивалась сначала до размеров дома, потом — сарая, пока наконец в середине огромного пространства — а может быть, времени — остался лишь маленький полированный комод примерно в полтора фута шириной на четырех красивых резных ножках.

Дверцы Шкафа с щелчком захлопнулись.

— Медленно раскрыться до образца номер тысяча сто девять, — произнес Думминг в звенящей тишине.

Дверца открылась. Из нее выехал глубокий ящик.

Он ехал и ехал.

— Следуйте за мной, — сказал Думминг, направившись к Шкафу. — Это относительно безопасно.

— Хм... ящик под сто ярдов длиной только что открылся из коробки в четырнадцать квадратных дюймов, — сказал Мокриц вслух на тот случай, если только он один это видел.

— Да. Так это и бывает, — сказал Думминг, в то время как ящик втянулся обратно примерно наполовину. Мокриц заметил, что его торец тоже состоял из ящичков. Ящички открывались... из ящичков. Конечно, рассудил Мокриц, неправильно было думать так об одиннадцатимерном пространстве.

— Это как головоломка «пятнашки», — сказала Дора Гая. — Только здесь больше направлений.

— Очень живописная аналогия, которая прекрасно способствует пониманию происходящего, являясь, строго говоря, абсолютно и категорически неверной, — сказал Думминг.

Дора Гая прищурилась. Уже десять минут как она не выкурила ни одной сигареты.

Длинный ящик вытолкнул еще один ящик, перпендикулярно себе. По сторонам его теснились... да, новые ящики. Один из них медленно открылся.

Мокриц осмелился постучать по дереву, которое казалось самым обычным. Оно издало самый обычный звук.

— Стоит ли мне волноваться оттого, что я только что видел ящик, возникший из другого ящика? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил Думминг Тупс. — Шкаф старается найти четырехмерный смысл в том, что происходит в одиннадцати или, во всяком случае, в десяти измерениях.

— Старается? Не хочешь ли ты сказать, что оно живое?

— А! Вот это корректная постановка вопроса!

— Что-то мне подсказывает, что ответа на него ты не знаешь.

— Это да. Но согласись, это интересный вопрос, чтобы не знать на него ответа. Да, вот и ступня. Гекс, пожалуйста, придержать и свернуть.

Ящики позакрывались сами собой, поочередно хлопнув, гораздо тише и скромнее, чем в первый раз, оставив Бюро стоять с невинным старинным видом на слегка изогнутых ножках. Ножки были выполнены в виде когтистых лап в той плотницкой манере, которая всегда умеренно раздражала Мо-

крица. О чем думали мастера? Что мебель разгуливает по ночам? Хотя этот шкаф мог бы.

Дверцы Бюро остались открыты. Внутри, помещаясь туда впитык, лежала ступня голема, точнее сказать, большая ее часть.

Когда-то големы были прекрасны. Когда-то лучшие из скульпторов ваяли их так, что те могли потягаться с лучшими из статуй, но уже давно многочисленные неумехи, которые едва умели вылепить из глины колбаску, обнаружили, что, если набросать кучу глины и придать ей форму гигантского пряника, работать оно будет ничуть не хуже.

Ступня была из тех, старых, сделанная из прочного белого фарфора, с тончайшими рельефными узорами в виде желтых, черных и красных цветов. На небольшой медной табличке по-убервальдски было написано: «Стопа эмийского голема, Средний Период».

— То есть тот, кто смастерил бюро, был из...

— Всякий, кто читает эту табличку, видит ее на своем родном языке, — устало оборвал его Думминг. — По орнаменту можно заключить, что голем действительно происходит из города Эм, согласно покойному профессору Флиду.

— Эм? — переспросил Мокриц. — Эм — что? Люди не были уверены, как называется их город?

— Просто — Эм, — ответил Думминг. — Очень древний город. Порядка шестидесяти тысяч лет, если не ошибаюсь. Относится к Глиняному Веку.

— Первые изготовители големов, — сказала Дора Гая. Она сняла с плеча сумку и принялась рыться в соломе.

Мокриц постучал по глиняной ноге. Она казалась толщиной с яичную скорлупу.

— Очевидно, керамика, — сказал Думминг. — Секрет эмийской керамики так никто и не разгадал. У эмийцев даже *корабли* были керамические.

— И они держались на воде?

— До поры до времени. Как бы то ни было, город был полностью уничтожен во время первой войны с ледяными великанами. Ничего не осталось. Мы полагаем, ступню поместили в Бюро долгое время назад.

— Или ее раскопают в недалеком будущем, например? — предположил Мокриц.

— И это вполне может быть, — серьезно согласился Думминг.

— В таком случае, получается немножко парадокс, да? Разве может вещь находиться одновременно в земле и в Бюро?

— А это, господин фон Липвиг...

— ...некорректная постановка вопроса?

— Именно. Ящик существует в десяти, если не в одиннадцати измерениях. Возможно практически все что угодно.

— Почему только в одиннадцати?

— Мы не знаем, — ответил Тупс. — Может быть, больше было бы уже просто глупо.

— Возьми, пожалуйста, ступню, — сказала Дора Гая, стряхивая соломинки с какого-то продолговатого свертка.

Думминг кивнул, с величайшей бережностью вынул ногу из ящика и аккуратно положил ее на лавку.

— А что будет, если ты ее уронишь... — начал Мокриц.

— Некорректная постановка вопроса, господин фон Липвиг!

Дора Гая положила сверток рядом со ступней и бережно развернула его. Там оказался фрагмент руки голема, в два фута длиной.

— Я так и знала! Орнамент тот же! — воскликнула она. — И на моем фрагменте намного больше знаков. Ты можешь перевести это?

— Я? Нет, — ответил Думминг. — Гуманитарные науки — не мой спектр, — добавил он тоном, который предполагал, что его спектр гораздо лучше и цвета в нем гораздо ярче. — Вам поможет профессор Флид.

— Тот, который умер? — уточнил Мокриц.

— В настоящий момент он мертв, но не сомневаюсь, что в интересах конфиденциальности мой коллега доктор Икс может организовать для вас с Профессором переговоры после обеда.

— Тогда он будет не так мертв? — спросил Мокриц.

— Тогда доктор Икс будет сыт, — терпеливо объяснил Думминг. — Профессор с радостью примет посетителей, э, особенно госпожу Ласску. Он всемирный эксперт по эмийскому. Каждое слово там имеет сотни значений, насколько я знаю.

— Я могу забрать ступню? — спросила Дора Гая.

— Нет, — ответил ей Думминг. — Она наша.

— Некорректная постановка ответа, — сказала Дора Гая и взяла ступню. — От имени «Треста Големов» я забираю этого голема. Если ты сможешь доказать свое право на владение, мы уплатим тебе положенную сумму.

— Ах, если бы все было так просто, — сказал Думминг, вежливо отбирая у нее ступню. — Видишь ли, если вынести Диковинную Находку из комнаты дольше чем на четырнадцать часов четырнадцать

секунд, Бюро прекращает работать. В прошлый раз три месяца ушло на то, чтобы снова запустить его. Но ты заглядывай в любое время, чтобы лично убедиться, что мы ее, гм, не обижаем.

Мокриц положил руку на плечо Доры Гаи, чтобы предотвратить инцидент.

— Она очень ревностно относится к големам, — сказал он. — Трест постоянно их откапывает.

— Это похвально, — ответил Думминг. — Я говорю с доктором Иксом. Он глава кафедры Посмертных Коммуникаций.

— Посмертных ком... — начал Мокриц. — Разве это не то же самое, что некрома...

— Я сказал *кафедры Посмертных Коммуникаций*, — отрезал Думминг. — Предлагаю вам вернуться в три часа.

— Ничего в этой беседе не показалось тебе нормальным? — спросил Мокриц, когда они вышли на солнечный свет.

— Мне показалось, все прошло очень хорошо, — ответила Дора Гая.

— Не так я представлял себе твое возвращение, — сказал Мокриц. — К чему такая спешка? Что-то случилось?

— Мы нашли четырех големов на раскопках.

— Это же... хорошо, так? — уточнил Мокриц.

— Да! И знаешь, как глубоко они были?

— Ума не приложу.

— Угадай!

— Я не знаю! — ответил Мокриц, ошарашенный внезапной необходимостью играть в угадайку. — Двести футов? Это более чем...

— Полмили под землей.

Делай деньги!

— Быть такого не может! Это глубже угля!

— Ты не мог бы потише? Мы можем пойти куда-нибудь и поговорить?

— Как насчет... Королевского банка Анк-Морпорка? Там есть приватная столовая.

— И нас туда пустят?

— О да. Я на короткой ноге с председателем банка, — сказал Мокриц.

— Да что ты говоришь?

— Так и есть, — сказал Мокриц. — Не далее как сегодня утром он вылизывал мне лицо!

Дора Гая остановилась и уставилась на него.

— Неужели? — протянула она. — В таком случае вовремя я вернулась.

Глава 7

Прелести биточков — Господин Бент обедает —
Темные изящные искусства — Как избежать конфуза
актеру любительского театра — Ручка Смерти! —
Профессор Флид устраивается поудобнее —
Страсть бывает разная — Героический банкир —
Чаша Криббинса переполнилась

Солнце светило в окна
банковского обеденного зала и заливало светом
олицетворение совершенного блаженства.

— Тебе стоит продавать на это билеты, — проговорила Дора Гая мечтательно, подперев подбородок рукой. — Люди, страдающие меланхолией, будут приходить сюда и исцеляться.

— Согласен, непросто наблюдать такое и унывать, — отозвался Мокриц.

— С каким энтузиазмом он пытается вывихнуть себе челюсть, — отметила Дора Гая.

Шалопай громко проглотил последний кусок липкого ирисового пудинга. Он с надеждой заглянул в миску, на случай, если там осталось еще. Такого никогда не случалось, но Шалопай был не из тех собак, которые отчаиваются перед лицом закона вероятности.

— Итак... — сказала Дора Гая, — чокнутая старушка — хорошо, *проницательная* чокнутая старушка — умерла и оставила тебе собаку, у которой к поводку как бы привязан этот банк; ты сообщил всем, что золото стоит дешевле картошки, и помог государственному преступнику сбежать из самой настоящей камеры смертников, и теперь он сидит в подвале и рисует тебе «банкноты»; ты разозлил самое подлое семейство в городе; люди выстраиваются в очереди в банк, потому что ты их смешишь... я что-нибудь упустила?

— Мне кажется, моя секретарша, кхм, положила на меня глаз. Ну как «секретарша». Это она так решила, что она моя секретарша.

Иные невесты в ответ на это расплакались бы или раскричались. Дора Гая расхохоталась.

— И она голем, — добавил Мокриц.

Смех стих.

— Это невозможно. У них такого не бывает. И вообще, почему голем решил, что он женщина? Такого раньше не случалось.

— Не сомневаюсь, раньше эмансипированные големы встречались нечасто. К тому же с какой стати ему думать, что он — мужчина? А еще она строит мне глазки... то есть ей, наверное, так кажется. Это дело рук наших кассирш. Я ведь не шучу. Проблема в том, что и она тоже.

— Я с ним поговорю... с ней, если ты настаиваешь.

— Вот и хорошо. И еще кое-что, тут у нас один человек...

Из-за двери высунулась голова Эймсбери. Он был влюблен.

— Не желаешь ли еще рубленых биточков, госпожа? — спросил он, играя бровями и как бы на-

мекая, что прелести рубленых биточков — это таинство, ведомое совсем немногим¹.

— А еще остались? — Дора Гая посмотрела в тарелку. Даже Шалопай не управился бы лучше, а она управилась уже с двумя.

— Ты хоть знаешь, из чего это сделано? — спросил Мокриц, который снова довольствовался омлетом, приготовленным Пегги.

— А ты?

— Нет!

— И я нет. Но точно так же готовила моя бабушка, и это одно из самых счастливых воспоминаний моего детства, на минуточку. Не порть мне его. — Дора Гая ослепительно улыбнулась ошастливленному повару. — С удовольствием, Эймсбери, еще немножко. И кстати говоря, аромат раскрылся бы еще лучше, если добавить чуточку чес...

— Ты ничего не ешь, господин Бент, — заметил Космо. — Может, попробуешь фазана?

Старший кассир нервно озирался по сторонам, чувствуя себя не в своей тарелке в этом огромном доме, набитом слугами и предметами искусства.

— Я... я хочу уточнить, что моя преданность банку...

— ...не подлежит сомнению, господин Бент. Разумеется. — Космо подвинул к нему серебряное блюдо. — Поешь же чего-нибудь, ты проделал долгий путь.

— Но ты сам почти не притронулся к еде, господин Космо. У тебя только хлеб и вода!

---

¹ К счастью, так оно и есть.

— Это помогает мне думать. И все же, что ты хотел мне...

— Его все *любят*, господин Космо! Он просто разговаривает с ними, а они его любят! И он всерьез вознамерился избавиться от золота. Только представь! Где еще мы найдем истинную ценность? Он говорит, все это ради города, но мы же окажемся в руках *политиков*! Опять обман!

— Тебе сейчас не помешает немного бренди, — сказал Космо. — Ты говоришь чистую, как золото, правду, но нам-то что делать?

Бент помедлил. Шики ему не нравились. Они обвивали банк, словно плющ, но хотя бы не собирались ничего менять. Они хотя бы верили в золото. И безо всяких *глупостей*.

Для Маволио Бента слово «глупость» имело значение, которое многие сочли бы чересчур широким. Смех был глупостью. Театр, музыка и поэзия были глупостями. Одежда не черного и не серого цвета, и уж тем более неоднотонная, была глупостью. Изображения несуществующих вещей были глупостями (изображения существующих вещей были излишни). Основное состояние бытия было глупостью, и всеми фибрами нужно было стремиться к его преодолению.

Миссионеры самых строгих конфессий сочли бы Маволио Бента идеальной кандидатурой для обращения в свои религии, вот только религии были в высшей степени глупостью.

Цифры не были глупостью. Цифры связывали все воедино. И золото не было глупостью. Шики верили в счет и в золото. Господин фон Липвиг считал цифры игрушками, а золото — принарядившимся свинцом! Это было уже не просто глупостью, а воз-

мутительным поведением — пороком, который Бент с корнем вырвал из своего сердца после долгих лет борьбы.

Он не мог здесь оставаться. Бент долгие годы поднимался по банковской карьерной лестнице, наступая на горло всем своим врожденным недостаткам, не для того, чтобы этот... человек превратил здесь все в цирк! Нет уж!

— Тот незнакомец снова приходил сегодня в банк, — проговорил он. — Очень странный тип. И он как будто узнал господина фон Липвига, но называл его Альбертом Стеклярсом. Говорил с ним так, как будто они давным-давно знакомы, и кажется, господина фон Липвига это раздосадовало. Зовут его Криббинс, по крайней мере, господин фон Липвиг так его назвал. Одет очень грязно, одежда старая. Он якобы стал праведником, но я сомневаюсь, что это так.

— Это показалось тебе странным?

— Нет, господин Космо...

— Зови меня просто Космо, Малкольм. К чему нам эти церемонии.

— О... хорошо, — сказал Маволио Бент. — Но нет, дело не в этом. Дело в его зубах. У него были вставные челюсти, и они шевелились и лязгали, когда он говорил, так что он шамкал.

— Ага, старого образца, на пружинах, — сказал Космо. — Замечательно. И фон Липвига это обеспокоило?

— О да. И что еще странно, он утверждал, что не знает этого человека, хотя сам назвал его по имени.

Космо усмехнулся:

— Да, очень странно. И человек ушел?

— Да, госпо... Космо, — сказал Бент. — И я сразу пришел к тебе.

— И очень правильно поступил, Мэттью! Если он снова объявится, попробуй проследить за ним и выяснить, где он остановился.

— Если получится, госпо... Космо.

— Умница! — Космо помог Бенту подняться, пожал ему руку, пританцовывая проводил его до двери, открыл ее и выдворил гостя за порог одним грациозным движением.

— Не задерживайся, господин Бент, тебя ждут в банке! — сказал он и закрыл за ним дверь. — Странное создание, не находишь, Стукпостук?

«Хотел бы я, чтобы он перестал, — подумал Досихпор. — Он что же, считает себя Витинари? Как называются эти рыбки, которые плавают рядом с акулами и стараются пригодиться, чтобы их не съели? Так вот и я, держусь рядом, потому что это намного безопаснее, чем отделиться».

— Как бы Витинари отыскал недавно прибывшего в город человека, одетого в отрепья, с плохими зубами, Стукпостук? — поинтересовался Космо.

«Пятьдесят долларов в месяц, и на всем готовом, — подумал Досихпор, выныривая из своего секундного океанического кошмара. — Не забывай об этом. А через несколько дней ты будешь свободен».

— Он воспользовался бы помощью Гильдии Попрошайек, сэр, — ответил он.

— Ах, разумеется. Займись этим.

— Будут расходы, сэр.

— Да, Стукпостук, я отдаю в этом отчет. Всегда требуются расходы. Что по второму вопросу?

— Скоро, сэр, скоро. Это работа не для Крэнберри, сэр. Мне приходится давать взятки на самых верхах. — Досихпор откашлялся. — Молчание дорогого стоит...

Мокриц молча проводил Дору Гаю до университета. Самое главное, что никто не умер и ничто не разбилось.

Словно придя к некоему умозаключению после тщательного раздумья, Дора Гая вдруг сказала:

— Я, между прочим, сама некоторое время работала в банке, и там редко нападали с ножом.

— Извини, забыл предупредить. Я же успел тебя оттолкнуть.

— Не скрою, то, как ты швырнул меня на пол, вскружило мне голову.

— Слушай, мне правда очень жаль! Эймсбери тоже! Ты мне расскажешь, наконец, что тут происходит? Вы нашли четырех големов, так? Вы привезли их с собой?

— Нет, шахта обвалилась прежде, чем мы успели до них докопаться. Я же говорила, они были в полумиле под землей, под миллионами тонн земли и песка. В общем и целом мы считаем, что в горах была природная ледниковая дамба, которую провало и затопило полконтинента. В легендах об Эме говорится, что он затонул, так что все сходится. Големов смыло вместе с щебнем, который застрял у приморских меловых скал.

— Откуда вы узнали, что они были там, внизу? Это же... это нигде!

— Обычным путем. Один из наших големов услышал песнь. Только представь. Они пробыли под землей шестьдесят тысяч лет...

В ночи, на самом дне мира, в тисках недр, окутанный тьмой... пел голем. Пел без слов. Его песнь была древнее слов, древнее языков. Это был зов глины, и он простирался далеко-далеко. Он растекался по тектоническим трещинам, отзывался музыкой кристаллов, звучащих в унисон в необъятных темных пещерах, струился по рекам, которые никогда не видели солнца...

...и исторгался из-под земли, и пробегал по ногам голема из «Треста Големов», который грузил углем тачку на единственной дороге в тех краях. Голем прибыл в Анк-Морпорк и рассказал обо всем «Тресту». Вот чем занимался «Трест» — искал големов.

Города, государства и королевства возникали и исчезали, но големы, вылепленные и обожженные своими жрецами и наполненные священным огнем, оставались вечно. Когда у них заканчивались приказы и не нужно было больше черпать воду и рубить дрова, хотя бы потому, что их страна теперь покоилась на дне морском, или город был погребен под толщами вулканического пепла, они ничего не делали, а только ждали следующего приказа. Они были инструментами. Каждый голем подчинялся инструкциям, которые были написаны на небольшом свитке у него голове. Когда-нибудь гору разъест эрозией. Когда-нибудь выстроят новый город. Когда-нибудь поступит новый приказ.

Големам не была знакома идея свободы. Они знали, что являются предметами собственности. Иные до сих пор носили на своей глине отпечатки пальцев давно почившего жреца. Они были созданы, чтобы принадлежать.

В Анк-Морпорке големы были всегда, они ходили с поручениями, работали разнорабочими, качали

воду глубоко под землей, невидимые, безмолвные, не путающиеся ни у кого под ногами. Но однажды кто-то освободил голема. Вложил ему в голову чек на сумму, в которую голем ему обошелся. После чего сказал голему, что тот отныне принадлежит сам себе.

Голема нельзя было освободить ни приказом, ни прихотью, ни силой. Его можно было освободить по праву собственности. Только побывав собственностью, ты можешь сполна оценить свободу, во всем ее чудовищном великолепии.

Дорфл, первый вольный голем, придумал план. Он работал не покладая рук, без усталости и сна, который ему не требовался, и купил еще одного голема. Два голема работали не покладая рук и купили третьего... и так появился «Трест Големов», который скупал големов, находил их погребенными под землей или на дне моря и помогал им выкупать самих себя.

В беспокойном городе големы действительно были на вес золота. Они соглашались на минимальные оклады и отработывали их по двадцать четыре часа в сутки. Это было выгодно: големы, будучи сильнее троллей, надежнее волов, неутомимее и умнее десятка тех и других, в одиночку могли приводить в действие все механизмы любой мастерской.

Это не прибавляло им популярности. Всегда находились причины недолго любить големов. Они не пили, не ели, не ругались, не играли в карты, не улыбались. Они работали. Если где-то разгорался пожар, они всей толпой спешили его тушить, после чего возвращались к своим обязанностям. Никто не понимал, как у существ, обожженных в огне при рождении, мог возникнуть такой инстинкт, но, кроме

неловкой неприязни, это никак не влияло на их репутацию. Невозможно было испытывать благодарность к неподвижному лицу с горящими глазами.

— Сколько осталось внизу? — спросил Мокриц.

— Я же сказала. Четверо.

Мокриц облегченно вздохнул.

— Это хорошо. Молодцы. Может, отпразднуем сегодня за ужином? Поедим что-нибудь, что не было внутри у животного? А там, кто знает...

— Может возникнуть загвоздка, — проговорила Дора Гая медленно.

— Да неужели?

— О, пожалуйста. — Дора Гая вздохнула. — Понимаешь, эмийцы были первыми творцами големов. Согласно легенде, именно эмийцы *изобрели* големов. И это похоже на правду. Какой-то священник совершает жертвоприношение, говорит правильные слова, и глина встает. Это было их единственное изобретение. Больше им ничего не было нужно. Големы построили им город, големы засеяли их поля. Они изобрели колесо, но только в качестве детской игрушки. Им не было нужно колесо, понимаешь? Им не было нужно даже оружие, потому что големы стояли у них вместо городских стен. Даже лопаты не были нужны...

— Ты хочешь сказать, они слепили пятидесятифутовых големов-убийц?

— Только мужчина мог до такого додуматься.

— Это наша прямая обязанность, — ответил Мокриц. — Если не додуматься до пятидесятифутовых големов-убийц самому, додумается кто-нибудь другой.

— Никаких свидетельств об этом, во всяком случае, нет, — отрезала Дора Гая. — Эмийцы никогда

не работали даже с железом. Зато им была известна бронза... и золото.

Что-то в том, как это слово повисло в воздухе, Мокрицу не понравилось.

— Золото, — повторил он.

— Эмийский — самый сложный язык в мире, — быстро заговорила Дора Гая. — Никто из големов «Треста» в нем не разбирается, так что мы не можем сказать уверенно...

— Золото, — тяжело повторил Мокриц.

— И вот, когда копатели нашли пещеры, мы придумали план. Шахта уже начинала обрушиваться, поэтому мы закрыли ее и сказали, что произошел обвал. Кое-кто из нашей команды к нынешнему моменту должен был вывести големов из-под земли в море. Прямо сейчас он морем ведет их к городу, — рассказывала Дора Гая.

Мокриц показал пальцем на руку голема в сумке.

— Это не золото, — сказал он с надеждой.

— Мы нашли много останков големов примерно на полпути вниз, — вздохнула Дора Гая. — Остальные были глубже... вероятно, потому, что они были тяжелее.

— Золото вдвое тяжелее свинца, — мрачно заметил Мокриц.

— Погребенный голем поет по-эмийски, — продолжала Дора Гая. — Я не могу ручаться за наш перевод, поэтому я решила доставить их в Анк-Морпорк, где они будут в безопасности.

Мокриц сделал глубокий вдох:

— Ты понимаешь, на какие неприятности можно нарваться, нарушив контракт с гномом?

— Ой, подумаешь! Я же не войну развязала!

— Нет, ты развязываешь судебный процесс! А с гномами это даже хуже! Ты говорила, в контракте указано, что вам запрещается забирать с места раскопок ценные металлы!

— Да, но это големы. Они живые.

— Ты понимаешь, что ты вынесла...

— ...*предположительно вынесла*...

— ...хорошо, *предположительно вынесла*, боги милосердные, *тонны* золота с гномьих земель...

— ...земель «Треста Големов»...

— Допустим, но у вас был договор! Который ты нарушила, когда вынесла...

— ...не вынесла. Оно само ушло, — спокойно возразила Дора Гая.

— Да ради всего святого, только женщина может такое сказать! Ты думаешь, если ты веришь в то, что твоим действиям есть уважительная причина, юридическая сторона вопроса не имеет значения? И вот он я, *настолько* близок к тому, чтобы убедить всех, что доллару необязательно быть круглым и блестящим, и вдруг я узнаю, что в любой момент четыре огромных блестящих голема заявятся в город, махая ручкой и сверкая направо и налево!

— Нет никаких поводов для истерики.

— Еще как есть! Если для чего нет повода, так это для спокойствия!

— Да, но только в такие моменты ты и оживаешь, разве нет? В такие моменты острее всего соображаешь. Ты всегда находишь выход, так?

И ничего невозможно было поделать с такой женщиной. Она обращалась в кувалду, и ты с разбегу неся прямо на нее.

Слава богам.

Они подошли к университету. Над ними нависала грозная статуя Альберто Малика, основателя университета. На голове у него был ночной горшок. Это создавало определенные неудобства голубю, который по семейной традиции проводил большую часть времени, примостившись на голове Альберто, только теперь у него на голове тоже была миниатюрная копия этого гончарного изделия.

Опять, наверное, студенческая неделя, подумал Мокриц. Студенты — что с них взять? Можно их любить, можно ненавидеть, но бить по голове лопатой — нельзя.

— Слушай, големы големами, но давай все-таки поужинаем сегодня вместе, только ты и я, в апартаментах. Эймсбери это понравится. Он редко готовит для людей, и это поднимет ему настроение. Обещаю, он приготовит все, что ты пожелаешь.

Дора Гая посмотрела на него искоса:

— Я так и думала, что ты это предложишь, поэтому я заказала ему баранью голову. Он был вне себя от счастья.

— Баранью голову? — невесело переспросил Мокриц. — Ты же знаешь, я терпеть не могу еду, которая тарашится на меня. Я даже сардинам в лицо не могу смотреть.

— Он пообещал завязать ей глаза.

— *Ах, как здорово.*

— Моя бабушка готовила превосходный холодец из бараньей головы, — сказала Дора Гая. — Она брала свиные копытца, чтобы бульон был наваришнее, и когда он остывал...

— Знаешь, иногда информация все же бывает лишней, — перебил ее Мокриц. — Значит, сегодня

вечером. Что ж, пойдем навестим твоего мертвого волшебника. Тебе должно понравиться. Наверняка там будут черепа.

Там были черепа. Там были черные шторы. Там на полу были нарисованы непонятные символы. Фимиам струйками курился над черными кадильницами. И посреди всего этого глава кафедры Посмертных Коммуникаций в устрашающей маске возился со свечой.

Услышав, как они вошли, он прервался и торопливо выпрямился.

— А, вы рано, — сказал он слегка невнятно из-за клыков. — Извиняюсь. Все эти свечи. Нужны свечи из дешевого сала, чтобы давать приличный черный дым, но можете себе представить, мне подсунули пчелиный воск. Я же *сказал* им, что мне не для того, чтобы капать, — мне нужен едкий дым. *Им* нужен, во всяком случае. Прошу прощения, Джон Икс, глава кафедры. Думминг Тупс мне все о вас рассказал.

Он снял маску и протянул им руку. Судя по всему, Икс пытался, как всякий уважающий себя некромант, отрастить приличную эспаньолку, но в связи с общим недостатком злорадства в организме она вышла какой-то застенчивой. Прошло несколько секунд, и Икс, догадавшись, на что они так уставились, стянул фальшивую резиновую руку с черными ногтями.

— Я думал, некромантия запрещена, — сказал Мокриц.

— О, мы здесь не занимаемся некромантией, — сказал Икс. — С чего ты это взял?

Мокриц посмотрел на интерьер и пожал плечами.

— Пожалуй, первый раз меня посетила эта мысль, когда я увидел на двери облезшую краску, под которой еще можно было различить рисунок черепа и буквы «НЕКР»...

— Дела давно минувших дней, — оборвал его Икс. — Мы — кафедра Посмертных Коммуникаций. Мы — силы добра, поймите. Тогда как некромантия — это прескверная форма магии, к которой прибегают злые волшебники.

— И раз вы не злые волшебники, то, что вы делаете, никак не может быть некромантией?

— Именно!

— А, гм, как отличить злого волшебника? — поинтересовалась Дора Гая.

— Ну, в первую очередь злые волшебники занимаются некромантией.

— Будь добр, напомни нам, что *именно* ты собираешься сейчас делать?

— Мы будем общаться с покойным профессором Флидом.

— Который мертв?

— Весьма. Совсем мертв.

— А это *никак* не смахивает на некромантию?

— Ну, видите ли, для некромантии требуются черепа, кости и общее некроощущение, — ответил Икс.

Он оценил выражение их лиц.

— А, вижу, к чему вы клоните, — сказал он со смешком, который слегка потрескивал по краям. — Не судите по антуражу. *Мне* этого ничего не нужно. Это для профессора Флида. Он немного консервативен и не согласится вылезать из урны без полного Обряда Всех Душ вкупе с Призывающей Маской Ужаса. — Он щелкнул по клыку.

— А это и есть Призывающая Маска Ужаса? — спросил Мокриц.

— Конечно, — ответил волшебник после минутной заминки.

— Просто она похожа на маску «страшного колдуна», которая продается в магазинчике Боффо на улице Десятого Яйца, — продолжил Мокриц. — По выгодной цене в пять долларов, кажется.

— Я, э... мне кажется, ты что-то путаешь, — сказал Икс.

— Вряд ли, — ответил Мокриц. — Ты ценник не снял.

— Где? Где? — вовсе-никакой-не-некромант стал вертеть маску в руках в поисках...

Заметив усмешку Мокрица, Икс закатил глаза.

— Ну да, да, — проворчал он. — Настоящую мы потеряли. Здесь все теряется, вы даже представить себе не можете. Наколдуют всякого и никогда не приберут за собой. Вы не встречали в коридоре огромного кальмара?

— После обеда нет, — ответила Дора Гая.

— Кстати, что за история с кальмаром?

— О, сейчас я расскажу вам про кальмара! — воскликнул Икс.

— Ну?

— Вы *не хотите* знать про кальмара!

— Не хотим?

— Уж поверьте мне! Вы уверены, что его там не было?

— На такое поневоле обращаешь внимание, — сказала Дора Гая.

— Значит, если повезло, этот уже выветрился. — Икс расслабился. — Это становится невыносимо. На той неделе все бумаги в моей картотеке

переместились под букву «Ю». И никто не знает почему.

— Ты еще хотел рассказать нам про черепа, — напомнила Дора Гая.

— Все фальшивые, — ответил Икс.

— Я бы попросил! — послышался сухой и трескучий голос из дальнего угла, скрытого в тени.

— Разумеется, кроме Чарли, — поспешно добавил Икс. — Он тут целую *вечность*.

— На мне вся кафедра держится, — сказал голос с оттенком гордости.

— Может, мы уже приступим? — спросил Икс, копаясь в черном бархатном мешке. — На крючке за дверью висят черные мантии с капюшонами. Это, конечно, не более чем антураж, но некр... посмертные коммуникации во многом строятся на театральности. Большинство из тех, кого... с кем мы связываемся, — волшебники, а они, сказать по правде, не очень-то любят новшества.

— Мы же не будем делать никаких... мерзостей? — спросила Дора Гая, недоверчиво разглядывая мантию.

— Не считая разговора с человеком, который уже триста лет как умер, — добавил Мокриц. Он неуютно себя чувствовал в окружении черепов. У человека это заложено на генетическом уровне со времен обезьяны, потому что (а) то, что сделало этот череп черепом, могло все еще быть поблизости, так что нужно *немедленно* лезть на дерево, и (б) черепа выглядят так, будто смеются над тобой.

— За это не переживайте, — сказал Икс, вынув из черного мешка маленькую узорчатую склянку, и начал натирать ее рукавом. — Профессор Флид

завещал свою душу университету. Он человек колючий, вынужден признать, но может и пойти на контакт, если разыграть все как следует

Он отступил на шаг назад.

— Посмотрим... коптящие свечи, Круг Намарета, Стекло Безмолвного Времени, Маска, куда же без нее, Шторы, э, Шторы и... — тут он положил рядом с банкой небольшую коробку, — ...жизненно важные ингредиенты.

— Не понял? То есть все эти дорогостоящие на вид вещи не *жизненно* важны? — переспросил Мокриц.

— Они так... декорация, — сказал Икс, поправляя капюшон. — Мы, конечно, могли бы просто сесть и зачитать вслух текст, но если нет ни костюмов, ни декораций, кто захочет к нам прийти? Вы вообще любите театр? — добавил Икс с надеждой в голосе.

— Бываю иногда, — ответил Мокриц осторожно, вовремя распознав эту надежду.

— Ты, случайно, не видел новый спектакль Маленького Театра «Какая жалость, что она инструктор рукопашного боя»? Постановка «Труппы Сестер Долли»?

— О нет, боюсь, не видел.

— Я играл там сэра Эндрю Пердолло, — уточнил доктор Икс на случай, если это вдруг освежит Мокрицу память.

— Ах, так это был *ты*! — воскликнул Мокриц, который не впервые встречался с актерами. — Все на почте только об этом и говорили!

«Если он не спросит, о каком представлении они говорили, все будет прекрасно», — думал Мокриц. Хотя бы на одном представлении каждого конкрет-

ного спектакля обязательно происходит что-нибудь уморительно чудовищное. Но ему повезло: опытный актер знает, когда не стоит испытывать удачу.

Вместо этого Икс спросил:

— Знаете ли вы древние языки?

— Я немного разбираюсь в азах мычания, — сказал Мокриц.

— ~~Т~~ ~~во~~ ~~что~~ ~~ж~~ ~~бы~~ ~~сте~~. Он для тебя достаточно древний? — сказала Дора Гая, и у Мокрица по позвоночнику пробежали мурашки. Язык големов обычно звучал чудовищно в человеческих устах, но, когда на нем заговорила Дора Гая, получилось нечто невыносимо притягательное.словно серебро в воздухе.

— Что это было? — не понял Икс.

— Общий язык големов на протяжении последних двадцати тысяч лет, — ответила Дора Гая.

— Серьезно? Очень, э, впечатляюще, э... давайте начинать...

В бухгалтерии никто не смел отрываться от вычислений, пока стол старшего кассира, вращаясь на своей оси, грохотал, точно телега, везущая приговоренных на казнь. Бумаги порхали в руках Маволио Бента, его мозг утопал в ядовитых соках, а ноги без усталости жали на педали, не позволяя темным материям обволакивать душу.

Он ничего не вычислял, что бы ни казалось со стороны. Вычисления были для тех, кто не видел ответа, плавно возникающего перед глазами. Видеть — значит знать. Так было всегда.

Кипа накопившихся бумаг истощалась, а лихорадочные мысли продолжали пульсировать в голове.

Открывались новые и новые счета. А все почему? Из-за доверия? Честности? Бережливости? Хотя бы из-за чего-то имевшего цену?

Нет! Все из-за этого фон Липвига! Люди, которых Бент никогда прежде не видел и надеялся больше не увидеть, стекались в банк и несли деньги в ящиках, в копилках и нередко в чулках. Иногда чулки были надеты прямо на них!

И к этому их побуждали слова! Банковская казна наполнялась, потому что проклятый господин фон Липвиг смешил людей и вселял в них надежду. Люди *любили* его. Никто никогда не любил господина Бента, насколько он мог судить. Да, он знал материнскую любовь и отцовские объятия — первая была слишком холодной, вторые пришли слишком поздно, и что ему это дало? В итоге он остался один. Тогда он сбежал и встретил серый караван, и открыл для себя новый мир — мир цифр, и цен, и респектабельности — и стал работать и подниматься вверх по карьерной лестнице, и да, он теперь чего-то стоил, и да, его можно было уважать. Да, уважать. Даже господин Космо уважал его.

И тут, откуда ни возьмись, появляется фон Липвиг — кто он вообще такой? Никто этого не знал, кроме подозрительного человека с неустойчивыми зубами. Вчера не было никакого фон Липвига, а сегодня он уже главный почтмейстер! Теперь он пролез еще и в его банк, этот тип, который чего-то стоил только на словах и который ни к кому не выказывал уважения! Теперь он смешил людей — и банк наполнялся деньгами!

«А разве Шики позволяли тебе *шиковать*?» — спросил знакомый голосок у него в голове. Ненавистная им часть самого себя, которую Бент глу-

шил, и морил голодом, и запихивал глубоко в шкаф все эти годы. Это не был голос разума. Он *сам* был своим голосом разума. Это был голос... маски.

— Нет! — вскрикнул Бент. Некоторые из клерков, что сидели ближе, подняли глаза на непривычный звук и тут же уткнулись обратно, не рискуя поймать на себе взгляд начальника. Бент сидел, уставившись на бумагу перед ним, и наблюдал за прокручивающимися цифрами. Положись на цифры! Цифры не подведут...

«Космо тебя не уважает, дурак ты, дурак. Ты руководил их банком вместо них и подчищал за ними! Ты зарабатывал, они тратили... и они смеются над тобой. Сам знаешь, что смеются. Глупый господин Бент с его глупой походкой, глупый, глупый, глупый...»

— Убирайся от меня, убирайся, — шептал он.

«Люди любят его, потому что он их любит. Никто не любит господина Бента».

— Но я чего-то стою. У меня есть достоинство! — Господин Бент подтянул к себе новую страницу и стал искать утешения в столбиках. Но его преследовали.

«Чего ты стоил, когда заставлял цифры танцевать, господин Бент? Ни в чем не повинные цифры! Ты заставлял их танцевать, и кувыркатся, и стоять на голове по щелчку твоего хлыста, и они плясали там, где им не было положено, не так ли, потому что сэр Джошуа требовал свою цену! Куда утанцевало золото, господин Бент? Всё дым и зеркала!»

— Нет!

Все перья бухгалтерии на несколько секунд застыли, после чего заскрипели с остервенением.

С глазами, слезящимися от стыда и гнева, господин Бент открыл колпачок своей патентованной ручки. В глухой тишине кассового зала щелчок этой зеленой авторучки, приводимой в боевую готовность, производил такой же эффект, как звук топора, который точит палач. Все клерки низко склонились над столами. *Господин Бент обнаружил ошибку.* Все, что оставалось делать, это не сводить глаз со своих вычислений и надеяться, что вопреки чаяниям эта ошибка допущена не тобой.

Кому-то придется, и, помилуйте, боги, только бы не мне, подойти и встать перед высокой платформой. Все знали, что господин Бент не любил ошибок: господин Бент считал, что ошибки были результатом искажения души.

Заслышав звук Ручки Смерти, старший бухгалтер подскочил к господину Бенту. Сотрудники, которые посмотрели в сторону господина Бента, рискуя обратиться в пепел под его свирепым взглядом, увидели, как вопиющий документ был передан ей. Послышалось цоканье языка. Она спустилась по ступенькам с платформы. Ее шаги звучали как смертный приговор и требовали тишины. Она еще не знала этого, пока шла, сверкая пуговками на сапожках, к столу одного из самых юных и неопытных клерков, но ей вот-вот предстояла встреча с юношей, которому суждено было войти в историю как одному из величайших героев банковского дела.

Мрачная органная музыка звучала на кафедре Посмертных Коммуникаций. Мокриц полагал, что это входило в общий антураж, хотя атмосфера была бы аутентичнее, если бы исполняемый на органе

мотив не оказался «кантатой и фугой для органа с западающими педалями».

Когда последняя нота с протяжным стоном смолкла, доктор Икс развернулся на табуретке и снял маску.

— Мои извинения, иногда я такой неуклюжий. Вы не могли бы попеть, пока я тут мистически размахиваю руками? Не думайте о словах. Сгодятся любые, главное, чтобы звучало погрёбально.

Расхаживая по кругу и напевая вариации на тему «уу!» и «раа!», Мокриц задумался, часто ли банкирам приходится вызывать с того света мертвецов в рабочие часы. Уж точно не в массовом порядке. Ему точно не следовало этим заниматься. Ему следовало идти и делать деньги. Сыч... Клямс уже наверняка дорисовал эскиз. Уже завтра он мог бы держать в руках свою первую банкноту! И потом, этот чертов Криббинс, который кому угодно мог все разболтать. У него и у самого рыльце было в целой пуховой перине, но город держался на внутренних связях, и если Криббинс успеет повстречаться с Шиками, жизнь Мокрица открутится назад до самой виселицы...

— В мое время мы хотя бы использовали приличные маски, — проворчал старческий голос. — И что это там, *женщина?*

В круге появилась фигура — без всякой помпы и шума, только с брюзжанием. Это была фигура образцово-показательного волшебника: мантия, остроконечная шляпа, борода и преклонный возраст, разве что черно-белый и слегка прозрачный.

— А, профессор Флид, — поприветствовал Икс. — Как любезно с твоей стороны...

— Ты сам знаешь, что это ты меня сюда прита-

шил, и не то чтобы мне было чем заняться помимо этого, — сказал Флид. Он повернулся к Доре Гае, и его голос стал слаще меда: — Как тебя зовут, прелесть моя?

— Дора Гая Ласска. — Предупреждающая нотка в ее голосе прошла мимо ушей Флида.

— Очаровательно, — протянул он, улыбаясь ей во все десны. От этого у него во рту задрожали тонкие струйки слюны, как паутина очень старого паука. — Поверишь ли ты мне, если я скажу, что ты необычайно похожа на мою драгоценную пассию Фенти, которая умерла более трехсот лет тому назад? Сходство просто поразительное!

— Поверю, что ты ко мне клеишься, — ответила Дора Гая.

— О, дорогая, как цинично, — вздохнул покойный Флид и повернулся к главе кафедры Посмертных Коммуникаций. — Честно говоря, за вычетом дивного пения юной госпожи, все было выполнено кое-как, Икс. — Он хотел было похлопать Дору Гаю по руке, но его пальцы прошли насквозь.

— Мне очень жаль, профессор, но нам теперь не выделяют нормального финансирования, — сказал Икс.

— Знаю, знаю. Всегда так было, профессор. Даже в мое время, когда тебе нужен был труп, приходилось самому идти и искать! А если трупа не находилось, уж будь добр, но достань хоть из-под земли! Сейчас-то все так *чинно*, все так *благородно*. Ну и пусть свежее яйцо чисто *технически* подходит для дела, но стиль-то куда подевался? Сейчас, говорят, изобрели машину, которая умеет думать, а изящные искусства, как всегда, в самом хвосте! И вот что я вижу, когда меня призывают: один еле компетент-

ный посмертный коммуникатор и двое посредственных побрякивателей!

— А некромантия — это изящное искусство? — спросил Мокриц.

— Самое что ни на есть, молодой человек. Ошибись хоть чуточку, и духи мстительных мертвецов пролезут к тебе в голову через уши и выплунут мозги через нос.

Взгляды Мокрица и Доры Гаи были прикованы к Иксу, как глаза лучника к мишени. Он горячо замахал руками и беззвучно произнес: «Это не так уж и часто бывает!»

— А что здесь делает такая хорошенькая девушка, ммм? — поинтересовался Флид, снова пытаясь схватить Дору Гаю за руку.

— Я хочу перевести одну фразу с эмийского, — ответила она с деревянной улыбкой и машинально вытерла руку о платье.

— Женщинам в ваше время теперь и такое позволяется? Как интересно! Одно из моих величайших сожалений, знаешь ли, в том, что, обладая телесной оболочкой, я слишком мало времени проводил в обществе прекрасных дам...

Мокриц огляделся в поисках какого-нибудь аварийного выключателя. Должно же быть что-то, хотя бы на случай носоглоточного изъятия мозгов.

Он бочком подобрался к Иксу и прошепел:

— Сейчас кому-то будет плохо!

— Ничего страшного. Я могу в два счета выдворить его в Зону Нежити, — прошептал в ответ Икс.

— Этого будет недостаточно, если она выйдет из себя! Однажды я видел, как она проткнула каблук ногой человеку, не вынимая изо рта сигареты.

Она не выкурила ни одной за последние пятнадцать минут, так что я за нее не ручаюсь!

Но Дора Гая достала из сумки руку голема, и в глазах покойного профессора Флида загорелось нечто более основательное, чем романтика. Страсть бывает разная.

Он взял глиняную руку. Это было второе удивительное событие. Только потом Мокриц заметил, что рука по-прежнему лежала у ног Флида, а держал он ее перламутровый зыбкий призрак.

— А, фрагмент эмийского голема, — произнес он. — В плохом состоянии. Исключительно редкая вещь. Вероятно, найдено при раскопках Эма, верно?

— Возможно, — ответила Дора Гая.

— Хм. Возможно, да? — повторил Флид и повертел призрачную руку. — Только посмотрите, тоньше папиросной бумаги! Легче пуха, крепче стали, но огни внутри пылали. Ничего похожего с тех пор так и не бывало!

— Может быть, я знаю, где такие огни до сих пор пылают, — сказала Дора Гая.

— Это шестьдесят-то тысяч лет спустя? Сомневаюсь, госпожа!

— А я нет.

Она разговаривала таким тоном, и ей смотрели вслед. Она воплощала непоколебимую уверенность. Мокриц годами трудился, чтобы добиться такого голоса.

— Ты хочешь сказать, что эмийский голем *уцелел*?

— Да. Даже четверо, полагаю, — ответила Дора Гая.

— Они поют?

— Один точно.

— Жизнь бы отдал, чтобы увидеть, — проговорил Флид.

— Э... — подал голос Мокриц.

— Образно, образно выражаясь, — перебил Флид, раздраженно махнув рукой.

— Думаю, это можно будет организовать, — сказала Дора Гая. — А пока что мы записали его песнь фонетическими рунами Боддели.

Она залезла в сумку и выудила оттуда небольшой свиток. Флид потянулся к нему, и переливчатый призрак свитка тоже оказался у него в руках.

— На первый взгляд это какая-то белиберда, — сказал он, проглядывая свиток. — Впрочем, справедливости ради, эмийский всегда поначалу кажется белибердой. Мне понадобится некоторое время, чтобы обработать текст. Эмийский — абсолютно контекстуальный язык. Ты видела этих големов?

— Нет, наша шахта обвалилась. Теперь мы даже не можем поговорить с големами, которые вели раскопки. Пение плохо передается по соленой воде. Но мы думаем, что это... нетипичные големы.

— Золотые скорее всего, — сказал Флид, и после его слов повисло многозначительное молчание.

Потом Дора Гая сказала:

— О.

Мокриц зажмурился. У него под веками золотые запасы Анк-Морпорка ходили по улицам и сверкали на солнце.

— Все исследователи Эма натыкались на легенду о золотых големах, — продолжал Флид. — Шестидесят тысяч лет назад какой-то шаман, сидя у огня, слепил фигурку из глины и придумал, как вдохнуть в нее жизнь, и кроме этого изобретения эмийцам

больше ничего не было нужно, понимаете? Знаете ли вы, что у них были даже лошади-големы? Никому с тех пор так и не удавалось сотворить подобное. И при этом эмийцам никогда не было известно железо! Они так и не изобрели ни колеса, ни лопаты! Големы пасли их стада и ткали их одежды! Зато у эмийцев были ювелирные украшения, на которых по большей части изображались сцены человеческих жертвоприношений, дурно исполненных во всех смыслах слова. В этой сфере они были невероятно изобретательны. Теократия, понятно дело. — Он пожал плечами. — Не знаю, что такого в этих ступенчатых пирамидах, если оно вызывает в божестве все худшее... Так что да, им было известно золото. Их жрецы наряжались в золото. Может быть, они сделали и несколько големов из золота. В то же время «золотой голем» могло метафорически обозначать *ценность* големов для эмийцев. Когда люди хотят выразить концепцию цены, они обращаются к золоту...

— Да уж, — пробормотал Мокриц.

— ...или же это просто байки, не имеющие под собой никаких оснований. Раскопки так и не дали никаких результатов, за исключением нескольких фрагментов разбитого голема, — сказал Флид, усаживаясь и удобно устраиваясь в воздухе.

Он подмигнул Доре Гае.

— Или ты искала где-то еще? Одна легенда гласит, что после смерти всего человеческого рода големы ушли в море...? — Вопросительный знак повис в воздухе, как рыболовный крючок.

— Какая интересная история, — сказала Дора Гая с непроницаемым видом.

Флид улыбнулся:

— Я разберусь в том, что здесь написано. Ты же придешь навестить меня завтра?

לא עמך למען נחמך.

Мокрицу не понравилось то, что он услышал, что бы это ни было. Не спасало и то, что Дора Гая улыбнулась в ответ.

Флид добавил:

— לא עמך למען נחמך
לפי עמך על נחמך על נחמך.

— А у тебя, *господин?* — со смехом спросила Дора Гая.

— Нет, но у меня отличная память!

Мокриц нахмурился. Ему гораздо больше нравилось, когда она была холодна со старым хрычом.

— Мы уже можем идти? — спросил он.

Стажер на испытательном сроке, младший клерк Хаммерсмит Кут смотрел, как госпожа Драпс подходила все ближе, и это настораживало юношу не так сильно, как его старших коллег. Те понимали: это оттого, что бедный мальчик пробыл здесь слишком недолго и не признавал степень серьезности того, что вот-вот должно было произойти.

Старший клерк демонстративно положила перед ним документ. Итог был обведен еще не просохшими зелеными чернилами.

— Господин Бент, — сказала она с оттенком удовольствия, — велел переделать *как положено*.

И поскольку Хаммерсмит был хорошо воспитанным юношей и работал в банке всего лишь первую неделю, он ответил: «Да, госпожа Драпс», аккуратно взяв листок и приступил к работе.

Разное рассказывали о том, что случилось дальше. Годы спустя клерки измеряли свой банковский

опыт в том, насколько близко они сидели, когда случилось *это*. Они спорили о том, что же на самом деле было сказано. Точно не было никакого рукоприкладства, на что бы там ни намекали некоторые истории. Но это был день, когда мир, или по крайней мере часть мира, включавшая в себя бухгалтерию, рухнул на колени.

Все сходились в том, что некоторое время Хаммерсмит сидел и считал проценты. Говорили, он достал блокнот — личный блокнот, что само по себе было недопустимо — и произвел в нем какие-то подсчеты. А потом, спустя пятнадцать минут, как говорят одни, или полчаса, как говорят иные, он подошел к столу госпожи Драпс и объявил:

— Мне жаль, госпожа Драпс, но я не могу найти, в чем ошибка. Я проверил свои расчеты и думаю, что мой результат верен.

Он говорил негромко, но бухгалтерия стихла. Сотни человек затаили дыхание так, что пауки, плетущие паутину под потолком, заколыхались от потока воздуха. Юношу отправили на место «переделывать все заново и не отвлекать людей от работы», и спустя десять минут, хотя иные говорят пятнадцать, госпожа Драпс сама подошла к нему и заглянула через плечо.

Большинство сходятся в том, что примерно через полминуты она взяла листок, вынула карандаш из тугого пучка на голове, велела юноше пустить ее на свое место, села и какое-то время разглядывала цифры. Потом встала. Подошла к другому старшему клерку. Вместе они занялись изучением документа. Затем подозвали третьего клерка. Он переписал себе подозрительные столбики, покорпел над ними немного и, с серым лицом, поднял глаза. Ничего не нуж-

но было произносить вслух. К этому моменту работа встала, но господин Бент за высоким столом был все еще погружен в разложенные перед ним расчеты и, что примечательно, что-то бормотал себе под нос.

Все почувствовали *это* в воздухе.

Господин Бент *допустил ошибку*.

Старшие клерки нервно переговаривались в углу. Не было вышестоящего лица, к которому они могли бы обратиться. Господин Бент и был вышестоящим лицом, выше которого стоял только сам неумолимый король математики. В конечном итоге на плечи невезучей госпожи Драпс, которая совсем недавно успела побывать гонцом рассерженного господина Бента, легла обязанность написать на документе: «Прошу прощения, господин Бент, но мне кажется, молодой человек прав». Она сунула документ под низ стопки квитанций, которые готовила для подачи шефу, бросила их в лоток для входящей документации, когда он прогромыхал мимо, и в слезах убежала, звонко постукивая каблучками, в направлении дамской комнаты, где у нее случилась истерика.

Оставшиеся члены бухгалтерии тревожно переглянулись, как древние чудовища, которые видят, как в небе начинает расти второе солнце, но понятия не имеют, что с этим делать. Господин Бент всегда быстро управлялся с входящими документами, и, пожалуй, оставалось не больше двух минут до того, как он наткнется на записку. Внезапно все как один бросились к выходу.

— И как оно тебе? — спросил Мокриц, когда они вышли на улицу.

— Мне кажется или я слышу раздражение? — спросила Дора Гая.

— Ну, в мои планы сегодня не входил светский визит к трехсотлетнему сладострастнику, который делал в твой адрес непристойные телодвижения.

— Какие еще телодвижения, у него и тела-то нет, он же призрак.

— Он сладострастничал!

— Если только в мыслях, — возразила Дора Гая. — В его и в твоих.

— Обычно ты выходишь из себя, когда люди пытаются тебе покровительствовать!

— Верно. Но обычно эти люди не в состоянии перевести что-либо с языка настолько древнего, что даже големы понимают его в лучшем случае на одну десятую. Научись такому искусству, и тоже сможешь кадрить девушек, когда будешь три века как мертв.

— Ты флиртвала, просто чтобы получить то, что ты хотела?

Дора Гая остановилась как вкопанная посередине площади и повернулась к нему лицом.

— И что? *Ты* же постоянно флиртуешь. Ты флиртуешь со всем миром! Это и делает тебя *интересным*, потому что ты больше похож на музыканта, чем на вора. Мир для тебя как инструмент, преимущественно смычковый. А теперь я пойду домой и приму ванну. Я вернулась этим утром, ты не забыл?

— Этим утром, — сказал Мокриц, — я обнаружил, что один из моих подчиненных подменил сознание другого моего подчиненного на сознание репки.

— Хорошо вышло? — спросила Дора Гая.

— Не уверен. Пожалуй, пойду и проверю. У нас обоих был трудный день. Я пришлю за тобой кеб в половине восьмого, хорошо?

...Криббинс наслаждался собой. Он никогда особенно не увлекался чтением — до настоящего момента. Нет, он умел читать и даже писать аккуратными буквами, которые казались остальным очень изысканными. И ему всегда нравилась «Правда» за ее внятный читабельный шрифт; нередко при помощи ножниц и банки клея он прибегал к ее помощи для создания посланий, которые привлекают внимание не красивыми словами, а тем, что они составлены из вырезанных букв, слов и даже целых фраз, если очень повезет. Однако чтение ради удовольствия проходило мимо него. Но сейчас он зачитывался, о да, и это доставляло ему огромное удовольствие, о боги! Чего только не найдешь, когда знаешь, что искать! Он чувствовал, как будто все Страшдественские праздники пришли одновременно...

— Чашечку чая, преподобный? — раздалось сбоку от него. Голос принадлежал упитанной даме, ответственной за архивный отдел «Правды», которая прониклась к нему симпатией, стоило ему только снять перед ней шляпу. У нее в лице было то частью мечтательное, частью изголодавшееся выражение, характерное для многих женщин определенного возраста, решивших уповать на богов, потому что и дальше уповать на мужчин было решительно невозможно.

— Шпасибо, шештра, — сказал он, широко улыбнувшись. — Ибо написано: «Чаша творящего милостыню стоит больше одной несущки».

Тут он заметил маленький серебряный черпак, приколотый к ее груди, и серьги в виде крошечных лопаток для жарки. Ага, священные символы Анойи. Он как раз читал о ней в религиозной ко-

лонке. Сейчас она была на пике моды благодаря рекламе юного Стекларса. Она начинала свой путь в самом низу лестницы как богиня Вещей, Застрававших В Ящиках, а теперь, согласно новостям религии, к ней стали обращаться как к богине Безнадежных Случаев — очень прибыльная отрасль, очень, особенно для человека с гибким подходом, но — Криббинс мысленно вздохнул — было не самой лучшей идеей разворачивать лавочку, когда речь шла о божестве деятельном. А вдруг Аноя рассердится и найдет новое применение лопаткам для жарки. К тому же совсем скоро он сможет оставить все это позади. До чего же смысленным парнем оказался юный Стекларс! Маленький хитрый паразит! Так просто он от него не отделается, нет! Криббинс еще обеспечит себя пенсией на всю оставшуюся жизнь. И это будет долгая, долгая жизнь, а не то...

— Принести тебе еще что-нибудь, преподобный? — спросила женщина с волнением.

— Чаша моя переполнилась, шестра, — отвечал Криббинс.

Женщина занервничала еще больше:

— О, мне так жаль, надеюсь, ничего не пролилось...

Криббинс прикрыл чашку ладонью.

— Я имел в виду, что я вшем совершенно доволен, — пояснил он честно. Это было настоящее чудо, вот что это было. Если Ом продолжит и дальше их так раздавать, Криббинс даже может поверить в него.

Женщина поспешно удалилась.

Чем больше Криббинс об этом думал, тем больше вырисовывалось интересного. Как парень про-

вернул такое? Тут явно не обошлось без подельников. Во-первых, палач, во-вторых, тюремщики...

В задумчивости он со звоном вынул изо рта вставную челюсть, тихонько поболтал ею в чае, вытер насухо платочком и с натугой впихнул обратно в рот за несколько секунд до того, как послышались шаги возвращавшейся женщины. От нее так и веяло благовоспитанной отвагой.

— Прошу прощения, преподобный, но могу ли я попросить об одолжении? — спросила она и порозовела.

— Га... гаш... орд! Агын... огнт... — Криббинс повернулся к ней спиной и под аккомпанемент щелчков и звяканья вывернул проклятые зубы в нужную сторону. Бесовские отродья! Зачем он вообще выдрал их изо рта того старика — ему никогда не понять.

— Прошу меня извинить, шестра, небольшие стоматологические неполадки... — пробормотал он, поворачиваясь к ней, и вытер рот. — Ради всего святого, продолжай.

— Как интересно, что ты это сказал, преподобный, — сказала она, взбудораженно сверкая глазами. — Дело в том, что я состою в небольшом женском кружке, и мы организовали клуб «Божество месяца». Э... иными словами, мы выбираем бога и верим в него... или в нее, разумеется, или в них, хотя мы исключаем тех, у кого слишком много зубов и лап... Э... и мы молимся им весь месяц, после чего садимся и устраиваем дискуссию. Богов ведь так много, согласись? Тысячи! Мы пока не задумывались об Оме, но если тебе будет интересно прочитать нам небольшую лекцию в следующий вторник, я уверена, мы с превеликим удовольствием дадим ему шанс!

Криббинс улыбнулся ей во весь рот, и пружины дзынькнули.

— Как тебя зовут, шештра?

— Береника, — ответила она. — Береника, э, Хаузер.

«А, уже не называешься именем бывшего муженька, очень мудро», — отметил Криббинс.

— Восхитительная идея, Береника, — ответил он. — Шочту за удовольствие!

Она просияла.

— У тебя случаем не найдется печенья, Береника? — продолжил Криббинс.

Госпожа Хаузер покраснела.

— Кажется, где-то было шоколадное, — сообщила она, словно поведала ему страшную тайну.

— Пусть Аноя потрясет твои ящики, шештра, — сказал Криббинс ей вслед.

«Чудесно», — подумал он, когда она убежала, краснея от счастья. Он сунул блокнот себе в пиджак, откинулся на спинку стула и прислушался к бою часов на стене и к храпу бродяг, которые всегда набивались сюда в жаркие дни. Все было тихо, мирно, с расстановкой, как и должно быть в жизни.

И отныне он будет в этой жизни как сыр в масле кататься.

Если будет очень и очень осторожен.

Мокриц бежал под сводами подвала на ослепительный свет в дальнем конце подземелья. Там его встретила мирная сцена. Хьюберт стоял перед Хлюпером, время от времени постукивая по трубкам. Игорь над горном выдувал из стекла что-то затейливое. А господин Клямс, ранее известный как

Сычик Дженкинс, сидел за столом с отсутствующим выражением лица.

Мокриц почувствовал надвигающуюся катастрофу. Что-то было не так. Возможно, даже не что-то конкретное, но что-то принципиально *неправильное* витало в воздухе. И ему определенно не нравились глаза господина Клямса.

Впрочем, человеческий мозг, который живет надеждой от одной секунды до другой, всегда сумеет оттянуть момент неизбежной истины. Потирая руки, Мокриц подошел к нему.

— Ну, как наши дела, Сы... то есть господин Клямс? — спросил он. — Уже закончил?

— О да, — ответил Клямс со странной невеселой улыбкой. — Вот оно.

Перед ним на столе лежала обратная сторона первой настоящей официальной долларовой банкноты. Мокрицу доводилось видеть подобные рисунки, но тогда ему было четыре года, и он ходил в детский сад. На лице, которое по идее должно было быть лордом Витинари, было две точки вместо глаз и широкая улыбка. Панорама живописного Анк-Морпорка состояла из квадратных домиков с квадратными окошками в каждом углу и дверью посередине.

— Мне кажется, это мое лучшее произведение, — сказал Клямс.

Мокриц дружески похлопал его по плечу и направился к Игорю, который уже готовился защищаться.

— Что ты сделал с человеком? — спросил Мокриц.

— Я фделайт ему гармонично фбаланфированный индивидуальность, более не нагруженную тре-

волнениями, фтрахами и бефами паранойи, — ответил Игорь.

Мокриц взглянул на рабочую скамью Игоря — это был храбрый поступок по любым меркам. На скамье стояла банка с колыхающимся в ней чем-то неопределенным. Мокриц пригляделся — еще одно небольшое проявление героизма для человека, который находится в Игровой среде.

Это была невеселая репка. Репка пошла пятнами. Она мягко отскакивала от одной стенки банки к другой и периодически опрокидывалась.

— Понимаю, — сказал Мокриц. — Но как ни прискорбно, вышло так, что, одарив нашего друга беспечностью и оптимизмом, присущими, не побоюсь этого слова, репке, ты также наградил его художественным талантом, рискну повториться, репки.

— Но теперь он бывайт фчафтлив фамим фобой, — сказал Игорь.

— Допустим, но какая часть его самого — и я действительно не хочу лишний раз повториться — представляет собой корнеплод?

Игорь обдумал этот вопрос.

— Как человек медицины, гофподин, — ответил он, — я должен учитывать, что ефть лучше для пациент. В нафтоящий момент он фчафтлив и доволен фобой и его ничто не бефпокойт. Фтал бы он отказывайтфя от вфе это ради ловкий карандаш?

Мокриц отчетливо слышал настойчивый стук в стекло. Репка билась о стенку банки.

— Это любопытное философское замечание, — сказал он, бросив еще один взгляд на довольное, но какое-то рассредоточенное лицо Клямса. — Но что-то мне подсказывает, что все эти неприятные нюансы и делали его, в общем-то, *им*.

Истеричное биение овоща о стекло стало громче. Игорь и Мокриц перевели взгляды с банки на беззаботную улыбку Клямса.

— Игорь, по-моему, ты не понимаешь, как устроены люди.

Игорь снисходительно усмехнулся:

— О, гофподин, верийт мне на флово...

— Игорь, — перебил Мокриц.

— Йа, гофподин? — отозвался Игорь мрачно.

— Ступай и неси обратно свои чертовы провода.

— Йа, гофподин.

Мокриц вернулся наверх и обнаружил себя в эпицентре паники. Заплаканная госпожа Драпс заметила его и бросилась к нему, цокая каблуками.

— Это господин Бент, сэр! Он только что с криками сбежал! Мы нигде не можем его найти!

— А зачем его искать? — спросил Мокриц и только потом сообразил, что спросил это вслух. — Я хотел сказать, по какой причине вы предприняли поиски?

Ему стали рассказывать. Пока госпожа Драпс говорила, у Мокрица сложилось впечатление, что остальные слушатели понимали смысл ее слов, который ускользал от него.

— Ну, хорошо, он допустил ошибку, — сказал Мокриц. — Никто ведь не пострадал? Во всем разобрались? Да, неловкий момент, посмею заметить...

Но он вспомнил: ошибка хуже греха, не так ли?

«Но это же попросту идиотизм», — возразила его разумная половина. Бент мог бы сказать что-то вроде: «Видите? Даже я могу допустить ошибку из-за минутной невнимательности! Мы должны всегда быть начеку!» Или: «Я сделал это специально, чтобы

вас проверить!» Это даже школьные учителя знают. Можно придумать десятки способов, как выкрутиться из подобной ситуации. *«Но это я — я всегда выкручиваюсь. Сомневаюсь, что Бент хоть раз в жизни откуда-нибудь выкручивался».*

— Надеюсь, он не натворит каких-нибудь... глупостей, — сказала госпожа Драпс и достала скомканный платочек из рукава.

«Каких-нибудь... глупостей», — подумал Мокриц. Так говорят, когда хотят намекнуть, что кто-то способен прыгнуть с моста или проглотить все содержимое коробки с лекарствами в один присест. *Такого* рода глупости имеют в виду.

— Никогда не встречал человека, настолько несклонного к глупостям, — сказал он.

— Ну, мы... мы всегда гадали на его счет, если честно, — сказал один клерк. — Он приходит с рассветом, и уборщики мне рассказывали, что он часто засиживается допоздна... Чего? Что? Больно же!

Госпожа Драпс, которая с силой его толкнула, принялась что-то рьяно нашептывать ему на ухо. Клерк потух и неловко посмотрел на Мокрица.

— Извини, господин, я не к месту сказал, — пробурчал он.

— Господин Бент хороший человек, господин фон Липвиг, — сказала госпожа Драпс. — Он работает на износ.

— И вас всех заставляет работать на износ, я посмотрю, — сказал Мокриц.

Его попытка проявить солидарность с рабочим классом не увенчалась успехом.

— Если не можешь вынести жар, вылезай из котла, вот что я говорю, — сказал старший клерк, и все стали ему поддакивать.

— Кажется, «выходи из кухни», — сказал Мокриц. — «Вылезай из котла» — это вариант, когда...

— Половина старших кассиров на Равнинах работала в нашей бухгалтерии, — перебила госпожа Драпс. — И их управляющие тоже. А госпожа Ли, заместитель управляющего Коммерческого банка Апсли в Сто Лате, получила эту должность благодаря рекомендации, которую составил господин Бент. *Обучена Бентом*, понимаете ли. Это дорогого стоит. Если ты получаешь рекомендацию от господина Бента, ты можешь зайти в любой банк и получить там место по щелчку.

— А тем, кто остается здесь, платят лучше, чем в любом другом месте, — вставил один клерк. — Он так и сказал совету директоров: если они хотят лучшее, то за это придется платить!

— Да, он требовательный, — сказал другой клерк. — Зато, я слышал, в Пайпворт-Банке все подчиняются управляющей по персоналу, и уж если выбирать, то я всегда предпочту господина Бента. Он хотя бы за человека меня считает. Говорят, она засекает время, когда человек выходит в уборную!

— Это называется хронометраж, — сказал Мокриц. — Послушайте, я думаю, господину Бенту просто нужно побыть одному некоторое время. На кого он кричал? Кто сделал ошибку... точнее, не сделал, я хотел сказать?

— Стажер Хаммерсмит, — сказала госпожа Драпс. — Мы отправили его домой, потому что парня немного выбило из колеи. Но нет, господин Бент не столько кричал на него. Он кричал ни на кого на самом деле. Он... — Она замолчала в поисках слова.

— Бредил, — подсказал говоривший не к месту клерк, снова повернув к этому самому месту. —

И нечего на меня так смотреть. Вы все его слышали. И вид у него был такой, точно он привидение увидел.

Клерки по одному и парами возвращались в бухгалтерию. Они утверждали, что всё обыскали, и основная версия гласила, что Бент скрылся через монетный двор, где стояла большая суета из-за проводящихся работ. Мокриц не был в этом так уверен. Это было старое здание, а в старых зданиях полно разных укромных уголков, а господин Бент работал здесь уже...

— Как давно он здесь работает? — полюбопытствовал он вслух.

Все сходились в том, что «сколько люди себя помнят», но госпожа Драпс, которая по какой-то причине почитала своим долгом хорошо разбираться во всем касающемся Маволио Бента, сообщила, что он работает здесь тридцать девять лет, а устроился он в банк, когда ему было тринадцать. Тогда он просидел на ступеньках банка всю ночь, пока председатель не пришел на работу, и Бент не впечатлил его своими счетоводческими талантами. Он дослужился от посыльного до старшего кассира за двадцать лет.

— Молниеносно! — сказал Мокриц.

— И никогда не брал ни единого отгула по болезни, — подытожила госпожа Драпс.

— Что ж, тогда он имеет на них право сейчас, — заметил Мокриц. — Ты знаешь, где он живет, госпожа Драпс?

— В пансионе госпожи Торт.

— Правда? Это же так... — Мокриц запнулся и перебрал разные варианты, — ...экономно, не правда ли?

— Он говорит, что это удовлетворяет его холостяцким нуждам, — ответила госпожа Драпс, избегая смотреть Мокрицу в глаза.

Мокриц чувствовал, что перестает быть королем дня. Но все они не сводили с него глаз. Если он хотел сохранить свою репутацию, ему оставалось сказать только одно:

— В таком случае я обязан проверить, не отправился ли он домой.

Все облегченно заулыбались. Он добавил:

— Кому-то из вас лучше пойти со мной. Вы дольше его знаете.

«А я, похоже, не знаю его совсем», — подумал Мокриц.

— Я только возьму пальто, — откликнулась госпожа Драпс. И единственная причина, почему эти слова сорвались с ее губ со скоростью звука, была в том, что она не могла сказать их еще быстрее.

Глава 8

Как внизу, так иверху — Без боли нет
побед — Головоломки для ума — Трагическое
прошлое господина Бента — Что-то в шкафу —
Замечательные деньги — Рассуждения Игоря
о безумии — Густой замес

Хьюберт задумчиво посту-
чал по одной из трубок Хлюпера.

— Игорь? — позвал он.

— Йа, хозяин? — отозвался Игорь у него из-за
спины.

Хьюберт подскочил.

— Я думал, ты у своих сосудов с молниями! —
с трудом проговорил он.

— Я был там, гофподин, теперь я тут, гофподин.
Ты что-то желайт?

— Ты подключал все эти клапаны, Игорь? У ме-
ня не получается ничего поменять!

— Йа, гофподин, — ответил Игорь невозмути-
мо. — Это повлекайт за фобой ифключительно пла-
чевные пофледфтивия, гофподин.

— Но мне нужно изменить некоторые параме-
тры, Игорь, — сказал Хьюберт, рассеянно снимая
с вешалки дождевую шляпу.

— Увы, ф этим будут проблемы, гофподин. Ты фам профийт меня делайт Хлюпер по возможности точный.

— Это само собой. Точность превыше всего.

— Он... предельно точный, гофподин, — сказал Игорь неловко. — Вероятно, даже *флишком* точный, гофподин.

Это его «вероятно» заставило Хьюберта схватиться за зонтик.

— Как что-то может быть «слишком» точным?

Игорь огляделся. Он внезапно напрягся.

— Не возражаешь, если я приглушу акцент? — спросил он.

— Ты это *умеешь*?

— Фовершенно... то есть совершенно верно, сэр. Но это у нас семейное. На наш акцент рассчитывают, как и на наши швы. Просто мое объяснение и без того покажется тебе слишком сложным для понимания.

— Что ж, э, спасибо. Продолжай.

Это было очень длинное объяснение. Хьюберт слушал внимательно и с открытым ртом. Прозвучал термин «культ карго», а за ним последовали краткий трактат, посвященный гипотезе о том, что вода повсюду знает, где находится вся прочая вода, занимательные факты о черездефисном кремнии и о том, что с ним происходит в непосредственной близости сыра, о преимуществах и недостатках морфического резонирования в зонах повышенной фоновой магии, правда об однойяйцовых близнецах и рассказ про то, что если фундаментальная оккультная максима «как вверху, так и внизу» верна, то также верно и обратное «как внизу, так и вверху»...

Наступившая за этим тишина нарушалась только струением воды в Хлюпере и скрипом карандаша бывшего Сычика, который работал, как одержимый демонами.

— Не мог бы ты, пожалуйста, вернуть акцент? — попросил Хьюберт. — Не знаю почему, но так звучит лучше.

— Как фкажешь, гофподин.

— Хорошо. Итак, ты действительно хочешь сказать, что теперь я могу *изменить экономическую жизнь города*, регулируя Хлюпера? Как будто это ведьмовская восковая кукла и у меня в руках булавки?

— Вфе так, гофподин. Очень хорошее фравнение.

Хьюберт уставился на стеклянный шедевр. Освещение в подвале то и дело менялось, а экономическая жизнь города текла себе по трубам, некоторые из которых были не тоньше волоска.

— Это экономическая модель, которая на самом деле является реальной экономикой?

— Они идентичны, гофподин.

— То есть одним ударом молотка я могу повергнуть город в необратимый экономический коллапс?

— Йа, гофподин. Мне принефти молоток?

Хьюберт, выпучив глаза, разглядывал струящуюся, текучую, бурлящую машину, которую представлял собой Хлюпер. Он захихикал, но это очень быстро переросло в хохот.

— Ха-ха! А-ха-ха-ха!!! А-ХА-ХА-ХА-ХА!!!!...
Стакан воды принеси мне, будь добр... ХА-ХА-ХА-ХА!!! Ха-ха-ха-ха-ха!!... ХА-ХА! ХА-ХА!!... — Смех резко оборвался. — Быть такого не может, Игорь.

— Йа, гофподин?

— А то! Посмотри на нашу старую добрую флягу № 244а! Ты видишь? Она пустая!

— Неужели, гофподин?

— Ужели, — ответил Хьюберт. — Фляга № 244а обозначает золото в наших хранилищах, Игорь. А десять тонн золота не могут просто встать и уйти! А? ХА-ХА-ХА-ХА!!! Я же просил тебя принести мне воды. А-ха-ха-ха-ха!!... ХА-ХА! ХА-ХА!!...

На лице Космо играла улыбка, а это было опасным местом для игр чего-то столь невинного.

— Все? — спросил он.

— Все клерки из бухгалтерии, — уточнил Досихпор. — Только что высыпали на улицу. Некоторые были в слезах.

— То есть паника, — пробормотал Космо. Он посмотрел на портрет Витинари напротив своего стола и не усомнился, что тот подмигнул ему.

— Кажется, что-то произошло со старшим касиром, сэр.

— С господином Бентом?

— Кажется, он допустил ошибку, сэр. Говорят, он стал разговаривать сам с собой, а потом просто выбежал за дверь. Говорят, часть сотрудников ушла его искать.

— Маволио Бент допустил ошибку? Сомневаюсь, — сказал Космо.

— Говорят, он сбежал, сэр.

Космо почти приподнял одну бровь без дополнительной помощи. Он был уже настолько близок.

— Сбежал? У него с собой были большие тяжелые саквояжи? Обычно это так делается.

— Насколько мне известно, нет, сэр, — ответил Досихпор.

— Это было бы... кстати.

Космо откинулся назад в кресле, в третий раз за день снял черную перчатку и вытянул перед собой руку. Перстень выглядел внушительно, особенно на фоне бледно-синего пальца.

— Ты когда-нибудь видел массовый набег на банк, Стукпостук? — спросил Космо. — Видел когда-нибудь, как толпы народа бьются за свои деньги?

— Нет, сэр, — ответил Досихпор, который снова начинал волноваться. Тесные сапоги... что ж, это было забавно, но палец точно не должен быть такого цвета.

— Чудовищное зрелище. Словно выброшенного на берег кита обглаживают заживо крабы, — сказал Космо, поворачивая руку так, чтобы свет выхватил затемненную «V». — Сколько бы он ни бился в агонии, исход будет один. Ужасное дело, если правильно все устроить.

В душе он ликовал. Именно так и мыслит Витинари. Планы могут провалиться. Нельзя распланировать будущее. Только напыщенные дураки строят планы. Умный человек *подталкивает*.

— На правах директора банка и, конечно же, обеспокоенного гражданина, — проговорил он мечтательно, — я немедленно напишу письмо в «Правду».

— Да, сэр, сию минуту, — отозвался Досихпор. — И, быть может, послать за ювелиром, сэр? Уверен, у них есть миниатюрные кусачки, которые...

— Без боли нет побед, Стукпостук. Это помогает мне думать. — И он снова надел перчатку.

— Э... — И тогда Досихпор сдался. Он старался, как мог, но Космо был решительно настроен увечить себя и дальше, и все, что оставалось разумному человеку, — это состричь как можно больше денег, а потом остаться в живых, чтобы их потратить.

— Мне снова улыбнулась удача, сэр, — отважился он.

Чуть больше времени не помешало бы, но Досихпор понимал, что время было на исходе.

— В самом деле? В чем же?

— Проект, над которым я работаю...

— Дорогостоящий проект? Да?

— Я думаю, что смогу достать для вас трость Витинари, сэр.

— С вкладным клинком, ты имеешь в виду?

— Да, сэр. Насколько мне известно, оружие никогда не обнажалось сгоряча.

— Я так понимаю, он всегда держит трость под рукой.

— Я и не говорил, что будет легко, сэр. Или дешево. Но после многих кропотливых трудов случай наконец представился, — сказал Досихпор.

— Говорят, что железо для клинка было извлечено из крови тысячи человек...

— Я тоже слышал, сэр.

— А сам видел эту штуку?

— Мельком, сэр.

Впервые за всю свою службу Досихпор почувствовал жалость к Космо. Слышалась какая-то тоска в его голосе. Он не хотел свергнуть Витинари. В этом городе было полно желающих свергнуть Витинари. Но Космо хотел *стать* Витинари.

— Какая она? — спросил он с мольбой в голосе. Яд, должно быть, достиг его мозга, подумал Досих-

пор. Впрочем, мозг Космо был ядовит сам по себе. Может, они подружатся.

— Ну, набалдашник и футляр в точности как ваши, сэр, только слегка изношенные. А лезвие серое и кажется...

— Серое?

— Да, сэр. Выглядит старым и чуть-чуть выщербленным. Но тут и там, если свет правильно упадет, встречаются рыжие и золотые пятнышки. Я бы сказал, оно выглядит зловещим.

— Пятнышки света — это кровь, конечно, — сказал Космо задумчиво. — Или, возможно, о да, вполне возможно, это закованные в сталь души тех, кто умер, чтобы это смертельное оружие могло появиться на свет.

— Об этом я даже и не думал, сэр, — сказал Досихпор, который две ночи провел с новым клинком, красным железняком, латунной щеткой и некоторыми химическими реагентами, чтобы изготовить оружие, которое выглядело бы так, будто оно того и гляди само перережет вам глотку.

— И ты сможешь достать его сегодня?

— Надеюсь, сэр. Это будет рискованно, конечно.

— И, видимо, потребует новых затрат, — сказал Космо с куда большей проницательностью, чем ожидал от него Досихпор в его нынешнем состоянии.

— Столько народу нужно подкупить, сэр. Витинари не обрадуется, когда обо всем узнает, и я не стал рисковать и тратить время на то, чтобы сделать точную реплику.

— Ясно. Понимаю.

Космо опять стянул перчатку и посмотрел на руку. В пальце уже проявился зеленоватый оттенок, и он задумался, не присутствовала ли в сплаве

кольца медь. Но розовые, почти красные жилки, бегущие вверх по руке, выглядели совершенно здоровыми.

— Да. Достань мне трость, — пробормотал Космо и повернул руку под свет лампы. Странно, что он не чувствовал никакого тепла на пальце, но это не имело значения.

Он со всей ясностью видел сейчас свое будущее. Туфли, шапочка, кольцо, трость... Пока он заполнял собой сакральное пространство, занятое чертовым Витинари, тот наверняка должен был испытывать все большую слабость и все сильнее недоумевать, ошибаться и принимать неверные решения...

— Займись этим, Стукпостук, — сказал он.

Лорд Хэвлок Витинари ущипнул себя за переносицу. День выдался долгим, и вечер явно намечался такой же.

— Мне нужно ненадолго отвлечься, — сказал он. — Давай закончим.

Стукпостук подошел к длинному столу, на котором в это время дня были разложены экземпляры нескольких выпусков «Правды»: его светлость предпочитал следить за тем, что происходило в городе, по мнению его жителей.

Витинари вздохнул. Люди постоянно что-то ему рассказывали. И за последний час они много чего ему рассказали. Они делали это по самым разным причинам: чтобы поднять свой авторитет, заработать денег, получить услугу взамен, из вредности, из злорадства, и, что всегда было подозрительно, из нескрываемого беспокойства об общественном благе. Все вместе представляло собой не информацию,

а гигантский тысячеглазый ком мелких, вертявых, сомнительных фактов, откуда при бережном обращении можно было извлечь крохи информации.

Секретарь положил перед патрицием газету, аккуратно подогнутую на нужной странице и столбце, где был изображен квадрат, разделенный на квадратики поменьше, в некоторых из которых стояли цифры.

— Сегодняшний «икан-но-муда», сэр, — сказал он.

Витинари посмотрел на квадрат несколько секунд и вернул Стукпостуку.

Патриций закрыл глаза и стал барабанить пальцами по крышке стола.

— Хм... Девять, шесть, три, один, семь, четыре. — Стукпостук быстро записывал посыпавшиеся цифры, — восемь, четыре, два, три. Я уверен, они уже использовали эту задачу в прошлом месяце. В понедельник, кажется.

— Семнадцать секунд, сэр, — сказал Стукпостук, продолжая записывать.

— Что ж, день был напряженный, — ответил Витинари. — И какой в этом смысл? Цифры легко перехитрить. Они не умеют думать в ответ. Люди, которые придумывают кроссворды, — вот кто действительно коварен. Кто бы мог подумать, что «псидксес» — это древнеэфебские резные игольницы из кости?

— Вы, сэр, естественно, — ответил Стукпостук, аккуратно складывая бумаги. — А еще куратор зала эфебских древностей в Королевском музее искусств, составитель кроссвордов в «Правде» и госпожа Грейс Спикер, которая владеет зоомагазином на Пеликуньей улице.

— Нужно обратить внимание на этот зоомагазин, Стукпостук. Женщина такого ума — и довольствуется тем, что рассыпает собачий корм по пакетам? Сомневаюсь.

— Разумно, сэр. Я возьму на карандаш.

— Кстати, приятно слышать, что твои новые сапоги перестали наконец скрипеть.

— Благодарю, сэр. Они замечательно разносились.

Витинари задумчиво глядел на текущие документы.

— Господин Бент, господин Бент, господин Бент, — проговорил он. — Загадочный господин Бент. Без него Королевский банк был бы в гораздо более тяжелом положении, чем есть. И теперь, когда банк оказался *без него*, все обвалится. Банк вертится вокруг господина Бента. Он живет в его ритме. Старина Шик побаивался его, у меня нет в этом сомнений. Он говорил, что подозревает Бента... — Витинари замолчал.

— Сэр? — спросил Стукпостук.

— Давай просто согласимся с тем, что Бент рекомендовал себя во всех отношениях образцовым гражданином, — сказал Витинари. — Прошное — опасная дорожка, не так ли?

— На него нет досье, сэр.

— Он никогда не привлекал к себе внимания. Достоверно я знаю только то, что он приехал к нам в детском возрасте, в повозке каких-то бродячих счетоводов...

— Это как жестянщики и прорицатели? — спросил Мокриц, когда тряский кеб вез их по улицам, которые становились все уже и темнее.

— Думаю, можно и так сказать, — ответила госпожа Драпс с неодобрением в голосе. — У них большой размах, между прочим, доезжают до самых гор, ведут бухгалтерию мелким предприятиям, помогают людям с налогами, все в таком роде. — Она прочистила горло. — Странствуют целыми семьями. Удивительная, должно быть, жизнь.

— Каждый день — новый грессбух, — сказал Мокриц, серьезно кивая. — А по вечерам все пьют пиво и весело смеются, танцуя польку-неустойку под звуки аккордеона...

— Правда? — спросила госпожа Драпс взволнованно.

— Не знаю. Хотелось бы верить, — ответил Мокриц. — Что ж, это хотя бы что-то объясняет. Он явно амбициозен. А большее, на что можно было надеяться в дороге, так это что ему дадут править лошадей.

— Ему было тринадцать, — сказала госпожа Драпс и громко высморкалась. — Это так печально. — Она обратила заплаканное лицо к Мокрицу. — Что-то ужасное произошло с ним в прошлом, господин фон Фиглик. Говорят, однажды в банк приходили какие-то люди и спрашивали...

— Пансион госпожи Торт, приехали, — сказал возница, резко тормозя. — С вас одиннадцать пенсов, и не просите подождать, а то с лошадки тут вмиг подковы снимут.

Дверь пансиона открыла самая волосатая женщина, какую Мокрицу когда-либо доводилось видеть, но в районе Вязовой улицы не стоило обращать на такое внимание. Госпожа Торт славилась тем, что была гостеприимна к прибывающей в город нежити, предоставляя ей кров и понимание, пока они не вставали на ноги, сколько бы их ни было.

— Госпожа Торт? — спросил Мокриц.

— Мама в церкви, — ответила женщина. — Она предупредила, что ты будешь, господин фон Липвиг.

— У вас здесь проживает некий господин Бент, если не ошибаюсь?

— Это банкир? Седьмая комната на втором этаже. Но его, кажется, нет. У него какие-то проблемы?

Мокриц обрисовал ситуацию, ни на секунду не забывая о дверях, приоткрывавшихся в темноте за спиной женщины. Воздух был резким от запаха дезинфицирующего средства. Госпожа Торт верила в чистоту более свято, чем в богов, да и к тому же без этих острых сосновых ноток половина постояльцев рехнулась был от запахов другой половины.

И посреди всего этого была тихая, безлика́я комната старшего кассира господина Бента. Женщина, сообщившая, что зовут ее Людмиллой, с большой неохотой открыла им дверь хозяйским ключом.

— Он всегда был таким хорошим жильцом, — сказала она. — С ним никогда не было хлопот.

Одного взгляда хватило на все: узкая комната, узкая койка, аккуратно развешанная вдоль стен одежда, умывальный набор из крохотного тазика и кувшина, неуместно громоздкий шкаф. Жизнь порождает хлам... но только не жизнь господина Бента. Если только вся она не заключалась в шкафу.

— Большинство ваших постоянных жильцов нежи...

— ...альтернативно живые, — отрезала Людмила.

— Ну да, конечно, вот мне и интересно... почему господин Бент живет здесь?

— На что это ты намекаешь, господин фон Фиглик? — спросила госпожа Драпс.

— Согласись, это довольно неожиданно, — сказал Мокриц. И поскольку она и без того была слишком расстроена, он не стал продолжать: «Мне не нужно ни на что намекать. Все намекает само собой. Высокий. Мрачный. Приходит до рассвета, уходит после заката. Шалопай на него рычит. Маниакальный счетовод. Зацикливается на мелочах. Заставляет бегать мурашки по телу, а потом тебе становится немного совестно. Спит на узкой длинной койке. Живет у госпожи Торт, где водятся вампиры. Остается только соединить все точки».

— Это не имеет никакого отношения к человеку, который приходил накануне? — спросила Людмила.

— Что за человек?

— Он не назвался. Сказал только, что друг. Весь в черном, с черной тростью и серебряным черепом на ней. Мама сказала, пренеприятный тип. Хотя, — добавила Людмила, — она так почти про всех говорит. Карета у него тоже была черная.

— Речь же не о лорде Витинари?

— О нет, его мама очень любит, только говорит, что он слишком мало народу вешает. Нет, мама сказала, этот был в теле.

— Ах, вот оно как, — сказал Мокриц. — Что ж, спасибо, госпожа. Нам, наверное, пора. У тебя совершенно случайно нет ключа от этого шкафа?

— Ключа нет. Господин Бент поставил на него новый замок уже несколько лет назад, но мама не стала жаловаться, потому что с ним никогда нет никаких проблем. Это такой волшебный замок, из тех, которые продают в университете, — продолжала Людмила, пока Мокриц изучал дверцу. Морока с магическими замками была в том, что практически

все что угодно могло оказаться ключом, от слова до прикосновения.

— Странно, что он вешает всю свою одежду на стену, не правда ли? — спросил Мокриц, выпрямившись во весь рост.

Людмила посмотрела на него укоризненно.

— Мы в этом доме не используем слово «странно».

— Альтернативно нормально? — предложил Мокриц.

— Так пойдет. — Глаза Людмиллы предупреждающе сверкнули. — Кто может сказать, кто по настоящему нормален в этом мире?

«Ну, для начала, например, тот, у кого ногти не становятся длиннее, когда он в плохом настроении», — подумал Мокриц.

— Что ж, нам пора возвращаться в банк, — сказал он. — Если господин Бент объявится, передайте ему, что его ищут.

— И волнуются за него, — торопливо вставила госпожа Драпс, потом прикрыла ладонью рот и покраснела.

«Я просто хотел делать деньги, — думал Мокриц, провожая дрожащую госпожу Драпс до района, куда осмеливались заезжать кебы. — Я считал банковскую службу сплошной, хоть и прибыльной, скукой, разбавленной толстыми сигарами. Но она оказалась альтернативно нормальной. Во всем банке адекватен только Игорь и, возможно, репка. При чем насчет репки я не уверен».

Он подбросил шмыгающую носом госпожу Драпс к ее квартире на Добромыльной улице, пообещал дать ей знать, когда будут новости о беглом господине Бенте, и доехал в кебе до банка. Ноч-

ная охрана уже заступила на пост, но некоторые клерки все еще околачивались по залам, видимо, не в силах смириться с новой действительностью. Господин Бент был чем-то незыблемым, вроде колонны.

Значит, к нему приезжал Космо. Это не могло быть светским визитом.

Но *чем* это было? Угрозой? Что ж, никому не понравятся побои. Но, возможно, Космо действовал более тонко. Возможно, это было: «Мы всем расскажем, что ты вампир». На что здравомыслящий человек ответил бы: «Ну и подавитесь». Это могло бы сойти за угрозу двадцать лет назад, но не сегодня. В городе было полно вампиров, этих невротиков, носивших на груди Черную Ленту, чтобы все видели, что они дали обет трезвости. Они вели каждый свою, за неимением лучшего слова, жизнь. В основном люди просто смирились. День за днем проходил без всяких проблем, и к этому просто стали относиться как к норме. Альтернативной, но все-таки норме.

Ладно, господин Бент скрывал свое прошлое, но за это не линчуют. Он сорок лет просидел в банке, складывая и вычитая, в конце-то концов.

Но что, если сам он относился к этому иначе? Ты меряешь здоровый смысл линейкой, а кто-то другой — картофелиной.

Мокриц не слышал приближения Глэдис. Он просто понял, что она стоит за ним.

— Я Очень Беспокоилась За Тебя, Господин Фон Липвиг, — пророкотала она.

— Спасибо, Глэдис, — произнес он осторожно.

— Я Сделаю Тебе Сэндвич. Ты Любишь Мои Сэндвичи.

— Это очень мило с твоей стороны, Глэдис, но госпожа Ласска вскоре составит мне компанию за ужином наверху.

Огонь в глазах голема чуть притух и тут же разгорелся ярче.

— Госпожа Ласска.

— Да, она приходила сегодня утром.

— Дама.

— Она моя невеста, Глэдис. Я надеюсь, она будет часто здесь бывать.

— Невеста, — повторила Глэдис. — Ах, Да. Я Как Раз Читаю «Двадцать Советов, Как Сделать Вашу Свадьбу Незабываемой».

Ее глаза потускнели. Она развернулась и с топотом пошла к лестнице.

Мокриц чувствовал себя подлецом. Он, впрочем, и был подлецом, но чувство от этого приятнее не становилось. С другой стороны, она... черт, он... это... Глэдис была продуктом несвоевременной женской солидарности. Что он мог этому противопоставить? Доре Гае придется что-то с этим делать.

Он заметил, что рядом учтиво топчется один старший клерк.

— Да? — сказал Мокриц. — Чем могу помочь?

— Что нам теперь делать, господин?

— Как тебя зовут?

— Спиттл, господин. Роберт Спиттл.

— Почему ты задаешь мне этот вопрос, Боб?

— Потому что председатель твякает, господин. Сейфы нужно запирать. И бухгалтерию. Все ключи у господина Бента. Зови меня Роберт, если не возражаешь.

— Запасных ключей нет?

— Они могут быть в кабинете председателя, господин, — ответил Спиттл.

— Послушай меня... Роберт. Я хочу, чтобы ты шел домой и как следует выспался, ясно? А я найду ключи и запиру все замки, которые найду. Уверен, господин Бент вернется к нам завтра, а если нет, я созову всех старших клерков на совещание. То есть, ха, вы же должны знать, как все здесь работает!

— Оно-то да. Конечно. Только... это... но... — Голос клерка растворился в тишину.

«Но среди них нет господина Бента, — подумал Мокриц. — Распределить обязанности ему было не легче, чем устрице станцевать танго. Что же мы будем делать?»

— Здесь до сих пор люди? Вот тебе и график работы, — раздался голос из дверей. — Я слышу, у тебя снова неприятности.

Это была Дора Гая, и, конечно, она имела в виду «Здравствуй, как я рада тебя видеть».

— Ты выглядишь сногшибательно, — сказал Мокриц.

— Знаю, — ответила Дора Гая. — Что тут у вас происходит? Возница сказал, что весь персонал разбежался у тебя из банка.

Позже Мокриц решил: вот когда все пошло наперекосяк. Слухи, как лошадей, нужно оседлать прежде, чем они ускачут со двора, чтобы иметь возможность натянуть удила. Нужно было задуматься: на что это похоже, когда сотрудники бегут из банка? Нужно было мчаться в редакцию «Правды». Нужно было вскочить в седло и завернуть этого жеребца обратно в стойло, здесь и сейчас.

Но Дора Гая действительно выглядела сногшибательно. К тому же всего-навсего у одного сотруд-

ника что-то перемкнуло, и он покинул банк. Что тут такого можно подумать?

Ответ, разумеется, был: все что угодно.

Он почувствовал, что кто-то возник у него за спиной.

— Гофподин фон Липвиг, гофподин?

Мокриц обернулся. Когда ты только что смотрел на Дору Гаю, смотреть после этого на Игоря совсем не хотелось.

— Игорь, сейчас не время... — начал Мокриц.

— Я знавайт, что мне не положено поднимайтфя наверх, гофподин, но гофподин Клямф говорит, что он заканчивайт ф рифунком. Очень хорошо.

— О чем это он? — спросила Дора Гая. — Я и двух слов не поняла.

— О, внизу в совоку... в подвале ждет человек, который рисует по моей просьбе долларовую банкноту. Бумажные деньги, в общем.

— Серьезно? Я бы с удовольствием посмотрела.

— *Правда?*

Это было поистине потрясающе. Мокриц разглядывал эскизы лицевой и оборотной сторон банкноты. Под ослепительно-белыми Игоревыми лампами они выглядели насыщенными, как сливовый пирог, и более затейливыми, чем гномий контракт.

— Мы сделаем столько денег, — сказал он громко. — Потрясающая работа, Сы... господин Клямс!

— Я все же останусь Сычиком, — сказал художник беспокойно. — Главное-то в Дженкинсе.

— Ну конечно, — согласился Мокриц. — В округе, должно быть, десятки Сычиков. — Он перевел взгляд на Хьюберта, который влез на стремянку и с отчаянием рассматривал трубы.

— Как там дела, Хьюберт? — спросил Мокриц. — Деньги растекаются как и прежде, все в порядке?

— Что? Ах, все хорошо. Хорошо. Хорошо, — ответил Хьюберт и чуть не перевернул стремянку, торопясь слезть. Он посмотрел на Дору Гая с выражением панической неуверенности.

— Это Дора Гая Ласска, Хьюберт, — сказал Мокриц на случай, если тот собирался удрать. — Моя невеста. Это женщина, — добавил он, видя беспокойство на его лице.

Дора Гая протянула ему руку.

— Здравствуй, Хьюберт, — сказала она.

Хьюберт уставился на нее.

— Можешь пожать ей руку, Хьюберт, — подсказал Мокриц осторожно. — Хьюберт экономист. Это как алхимик, только грязи меньше.

— Значит, ты разбираешься в том, как крутятся деньги, да, Хьюберт? — спросила Дора Гая, пожимая вялую руку.

Наконец к Хьюберту вернулся дар речи.

— Я сварил одну тысячу девяносто семь швов, — сказал он. — И выдул «закон убывающей доходности».

— Полагаю, ты такой единственный, — сказала Дора Гая.

Хьюберт просиял. Оказывается, ничего сложного!

— Мы все делаем правильно, между прочим! — сказал он.

— Я и не сомневаюсь, — ответила Дора Гая, пытаясь высвободить свою руку.

— Он может отследить каждый доллар в этом городе, представляешь? Возможности безграничны! Но, но, но, э, конечно, мы ничего не нарушаем!

— Рада слышать, Хьюберт, — сказала Дора Гая и потянула сильнее.

— Конечно, мы испытываем трудности роста! Но мы следим за всем с самым пристальным вниманием! Мы ничего не потеряли из-за того, что не закрыли клапан или что-нибудь такое!

— Как увлекательно! — Дора Гая уперлась свободной рукой в плечо Хьюберту и вырвала вторую руку из его хватки.

— Нам пора, Хьюберт, — сказал Мокриц. — А ты продолжай в том же духе. Я тобой очень горжусь.

— Правда? — удивился Хьюберт. — Господин Космо сказал, что я не в своем уме, и настаивал, чтобы тетя продала Хлюпер на лом!

— Типичное ограниченное старорежимное мышление, — сказал Мокриц. — На дворе Век Анчоуса! Будущее принадлежит таким, как ты, — тем, кто объяснит нам, как все устроено.

— Правда? — спросил Хьюберт.

— Помяни мои слова, — ответил Мокриц, решительно подталкивая Дору Гаю к выходу.

Когда они ушли, Хьюберт понюхал свою ладонь и содрогнулся.

— Они были хорошие люди, правда? — спросил он.

— Йа, гофподин.

Хьюберт посмотрел наверх, на блестящие журчащие трубки Хлюпера, послушно отражающие своим током и пульсацией круговорот денег в городе. Один-единственный удар может сотрясти мир. Чувовищная ответственность.

Игорь присоединился к нему. Они стояли в тишине, которую нарушал только плеск финансов.

— Что же мне делать, Игорь? — спросил Хьюберт.

— В давние времена у наф бываит пофловица, — поведал Игорь.

— Что?

— Пофловица. У наф говорят: «Если ты не желайт монфтра, зачем ты дергайт за рычаг».

— Ты же не думаешь, что я сошел с ума, а, Игорь?

— Много великий люди фчитайт фумафшешими, гофподин Хьюберт. Даже доктор Ханф Форворд называйт фумафшеший. Но я тебе так говорийт: мог ли фумафшеший фоздавайт революционный прифпофоблений для выемки живого мозга?

— С этим Хьюбертом все... в порядке? — спросила Дора Гая, когда они поднимались по мраморной лестнице туда, где ждал ужин.

— По меркам одержимых ученых, которые не видят солнечного света? — сказал Мокриц. — Вполне в порядке, я бы сказал.

— Но он вел себя так, как будто никогда прежде не видел женщины!

— Он просто не привык к вещам, к которым не прилагается инструкций, — ответил Мокриц.

— Хм. И почему только с мужчинами такое бывает? — спросила Дора Гая.

Работает на големов за крошечное жалованье, подумал Мокриц. Ради них закрывает глаза на вандализм и разбитые окна. Ночует в палатке под открытым небом и спорит с влиятельными людьми. Все ради големов. Но он ничего не сказал, потому что ознакомился с инструкцией.

Они поднялись на директорский этаж. Дора Гая принялась.

— Чувствуешь? — спросила она. — Бесподобно, не правда ли? От такого запаха и кролик захочет стать плотоядным!

— Баранья голова, — мрачно произнес Мокриц.

— На ней только варится бульон, — сказала Дора Гая. — И все мягкие дрожащие фрагменты предварительно вынимаются. Не переживай. У тебя просто отбивает аппетит старый анекдот, вот и все.

— Какой анекдот?

— Ой, да ладно тебе. Мальчик заходит в мясную лавку и говорит: «Мама сказала купить баранью голову, только, глаза, пожалуйста, оставьте, чтобы нам ее хватило за глаза». Понял? Тут использовано «за глаза» в значении «с лихвой» и в то же время в значении собственно глаз...

— Мне просто кажется, это несправедливо по отношению к барану, вот что.

— Любопытно, — сказала Дора Гая. — Ты ешь красивые анонимные куски животного, но считаешь несправедливым есть другие части? По-твоему, отрубленная голова думает: ну, хотя бы *меня* они не съедят? Строго говоря, чем больше от животного мы съедим, тем больше счастья принесем всему виду, потому что тогда не понадобится убивать слишком много.

Мокриц распахнул двойные двери, и снова в воздухе повисло ощущение чего-то неправильного.

Шалопая не было. Обычно он ждал в своем лотке, готовый слюняво приветствовать Мокрица. Но лоток пустовал.

К тому же комната казалась больше, потому что в ней не было Глэдис.

На полу валялся маленький голубой ошейник. Пахло готовящейся едой.

Мокриц бросился по коридору в кухню, где голем мрачно стояла у плиты, наблюдая за прыгающей крышкой на огромной кастрюле. Грязная пена стекала по кастрюле и капала на плиту.

Глэдис повернулась и заметила Мокрица.

— Я Готовлю Ужин, Господин Фон Липвиг.

Черные карапузы ужаса принялись играть в параноидальные классики в голове Мокрица.

— Пожалуйста, отложи половник и отойди от кастрюли, — сказала внезапно возникшая рядом Дора Гая.

— Я Готовлю Ужин Для Господина Фон Липвига, — ответила Глэдис с вызовом. Мокриц показалось, что вспененные пузыри сделались больше.

— Да, и похоже, он уже почти готов, — сказала Дора Гая. — И Я Хотела Бы На Него Взглянуть.

Воцарилось молчание.

— Глэдис?

Глэдис отдала ей половник и отступила назад, двигаясь легко и беззвучно, как дым, несмотря на свои полтонны глины.

Дора Гая осторожно приподняла крышку с кастрюли и опустила черпак в кипящее месиво.

Что-то царапнуло ботинок Мокрица. Он опустил глаза и увидел встревоженные и выпученные, как у золотой рыбки, глаза Шалопая.

Потом он перевел взгляд обратно на то, что всплывало из кастрюли, и понял, что с момента его последнего вдоха прошло секунд тридцать.

В кухню ворвалась Пегги.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Вот ты где, шалунишка! — воскликнула она, хватая собачку. — Представляете, вырвался и побежал к холодильной комнате!

Она огляделась и откинула волосы с лица.

— Ох, Глэдис, я же говорила снять кастрюлю с огня, когда бульон начнет густеть!

Мокриц взглянул на всплывший черпак, и в нахлынувшем облегчении дали о себе знать разнообразные неловкие наблюдения.

«Я работаю здесь меньше недели. Человек, на которого я сильно рассчитываю, сбежал в истерике. Меня вот-вот разоблачат как преступника. Это ба-ранья голова...

...и — спасибо, что позаботился об этом, Эймсбери — на ней солнечные очки».

Глава 9

Криббинс сражается с зубами —
Теологические дебаты — «Вот это, я понимаю,
развлечение» — Новая игрушка Шалопая —
Тетради сэра Джошуа — К цели напролом —
Полицейские умы — А что же золото? —
Криббинс разогревается — К сожалению, профессор
Флид возвращается — Мокриц считает подарки
судьбы — Разоблачение вервольфа —
Сплот: идет тебе на пользу — Время молитвы

— Боюсь, мне пора закрывать, преподобный, — вторгся в сны Криббинса голос госпожи Хаузер. — Мы откроемся снова завтра утром в девять часов, — добавил голос с надеждой.

Криббинс открыл глаза. Тепло и мерное тиканье часов склонили его в сладостную дрему.

Госпожа Хаузер стояла перед ним вовсе не в великолепной розовой наготе, в какой она только что предстала перед ним в сновидении, но в невзрачном коричневом плаще и некрасивой шляпе с перьями.

Окончательно проснувшись, Криббинс поспешно нащупал в кармане зубы, которым никогда не доверял свой рот на время сна. Он отвернулся в приступе нехарактерного смущения, с горем пополам

вставил их в рот, а потом с горем пополам повернул правильной стороной вверх. Они всегда давали отпор. В отчаянии он выдрал их и сильно стукнул ими об ручку кресла пару раз, чтобы сломить их сопротивление, после чего опять всадил обратно в рот.

— Шпш! — сказал Криббинс и хлопнул себя по щеке. — Спасибо тебе, госпожа, — повторил он, утирая рот платком. — Прошу за них прощения, но, клянущь, мне от них шпашу нет.

— Я не хотела тебя беспокоить, — продолжала госпожа Хаузер, когда ужас улетучился с ее лица. — Уверена, тебе нужно было выпасться.

— Я не спал, госпожа, я размышлял. — С этими словами Криббинс встал. — Размышлял о падении неправедных и вознесении богоугодных. Сказано ведь: и последние станут первыми, а первые станут последними.

— Знаешь, я всегда как-то переживала за это, — сказала госпожа Хаузер. — То есть а что же случится с теми, кто не был первым, но и совсем последним тоже не был? Ну, ты понимаешь, делал все что мог, плелся кое-как... — Она прошагала к двери походкой, которая не так уж деликатно, как ей казалось, приглашала его присоединиться.

— Действительно, загадка, Береника, — ответил Криббинс, следуя за ней. — В Священных Писаниях об этом не упоминается, но я не сомневаюсь, что... — Он нахмурился. Криббинса редко занимали вопросы религии, а конкретно этот оказался весьма хитрым. Он подошел к нему как прирожденный теолог. — Не сомневаюсь, что они будут по-прежнему плестись, но возможно, *в другом направлении*.

— Назад к последним? — спросила она с беспокойством на лице.

— Ах, госпожа, не забывай, что тогда они уже станут первыми!

— О, об этом я не подумала. Тогда все сходится, конечно, если только изначальные первые не подождут, пока последние подтянутся.

— Это было бы поистине чудом, — сказал Криббинс, глядя, как она запирает за ними дверь. Вечерний воздух казался резким и недружелюбным после тепла газетного архива, и перспектива провести очередную ночь в ночлежке на Обезьяньей улице казалась вдвойне непривлекательной. Сейчас Криббинсу нужно было свое собственное чудо, и что-то ему подсказывало, что оно вырисовывалось прямо на глазах.

— Полагаю, очень непросто тебе найти место для ночлега, — сказала госпожа Хаузер. В темноте он не мог разобрать выражение ее лица.

— О, я верю в лучшее, шестра, — сказал он. — Если Ом не приходит сам, он посылает... Аагрх! — пружина выскочила! И в такой ответственный момент! Что за наказание!

Но это еще могло сыграть ему на руку, хоть и было мучительно. Госпожа Хаузер надвигалась на него с решимостью женщины, вознамерившейся любой ценой сделать доброе дело. Но как же это было больно! Зубы укусили его за язык.

У него за спиной раздался голос:

— Прошу прощения, я не мог не обратить внимания... Ты, случайно, не господин Криббинс?

Разъяренный болью во рту, Криббинс повернулся к нему с желанием убивать, но госпожа Хаузер сказала:

— Преподобный Криббинс, между прочим. — И его кулаки разжались.

— Эшшйя, — пробормотал он.

На него смотрел бледный юноша в старомодной секретарской форме.

— Меня зовут Досихпор, — произнес он. — И если ты правда *Криббинс*, я знаю одного небедного человека, который желает с тобой встретиться. Этот день может стать для тебя счастливым.

— В шамом желе? — пробормотал Криббинс. — Ежли этого желовека жовут Кожмо, я хочу вштретиться ш ним. День может штать щчаштливым и для него. Не вежунчики ли мы!

— Признайся, ты, наверное, пережила момент ужаса, — сказал Мокриц, когда они отдыхали в гостиной с мраморными полами. Во всяком случае, Дора Гая отдыхала. Мокриц искал.

— Понятия не имею, о чем ты, — ответила она, когда Мокриц открыл сервант.

— Големы не были созданы, чтобы быть свободными. Они не знают, как справляться... с этим.

— Они научатся. И она бы не навредила собаке, — сказала Дора Гая, наблюдая, как он меряет шагами комнату.

— Но ты усомнилась. Я слышал, как ты с ней разговаривала. «Положи черпак и медленно подними руки», все в таком духе, — сказал Мокриц и открыл один ящик.

— Ты что-то ищешь?

— Ключи от банка. Здесь где-то должна быть связка.

Дора Гая присоединилась к поискам. Либо это, либо спорить о Глэдис. К тому же в апартаментах было полно комодов и ящичков, и в процессе можно было скоротать время до ужина.

— От чего *этот* ключ? — спросила она всего несколько секунд спустя. Мокриц повернулся к ней. Дора Гая держала в руках серебристый ключ на кольце.

— Нет, должно быть намного больше ключей, — сказал Мокриц. — Где ты вообще его нашла?

Она кивнула на большой стол.

— Я просто прикоснулась *здесь* сбоку, и... о, а сейчас не сработало...

У Мокрица больше минуты ушло на то, чтобы обнаружить рычажок, которым отпирался маленький ящичек. Закрывшись, он идеально маскировался в древесных прожилках.

— Это, должно быть, для чего-то важного, — сказал он, направляясь к другому столу. — Может, остальные ключи хранились в другом месте. Попробуй его на любом замке. Я здесь только ночью вообще-то. Понятия не имею, что в половине этих ящичков.

Он вернулся к бюро и продолжил копаться в его содержимом, пока не услышал за спиной щелчок и скрип. Дора Гая сказала бесцветным голосом:

— Ты говорил, что сэр Джошуа развлекался здесь с девицами?

— Вроде да. А что?

— Вот это, я понимаю, развлечение.

Мокриц обернулся. Дверца массивного серванта была открыта настежь.

— О нет, — сказал он. — Что все это такое?

— Ты, наверное, шутишь?

— Ну да, конечно. Но оно все такое... черное.

— И кожаное, — добавила Дора Гая. — И не исключено, что резиновое.

Они приблизились к представшему перед ними музею изобретательной эротики. Некоторые вещи, освобожденные из долгого плена, разворачивались, соскальзывали на пол и в отдельных случаях отскакивали от него.

— Это... — Мокриц ткнул пальцем в нечто, ото-звавшееся звонким *пинг!* — ...точно, резиновое. Вне всяких сомнений.

— А тут все с рюшечками, — сказала Дора Гая. — У него, наверное, кончились идеи.

— Или идеи кончились в природе. Ему вроде было восемьдесят, — сказал Мокриц в тот момент, когда сейсмический сдвиг вынудил очередные нагромождения расползтись и посыпаться вниз.

— Какой молодец, — сказала Дора Гая. — Смотри, здесь еще пара книжных полок, — продолжала она, вглядываясь в темноту в глубине шкафа. — Вот тут, сразу за этим любопытным седлом и плетками. Надо думать, чтение на ночь.

— Не уверен, — сказал Мокриц, сняв с полки обитый кожей томик и открыв его наугад. — Гляди, это же дневник старика. Целые годы дневников. Боги мои, *десятилетия!*

— Давай опубликуем и заработаем состояние, — предложила Дора Гая и ткнула ногой в грудку барахла. — В обложках без рисунков, конечно же.

— Нет, ты не понимаешь. Здесь может быть написано про господина Бента! Какая-то его тайна... — Мокриц провел пальцем по корешкам. — Посмотрим, ему сорок семь, он появился в банке, когда ему было тринадцать, а несколько месяцев спустя кто-то пришел его искать. Старому Шикю они не понравились... Ага! — Он снял с полки пару томи-

ков. — Вот что может нам помочь, они примерно той поры...

— Что это за штуки и почему они звенят? — спросила Дора Гая и показала ему странного вида приспособления.

— Откуда мне знать?

— Ты же мужчина.

— Ну да. И что с того? Я-то этим не увлекаюсь.

— Знаешь, а мне кажется, это что-то вроде хрена, — задумчиво проговорила Дора Гая.

— Прости?

— Ну... то есть хрен хорошо идет к сэндвичу с говядиной, и ты берешь немножко из банки. Но в какой-то момент одной ложки уже...

— Не хватает, — подхватил Мокриц замороженно.

— ...И ты берешь две ложки, две перерастают в три, в конце концов хрена становится больше, чем мяса, и в один прекрасный день ты понимаешь, что мясо выпало, а ты даже не заметил.

— Сомневаюсь, что это подходящая метафора, потому что видел я, как ты делаешь сэндвичи с хреном, — сказал Мокриц.

— Допустим, но она все равно хорошая, — сказала Дора Гая. Она нагнулась и подобрала что-то с пола. — Вот твои ключи. Если повезет, мы никогда не узнаем, как они здесь оказались.

Мокриц взял связку. Она была тяжелая — на ней висели ключи самых разных размеров.

— И что нам делать со всем этим добром? — спросила Дора Гая и снова пнула вещи. Груда заколыхалась, и в глубине что-то пискнуло.

— Сложим обратно в сервант? — предложил Мокриц неуверенно. Куча безжизненного

барахла имела угрюмый инопланетный вид, ну или напоминала морское чудище, которое бесцеремонно вытащили на свет из мрака родной пучины.

— Не думаю, что мне это под силу, — сказала Дора Гая. — Давай просто оставим дверь открытой, и пусть оно само заползет обратно. Эй! — Последнее было обращено к Шалопая, который бойко улепетывал из комнаты, зажав что-то в зубах.

— Скажи мне, что это была обычная резиновая косточка, — попросила она. — Пожалуйста.

— Не-а. — Мокриц покачал головой. — Это описание было бы в корне неверным. Я думаю, это было... был... короче, это не резиновая косточка.

— Но подумай, — сказал Хьюберт, — разве мы бы не знали, если бы золото было украдено? Люди не молчат о таких вещах! Я почти уверен, что у нас брак в перекрестном многоклапаннике, вот здесь. — Он постучал по тонкой стеклянной трубке.

— Фомневаюфь, что Хлюпер ошибайтфя, гофподин, — ответил Игорь хмуро.

— Игорь, ты ведь понимаешь, что если Хлюпер не ошибается, то мне придется поверить, что в нашем хранилище не осталось золота?

— Уверен, Хлюпер не допуфкайл ошибки, гофподин. — Игорь вынул из кармана доллар и подошел к колодцу. — Будь добр, гофподин, профледи за фтолбиком утраченных фредфत्व, — попросил он и бросил монету в темные воды. Она сверкнула в последний раз и утонула в стоячих водах, миновав карманы Человечества.

В одном из углов изогнутой стеклянной трубчатой системы Хлюпера поднялся вверх маленький синий пузырек. Болтаясь из стороны в сторону на пути вверх, он вырвался на поверхность с тихим «хлюп!».

— Ох, мамочки, — сказал Хьюберт.

Неписанный закон комического жанра гласит, что когда два человека обедают за столом, рассчитанным на двадцать персон, они садятся на противоположных его концах. Мокриц и Дора Гая не стали пробовать — они просто сели друг рядом с другом. Глэдис встала в дальнем конце, с салфеткой, перекинутой через руку, обиженно сверкая глазами.

Бараний череп ничуть не помог Мокрицу в его нынешнем состоянии. Пегги расположила блюдо в центре стола и расставила вокруг цветы, но модные солнечные очки действовали ему на нервы.

— Хороший ли у големов слух? — спросил он.

— Отменный, — ответила Дора Гая. — Не волнуйся, у меня есть план.

— Прекрасно.

— Нет, правда. Завтра мы идем с ней на прогулку.

— А нельзя просто... — Мокриц замешкался и беззвучно произнес: — Поменять слова у нее в голове?

— Она свободный голем! — возразила Дора Гая. — Как бы тебе такое понравилось?

Мокриц вспомнил Сычика и репку.

— Не очень, — признал он.

— Сознание свободных големов нужно менять силой убеждения. Думаю, я справлюсь.

— Завтра ведь должны прибыть твои золотые големы?

— Надеюсь.

— Насыщенный будет день. Я запускаю бумажные деньги в оборот, а ты будешь водить золото по улицам.

— Мы не могли оставить их под землей. И вообще, они могут оказаться не золотыми. С утра схожу к профессору Флиду.

— *Мы* ходим к нему. Вместе!

Она похлопала Мокрица по руке.

— Не бойся. Бывают вещи и похуже золотых големов.

— Что-то ничего не приходит в голову, — сказал Мокриц — и пожалел об этом впоследствии. — Я хочу отвлечь людей от мыслей о золоте...

Он умолк и посмотрел на барана, который уставился на него в ответ невозмутимо и загадочно. Мокрицу почему-то показалось, что барану не хватает саксофона и черного берета.

— Они же искали его в хранилище? — подумал он вслух.

— Чтобы проверить? — не поняла Дора Гая.

— Он должен был отправиться туда. Единственное, на что всегда можно положиться, так? Основа всего, что имеет ценность?

— Кто — он?

— Господин Бент в банковском хранилище! — воскликнул Мокриц и вскочил так быстро, что опрокинул стул. — У него есть все ключи!

— Что? Это тот тип, который слетел с катушек после того, как ошибся?

— Он самый. У него *Прошрое*.

— С большой буквы П?

— Именно! Пойдем, надо спуститься в хранилище!

— Я думала, у нас будет романтический ужин?

— И он будет! Как только мы его оттуда достанем!

Единственным звуком в хранилище был стук каблука Доры Гаи. Это очень раздражало Мокрица, который рассказывал взад-вперед перед дверью хранилища в свете серебряных подсвечников, прежде украшавших обеденный стол.

— Я надеюсь, Эймсбери не даст бульону остыть, — сказала Дора Гая.

Топ-топ-топ-топ.

— Во-первых, — сказал Мокриц, — чтобы открыть такой сейф, нужно носить прозвище Ловкие Пальцы, а во-вторых, моих отмычек тут явно недостаточно.

— Тогда пойдем и найдем этого Ловкие Пальцы. У него наверняка будут подходящие.

Топ-топ-топ-топ.

— И это нам не поможет, потому что, в-третьих, такого человека скорее всего не существует, и в-четвертых, хранилище закрыто изнутри. И мне кажется, он оставил ключ в замке, поэтому мои отмычки и не работают!

— Ясно. Тогда мы можем вернуться в апартаменты?

Топ-топ топ-топ.

Он снова заглянул в маленький глазок на двери. Изнутри тот был задвинут тяжелой дощечкой, и Мокриц видел только отблески света, просачивающиеся по краям. Там горела лампа. Чего там не

было, насколько он мог судить, так это вентиляции. Похоже, хранилище построили до того, как концепция дыхания набрала популярность. Эту рукотворную пещеру предназначили для хранения того, что никогда не предполагалось изымать. Золоту не страшно удушье.

— Вряд ли у нас есть выбор, — сказал Мокриц. — Потому что, в-шестых, у него заканчивается воздух. Может быть, он уже умер!

— Если он мертв, пусть подождет до завтра? Здесь ужасно холодно.

Топ-топ топ-топ.

Он поднял глаза к потолку. Тот состоял из древних дубовых перекладин, перетянутых железными ободами. Мокриц знал, что представляет собой старый дуб. Древесина могла быть хуже стали. Она тупила топоры и отбивала молотки обратно в лица их хозяев.

— А охрана не может помочь? — предложила Дора Гая.

— Не думаю. К тому же не хотелось бы поощрять взлом банковского хранилища.

— Но в охране же служит Городская Стража.

— И что? Когда ты рвешь когти с таким количеством золота, сколько можно унести, о прежнем месте службы думаешь в последнюю очередь. Я преступник. Можешь мне поверить.

Он направился назад к лестнице, что-то считая про себя.

— А *теперь* ты что делаешь?

— Определяю, какая часть банка находится прямо над золотом, — сказал Мокриц. — Хотя знаешь что? Я, кажется, и так знаю. Хранилище будет прямо под его столом.

...Лампа почти догорела, и маслянистый дым клубился и оседал на мешки, где, свернувшись калачиком, лежал господин Бент.

Сверху слышались звуки и голоса, отделенные от него древним потолком. Один голос сказал:

— Я не могу его сдвинуть. Ладно, Глэдис, принимайся за работу.

— Такое Поведение Разве Достойно Леди? — прогромыхал второй голос.

— Конечно. Это считается перестановкой мебели, — произнес третий, явно женский, голос.

— Очень Хорошо. Я Подниму Стол И Протру Под Ним Пыль.

Последовал треск дерева, царапающего дерево, и немного пыли просыпалось на нагромождение слитков.

— Как Тут Пыльно. Я Принесу Метлу.

— Вообще-то, Глэдис, сейчас я бы попросил тебя поднять пол, — сказал первый голос.

— Там Тоже Пыльно?

— Не сомневаюсь.

— Очень Хорошо.

Раздалось несколько ударов, от которых заскрипели балки, и следом раздался голос:

— В Книге Леди Ваггон По Домоводству Ничего Не Сказано Про Уборку Под Полом.

— Глэдис, там, может быть, человек умирает.

— Понимаю. Тогда Придется Прибраться, — слышался удар, сотрясший перекрытия. — Леди Ваггон Пишет, Что От Трупов, Найденных По Окончании Праздничной Вечеринки, Следует Незаметно Избавиться Во Избежание Скандала.

Еще три удара, и балка переломилась.

— Леди Ваггон Пишет, Что Стражники Невежи И Не Вытирают Грязные Сапоги.

Хрустнула очередная перекладина. Сверху прорезался свет. Показалась рука размером с лопату, ухватилась за железную стяжку и переломила его...

Мокриц заглянул в темное помещение, и его обволокло дымом.

— Он здесь, внизу! О боги, какая же вонь!

Дора Гая заглянула ему через плечо.

— Он живой?

— Я уж надеюсь. — Мокриц пролез между балками и прыгнул на ящики со слитками.

Несколько мгновений спустя он крикнул:

— Пульс есть. И ключ в замке. Ты не могла бы спуститься и помочь мне?

— Эй, у нас гости, — крикнула в ответ Дора Гая.

Против света теперь были видны два силуэта в шлемах. Проклятье! Нанимать в охрану стражников было, конечно, умно, но они имели обыкновение всюду носить с собой свои значки и принадлежали к числу людей, которые делают скоропалительные выводы только на том основании, что они застукали человека в руинах банковского хранилища после закрытия. Слова «Я все могу объяснить» так и просились на язык, но Мокриц вовремя его прикусил. В конце концов, это был его банк.

— А вы что здесь делаете? — спросил он требовательно.

Это оказалось достаточно неожиданно, чтобы сбить охранников с толку, но один из них оправился.

— Это же банковское хранилище, господин? — спросил он.

— Я заместитель председателя, кретин! Тут человеку плохо!

— Он упал, когда ты вламывался в хранилище?

О боги, прирожденного легавого так просто с толку не сбить. Они все равно будут задавать вопросы этим спокойным, гнетуще спокойным голосом. Когда ты полицейский, все вокруг — преступление.

— Офицер... ты ведь из Стражи?

— Констебль Пикша, господин.

— Хорошо, констебль, мы можем вынести моего коллегу на свежий воздух? Он задыхается. Я отопру вам дверь.

Пикша кивнул второму стражнику, и тот побежал к лестнице.

— Если у тебя был ключ, господин, зачем ты вломился в хранилище?

— Чтобы его вытащить, конечно же!

— Тогда как...

— Этому есть разумное объяснение, — сказал Мокриц. — Я выберусь отсюда, и мы еще вместе над этим посмеемся.

— Жду с нетерпением, господин, — сказал Пикша. — Очень люблю посмеяться.

Разговаривать со Стражей — все равно что танцевать чечетку на оползне. Если ты умеешь это делать, то можно удержаться на ногах, но никак нельзя изменить направление или затормозить, а в итоге тебя все равно завалит.

Это был уже не констебль Пикша. Констебль Пикша сменился в тот момент, когда нашел в карманах распорядителя Королевского монетного двора бархатный сверток с отмычками и кистень. Тогда появился сержант Детрит.

Мокриц знал, что отмычки теоретически не были чем-то противозаконным. Можно было спокойно владеть отмычками. Но владеть отмычками, находясь при этом в чужом доме, было нежелательно. А владеть отмычками, стоя в полуразрушенном банковском хранилище, ускокало так далеко от «можно», что вплотную приблизилось к искривлению вселенной.

Поначалу дела у Детрита шли неплохо. Однако сержант начал терять нить происходящего, получив доказательства, что у Мокрица были все законные основания иметь при себе ключи от хранилища, в которое он вломился. Это показалось троллю преступным актом само по себе, и он даже прикинул, не впаять ли Мокрицу обвинение в «трате времени Стражи посредством взлома и проникновения без всякой на то необходимости»¹. Инстинктивная потребность в отмычках была ему непонятна. У троллей не было названия для грубой силы, примерно так же, как у луж не было названия для воды. К тому же он никак не мог понять образ мыслей и поступки почти покойного господина Бента. У троллей не едет крыша, у них сносит башню. Так что он опустил руки, и тогда появился капитан Моркоу.

С ним Мокриц был знаком давно. Это был крупный малый, от которого пахло мылом и чье лицо было воплощением голубоглазой невинности. Мокриц не мог ничего разглядеть за этим дружелюбным лицом, ровным счетом ничего. Он хорошо умел читать

---

¹ «Трата времени Стражи» — правонарушение, совершаемое лицами, которые нашли способ потратить вышеуказанное время, прежде не изобретенный самой Стражей.

людей, но капитан Моркоу был закрытой книгой в запертом на ключ шкафу. И он всегда говорил учтиво в очень назойливой полицейской манере.

— Добрый вечер, — сказал он вежливо, усаживаясь напротив Мокрица в небольшом кабинете, который внезапно превратился в комнату для допросов. — Для начала хотелось бы расспросить тебя о трех людях в подвале. И о большой стеклянной... штуке?

— Это господин Хьюберт Трямм и его ассистенты, — ответил Мокриц. — Они изучают экономическую систему города. *Тут* они ни при чем. Если так подумать, я тут тоже ни при чем! И вообще, нет здесь никакого *тут*! Я уже все объяснил сержанту.

— Сержант Детрит считает тебя слишком умным, господин фон Липвиг, — сказал капитан Моркоу и открыл блокнот.

— Ну да, не удивлюсь, если он о большинстве людей того же мнения.

Ни один мускул не дрогнул на лице Моркоу.

— Ты можешь объяснить мне, почему внизу голем в женском платье велит моим людям вытереть грязные ботинки? — спросил он.

— Без риска показаться сумасшедшим — нет, не могу. А какое это имеет отношение к делу?

— Не знаю, господин. Но надеюсь в этом разобраться. Кто такая леди Дейрдре Ваггон?

— Она пишет старомодные книжки по этикету и домоводству для юных барышень, мечтающих стать такими женщинами, у которых есть время заниматься флористикой. Это действительно важно?

— Не знаю, господин. Я прилагаю все усилия, чтобы разобраться в ситуации. Можешь объяснить мне, почему комнатная собака носится по зданию,

имея при себе то, что мы назовем заводным механическим прибором интимного свойства?

— Наверное, потому, что я схожу с ума, — ответил Мокриц. — Единственное, что сейчас важно, — это то, что господин Бент немного... перенервничал и заперся в банковском хранилище. Нужно было немедленно его оттуда вытаскивать.

— Ах да, хранилище, — сказал капитан. — Поговорим о золоте?

— А с золотом-то что?

— Я надеялся, это ты нам объяснишь. Ты вроде собирался продавать его гномам?

— Чего? Ну да, но я говорил это только для того, чтобы отстоять свою позицию...

— Позицию, — хмуро повторил капитан Моркоу и записал это.

— Я ведь знаю, как делаются такие дела, — сказал Мокриц. — Ты будешь мне зубы заговаривать в надежде, что я вдруг забуду, где нахожусь, и скажу какую-нибудь глупость, которая изобличит мою вину, я прав?

— Спасибо, господин, — сказал капитан Моркоу и перевернул страницу в блокноте.

— За что спасибо?

— За то, что признался, что знаешь, как делаются такие дела.

«Видишь? — сказал Мокриц сам себе. — Вот что бывает, стоит чуть-чуть расслабиться. Ты теряешь хватку. Даже легавый может тебя перехитрить».

Капитан оторвался от блокнота.

— Частично, господин фон Липвиг, твои слова были подтверждены беспристрастным свидетелем, который никак не мог быть соучастником в деле.

— Вы говорили с Глэдис? — спросил Мокриц.

— Глэдис — это?..

— Та, кто лезет к вам с грязными сапогами.

— Как голем может быть «ею», господин?

— О, это я знаю. Правильный ответ: а как голем может быть «им»?

— Интересно подмечено. Теперь понятно с платьем. Чисто из праздного любопытства, по-твоему, какой вес может унести один голем?

— Не знаю. Думаю, пару тонн. К чему это ты клонишь?

— Не знаю, господин, — бодро ответил Моркоу. — Командор Ваймс говорит, что, когда жизнь подсовывает тебе тарелку спагетти, тяни за них, пока не найдешь тефтели. Вообще, насколько он мог оценить происходящее, твоя версия событий сходится с показаниями Шалопая.

— Вы допросили *собаку*?

— Он вообще-то председатель банка, господин фон Липвиг, — заметил капитан.

— Как вы поняли, что... ах, это ваш вервольф, верно? — Мокриц расплылся в улыбке.

— Мы ничего не подтверждаем.

— Если что, все и так знают, что это Шнобби Шноббс.

— Неужели, господин? Ох боги. В общем, твои сегодняшние действия не оспариваются.

— Отлично. Спасибо. — Мокриц собрался вставать.

— Чего нельзя сказать о твоих действиях ранее на неделе.

Мокриц снова сел.

— И? Мне же не нужно отчитываться за них, верно?

— Это могло бы помочь нам.

— Каким образом?

— Это могло бы помочь нам понять, почему в хранилище нет золота, господин. Незначительная деталь в общей картине вещей, но она как-то озадачивает.

В этот момент, совсем неподалеку, залаял Шалопай...

Космо Шик сидел за столом, сцепив пальцы рук перед собой, и смотрел, как Криббинс ест. Редкий человек при наличии выбора делал это дольше тридцати секунд.

— Нравится суп? — спросил Космо.

Криббинс после продолжительного финального хлебка отставил тарелку.

— Первоклассный, ваша светлость. — Он вынул из кармана серую тряпку и...

«Он собирается вынуть свою челюсть, прямо сейчас, прямо здесь, за столом, — подумал Космо. — Удивительно. И да, там застряли кусочки моркови...»

— Не стесняйся, поправляй свои зубы, — сказал он, когда Криббинс достал из кармана гнутую вилку.

— От них совсем шпашу нет, шэр, — произнес Криббинс. — Клянущь, они меня в гроб вгонят. — Пружины звенели, пока он сражался с ними вилкой. Потом, видимо удовлетворившись, он всунул челюсть обратно между серых десен и, чавкнув, посадил ее на место. — Так-то лучше, — объявил он.

— Хорошо, — сказал Космо. — А теперь, ввиду характера заявлений, которые Стукпостук внимательно записал с твоих слов, а ты подписал, позволь задать тебе один вопрос. Почему ты не отправился с этим к лорду Витинари?

— Встречал я людей, которые увиливали от петли, шэр, — ответил Криббинс. — Тут большого ума не надо, если есть золотишко. Чего я не встречал, так это чтобы на следующий день человек отхватил себе такое теплое местечко. Еще и на государственной должности. А тут он вдруг банкир, ни много ни мало. Кто-то ему покровительствует, и чтоб мне пушто было, если это крестная фея. Глупо ш моей стороны было бы идти к Витинари, а? Но он управляет твоим банком, а ты — нет, а это нехорошо. Так что я к твоим услугам, гошподин.

— Наверняка не за бесплатно.

— Пожалуй, да, от небольшого материального вознаграждения я бы не отказался.

— И ты уверен, что фон Липвиг и Стеклярс — одно и то же лицо?

— Это все его улыбка, гошподин. Ее никогда не забудешь. И есть у него дар людям зубы заговаривать, он их прямо заставляет все делать по-егойному. Он ведь как волшебник, гаденыш неблагодарный.

Космо уставился на него, а потом сказал:

— Дай преподобному пятьдесят долларов, Стук... Досихпор, и подскажи ему хорошую гостиницу. Такую, где найдется горячая ванна.

— *Пятьдесят долларов?* — прорычал Криббинс.

— А потом используем по назначению наш небольшой трофей, понятно?

— Да, сэр. Разумеется.

Космо подвинул к себе листок бумаги, окунул ручку в чернильницу и принялся что-то строчить.

— Пятьдесят долларов? — повторил Криббинс, возмущенный столь малой платой за грех.

Космо оторвался от бумаги и посмотрел на него, словно видел в первый раз и не особо радовался знакомству.

— Хм, да. Пока пятьдесят долларов, преподобный, — успокоил он Криббинса. — А с утра, если память твоя будет так же свежа, мы вместе заглянем в безбедное и праведное будущее. Не позволяй мне себя задерживать.

Он продолжил писать.

Досихпор схватил Криббинса за руку и насильно вытолкнул его из кабинета. Он видел, что писал Космо.

**Витинари Витинари Витинари Витинари Ви-
тинари Витинари Витинари Витинари Витинари
Витинари Витинари Витинари Витинари Витинари
Витинари Витинари Витинари Витинари Витина-
ри Витинари Витинари Витинари Витинари Вити-
нари...**

Пора пускать в дело трость, решил он. Прийти, отдать, забрать деньги и бежать...

На кафедре Посмертных Коммуникаций было тихо. И в лучшие-то времена шумно там никогда не бывало, но зато, когда весь университет замирал, можно было услышать тонюсенькие комариные голосочки, просачивающиеся с Той Стороны.

Беда в том, думал Икс, что слишком многие его предшественники никогда не мыслили жизни вне стен кафедры, где навыки общения не играли большой роли, и даже после смерти они не умели жить нормальной жизнью. Вот они и слонялись по кафедре, не желая покидать насиженное место. Иногда,

когда они были в настроении, а «Труппа Сестер Долли» выпускала новую постановку, Икс выпускал их рисовать декорации.

Он вздохнул. В этом и заключалась проблема работы на кафедре — здесь никогда было не стать по-настоящему главным. На нормальных работах люди выходили на пенсию, изредка заглядывали на прежнее место, пока их там еще кто-то помнил, а потом растворялись в вечно пухнущем прошлом. Но отсюда бывшие сотрудники никогда не уходили окончательно...

Как говорится, «старые некроманты не умирают». Когда он вспоминал эту присказку на людях, его спрашивали: «... и?» И Икс отвечал: «И все, увы. Просто старые некроманты не умирают».

Он как раз собирался отходить ко сну, когда из темного угла раздался голос Чарли:

— Кто-то проходит с Той Стороны. Ну, как сказать, *кто-то*...

Икс обернулся. Волшебный круг светился, и из-под твердого пола уже показалась перламутровая остроконечная шляпа.

— Профессор Флид? — спросил Икс.

— Да, молодой человек, и нам нужно спешить, — сказала тень Флида, продолжая подниматься.

— Но я изгнал тебя! Я применил Девятикратное Стирание! Оно все изгоняет!

— Я сам его написал, — сказал Флид самодовольно. — Ох, не волнуйся так, я единственный, на ком оно не работает. Каким бы дураком я был, если бы написал заклинание, которое сработало бы на мне самом, а?

Икс ткнул в него дрожащим пальцем.

— Ты оставил скрытый портал, да?

— Ну конечно. Еще какой. Не бойся, кроме меня, никто не знает, где он. — Теперь весь Флид висел в воздухе над кругом. — И не вздумай его искать. Человек твоих ограниченных способностей никогда не найдет скрытые руны.

Флид оглядел комнату.

— А где эта замечательная барышня? — спросил он с надеждой. — Ну, ничего страшного. Ты должен вытащить меня отсюда, Икс. Я хочу посмотреть на веселье!

— Веселье? Какое веселье? — спросил Икс, который планировал очень и очень тщательно разобрать Девятикратное Стирание.

— Я знаю, что за големы к нам идут!

В детстве Мокриц каждый вечер молился перед сном. Члены его семьи были активными членами Простой Картофельной церкви, которая отвергала излишества Античной и Ортодоксальной Картофельной церквей. Ее последователи были пенсионерами, трудолюбивыми и изобретательными, а их строгая приверженность масляным лампам и самодельной мебели выделяла их во всем регионе, где большая часть людей использовала свечи и спала на овцах.

Мокриц терпеть не мог молиться. Ему казалось, будто каждый раз открывается большая черная дыра в космос и в любой момент *что-то* высунется оттуда и схватит его. Это могло быть вызвано тем, что текст стандартной вечерней молитвы содержал строчку «Если я умру и не проснусь», что в тяжёлые ночи вызывало у него желание бороться со сном до самого утра.

Кроме того, Мокриц был научен использовать время перед сном для подсчета подарков судьбы.

Сейчас, лежа в погрузившемся во тьму банке, в холоде и ощущении одиночества, он попытался найти их.

У него были здоровые зубы, и он не страдал от преждевременного облысения. Вот! Совсем несложно, правда ведь?

И Стража его даже не арестовала. Ну, в принципе. Правда, теперь хранилище, перегороженное зловещей черно-желто-полосатой веревкой, охранял тролль.

В хранилище не было золота. Нет, не совсем так. Было по меньшей мере фунтов пять золота, покрывающего свинцовые болванки. Кто-то провел впечатляющую работу. Это ведь светлое пятно, правда? Хотя *какое-то* золото все же было. Никто же не скажет, что золота не было *совсем*, верно?

Он был один, потому что Дора Гая проводила ночь в камере за нападение на офицера Стражи. Мокриц считал, что это было несправедливо. Понятно, что в зависимости от того, как прошел день стражника, нет такого действия — кроме физического пребывания в другом месте, — которое не может быть истолковано как нападение, но Дора Гая вовсе не *напала* на сержанта Детрита, она просто попыталась проткнуть его огромную ступню шпилькой, что закончилось сломанным каблуком и вывихом лодыжки. Капитан Моркоу заверил, что это будет принято к сведению.

Городские часы пробили четыре, и Мокриц задумался о будущем, в частности о его продолжительности.

Зайдем с другой стороны. Его просто могут повесить.

Нужно было спуститься в хранилище в первый же день, прихватив с собой алхимика и законника. Когда оно вообще проверялось в последний раз? И кем? Компанией веселых славных ребят, которые бросят беглый взгляд на хранилище других славных ребят и наскоро подпишут все бумажки, чтобы не пропустить обед? Кто же не поверит славным ребятам на слово? Особенно когда не хочется, чтобы ребята усомнились в твоём.

Может, покойный сэра Джошуа все спустил на женщин и экзотические кожаные товары. Сколько ночей в объятиях прекрасной женщины принес ему мешок золота? Хорошая женщина, согласно пословице, ценнее рубина, значит, женщина плохая и опытная наверняка в разы дороже.

Мокриц сел, зажег свечу, и ему на глаза попался дневник сэра Джошуа, оставленный на прикроватной тумбочке.

Тридцать девять лет назад... Да, тот самый год, и поскольку в настоящий момент ему все равно нечем было заняться...

Удача, которая весь день утекала сквозь пальцы, вернулась к нему. Даже не зная точно, что он ищет, на шестой, случайно открытой странице Мокриц нашёл это.

Сегодня в банк пришли двое людей странного вида, спрашивали про мальчишку Бента. Я велел подчиненным отправить их восвояси. Его самочувствие уже улучшается. Остается только гадать, чего он натерпелся...

...Значительная часть дневника велась каким-то шифром, но природа скрытых символов намекала на то, что сэр Джошуа досконально фиксировал все свои любовные похождения. Можно было восхищаться хотя бы его прямоотой. Он выяснил, чего хочет от жизни, и делал все, чтобы взять этого как можно больше. Мокрицу оставалось только снять перед ним шляпу.

А чего хотел он? Мокриц никогда не задумывался об этом всерьез. По большей части он хотел, чтобы завтрашний день не был похож на сегодняшний.

Он взглянул на часы. Четыре пятнадцать, и никого вокруг, кроме охраны. У главного входа стояли стражники. Он не был под арестом, но это было одно из таких тихих и мирных соглашений: его не арестовали с тем условием, что он не станет вести себя как человек, которого не арестовали.

Ах, подумал Мокриц, натягивая брюки, вот и еще одна маленькая радость: он присутствовал при том, как Шалопай сделал предложение вервольфу...

...который к тому моменту взгромоздился на огромную расписную вазу, из тех, что торчали, как поганки, в банковских коридорах. Ваза шаталась. Капрал Шноббс покатывался со смеху при виде...

...Шалопая, который подскакивал с энтузиазмом, полным очаровательного оптимизма. В пасти он держал свою новую игрушку, которая загадочным образом оказалась заведена, и милосердная судьба распорядилась так, что на пике каждого прыжка вибрация игрушки вынуждала мелкую собачку совершать в воздухе медленное сальто.

Тогда Мокриц понял: «Вервольф женщина и носит значок Стражи на ошейнике, и я уже видел такой цвет волос. Ха!»

Но он сразу переключился на Шалопая, который прыгал и вертелся с выражением полного блаженства на морде...

...а потом капитан Моркоу перехватил собаку в воздухе, вервольф сбежал, и представление закончилось. Но Мокриц всегда будет хранить это воспоминание. В следующий раз, проходя мимо сержанта Ангвы, он обязательно зарычит себе под нос, хотя это скорее всего будет расценено как нападение.

Одевшись, он отправился на прогулку по бесконечным коридорам.

В эту ночь Стража расставила по банку много новых охранников. Капитан Моркоу был умен, этого у него было не отнять. Охранять поставили троллей. А троллей очень непросто склонить на свою сторону.

Он чувствовал, что они следят за каждым его шагом. У двери в подвал никого не было, но Мокриц поник духом, когда приблизился к луже ослепительного света вокруг Хлюпера и увидел стражника у двери, перекрывающей путь к свободе.

Сычик лежал на матраце и храпел, не выпуская из рук кисточки. Мокриц завидовал ему.

Хьюберт и Игорь корпели над путаницей стеклянных трубок, которых, Мокриц готов был поклясться, становилось все больше и больше с каждым его визитом.

— Что-то не так?

— Не так? Ничего! Все так, — сказал Хьюберт. — Все замечательно! А что, что-то не так?

С чего ты взял, что что-то не так? Почему ты решил, что что-то не так?

Мокриц зевнул.

— Кофе? Чай? — спросил он.

— Фпециально для тебя, гофподин фон Липвиг, я заваривайт фплот, — сказал Игорь.

— Сплот? *Настоящий* сплот?

— Йа, гофподин, — сказал Игорь самодовольно.

— Его здесь не достать!

— Я в курфе, гофподин. На фегодняший день он и на родине почти везде запрещен, — сказал Игорь, копошась в мешке.

— Запрещен? Как? Это же просто травяной отвар! Моя бабушка постоянно его заваривала!

— Он дейфствительно бывайт традиционный напиток, — согласился Игорь. — Мгновенно пробуждают и возбуждают.

— Да, она тоже на это жаловалась.

— Это алкогольный напиток? — спросил Хьюберт встревоженно.

— Вовсе нет, — ответил Мокриц. — Моя бабушка не притрагивалась к алкоголю. — Он задумался на мгновение и добавил: — Кроме разве что лосьона после бритья. Сплот делается из древесной коры.

— Да? Хм, звучит неплохо, — сказал Хьюберт.

Игорь удалился в свои джунгли стеклянных трубок. Зазвякала посуда. Мокриц присел на захлавленную скамью.

— Что нового в твоём мире, Хьюберт? — спросил он. — Вода течет, все как положено?

— Все в порядке! В порядке все! В порядке! Ничего не происходит! — Хьюберт замер, достал свой блокнот, заглянул в него и спрятал обратно. — Как поживаешь?

— Я-то? Лучше всех. Вот разве что в хранилище должно быть десять тонн золота, а их там нет.

Со стороны Игоря послышалось что-то похожее на звук разбитого стекла, а Хьюберт уставился на Мокрица в ужасе.

— Ха? Ха-ха-ха-ха? — сказал он. — Ха-ха-ха-ха а-ХА-ХА-ХА!! ХА-ХА-ХА!! ХА-ХА...

Игорь, промелькнув у него перед глазами, подскочил к столу и схватил Хьюберта.

— Извиняйт, гофподин фон Липвиг, — бросил он через плечо, — но это может продолжайтфя ча-фами...

Он дал Хьюберту две пощечины и достал из кармана банку.

— Гофподин Хьюберт? Фколько пальцев я показывайт?

Хьюберт медленно сосредоточился.

— Тринадцать? — спросил он дрожащим голосом.

Игорь выдохнул и спрятал банку в карман.

— Фамое время! Отличный результат, гофподин!

— Мне так жаль... — начал Хьюберт.

— Не о чем беспокоиться. Я и сам себя примерно так же чувствую, — ответил Мокриц.

— Ну и... это золото... есть какие-нибудь мысли о том, куда оно делось?

— Нет, но наверняка сработал кто-то из своих, — сказал Мокриц. — И сейчас, похоже, Стража хочет повесить все на меня.

— Это значит, что ты больше не будешь здесь главным? — спросил Хьюберт.

— Вряд ли мне разрешат управлять банком из-за решеток Тантис.

— Ох, мамочки, — сказал Хьюберт и покосился

на Игоря. — Гм... а что случится, если вернуть золото обратно?

Игорь громко закашлялся.

— Думаю, это маловероятно, согласишься, — сказал Мокриц.

— Да, но Игорь мне рассказывал, что, когда в прошлом году сгорел Почтамт, сами боги послали тебе деньги на его ремонт!

— Кхм-кхм, — сказал Игорь.

— Сомневаюсь, что это пройдет во второй раз, — произнес Мокриц. — Не думаю, что есть бог банковского дела.

— Какой-нибудь бог может взяться за это ради рекламы, — воскликнул Хьюберт в отчаянии. — Может, стоит помолиться?

— Кхрм-кхрм! — сказал Игорь уже громче.

Мокриц перевел взгляд с одного на второго. «Ясно, — подумал он, — что-то здесь нечисто, и мне не собираются рассказывать что».

Помолиться, чтобы боги послали большую кучу золота? Когда такое срабатывало? «То есть это сработало в прошлом году, да, но только потому, что я уже знал, где закопана большая куча золота. Боги помогают тем, кто сам не плошает, а я уж точно не оплошал».

— Думаешь, стоит помолиться? — спросил Мокриц.

Перед ним поставили маленькую дымящуюся чашку.

— Твой фплот, — сказал Игорь. Слова «Пожалуйста, пей и проваливай» сопровождали его во всех отношениях, кроме вербального.

— А *ты* как думаешь, Игорь, стоит мне помолиться? — спросил Мокриц, наблюдая за его лицом.

— Не могу знать. Игори полагайт молитву не более чем надеждой в стихотворной форме.

Мокриц наклонился к нему и прошептал:

— Игорь, как земляк земляку тебе говорю, ты только что перестал шепелявить.

Игорь нахмурился.

— Извиняй, гофподин, голова не тем занимайт, — ответил он и закатил глаза, указывая на беспокойного Хьюберта.

— Виноват, я вас отвлекаю, честной народ, — сказал Мокриц и залпом осушил чашку. — Еще немного и врвдвдлзжмнммивахжомомаждддомьблжммимдф итчпспитью...

Ах да, подумал Мокриц. Сплот. Содержит травы и только натуральные ингредиенты. Но и белладонна — трава, а мышьяк — натурального происхождения. Говорили, что плот не содержал алкоголя, потому что алкоголь бы этого не выдержал. Но чашечка горячего сплота поднимала людей на ноги и вела на работу, когда за окном выпадало шесть футов снега и колодец промерзал насквозь. Он прочищал голову и подгонял мысли. Жаль только, что человеческий язык не поспевал за ними.

Мокриц проморгался.

— Гпрч...

Он попрощался со всеми, хотя это и прозвучало как «птнкчы», и двинулся на выход из подвала. Свет Хлюпера подталкивал вперед его тень. Мокриц поднимался по лестнице, стараясь не дать ногам улететь вперед него, а тролли провожали его подозрительными взглядами. Голова кипела, но ей было нечем заняться. Не за что ухватиться, неоткуда извлечь решение. Где-то через час выйдет в тираж местное издание «Правды», а вслед за ним и он.

Люди бросятся забирать деньги из банка, что будет, мягко говоря, чудовищно, и остальные банки тут ему, конечно, не помогут, потому что он не входит в число из «славных ребят». Позор, бесславие и Шалопай глядели ему в лицо, но только один из них его вылизывал.

Значит, он добрался до кабинета. Сплот бесспорно отвлекал человека от мелких неприятностей, слепливая их в одну большую проблему: как удержаться всеми частями тела на одной планете. Мокриц не воспротивился традиционному слюнявому собачьему поцелую, встал с колен и добрался аж до кресла.

Хорошо... Сесть. Это он мог сделать. Но в голове роились мысли.

Скоро здесь будут люди. Слишком много вопросов без ответа. Что делать, что делать? Молиться? Мокриц не особенно доверял молитвам, и не потому, что не верил в существование богов, а потому, что боялся, что они существуют. Допустим, Анойе он сослужил добрую службу, и давеча он видел ее новенький сверкающий храм с фронтоном, уже увешанным жертвенными яйцerezками, венчиками, половниками, маслoбойками и многими другими бесполезными принадлежностями, которые пожертвовали благодарные прихожане, столкнувшиеся с опасностью прожить всю жизнь с застрявшими кухонными ящиками. Анойя делала свое дело, потому что у нее была узкая специализация. Она даже не притворялась, что обещает рай, вечные истины или избавление в той или иной форме. Она просто обеспечивала тебя гладким выдвижением ящиков и доступом к вилкам. И почти никто в нее не верил, пока Мокриц не выбрал ее наугад на роль божества,

которое нужно благодарить за чудесное обогащение. Вспомнит ли она его?

Вот если бы золото застряло у него в ящиках, она еще могла бы помочь. А превратить в золото опилки — вряд ли. И все-таки, когда не оставалось ничего, кроме молитвы, человек обращается к богам.

Мокриц зашел в кухню и снял с крючка половник. Потом вернулся в кабинет и сунул половник в ящик стола, где он и застрял, выполняя основную функцию половников всего мира. Оставалось погреть ящиками. Очевидно, богиню привлекал шум.

— О Аноя, — сказал он, потянув за ручку ящика. — Это я, Мокриц фон Липвиг, раскаявшийся грешник. Не знаю, помнишь ли ты меня. Все мы здесь лишь утварь, застрявшая в нами же самими сколоченных ящиках, и в особенности я. Если ты сможешь выкроить минутку в своем плотном графике и высвободить меня в этот час нужды, недостатка в благодарности не будет, о да, когда мы установим статуи богов на новом Почтамте. Мне никогда не нравились амфоры на старом здании. И покроем позолотой, если что. Спасибо заранее. Аминь.

Напоследок Мокриц снова потянул на себя ящик. Половник пружинисто выскочил, пролетел по воздуху, как выпрыгнувший из воды лосось, и разбил стоявшую в углу вазу.

Мокриц решил расценить это как добрый знак. В присутствии Аноии полагалось чують запах сигаретного дыма, но поскольку Дора Гая провела здесь больше десяти минут, принюхиваться не было смысла.

Что дальше? Да, боги помогали тем, кто сам не плошал, поэтому всегда оставался последний, близкий сердцу фон Липвига вариант. «Импровизируй», — всплыло у него в голове.

Глава 10

Покажи класс — «Председатель твякает» —
Гарри Король откладывает кое-что про запас —
Крики начинаются — Один поцелуй, без языка —
Военный совет — Мокриц берет все на себя —
Фокус с марками — Возбуждая профессорский
интерес — Грезы о рае

Импровизируй! Больше ничего не остается. Вспомни золотистую цепочку. Это обратная сторона радуги. Выкрутись из ситуации, из которой невозможно выкрутиться. Куй свою удачу. Обрати все в спектакль. Если ты падаешь, пусть всем запомнится, как ты превратил падение в прыжок. Иногда твой лучший момент — это последний момент.

Мокриц подошел к шкафу и снял с вешалки лучший золотой костюм, который надевал только по особым случаям. Потом он нашел Глэдис, которая стояла и смотрела в окно.

Ему пришлось очень громко повторить ее имя, прежде чем она очень медленно повернулась к нему.

— Они Идут, — сказала она.

— Да, они идут, — согласился Мокриц. — И я должен выглядеть лучшим образом. Ты не погладишь мне брюки?

Не произнося ни слова, Глэдис взяла их, приложила к стене и провела по ним своей гигантской ладонью, после чего вернула брюки Мокрицу. Складочка была такая, что хоть брейся. Потом она снова отвернулась к окну.

Мокриц присоединился к ней. У банка уже собрался народ, и кареты все продолжали подтягиваться. Стражников вокруг тоже было немало. Блеск вспышки подсказал, что Отто Шрик из «Правды» также прибыл. Ага, уже и намечалась делегация. Все хотели присутствовать при расправе. Совсем скоро кто-нибудь постучит в дверь. Черта с два. Этого он не мог допустить.

Умыться, побриться, подстричь упрямые волосы в носу, почистить зубы. Расчесаться, навести глянец на ботинки. Надеть шляпу, спуститься по лестнице, очень медленно отпереть дверь, чтобы щелчок замка не услышали снаружи, подождать, пока шаги не приблизятся...

Мокриц рывком распахнул двери.

— Ну что, господа?

Космо Шик покачнулся, не успев стукнуть в дверь, но быстро оправился и всучил ему бумагу.

— Внезапная проверка, — объявил он. — Эти господа, — тут он обвел жестом группу приличного вида людей у него за спиной, — представители крупнейших гильдий и других банков. Это стандартная процедура, ты не можешь ей препятствовать. Заметь, что мы привлекли командора Ваймса из Городской Стражи. И когда мы удостоверимся, что золота в хранилище действительно нет, я распоряжусь провозвести твой арест по подозрению в краже.

Мокриц покосился на командора. Ваймс ему не очень нравился, и Мокриц был уверен, что он Вай-

мсу не нравился совсем. Однако еще больше он был уверен в том, что Ваймс неохотно следовал приказам Космо Шика и ему подобным.

— Не сомневаюсь, что командор поступит так, как сочтет нужным, — сказал Мокриц кротко. — Ты знаешь, где хранилище. Извиняюсь за некоторый беспорядок в настоящий момент.

Космо повернулся вполоборота, чтобы толпа услышала каждое его слово.

— Ты вор, господин фон Липвиг. Ты жулик, и лжец, и грабитель, и у тебя совершенно нелепая манера одеваться.

— Это как-то грубо, — ответил Мокриц, когда проверяющие хлынули внутрь. — Я считаю, что одеваюсь очень даже по моде!

Он остался один на крыльце банка, лицом к лицу с народом. Толпа еще не превратилась в столпотворение, но это был только вопрос времени.

— Могу я помочь чем-то еще? — спросил он.

— Что с нашими деньгами? — спросил кто-то.

— А что с ними? — спросил Мокриц.

— Газеты пишут, что золота нет, — ответил человек.

Он сунул Мокрицу влажный экземпляр «Правды». Газета в целом отзывалась довольно сдержанно. Он ожидал дурных заголовков, но вся история заняла одну колонку на первой полосе, да и та была испещрена «насколько нам известно», «мы полагаем», «“Правде” сообщили» и прочими фразами, которые используют журналисты, когда пишут о больших деньгах, в которых мало понимают, и не до конца уверены, что им рассказали чистую правду.

Он поднял глаза на Сахариссу Резник.

— Извини, — сказала она, — но вчера здесь повсюду были стражники и охрана, и у нас было мало времени. И по правде сказать... приступа... господина Бента оказалось достаточно самого по себе. Всем известно, что банком управляет он.

— Банком управляет председатель, — сухо поправил Мокриц.

— Нет, Мокриц, председатель твякает, — сказала Сахарисса. — Разве ты ничего не подписывал, когда поступил на службу? Не давал никаких расписок?

— Возможно. Там была целая кipa документов. Я просто подписал там, где мне сказали. Вместе с Шалопаем.

— О боги, как бы повеселились сейчас законники, — сказала Сахарисса, и в ее руках волшебным образом возник блокнот. — И это вовсе не шутка¹. Он может оказаться в долговой тюрьме!

— В конуре, — сказал Мокриц. — Не забывай, что он твякает. И этого никогда не случится.

Сахарисса наклонилась потрепать Шалопая по головке и так и застыла, не выпрямляясь.

— Что у него в?..

— Сахарисса, можем мы это попозже обсудить? У меня сейчас совсем нет времени. Клянусь тремя любимыми богами, в которых ты веришь, хоть ты и журналистка, я дам тебе такой эксклюзив, который испытает на прочность даже умение «Правды» избегать грубых и провокационных тем. Верь мне.

— Да, но это похоже на... — начала она.

---

¹ Отличительная особенность шуток, которые веселят законников, состоит в том, что никому, кроме них, не бывает несмешно.

— Ах, так ты знаешь, что это такое, и мне не нужно ничего объяснять, — парировал Мокриц.

Он вернул газету ее встревоженному хозяину.

— Ты господин Каспер, если не ошибаюсь? — сказал он. — Лицевой баланс на нашем счете — семь анк-морпоркских долларов?

На секунду это произвело впечатление. Мокриц очень хорошо запоминал лица.

— Я же говорил, что нас здесь не интересует золото, — продолжал Мокриц.

— Да, но... Короче, какой же это банк, если люди не могут взять там золото?

— Но оно не играет никакой роли, — сказал Мокриц. — Я же вам объяснял.

Они сомневались. В теории они должны были брать банк штурмом. Мокриц знал, что их сдерживает. Надежда. Тоненький внутренний голосок, который говорил им: на самом деле ничего этого не происходит. Голосок, который вынуждает людей трижды выворачивать один и тот же карман в бесплодном поиске потерявшихся ключей. Безумная вера в то, что все в мире должно выправиться, если только сильно в это поверить. Тогда и ключи найдутся. Голосок, который *очень громко* говорил: «Не может этого быть», чтобы заглушить подступающий ужас от того, что это в самом деле *было*.

У Мокрица было примерно полминуты, пока надежда не иссякла.

В этот момент толпа расступилась. Пучки Шик не умела эффектно появляться. А вот Гарри Король умел. Переминающаяся с ноги на ногу, сомневающаяся толпа разверзлась, как море перед страдающим водобоязнью пророком, образуя канал, по обе стороны которого внезапно выстроились большие,

потрепанные жизнью люди с переломанными носами и многозначительными сетками шрамов. По образовавшейся аллее вышагивал Гарри Король, за которым вился сигарный дым. Мокриц не двигался с места, пока Гарри Король не оказался в шаге от него и не заглянул ему прямо в глаза.

— Сколько денег я вложил в твой банк, господин фон Липвиг? — спросил Гарри.

— Э, кажется, пятьдесят тысяч долларов, господин Король, — сказал Мокриц.

— Да, думаю, примерно так и было, — сказал Гарри Король. — Угадай, что я сейчас сделаю, господин фон Липвиг.

Мокриц не стал гадать. Сплот все еще циркулировал по его организму, и ответ у него в голове звенел, как похоронный колокол.

— Ты вложишь еще больше денег, да, господин Король?

Гарри Король расплылся в улыбке, как будто Мокриц был собачкой, только что разучившей новую команду.

— Вот именно, господин фон Липвиг! Я спросил себя: Гарри, а не будет ли пятидесяти тысячам долларов одиноко? И решил прийти и округлить это дело до шестидесяти.

— Это очень щедро с твоей стороны, господин Король, — сказал Мокриц, — но в любой момент к нам вернутся проверяющие, и у банка будут большие неприятности. Пожалуйста, не надо! Я не могу принять твои деньги.

Гарри наклонился к Мокрицу, обдав его облаком сигарного дыма с привкусом тухлой капусты.

— Я знаю, ты что-то задумал, — прошептал он и постучал себе по носу. — Ты у этих мерзавцев

поперек горла стоишь, я же вижу! Я победителя издалека чую, и точно говорю, что-то в рукаве у тебя есть, а?

— Только руки, господин Король, только они, — ответил Мокриц.

— Пусть и дальше остаются такими же загребущими, — сказал Гарри и хлопнул его по плечу.

Его люди окружили Мокрица и составили на пол чемоданы.

— Квитанция не нужна, — сказал Гарри. — Ты меня знаешь, господин фон Липвиг. Знаешь, что мне можно доверять, и я *знаю*, что тебе можно доверять.

Мокриц зажмурился, всего на мгновение. Подумать только, он еще боялся, что закончит день в петле.

— Твои деньги в надежных руках, господин Король, — проговорил он.

— Знаю, — сказал Гарри. — И когда ты всех уделаешь, я пришлю к вам Уоллеса, и он с твоей мартышкой поговорит за проценты, которые я получу за это дело, ясно? Все по-честному?

— Абсолютно, господин Король.

— Славно, — сказал Гарри. — Теперь пойду куплю какой-нибудь земли.

Он удалился под смутные перешептывания в толпе. Его вклад сбил всех с толку. Мокрица тоже. Все гадали, что такое известно Гарри Королю. Мокриц тоже. Ужасно, когда в тебя верит такой человек, как Гарри Король.

От толпы отделился делегат и спросил:

— Что, в конце концов, происходит? Пропало золото или не пропало?

— Не знаю, — ответил Мокриц. — С утра не проверял.

— Ты так говоришь, как будто это пустяк, — сказала Сахарисса.

— Как я уже объяснял, — ответил ей Мокриц, — город по-прежнему здесь. Банк — здесь. Я — здесь. — Он бросил взгляд на широкую спину удаляющегося Гарри Короля. — Пока что. И нам не нужно, чтобы золото тут путалось под ногами, согласны?

В дверях за спиной Мокрица возник Космо Шик.

— Итак, господин фон Липвиг, судя по всему, ты у нас аферист до мозга костей.

— Не понял? — сказал Мокриц.

Остальные члены срочной проверяющей комиссии с довольным видом высыпали из дверей. Их, в конце концов, подняли ни свет ни заря, а тем, кто рано встает, перед завтраком очень хочется кого-нибудь убить.

— Уже закончили? — поинтересовался Мокриц.

— Ты сам понимаешь, зачем нас сюда позвали, — сказал один из банкиров. — Тебе прекрасно известно, что минувшей ночью Городская Стража не обнаружила золота у вас в хранилище. И мы можем подтвердить этот прискорбный факт.

— Ну, вы же знаете, как бывает с деньгами, — сказал Мокриц. — Думаешь, что ты на мели, а деньги все это время лежали в другом кармане.

— Нет, господин фон Липвиг, тебе сейчас должно быть не до шуток, — сказал Космо. — Этот банк — мыльный пузырь.

Он повысил голос:

— Я бы рекомендовал всем вкладчикам, которых ты обманул, изъять свои деньги, пока они еще есть!

— *Нет!* Отряд, ко мне!

Командор Ваймс растолкал ошеломленных банкиров в то же время, как с десятков стражников-троллей с топотом поднялись на крыльцо и выстроились плечо к плечу перед банковскими дверями.

— Ты совсем спятил, господин? — спросил Ваймс, встав нос к носу с Космо. — Мне показалось или это было подстрекательство к бунту? Банк закрыт до дальнейшего уведомления!

— Я — директор этого банка, командор, — сказал Космо. — Ты не имеешь права не впускать меня.

— Давай проверим, — сказал Ваймс. — Рекомендую направлять свои претензии к его светлости. Сержант Детрит!

— Здесь, сэр!

— Никого не впускать без пропуска за моей подписью. А тебе, господин фон Липвиг, запрещено покидать город, это понятно?

— Да, командор. — И Мокриц повернулся к Космо: — Ты что-то неважно выглядишь, — сказал он. — Цвет лица у тебя нездоровый.

— Довольно слов, фон Липвиг. — Космо наклонился к нему. Вблизи он выглядел еще хуже — как восковая кукла из воска, если бы только воск мог потеть. — Встретимся в суде. Это конец, господин фон Липвиг. Или называть тебя... господином Стеклярсом?

«О, боги! Нужно было позаботиться о Криббинсе. Но я был слишком занят — делал деньги...»

И тут появилась Дора Гая, которую под руки вели через толпу двое стражников, заменявших ей костыли. Ваймс поспешил ей навстречу, словно ждал ее прихода.

Мокриц обратил внимание, что шум города становился громче. Толпа тоже обратила на это внима-

ние. Где-то происходило что-то значительное, а эта склока была просто разогревом.

— Думаешь, ты такой умный, господин фон Липвиг? — спросил Космо.

— Нет, я *знаю*, что я умный. Я *думаю*, что я невезучий, — ответил Мокриц. Но на самом деле он думал: «Разве у нас было *столько* клиентов? И как они кричат!»

Космо продолжал торжествующе орать ему в спину, когда Мокриц сорвался с места и протиснулся к Доре Гае в окружении стражников.

— Это големы? — спросил он.

— Все големы в городе только что замерли без движения, — ответила Дора Гая. Их взгляды встретились.

— Они идут? — спросил Мокриц.

— Похоже на то.

— Кто идет? — спросил Ваймс недоверчиво.

— Гм, они? — сказал Мокриц и махнул рукой.

Несколько человек выбежали из-за угла со стороны Гостевых Рядов и с изменившимися лицами пронеслись мимо скопища у банка. Это были только капли пены, летящие впереди человеческого цунами, которое накрыло банк, словно он был булыжником на пути волны.

Над морем голов плыло круглое полотнище десяти футов в диаметре вроде батуты, которыми ловят сообразительных людей, прыгающих с крыш горящих зданий. Его несли доктор Икс и четверо других волшебников, и вблизи на нем стал заметен начертанный мелом круг и магические символы. В центре портативного магического круга восседал профессор Флид, который безуспешно пытался лупить волшебников своим эфемерным жезлом. Деле-

гация остановились у крыльца, а толпа помчалась дальше.

— Мы просим прощения, — проговорил запыхавшийся Икс. — Но только так можно было доставить его сюда, а он очень настаивал, ох, как он настаивал...

— Где барышня? — прокричал Флид. Его голос был еле слышен при живом свете. Дора Гая растолкала стражников.

— Да, профессор Флид? — спросила она.

— Я нашел ответ! Я пообщался с эмийцами!

— Они же все погибли тысячи лет назад?

— Ну, у нас как-никак отдел некромантии, — сказал Флид. — Но должен признать, их речь даже мне показалась какой-то неразборчивой. Ты подаришь мне поцелуй? Один поцелуй — один ответ.

Дора Гая посмотрела на Мокрица. Он пожал плечами. Этот день был уже за гранью его понимания. Он не летел — его несло ураганом.

— Хорошо, — согласилась она. — Только без языка.

— Язык? — спросил Флид печально. — Какой уж тут язык?

Последовал кратчайший поцелуй, но призрачный профессор просиял.

— Чудесно, — сказал он. — Чувствую, что помолодел лет на сто.

— Ты перевел текст? — спросила Дора Гая.

В этот момент Мокриц почувствовал, как под ногами задрожала земля...

— Что? Ах да, — сказал Флид. — Это как раз те золотые големы, о которых ты говорила...

...и снова задрожала, достаточно, чтобы Мокриц нутром почувствовал неладное...

— ...хотя, как выяснилось, в контексте это слово означает вовсе не золото. У него может быть свыше ста двадцати значений, но в данном случае, если не рассматривать его в отрыве от остального текста, оно значит тысячу.

Улица снова сотряслась.

— Четыре *тысячи* големов, как вы скоро сами увидите, — радостно объявил Флид. — О, а вот и они!

Они шли по улице шеренгами по шесть, от стены до стены, десяти футов в высоту. С них стекали вода и грязь. Город отзывался эхом на их поступь.

Они не топтали людей, но рыночные прилавки и экипажи рассыпались в щепки под их тяжелыми ногами. Ряды раздвигались, входя в город, расходились по нему веером, гремели шагами по переулкам, направляясь к воротам, которые в Анк-Морпорке всегда были открыты, потому что незачем отваживать клиентов.

И с ними были лошади, не больше пары десятков во всем марширующем строю; с седлами, вылепленными из глины на спинах, они обгоняли двуногих големов, и не было человека, который, глядя на них, не подумал бы: где бы мне достать себе такую?

Один человеко-голем остановился в центре Са-торской площади, поднял кулак, словно бы в знак приветствия, припал на одно колено и застыл. Лошади остановились подле него, как будто ожидая всадников.

Прочие големы шли громовым маршем, направляясь к выходу из города. И когда у Анк-Морпорка, города, окруженного стенами, появилась еще одна стена прямо за воротами, они остановились. Как

один, все подняли правый кулак. Плечо к плечу, окольцевав город, они... сторожили его. Все стихло.

На Саторской площади командор Ваймс посмотрел сначала на поднятый кулак голема, а затем на Мокрица.

— Я арестован? — спросил Мокриц кротко.

Ваймс вздохнул.

— Господин фон Липвиг, я даже не знаю, что тебе на это ответить.

Большой зал заседаний на первом этаже дворца был переполнен. Многим пришлось стоять. Каждая гильдия, каждая заинтересованная группа лиц и каждый, кто просто хотел сказать, что он там был, — *был* там. Толпа народа тянулась от дверей дворца и до самой улицы. Дети карабкались на площадного голема, несмотря на все усилия охранявших его стражников¹.

Мокриц обратил внимание на топор, застрявший в большом столе и силой удара расколовший дерево. Он явно находился тут уже какое-то время. Возможно, о чем-то предупреждал или что-то символизировал. Это ведь, в конце концов, был военный совет, даже если не было войны.

— Однако мы уже начинаем получать угрожающие ноты от соседних городов, — сказал лорд Витинари. — Так что это только вопрос времени.

— Почему? — спросил аркканцлер Незримого Университета Чудакулли, который выбил себе сидячее место, вытурив оттуда, несмотря на протесты, его предыдущего обладателя. — Эти штуки же просто стоят вдоль стен и ничего не делают?

---

¹ Кто кого охранял и от кого, к этому моменту уже было неясно и неактуально. Охрана просто *происходила*.

— Верно, — согласился Витинари, — это называется активной обороной. И практически равносильно объявлению войны. — Он испустил короткий горький вздох, означавший у него работу мысли. — Позвольте напомнить вам знаменитое изречение генерала Тактикуса: «Хочешь войны — готовься к войне». Наш город окружен стеной из существ, каждое из которых почти наверняка можно уничтожить только осадным орудием. Госпожа Ласска, — он коротко улыбнулся Доре Гае, — была столь любезна, что привела в Анк-Морпорк армию, способную завоевать мир, хотя я с готовностью приму ее заверения в том, что она это не нарочно.

— Ну так почему бы и не завоевать? — спросил лорд Низз, глава Гильдии Убийц.

— А, лорд Низз. Я так и думал, что кто-нибудь это предложит, — сказал Витинари. — Госпожа Ласска? Ты ведь изучала этих големов.

— У меня было полчаса! — возразила Дора Гая. — И я скакала на одной ноге!

— Как бы то ни было, эксперт здесь ты. И ты консультировалась с небезызвестно почившим профессором Флидом.

— Он пытался заглянуть мне под юбку!

— Я тебя слушаю.

— У них нет платы, — сказала Дора Гая. — Их головы никак нельзя открыть. Если мы не ошибаемся, этими големами движет один всеобъемлющий императив: защищать город. И все. Это буквально вырезано в их глине.

— Тем не менее есть такое понятие, как превентивная оборона. Это может быть расценено и как «защита». Как по-твоему, они могли бы напасть на другой город?

— Сомневаюсь. На каком городе прикажете проверить эту теорию, милорд?

Мокриц вздрогнул. Иногда Дора Гая просто ни с чем не считалась.

— Ни на каком, — ответил Витинари. — Пока я патриций, у нас здесь не будет никаких гнусных империй. Мы только-только пережили предыдущую. Профессор Флид, тебе удалось дать им хоть какие-то распоряжения?

Все повернулись к профессору Флиду на его магических носилках, которые разместили у входа из чистой невозможности пробиться дальше в зал.

— Что? Нет! Я имею неплохое представление об эмийском, но не могу заставить их сделать ни шагу! Я испробовал все подходящие команды, и все зря! Это ужасно раздражает. — Он потряс посохом перед Иксом. — Ну же, не стойте без дела, ребята! Поднажмите!

— Мне кажется, у меня получится поговорить с ними, — сказал Мокриц, не сводя глаз с топора, но его голос утонул в общей неразберихе, возникшей, когда ворчащие студенты потащили магические носилки обратно через запруженную переднюю.

«Дайте мне только разобраться, почему... Ага... ага. Вообще-то это даже... просто. Слишком просто для заседания».

— Как, председатель Гильдии Купцов, дамы & господа, могу ли я отметить, что эти штуки значе- нуют ценную рабочую силу в городе... — сказал Роберт Паркер¹.

---

¹ Будучи членом Древнего и Почетного Общества Зеленщиков, господин Паркер был связан торжественной клятвой всегда нарушать правила пунктуации.

— В Анк-Морпорке нет рабства! — воскликнула Дора Гая, тыча пальцем в Витинари. — Вы всегда это говорили!

Витинари взглянул на нее, изогнув бровь. Потом он приподнял вторую. Но Дору Гаю этим было не смутить.

— Госпожа Ласска, ты *сама* сказала, что у них нет платы. Их *нельзя* освободить. Я могу постановить, что они являются орудиями труда, и, поскольку они позиционируют себя как слуги города, я буду относиться к ним соответственно. — Он поднял обе руки в ответ на общий гвалт и продолжал: — Они не будут продаваться, и с ними будут обращаться бережно, как и положено обращаться с орудиями труда. Они будут работать на благо города и...

— Нет, это ужасно плохая идея! — Какой-то человек в белом халате пытался пробиться вперед. На голове у него была желтая дождевая шляпа.

— А ты?.. — поинтересовался Витинари.

Человек снял желтую шляпу, огляделся по сторонам и замер. У него вырвался слабый стон.

— Ты же Хьюберт Трямм? — спросил Витинари. На лице Хьюберта застыло выражение ужаса, и тогда Витинари добавил более мягким тоном: — Тебе нужно время, чтобы подумать над моим вопросом?

— Я... только... что... услышал... — начал Хьюберт. Он окинул взглядом море лиц и захлопал глазами.

— Господин Трямм, денежный алхимик? — подсказал Витинари. — У тебя, наверное, написано это где-то на одежде.

— Я попробую помочь, — сказал Мокриц, пробивая себе локтями путь к онемевшему экономисту.

— Хьюберт, — произнес он, положив руку ему на плечо. — Все эти люди собрались здесь, чтобы послушать твою удивительную теорию, которая наглядно доказывает нежелательность привлечения новых големов к работе. Ты же не хочешь их разочаровать? Я знаю, что ты редко встречаешься с новыми людьми, но все слышаны о твоих выдающихся трудах. Ты сможешь им понять то, о чем только что крикнул?

— Мы все внимание, — сказал лорд Витинари.

В голове Хьюберта нарастающий страх толпы уступил желанию просвещать невежественные массы, куда входили все люди, кроме него. Он вцепился в лацканы своего халата. Он прочистил горло:

— Проблема в том, что големы, если рассматривать их как рабочую силу, способны делать в день работу ста двадцати тысяч человек.

— Только представьте, что они могут сделать для города! — выкрикнул господин Коровлик из Оружейной Гильдии.

— Вот именно. Для начала сто двадцать тысяч человек останутся без рабочих мест, — сказал Хьюберт. — Но этим не ограничится. Големам не нужны ни еда, ни кров, ни одежда. Большую часть денег люди тратят на еду, кров, одежду, удовольствия и, что немаловажно, налоги. На что станут тратить их големы? Спрос на многие товары обвалится, это повлечет еще больший рост безработицы. Понимаете, необходим круговорот. Деньги циркулируют, и в процессе накапливаются богатства.

— По твоим словам выходит, что они нас разорят, — сказал Витинари.

— Настанут... нелегкие времена, — ответил Хьюберт.

— Тогда какой план действий предлагаешь ты, господин Трямм?

Хьюберт выглядел озадаченно:

— Не знаю, сэр. Я не знал, что мне нужно найти и решение проблемы.

— Любой другой город напал бы на нас, будь големы у него, — заметил лорд Низз. — И, уж конечно, мы не обязаны думать об их рабочих местах! Уж конечно, нужно хоть самую малость завоевать!

— Империйку? — кисло спросил Витинари. — Использовать наших рабов, чтобы захватить новых рабов? Но хотим ли мы видеть весь мир с оружием в руках? Потому что этим все в итоге и кончится. Лучшее, на что можно надеяться, — это что некоторые из нас выживут. Худшее — что мы победим. Победим и сгнием. Этому учит нас история, лорд Низз. Разве мы недостаточно богаты?

Это вызвало новую волну протестов.

Мокриц протиснулся через беспокойную толпу, оставшись незамеченным, и нашел доктора Икса со своими подчиненными, которые с трудом пробивались обратно к большому голему.

— Можно мне с вами? — спросил Мокриц. — Я хочу кое-что попробовать.

Икс кивнул, но, когда магические носилки вытащили на улицу, он сказал:

— Мне кажется, госпожа Ласска уже все испробовала. Профессор был восхищен.

— Осталось еще кое-что неиспробованное. Поверь мне. И кстати, о вере, кто эти ребята, которые тащат скатерть?

— Мои студенты, — ответил Икс, стараясь не накренить полотно.

— И они хотят изучать некро... э, посмертные коммуникации? Зачем?

— Якобы это пользуется популярностью у девушек, — вздохнул Икс. Послышались смешки.

— Факультет некромантии? Что же у них за девушки такие?

— Просто после выпуска им полагается носить черную мантию с капюшоном и кольцо с черепом. Кажется, один из студентов использовал термин «магнит для цыпочек».

— Но я думал, волшебникам запрещено жениться?

— Жениться? — переспросил Икс. — О, сомневаюсь, что у них *это* на уме.

— В наше время точно не было! — прокричал Флид, которого кидало из стороны в сторону, пока носилки тащили через толпу. — Ты что, не можешь раскидать их всех Черным Пламенем, а, Икс? Ты же некромант, во имя всех семи кругов преисподней! Тебе не положено быть *милым*! Ну всё, теперь, когда я своими глазами увидел, что у вас творится, я буду намного больше времени проводить на кафедре!

— Можем мы поговорить наедине? — прошептал Мокриц Иксу. — Твои ребята справятся сами? Скажи им, встретимся у большого голема.

Он ускорил шаг и совсем не удивился, когда Икс припустил за ним следом, чтобы не отставать. Мокриц затащил вовсе-никакого-не-некроманта в нишу у дверей и спросил:

— Ты доверяешь своим студентам?

— С ума сошел?

— Просто у меня есть мысль, как спасти положение, но побочный эффект будет в том, что про-

фессор Флид, увы, станет недоступен на твоей кафедре.

— Недоступен в смысле?..

— Как ни прискорбно, ты больше никогда его не увидишь, — вздохнул Мокриц. — Я понимаю, это большой удар.

Икс закашлялся:

— Ничего себе. Вообще никак не сможет вернуться?

— Не думаю.

— Ты уверен? — спросил Икс осторожно. — Никаких шансов?

— Я твердо уверен.

— Хм. Ну да, конечно, такой удар.

— Большой удар. Большой удар, — согласился Мокриц.

— Я бы не хотел, чтобы ему было... больно.

— Вовсе нет. Вовсе нет, — ответил Мокриц, стараясь не смеяться.

«Мы, люди, большие мастера мыслить зигзагами», — думал он.

— В конце концов, он прожил долгую жизнь.

— Две штуки, — вставил Мокриц. — Если подумать.

— Что нужно делать? — спросил Икс на фоне отдаленных криков покойного профессора, осыпающего студентов бранью.

— Если не ошибаюсь, есть такое явление, как инзорцизм...

— Этого нам нельзя! Это совершенно нарушает университетские правила!

— Должны же черная мантия и кольцо с черепом за что-то считаться. Твои предки перевернулись бы в своих черных гробах, если бы узнали, что ты не

соглашаешься на мелкое ослушание, которое я тебе предлагаю...

И Мокриц все ему объяснил одним предложением.

Крики и проклятья становились громче, возвещая о приближении волшебников.

— Ну так что, доктор? — спросил Мокриц.

Сложный спектр эмоций очень быстро промелькнул на лице доктора Икса.

— Ну, полагаю...

— Да, доктор?

— Это же будет все равно что отправить его в рай, да?

— *Именно!* Я бы и сам не выразился лучше.

— Кто угодно выразился бы лучше, чем этот сброд! — проворчал Флид прямо у него за спиной. — Кафедре и впрямь позволили подняться в гору, пока меня не было! Ну, я им устрою!

— Но пока ты здесь, профессор, я *обязан* поговорить с големом, — сказал Мокриц. — Ты можешь перевести мои слова?

— Могу, но не буду, — фыркнул Флид.

— Ты же хотел помочь госпожа Ласске.

— Она *красивая*. С какой стати мне передавать тебе знания, на приобретение которых у меня ушел целый век?

Они оказались перед одиноким големом. Коленопреклоненный, он был лицом вровень с Мокрицем. Гolem повернул голову и бессмысленно посмотрел на них. Зато стражники вокруг голема смотрели на Мокрица с сильным подозрением.

— Мы проведем небольшой магический сеанс, господа, — обратился к ним Мокриц.

Капрала, который оставался за главного, этот ответ как будто не устроил.

— Мы его охраняем. — Он кивнул на голема и покосился на черные мантии и полупрозрачного профессора Флида.

— Ничего страшного, вы нам не мешаете, — ответил Мокриц. — Оставайтесь смело. Риск минимальный.

— Риск? — переспросил капрал.

— Хотя будет лучше, если вы встанете пошире, чтобы не подпускать народ, — продолжал Мокриц. — Не хотелось бы, чтобы пострадали гражданские лица. Так что вы их отгоните отсюда ярдов на сто.

— Нам велено стоять здесь, — сказал капрал и смерил Мокрица взглядом. — Хм, а ты разве не главный почтмейстер? — спросил он, понизив голос.

Мокриц распознал этот взгляд и этот тон. Поехали...

— Он самый, — ответил он.

Стражник еще понизил голос:

— Так это, у тебя, случайно, не завалюсь Синевого...

— Тут я ничем не могу помочь, — ответил Мокриц и полез в карман. — Но у меня как раз с собой очень редкая двадцатипенсовая Зеленая Капуста с крайне занимательной «опечаткой», которая наделала много шума в прошлом году, если ты помнишь. Последняя оставшаяся. *Очень* коллекционная.

У него в руке оказался миниатюрный конверт. Так же быстро он исчез в кармане капрала.

— Нельзя допустить, чтобы пострадали гражданские лица, — сказал тот. — Так что я предлагаю не подпускать их ярдов на сто.

— Правильное решение, — ответил Мокриц.

Несколько минут спустя площадь была в распоряжении Мокрица: стражники быстро сообразили, что чем дальше от опасности они отведут горожан, тем дальше от опасности отойдут и сами.

Наступал момент истины. Впрочем, лучше, подумал Мокриц, если он станет моментом правдоподобной лжи, поскольку чаще всего это больше устраивало людей.

Эмийские големы были крупнее и тяжелее, чем те, которые обычно встречались в городе, но они были прекрасны. Ничего удивительного — их наверняка *сделали* големы. Создатели наградили их подобием мускулатуры и спокойными, печальными лицами. За последний час наперекор Страже очаровательная городская детвора успела нарисовать площадному голему черные усы.

Хорошо. Теперь дело за профессором.

— Скажи мне, профессор, нравится ли тебе быть мертвым? — спросил Мокриц.

— Нравится? Кому это может понравиться, крестин? — ответил Флид.

— Мало развлечений?

— Молодой человек, слово «развлечение» неприменимо к существованию по ту сторону могилы, — сказал Флид.

— Ты поэтому не торопишься покидать кафедру?

— Да! Пусть им руководят неучи, но там всегда происходит что-нибудь интересное!

— Ну конечно, — сказал Мокриц. — Но мне интересно, не может ли статья, что человек твоих... интересов найдет их полное удовлетворение там, где всегда *показывают* что-нибудь интересное?

— Не уловил твою мысль.

— Скажи мне, профессор, слышал ли ты о клубе «Розовая киска»?

— Нет, не слышал. Но кошки-то нынче хотя бы не розовые?

— Ты серьезно? Что ж, позволь мне рассказать тебе о клубе «Розовая киска», — сказал Мокриц. — Доктор Икс, прошу нас извинить. — Он махнул Иксу рукой, на что тот подмигнул и вместе со студентами смешался с толпой. Мокриц приобнял призрачную фигуру за плечи. Было неудобно держать руку там, где не было настоящего плеча, чтобы на него опереться, но в таких делах главное — стиль.

Они принялись горячо перешептываться, а потом Флид воскликнул:

— То есть там... клубничка?

«Клубничка! — подумал Мокриц. — Да он и вправду стар».

— О да. Я бы даже осмелился назвать это место откровенным.

— И они обнажают щиколотки? — спросил Флид с блеском в глазах.

— Щиколотки, — повторил Мокриц. — Да, да, нисколько не сомневаюсь.

«О боги, *настолько* стар?»

— Все время?

— Двадцать четыре часа в сутки. Они никогда не одеваются, — рассказывал Мокриц. — И иногда кружатся вокруг шеста вниз головой. Честное слово, профессор, вечности покажется тебе мало.

— И для этого мне нужно просто перевести несколько слов?

— Краткий перечень команд.

— И тогда я могу уйти?

— Да!

— Обещаешь?

— Верь мне. Только сначала нужно объяснить все доктору Иксу. Возможно, придется его уговаривать.

Мокриц подошел к компании людей, которые вовсе не были некромантами. Ответ посмертного коммуникатора оказался не тем, что он ожидал. У того начинали возникать сомнения.

— Я все думаю, правильно ли мы поступаем, выпуская *его* на волю в заведении с шестом? — спросил Икс неуверенно.

— Никто его не увидит. И он не сможет ничего потрогать. В этом заведении, как я слышал, серьезная политика на тему того, что нельзя трогать.

— Да, полагаю, все, что он сможет, это глазеть на юных девиц.

В ответ послышались смешки студентов.

— Ну и что? Им платят, чтобы на них глазели, — сказал Мокриц. — Они профессионалки в этом деле. Это заведение для глазения. Для глазеющих. И ты сам слышал, что творится во дворце. Не сегодня завтра нам объявят войну. Ты веришь им? Верь мне.

— Ты слишком часто повторяешь это, господин фон Липвиг, — заметил Икс.

— Это потому, что я достоин доверия. Ну, ты готов? Не подходи, пока я не позову, и тогда сможешь отправить Флида туда, где успокоится его душа.

В толпе были люди с кувалдами. Нужно постараться, чтобы поломать голема, который этого не захочет, но этих людей надо было убрать отсюда как можно скорее.

Это могло и не сработать. Это было слишком просто. Но Дора Гая не обратила внимания, и Флид не обратил внимания. Вот капрал, столь смело сдерживающий сейчас толпы горожан, он не прозевал бы, потому что он знал толк в приказах, но его никто не спрашивал. А нужно было лишь немного пораскинуть мозгами.

— Ну что, молодой человек, — сказал Флид с того места, где оставили его носильщики. — Приступим?

Мокриц сделал глубокий вдох.

— Переведи: «Верьте мне, и только мне. Постройтесь шеренгами по четыре и идите строем в сторону Пупа, пока не уйдете за десять миль от города. Медленным шагом», — сказал он.

— Хи-хи. А ты хитер, господин фон Липкин! — сказал Флид, думая о щиколотках. — Но ничего у тебя не получится. Мы это уже пробовали.

— Я могу быть очень убедительным.

— Говорю же, ничего не получится. Я не нашел ни единого слова, на которое они среагировали бы.

— Профессор, дело не в том, что ты говоришь, а в том, как ты это говоришь, понимаешь? В конечном итоге главное — как все преподнести.

— Ха! Дурак-человек.

— По-моему, профессор, мы договорились. И мне понадобится несколько дополнительных фраз. — Он поглядел на лошадей-големов, недвижимых, как статуи. — И эквивалент команды «Пошла!», раз уж я об этом вспомнил, и «Тпру!» тоже. Или ты хочешь снова вернуться туда, где никогда не слышали о танцах на шесте?

Глава 11

Големы уходят — Истинная ценность —
За работой: служение высшей цели —
Опять неприятности — Прекрасная бабочка —
Витинари сходит с ума —
Господин Бент пробуждается —
Загадочные требования

Обстановка в зале заседаний накалялась. Это не представляло проблемы для лорда Витинари. Он свято верил в то, что каждый из тысячи голосов должен быть услышан — ведь это значило, что на самом деле ему нужно было *слушать* только тех, кому было что сказать, и полезность сказанного определялась по классической чиновничьей формуле «близко ли к моей точке зрения». По его опыту, таких голосов редко набиралось больше десяти. Те, кто требовал, чтобы каждый из тысячи и так далее на самом деле хотел только того, чтобы слышали *их* голос, и пропускал мимо ушей остальные девятьсот девяносто девять. С этой целью боги и придумали заседания. Витинари очень хорошо проводил заседания, особенно когда протокол вел Стукпостук. Они были для лорда Витинари тем, чем для безмозглых тиранов была «железная дева».

Заседания были не намного затратнее¹, зато значительно чище, и, что особенно приятно, в «железную деву» никто не хотел лезть добровольно.

Он как раз собирался избрать десятерых самых крикливых в комиссию по големам, которую можно было загнать в удаленный кабинет, когда появился темный клерк, словно вышедший из тени, и зашептал что-то на ухо Стукпостуку. Секретарь наклонился к своему хозяину.

— Ах, оказывается, големы ушли, — весело объявил Витинари, когда исполнительный Стукпостук отошел назад.

— Ушли? — переспросила Дора Гая, пытаясь выглянуть в окно. — В каком смысле ушли?

— Перестали быть здесь, — ответил Витинари. — Похоже, господин фон Липвиг их увел. Они организованным строем покидают границы города.

— Он не мог так поступить! — Лорд Низз был в ярости. — Мы еще не решили, что с ними делать!

— Он, однако, решил, — ответил Витинари с улыбкой.

— Нужно запретить ему покидать город! Он грабитель! Командор Ваймс, выполни свой долг и арестуй его!

Это крикнул Космо.

Взгляд Ваймса охладил бы человека и более разумного.

— Сомневаюсь, что он далеко собрался, *сэр*, — сказал он. — Что прикажете с ним делать, ваша светлость?

---

¹ Расходы шли только на чай и печенье в перерывах, что в случае с «железной девушкой» требовалось редко.

— У хитроумного господина фон Липвига, похоже, есть план, — сказал Витинари. — Может, нам стоит отправиться за ним и узнать, что за план?

Толпа ломанулась к выходу, где застряла и стала бороться сама с собой.

Когда люди высыпали на улицу, Витинари сложил руки за головой и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Обожаю демократию. Целый день бы слушал. Приготовь карету, Стукпостук.

— Ее уже закладывают, сэр.

— *Это вы его надоумили?*

Витинари открыл глаза.

— Госпожа Ласска, мое почтение, — пробормотал он, отмахиваясь от дыма. — Я думал, ты уже ушла. Вообрази мою радость, когда я вижу, что ты все еще здесь.

— Вы или не вы? — спросила Дора Гая, и ее сигарета заметно укоротилась при очередной затяжке. Она курила так, словно объявляла сигарете войну.

— Госпожа Ласска, сомневаюсь, что мне под силу сподвигнуть господина фон Липвига на что-то более опасное, чем то, что он умудряется вытворять по собственной воле. Пока ты была в отъезде, он стал лазить по крышам в свободное от работы время, подобрал отмычки к каждому замку на Почтамте и связался с Братством чихания без правил, в котором одни психи, сказать по правде. Ему нужен дурмящий запах опасности, чтобы жизнь начала играть красками.

— Когда я здесь, он ничем подобным не занимается!

— Именно. Могу ли я пригласить тебя проехаться со мной?

— Что это вы имеете в виду, когда говорите «именно» таким тоном? — насторожилась Дора Гая. Витинари приподнял бровь.

— Если я хоть немного разбираюсь в том, как устроена голова твоего жениха, думаю, что, когда мы приедем, мы увидим огромную яму...

«Нам понадобится камень, — подумал Мокриц, когда големы принялись копать. — Много камня. Умеют ли они делать цемент? Конечно, умеют. Они как ланкрский перочинный нож в мире орудий труда».

Это пугало — то, как они копали даже такую безжизненную и иссушенную почву. Земля фонтанами взмывала в воздух. За полмили отсюда на пути в Сто Лат возвышалась заброшенная башня волшебников, хмуро нависая над зарослями кустарников и голой землей, которую непривычно было видеть среди повсеместно возделываемых полей. Когда-то здесь использовалось слишком много магии. Растения росли или криво, или никак. Совы, обитающие в руинах, добывали себе пищу подальше отсюда. Идеальное место. Никому оно не было нужно. Это была пустошь, а пустоши не должны пропадать впустую.

«Что за оружие, — думал Мокриц, объезжая копателей на лошади-големе. — Они могут уничтожить город за день. В неправильных руках они могут стать чудовищной силой».

«Хорошо, что они в моих руках...»

Зеваки держались поодаль, но продолжали расти в числе. Город пришел посмотреть. Настоящий анк-морпоркец не пропустит ни одного зрелища. Шалопай с огромным удовольствием пристроился

на голове лошади. Мелкие собаки ничто не любят так, как высоко сидеть и лаять оттуда на людей... Хотя нет, кое-что еще любят, и председатель ухитрился лапой прижимать свою игрушку к лошадиному уху и всякий раз, когда Мокриц осторожно пытался забрать ее, прекращал лай, чтобы зарычать.

— Господин фон Липвиг!

Он посмотрел вниз и увидел бегущую к нему Сахариссу, которая размахивала блокнотом. Как у нее это получается, удивлялся Мокриц, глядя, как она проскочила между рядами работающих големов под земляными брызгами. Она успела сюда даже раньше Стражи.

— Вижу, ты достал себе лошадь-голема, — кричала она, приближаясь. — Очень красивая.

— Я как будто еду верхом на цветочном горшке, которым не умею править, — ответил Мокриц криком, чтобы перекрыть шум вокруг. — И седлу не помешает пара подушек. Но хороши, не правда ли? Заметила, как они постоянно переминаются, совсем как настоящие?

— Но почему големы закапываются в землю?

— Я им так приказал!

— Но они невероятно ценные!

— Да. Вот и будем держать их в целости и сохранности.

— Но они принадлежат городу!

— Они занимают там слишком много места, тебе не кажется? Я в любом случае на них не претендую!

— Они могли бы сделать для города великие дела!

Прибывали все новые люди; их тянуло к человеку в золотом костюме, потому что он всегда был выгодным вложением.

— Например, втянуть его в войну? Или создать армию безработных? Мой вариант лучше!

— Надеюсь, ты нам о нем расскажешь! — прокричала Сахарисса.

— Я хочу взять големов за основу для новой валюты! Я хочу превратить их в деньги! В золото, которое сторожит само себя! Такое не подделать!

— Ты хочешь перевести нас на големный стандарт?

— Точно! Взгляни на них! Сколько они стоят? — закричал Мокриц, когда его лошадь очень убедительно встала на дыбы. — Они могут строить каналы и дамбы, ровнять горы с землей и прокладывать дороги! И если нам будет нужно, они это сделают! А если нет, они помогут нам разбогатеть, ничего не делая! Доллар будет таким твердым, что тролли будут об него зубы ломать.

Лошадь, демонстрируя несравненное понимание сути публичных выступлений, снова взвилась на дыбы, когда Мокриц указал на трудящиеся массы.

— Вот это — *ценность*! Вот это — *богатство*! Чего стоит золотая монета в сравнении с ловкостью руки, которая ее держит? — Он прокрутил последнюю фразу мысленно и добавил: — Из этого выйдет хороший слоган для первой полосы, как считаешь? И моя фамилия — Липвиг, с «Г» на конце!

Сахарисса рассмеялась:

— Первая полоса уже забита. Что теперь будет с этими созданиями?

— Они останутся здесь, пока большие умы не разберутся, что с ними делать!

— И от чего конкретно они охраняют город прямо сейчас?

— От глупости!

— И последний вопрос, Мокриц. Только ты знаешь секрет големов?

— Как ни странно, но, кажется, да!

— Почему это?

— Видимо, я просто обладаю даром убеждения!

В ответ послышался смех:

— И как бы между прочим командуешь огромной непобедимой армией? Какие требования ты выдвинешь?

— Никаких! Хотя нет, пожалуй, от кофе я бы не отказался. Я сегодня не завтракал!

В толпе засмеялись еще громче.

— Ты считаешь, горожане должны радоваться, что бразды, так сказать, правления у тебя в руках?

— А то! Верьте мне! — Сказав это, Мокриц спешил и снял упирающегося Шалопая с его насеста.

— Кто бы говорил, господин фон Липвиг.

Это вызвало взрыв аплодисментов.

— Ты не хочешь рассказать нам, что произошло с банковским золотом?

— Пошло ему на одежду! — состригли в толпе под общее одобрение.

— Госпожа Резник, твой цинизм ранит меня в самое сердце! — сказал Мокриц. — Я намеревался сегодня с этим разобраться, но — «расскажи богам о своих планах», как говорится. У меня никак не получается очистить стол!

Даже тогда люди рассмеялись, хотя это не было особенно смешно.

— Господин фон Липвиг, я попрошу тебя пройти со мной... — Командор Ваймс пробил себе путь в толпе, и остальные стражники материализовались за его спиной.

— Я арестован?

— Еще бы! Ты покинул пределы города!

— *Думаю, он мог бы с полным правом возразить, что город пошел за ним.*

Все повернулись. Путь сам собой расчистился перед лордом Витинари. Тропы всегда это делают перед людьми, которые славятся пыточными камерами в своих подвалах. А Дора Гая, хромая, обогнала его, бросилась на Мокрица и стала колотить его в грудь с криками:

— Как ты до них достучался? Как ты заставил себя понять? Рассказывай, а не то я снова никогда не выйду за тебя замуж!

— Каковы твои намерения, господин фон Липвиг? — спросил Витинари.

— Я собирался передать их «Тресту Големов», сэр, — ответил Мокриц, отдирая от себя Дору Гаю как можно более мягко.

— Правда?

— Кроме лошадей-големов, сэр. Они явно намного быстрее любых лошадей из плоти и крови. Их здесь девятнадцать, и если хотите совет, сэр, отдайте одну королю гномов, который наверняка сейчас сердится. С остальными поступайте на ваше усмотрение, но я бы хотел попросить шестерых на нужды Почтамта. Что же касается остальных големов, они будут в большей безопасности под землей. Я хочу сделать их основой валюты, потому что...

— Да, я кое-что слышал краем уха, — сказал Витинари. — Отличная работа, господин фон Липвиг, вижу, ты хорошо все продумал. Ты предложил перспективный план действий. Я тоже много размышлял о сложившейся ситуации, и все, что мне остается сделать...

— О, не стоит благодарностей...

— ...командор, арестуй этого человека. Пожалуйста, прикуй его наручниками к надежному офицеру и посади в мою карету.

— *Что?* — спросил Мокриц.

— *Что?* — вскрикнула Дора Гая.

— Совет директоров Королевского банка подает на вас с председателем в суд по обвинению в хищении, господин фон Липвиг. — Витинари наклонился и подхватил Шалопая за шкирку. Собачонка тихонько покачивалась в кулаке патриция, с вытаращенными от ужаса глазами, сконфуженно зажав в пасти вибрирующую игрушку.

— Вы не можете всерьез в чем-то его обвинять, — возразил Мокриц.

— Увы, он председатель банка, господин фон Липвиг. Его лапа стоит на всех документах.

— Как вы можете так поступить с Мокрицем после всего, что он сейчас сделал? — спросила Дора Гая. — Он ведь только что спас положение!

— Очень может быть, хотя не уверен, ради кого он его спас. Закон следует соблюдать, госпожа Ласка. Даже тираны обязаны повиноваться закону. — Патриций задумчиво замолчал. — Нет, вру, тираны, разумеется, не обязаны повиноваться, но они обязаны соблюдать приличия. По крайней мере, я так поступаю.

— Но он не крал... — начала Дора Гая.

— Завтра в девять в Большом Зале, — сказал Витинари. — Приглашаю присутствовать всех заинтересованных лиц. Мы докопаемся до сути дела. — И он повысил голос: — Среди присутствующих есть директора Королевского банка? Ах, господин Шик. Здоров ли ты?

Космо Шик нетвердым шагом протиснулся через толпу, опираясь на руку молодого человека в коричневой мантии.

— Вы его арестовываете? — спросил Космо.

— Неоспоримо хотя бы то, что господин фон Липвиг от лица Шалопая формально несет ответственность за золото.

— Вот именно, — сказал Космо, сверкая глазами на Мокрица.

— Но с учетом ситуации я бы хотел разобраться во всех обстоятельствах дела.

— Полностью вас поддерживаю, — сказал Космо.

— И с этой целью я направляю своих клерков в банк сегодня вечером для полной проверки всех документов, — продолжил Витинари.

— Я не могу согласиться на ваше предложение, — сказал Космо.

— Какое счастье, что это не было предложением. — Лорд Витинари сунул Шалопая под мышку и продолжал: — Председатель со мной, как видишь. Командор Ваймс, будь добр, проводи господина фон Липвига в карету. И удостоверься, чтобы госпожу Ласску доставили домой целой и невредимой. Утром мы во всем разберемся.

Витинари поглядел на столб пыли, уже поглотивший усердных големов, и добавил:

— У нас у всех выдался очень насыщенный день.

В закоулке за клубом «Розовая киска» настойчивая пульсирующая музыка звучала приглушенно, но неотступно.

Темные фигуры притаились...

— Доктор Икс?

Глава кафедры Посмертных Коммуникаций замер, не дорисовав сложную руну среди куда менее сложных повседневных граффити и посмотрел в участливое лицо своего студента.

— Да, Барнфорт?

— Это точно *законно* по правилам университета, сэр?

— Ну, конечно, нет! Только подумай, что может случиться, если *такое* попадет в неправильные руки! Выше фонарь, Готли, мы теряем свет.

— И чьи же это могут быть руки, сэр?

— Ну, вообще говоря, наши, если уж на то пошло. Но это совершенно нормально, если в Совете не узнают. А там не узнают, конечно. Им хватает ума не шастать и не разузнавать.

— Значит, теоретически это противозаконно?

— Ну уж, — сказал Икс, чертя символ, который на мгновение засиял синим. — Кто из нас, если задуматься, может судить, что правильно, а что нет?

— Совет Университета? — предположил Барнфорт.

Икс отбросил мел и выпрямился:

— Теперь послушайте меня, вы, четверо! Мы сейчас инзорцируем Флида, ясно вам? Ради его вечного удовлетворения и немаловажной пользы для кафедры, уж поверьте! Это сложный ритуал, но если вы будете мне ассистировать, станете докторами посмертных коммуникаций к концу семестра, поняли? Круглые пятерки для всех и, конечно, перстень с черепом! Поскольку на данный момент вы на троих умудрились сдать мне одну треть курсовой, я бы сказал, сделка выгодная, а ты, Барнфорт?

Студент заморгал под натиском вопроса, но врожденный талант пришел ему на выручку. Он откашлялся в неожиданно академической манере и сказал:

— Кажется, я начинаю понимать, сэр. То, что мы здесь делаем, выходит *за рамки* будничных определенных добра и зла, не так ли? Мы служим высшей цели.

— Молодец, Барнфорт, далеко пойдешь. Все слышали? Высшая цель. Молодцы. Теперь давайте сцедим сюда старого перечника и удерем, пока никто нас не застукал!

Сложно не обращать внимания на тролля в карете. Он занимает собой все. Наверное, это Ваймс так пошутил. Сержант Детрит сидел рядом с Мокрицем, плотно вдавив его в сиденье. Лорд Витинари и Стукпостук сидели напротив. Его светлость сложил руки на серебряном набалдашнике трости и опирался на нее подбородком. Он внимательно наблюдал за Мокрицем.

Ходили слухи, что клинок в его трости был отлит из железа, извлеченного из крови тысячи чело-
век. Мокрицу это казалось расточительным, ведь поработать еще немного, и хватило бы на плуг. И кто вообще такое придумывает?

Но с Витинари это могло оказаться правдой, пусть и не самой чистой.

— Послушайте, если вы позволите Космо... — начал Мокриц.

— *Pas devant le gendarme*, — сказал лорд Витинари.

— При мне, значитца, не разговаривать, — под-
сказал сержант Детрит.

— Может, тогда поговорим об ангелах? — спросил Мокриц после паузы.

— Нет, не поговорим. Господин фон Липвиг, похоже, ты единственный человек, способный призвать под свое начало величайшую армию со времен Империи. Думаешь, это хорошая идея?

— Я же не специально! Я просто понял, как это сделать!

— Знаешь, господин фон Липвиг, убить тебя прямо сейчас — и это решило бы невероятное количество проблем.

— Я этого не планировал! Ну... немного не так.

— Мы и Империю не планировали. Это просто стало дурной привычкой. Ну что, господин фон Липвиг, теперь, когда у тебя есть големы, что еще ты намерен с ними делать?

— Поставить по одному подавать энергию на каждую клик-башню. Ослиные топчаки все равно никогда не работали как положено. Другие города не станут этому противиться. Это будет выгодно всему челове... всемечеству. Ослы тоже не станут возражать, я уверен.

— Для этого понадобится не больше нескольких сотен. Что с остальными?

— Я намерен превратить их в золото, сэр. И это может решить все наши проблемы.

Витинари вопросительно поднял бровь:

— *Все* наши проблемы?

Боль снова подступала, но вместе с тем приносила облегчение. Он уж точно становился Витинари. Боль — это правильно. Это была *правильная* боль. Она помогала сосредоточиться. Помогала думать.

Прямо сейчас Космо думал, что Пуччи стоило придушить при рождении — именно это, согласно семейным легендам, он и пытался предпринять. Все

в ней вызывало раздражение. Она была эгоистичной, заносчивой, жадной, тщеславной, безжалостной, упрямой, начисто лишенной такта и вообще не умела видеть себя со стороны.

В их роду эти вещи не считались недостатками: едва ли можно разбогатеть, если все время беспокоиться, правильно ли ты поступаешь. Но Пуччи считала себя красавицей, и это выводило Космо из себя. У нее были прекрасные волосы, это правда, но эти высокие каблуки! Она выглядела как воздушный шар на ниточке! За то, что у Пуччи была хоть какая-то фигура, стоило сказать «спасибо» корсетам. И хоть он слышал, что у толстых женщин добрая душа, у Пуччи ее было слишком много, и вся она пошла в Шиков.

С другой стороны, она была его ровесницей и, во всяком случае, обладала амбициями и удивительным даром ненависти. Она не была лентяйкой, как все остальные. Те проводили жизнь в обнимку со своими деньгами. Они не думали о большем. А с Пуччи можно было поговорить. Она смотрела на вещи с женской, более мягкой точки зрения.

— Нужно было избавиться от Бента, — сказала она. — Мне кажется, он что-то знает. Давай свесим его за ноги с моста. Дедушка так всегда делал. Почему ты все еще в этой перчатке?

— Он верой и правдой служил нашему банку, — ответил Космо, пропуская последний вопрос мимо ушей.

— И? Это здесь при чем? У тебя снова что-то с рукой?

— С рукой все в порядке, — ответил Космо, и очередной алый бутон боли распустился аж до самого плеча. «Я так близок, — думал он. — Так близок! Витинари думает, что поймал меня, но это

я поймал его! О да! И все же... возможно, пришла пора заметить следы».

— Сегодня же вечером отправлю к господину Бенту Кренберри, — решил Космо. — Теперь, когда есть Криббинс, он мне более ни к чему.

— Правильно. А потом Липкина посадят за решетку, и банк вернется к нам. Знаешь, ты очень плохо выглядишь. Такой бледный.

— Такой же, как Витинари? — спросил Космо, указывая на портрет.

— Что? О чем ты? Хватит говорить глупости, — ответила Пуччи. — И пахнет здесь как-то странно. Тут кто-то умер?

— Мои мысли очистились. Завтра будет последний день Витинари в кресле патриция, обещаю.

— И снова ты говоришь какие-то глупости. И сильно потеешь, кстати говоря, — сказала Пуччи. — В самом деле, у тебя с подбородка капает. Возьми себя в руки!

— Гусеница, наверное, тоже думает, что умирает, когда превращается в прекрасную бабочку, — проговорил Космо мечтательно.

— Чего? Что? Кто ее знает! Какое отношение это имеет к делу? — допытывалась Пуччи. — И вообще, там все не так происходит, потому что, вот послушай, это очень интересно: короче, гусеница умирает и вся разлагается, а потом маленький кусочек от нее, точка или типа того, вдруг просыпается и съедает эту гусеничную кашу, и *это* становится потом бабочкой. И это чудо природы. А *ты* просто приболел. Хватит капризничать. У меня сегодня свидание. Увидимся утром.

Она упорхнула, оставив Космо одного, не считая Кренберри, который читал в углу.

Космо вдруг подумал, что почти ничего не знал о нем. Но в качестве Витинари он, разумеется, скоро будет знать обо всех все.

— Ты ведь учился в школе Гильдии Убийц, верно, Кренберри? — спросил он.

Кренберри достал из верхнего кармана маленькую серебряную закладку, бережно положил ее на страницу и закрыл книгу.

— Да, сэр. Стипендиат.

— А, точно. Помню таких, вечно куда-то торопились. Их частенько травили.

— Да, сэр. Некоторые из нас выжили.

— А я тебя никогда не дразнил?

— Нет, сэр. Я бы запомнил.

— Это хорошо. Это хорошо. Как твое имя, Кренберри?

— Не знаю, сэр. Найденыш.

— Какая жалость! У тебя, наверное, была тяжелая жизнь.

— Да, сэр.

— Мир подчас бывает так жесток.

— Да, сэр.

— Сделай одолжение, убей сегодня господина Бента.

— Я взял себе на заметку, сэр. Я возьму напарника и примусь за задание за час до рассвета. Большинство постояльцев госпожи Торт отсутствует в это время, и туман будет самый густой. Госпожа Торт как раз гостит у своей старой приятельницы госпожи Хармс-Битл на Добромыльной улице. Я справился заранее, предвидя такую возможность.

— Ты мастер своего дела, Кренсберри. Снимаю шляпу.

— Спасибо, сэр.

— Ты не видел Досихпора?

— Нет, сэр.

— Куда он только мог подеваться? Впрочем, ступай и поужинай. Я сегодня не буду есть. Завтра я изменюсь, — проговорил он вслух, когда за Кренсберри закрылась дверь.

Он потянулся вниз и обнажил клинок. Это была вещь редкой красоты.

На портрете напротив лорд Витинари вздернул бровь и сказал:

— Завтра ты станешь прекрасной бабочкой.

Космо улыбнулся. Он был почти у цели. Витинари окончательно спятил.

Господин Бент открыл глаза и уставился в потолок.

Прошло несколько секунд, и этот удручающий вид сменился огромным носом, на некотором расстоянии от которого виднелось встревоженное лицо.

— Ты проснулся!

Господин Бент моргнул, перефокусировался и посмотрел на госпожу Драпс, от которой виднелся только силуэт напротив лампы.

— Ты такое учудил, господин Бент, — сказала она спокойным заботливым тоном, которым обычно разговаривают с буйнопомешанными, пожилыми или вооруженными до зубов людьми.

— Учудил? Я сделал что-то смешное? — Он приподнял голову с подушки. принялся и спросил: — Госпожа Драпс, на тебе чесночное ожерелье?

— Мало ли... что, — сказала госпожа Драпс с виноватым видом. — Против... простуды... точно, простуды. Лишняя осторожность не помешает. Как ты себя чувствуешь, в себе?

Господин Бент замешкался. Он не знал точно, как он себя чувствовал. Он не знал точно, кем он был. В нем как будто проделали дыру. У него в себе не было себя.

— Что происходит, госпожа Драпс?

— О, тебе не о чем беспокоиться, — сказала госпожа Драпс с ломкой веселостью.

— Мне кажется, есть о чем, госпожа Драпс.

— Доктор говорит, тебе нельзя перевозбуждаться, господин Бент.

— Если мне не изменяет память, госпожа Драпс, я в жизни не перевозбуждался.

Женщина кивнула. Увы, в это было слишком легко поверить.

— Ну, ты же знаешь господина фон Липвига? Говорят, он украл все золото из банковского хранилища!..

И она приступила к рассказу. Во многом там были одни домыслы, как свежие, так и обмусоленные, а поскольку госпожа Драпс исправно читала «Вестник Танти», повествование велось в том стиле, в котором обсуждаются кошмарные преступления.

Шокировало ее то, что Бент лежал спокойно. Пару раз он просил вернуться назад и объяснить подробнее, но ни разу не изменился в лице. Она пыталась добавить огня, раскрашивала стены восклицательными знаками, но он не двигался с места.

— ...и теперь его посадили в Танти, — сказала госпожа Драпс. — Говорят, его повесят за шею на смерть. Мне кажется, это гораздо хуже, чем когда просто вешают.

— Но они не могут найти золото... — прошептал Маволио Бент, откидываясь на подушки.

— Так и есть! Некоторые говорят, что его похи-

тили подлые сообщники! — воскликнула госпожа Драпс. — Еще говорят, что господин Шик предъявил компромат.

— Нет мне прощения, госпожа Драпс, ни прощения, ни оправдания, — сказал господин Бент, уставившись в стенку.

— Тебе, господин Бент? Так нельзя говорить! Тебе-то, кто никогда не допускает ошибок?

— Но я грешен! О, это сущая правда. Я поклонялся ложным богам!

— Ну, до настоящих иногда не достучаться. — Госпожа Драпс потрепала его по руке и задумалась, не позвать ли кого-нибудь. — Но если хочешь искупления грехов, насколько мне известно, ионийцы на этой неделе отпускают два по цене одного...

— Оно нагнало меня, — прошептал Бент. — Ох, боги, госпожа Драпс, что-то внутри меня поднимается и так и рвется наружу!

— Ничего страшного, у нас есть ведро, — успокоила госпожа Драпс.

— Нет! Тебе нужно уйти, немедленно! Это будет ужасно!

— Никуда я не уйду, господин Бент, — сказала госпожа Драпс, образчик решимости. — Ты просто снова чудишь, и все.

— Ха! — сказал господин Бент. — Ха... ха... ха-ха...

Смех поднимался у него из горла, как мертвец из могилы.

Его худосочное туловище неподвижно застыло, а потом изогнулось дугой, словно вздымаясь с матраца. Госпожа Драпс бросилась на кровать, но было уже слишком поздно. Дрожащая рука поднялась и указала пальцем на шкаф.

— А вот и мы! — закричал Бент.

Замок щелкнул. Дверцы распахнулись.

В шкафу лежала стопка grossбухов и... что-то... под покрывалом. Господин Бент распахнул глаза и взглянул госпоже Драпс в лицо.

— Я оставил его у себя, — сказал он, словно разговаривая сам с собой. — Я ненавидел его всей душой, но оставил. Зачем? Кто управляет цирком?

Госпожа Драпс замолчала. Единственное, что она знала, так это то, что она останется здесь, пока все не прояснится. В конце концов, она уже провела ночь в спальне с мужчиной, и леди Дейрдре Ваггон многое имела сказать по этому поводу. Технически она была падшей женщиной, что казалось несправедливым, ведь еще более технически таковой она не была.

Она наблюдала, как господин Бент... переодевался. Ему хватило порядочности проделать это, повернувшись к ней спиной, но госпожа Драпс все равно закрыла глаза. Потом она вспомнила, что уже пала и что в этом больше не было смысла.

Она снова их открыла.

— Госпожа Драпс? — позвал господин Бент, как во сне.

— Да, господин Бент? — спросила она, стуча зубами.

— Нам нужно найти... кондитерскую.

Кренберри с напарником вошли в комнату и застыли как вкопанные. Этого в плане не было.

— И хорошо бы еще лестницу, — сказал господин Бент. Он достал из кармана полоску розовой резины и отвесил поклон.

Глава 12

Помощи ждать не от кого — Слово берет
Стукпостук — Вероятность розыгрыша —
Шалопай в центре внимания — Странности
в воздухе — Возвращение господина Бента —
«Берегись, у него ромашка!» — Минута славы
для Пуччи — Космо нужна рука помощи

В камере Мокрица была чистая солома, и он почти не сомневался, что никто не плевал в его баланду, в которой лежало — если уж непременно давать этому название — то, что пришлось бы признать мясом. Каким-то образом разошлись новости, что это из-за Мокрица Беллистер лишился места. Даже его коллеги тюремщики терпеть не могли задиристого гада, так что Мокриц без всяких просьб получал добавку, чистые туфли и бесплатный номер «Правды» по утрам.

Марширующие големы вытеснили банковские проблемы на пятую страницу. Големы занимали всю первую полосу, а внутренние полосы в основном были полны народных мнений — это когда люди на улицах, которые ничего не знали, рассказывали другим людям то, что знали, — и длинных статей, написанных людьми, которые тоже ничего не зна-

ли, но могли рассказать об этом изящным слогом и в двухстах пятидесяти словах.

Мокриц как раз сидел, уставившись на кроссворд¹, когда кто-то очень вежливо постучался в дверь камеры. Это был надзиратель, который выражал надежду, что господину фон Липвигу понравилось пребывание у них, хотел бы проводить его к экипажу и ждал с нетерпением следующего его визита, если опять возникнут временные сомнения в его законопослушности. А пока он был бы признателен, если господин фон Липвиг наденет эти облегченные кандалы, для приличия, и когда их с него снимут, а их, конечно же, снимут, как только его доброе имя будет *очищено*, не мог бы он напомнить дежурному офицеру, что это тюремное имущество, спасибо большое.

У тюрьмы собрался народ, но все сторонились большого голема, который, опустившись на одно колено и воздев в воздух кулак, ожидал у ворот. Он появился накануне ночью, и, по словам тюремщика, все были бы очень признательны, если бы господин фон Липвиг позаботился его убрать. Мокриц постарался выглядеть так, как будто на это и рассчитывал. Он велел черноусому голему ждать дальнейших распоряжений. *Этого* он не ожидал.

Более того, голем с топотом провожал экипаж до самого дворца. По дороге было выставлено немало стражников, а на каждой крыше примостилось по фигуре в черном. Похоже, Витинари решил перестраховаться на случай попытки к бегству. Во

---

¹ 1 по вертикали: Взболтай один цитрус и перемешай один календарь — получишь двух друзей (6 букв). Лорд Витинари только усмехнулся.

внутреннем дворе ждало еще больше стражников — больше, чем требовалось, Мокриц это уж точно понимал, потому что сметливому человеку гораздо проще удрать от двадцати человек, чем от пяти. Но кто-то хотел заявить о себе. Неважно, что именно заявить, главное, чтобы выглядело впечатляюще.

По темным коридорам его вывели под внезапный свет Большого Зала, в котором яблоку было негде упасть. Прозвучали жидкие аплодисменты, редкие приветственные возгласы и громкое протяжное шиканье от Пуччи, которая сидела рядом с братом в большой ложе в первом ряду. Мокрица подвели к небольшой кафедре, которая заменяла скамью подсудимых, и оттуда он смог обозреть глав гильдий, старейших волшебников, главных священнослужителей и прочих важных или по меньшей мере шумных персон. Был там и Гарри Король, который ухмылялся ему, и облако дыма, обозначающее присутствие Доры Гаи, и — да-да — новая верховная жрица Анойи в сверкающем венце из погнутых ложек, со стиснутым в руке церемониальным половником, окостеневшая от волнения и чувства собственной значимости. «Ты мне обязана, дамочка, — думал Мокриц, — потому что еще в прошлом году тебе приходилось подрабатывать вечерами в баре, чтобы сводить концы с концами, а Анойя была лишь одной из десятка полубогинь, деливших алтарь, которым, будем называть вещи своими именами, служил твой кухонный стол, накрытый скатертью. Разве одно маленькое чудо может с этим сравниться?»

Прошелестели одежды, и вдруг лорд Витинари появился в своем кресле, и Стукпостук рядом с ним. Патриций обвел взглядом зал, и разговоры стихли.

— Благодарю всех собравшихся, дамы и господа, — сказал он. — Давайте приступим. Это не судебное заседание как таковое. Это следственное заседание, которое я созвал с тем, чтобы рассмотреть обстоятельства исчезновения золотых слитков общим весом в десять тонн из Королевского банка Анк-Морпорка. Поставлено под вопрос доброе имя банка, поэтому мы изучим все свидетельства, предположительно имеющие к этому отношение...

— Вне зависимости от того, к чему они приведут?

— Совершенно верно, господин Космо Шик. Вне зависимости от того, к чему они приведут.

— Вы даете слово? — настаивал Космо.

— Мне кажется, я его уже дал, господин Шик. Мы можем продолжать? Я назначил господина Кривса из фирмы «Моркомб, Кривс и Медовик» советником по следственным вопросам. Он будет проводить прямые и перекрестные допросы по своему усмотрению. Думаю, общеизвестно, что господин Кривс вызывает абсолютное уважение у всех юристов Анк-Морпорка.

Господин Кривс поклонился Витинари и твердым взглядом обвел собравшихся. Он надолго задержался на рядах Шиков.

— Начнем с вопроса о золоте, — сказал Витинари. — Слово предоставляется Стукпостуку, моему секретарю и старшему клерку, который минувшей ночью командировал бригаду моих ревизоров в банк...

— Меня в этом обвиняют? — спросил Мокриц.

Витинари мельком взглянул на него и заглянул в бумаги.

— На расписке за десять тонн золота стоит твоя подпись, — сказал он. — Ты желаешь оспорить ее подлинность?

— Нет, но я думал, это простая формальность!

— Десять тонн золота — формальность? И не ты ли позднее вломился в хранилище?

— Технически да. Я не мог открыть его, потому что господин Бент потерял сознание внутри и оставил ключ в замке.

— Ах да, господин Бент, старший кассир. Он присутствует здесь сегодня?

Беглый осмотр обнаружил его отсутствие.

— По моему разумению, он находился в состоянии несколько подавленном, но без серьезного риска для здоровья, — сказал лорд Витинари. — Командор Ваймс, окажи любезность, пошли своих людей к нему домой. Я хочу, чтобы он к нам присоединился.

Он снова повернулся к Мокрицу:

— Нет, господин фон Липвиг, пока тебя никто не обвиняет. Прежде чем кого-то обвинять, желательно иметь для того веские причины. Это элементарные правила приличия. Все же обращаю твое внимание, что ты принял на себя формальную ответственность за золото, которое, как нам остается предполагать, было золотом и находилось в хранилище на тот момент. Дабы иметь полное представление о банковском балансе в это время, я попросил своего секретаря ревизовать банковские дела, что он со своими подчиненными и сделал прошлой ноч...

— Если в данный момент я как бы не подсудимый, можно снять с меня эти кандалы? Они как-то склоняют дело против меня, — сказал Мокриц.

— Да, конечно. Стража, разберитесь с этим. А теперь, господин Стукпостук, пожалуйста.

«Все ведь повесят на меня, — подумал Мокриц, когда Стукпостук заговорил. — Что за игру затеял Витинари?»

Он глядел на толпу, пока Стукпостук зачитывал скучный бухгалтерский отчет. Впереди всех сплошной черной массой восседали Шики. Отсюда они казались стервятниками. Судя по серьезному монотонному чтению Стукпостука, это должно было занять много времени. Они подставят его, а Витинари... да, потом где-то в отдаленной комнате прозвучит: «Господин фон Липвиг, потрудись, пожалуйста, объяснить, как тебе удалось подчинить себе големов?»

Суматоха у входа принесла приятную разрядку, и теперь сержант Колон со своим неразлучным напарником Шнобби Шноббсом на хвосте буквально плыл сквозь толпу. Ваймс устремился к ним, за ним по пятам шла Сахарисса. Они перебросились парой быстрых фраз, и полные ужаса восклицания прокатились по толпе.

«Убийство!» — удалось выхватить Мокрицу.

Витинари встал и плашмя опустил свою трость на стол. Это резко положило шумихе конец, как точка, поставленная божеством.

— Что случилось, командор? — спросил он.

— Трупы, сэр. Дома у господина Бента!

— Он убит?

— Нет, сэр. — Ваймс кратко и деловито посоветовался о чем-то со своим сержантом. — Покойный предварительно опознан как Профессор Кренберри, сэр, но не настоящий профессор, а злостный наемный убийца. Мы думали, что он покинул город. А второй, судя по описанию, Джек Ребро, и он был забит до смерти... — Командор Ваймс прервался на очередное экстренное совещание, но, разозлившись, сорвался и повысил голос: — *Чем-чем?* На втором

этаже? Что за глупости! А Кренберри что? А? Ты сейчас сказал то, что мне слышалось?

Он выпрямился:

— Прошу прощения, сэр, мне нужно пойти и лично на это посмотреть. У меня есть подозрение, что нас разыгрывают.

— А что с беднягой Бентом? — спросил Витинари.

— Никаких следов, сэр.

— Спасибо, командор. — Ваймс махнул рукой. — Тотчас возвращайся, когда узнаешь больше. Никаких розыгрышей мы не потерпим. Спасибо, Стук-постук. Как я понимаю, ты не обнаружил ничего возмутительного помимо отсутствия золота. Не сомневаюсь, все здесь рады это слышать. Слово тебе, господин Кривс.

Законник встал, окруженный аурой достоинства и нафталина.

— Расскажи мне, господин фон Липвиг, чем ты занимался до того, как приехал в Анк-Морпорк? — спросил он.

«Хо-ро-шо, — подумал Мокриц, глядя на Витинари. — Я все понял. Если я буду вести себя хорошо и говорить правильные слова, то, возможно, выживу. Не за бесплатно. Нет уж, спасибо. Я просто хотел делать деньги».

— Чем ты занимался, господин фон Липвиг? — повторил Кривс.

Мокриц обвел взглядом ряды зрителей и увидел среди них Криббинса. Тот подмигнул.

— А? — переспросил Мокриц.

— Я задал вопрос, чем ты занимался до того, как приехал в наш город!

В этот момент до Мокрица донеслось, увы, уже хорошо знакомое ему жужжание, и со своего возвышения он первым увидел, как из-за штор в дальнем конце зала появился председатель Королевского банка с новой любимой игрушкой, стиснутой в пасти. Прихотью вибраций Шалопая тащило задом наперед по мраморному полу.

Люди в аудитории вытягивали шеи, а пес, виляя хвостом, миновал кресло Витинари и скрылся за шторами на противоположной стороне.

Мокриц подумал: «В мире, где только что произошло такое, ничто не важно». Это было необычайно окрыляющее откровение.

— Господин фон Липвиг, я задал тебе вопрос, — прорычал Кривс.

— Ах да. Я был мошенником.

...и он полетел! Вот оно! Это было лучше, чем висеть на какой-нибудь старой стене! Взгляните на лицо Космо! Взгляните на Криббинса! Они так хорошо все продумали, а оно ушло у них из-под носа. Они все были у Мокрица в руках — и он летел!

Кривс замешкался.

— Мошенник — в смысле...

— В смысле аферист. Временами фальсификатор. Честно говоря, сам я предпочитаю считать себя шарлатаном.

Мокриц увидел, как Космо и Криббинс обменялись взглядами, и внутренне возликовал. Нет, не это должно было произойти, да? И теперь вам придется бежать со всех ног, чтобы не отстать...

У господина Кривса с этим явно возникли трудности.

— Чтобы внести ясность: ты зарабатывал на жизнь нарушением закона?

— Преимущественно я оборачивал людскую жадность себе на пользу, господин Кривс. Я бы сказал, в этом был образовательный элемент.

Господин Кривс оторопело покачал головой, вытряхнув уховертку, что характерно, из уха.

— Образовательный? — переспросил он.

— Да. Многие открыли для себя, что никто не продает кольца с бриллиантами за десятую часть их реальной стоимости.

— И потом ты занял один из самых почетных государственных постов в городе? — спросил господин Кривс сквозь смех в зале. Это было такое облегчение. Все слишком долго задерживали дыхание.

— Мне пришлось. Если бы я отказался, меня бы повесили, — ответил Мокриц и добавил: — Снова.

Господин Кривс в растерянности посмотрел на Витинари:

— Мне продолжать, милорд?

— О да, — ответил Витинари. — До последнего вздоха, господин Кривс.

— Э... тебя вешали прежде? — спросил Кривс у Мокрица.

— Было дело. Не хотелось бы превращать это в привычку.

Зрители снова засмеялись.

Господин Кривс повернулся к Витинари, который едва заметно улыбался.

— Это правда, милорд?

— Правда, — спокойно подтвердил Витинари. — Господин фон Липвиг был повешен в прошлом году под именем Альберта Стеклярса, но оказалось, что у него исключительно крепкая шея. Это было обнаружено, когда его положили в гроб. Тебе, может быть, знаком, господин Кривс, древний постулат:

quia ego sic dico. Если человек выжил после повешения, возможно, боги избрали его для иных дел, которые остались несделанными. И поскольку судьба благоволила ему, я принял решение освободить его условно-досрочно и дал ему задание восстановить Почтамт. Это дело уже унесло жизни четырех моих сотрудников. Если он преуспеет — замечательно. Если потерпит неудачу — город сэкономит на лишнем повешении. Это была жестокая шутка, которая, имею удовольствие сказать, обернулась ко всеобщему благу. Думаю, все присутствующие согласятся, что Почтамт сегодня стал истинной жемчужиной нашего города. И горбатого можно отмыть добела!

Господин Кривс машинально покивал, опомнился, сел и принялся рыться в своих записях. Он потерял строчку.

— И теперь мы подходим, э, к вопросу с банком.

— Госпожа Шик, дама, с которой многие из нас имели честь быть знакомы, недавно призналась мне в том, что она умирает, — сказал лорд Витинари тут же. — Она спросила у меня совета о будущем банка, поскольку прямые ее наследники были, цитирую, «такими грязными хорьками, что и врагу не пожелаешь»...

Все законники Шиков числом тридцать один встали с мест и разом заговорили, навлекая на своих клиентов общий счет суммой AM\$119.28.

Господин Кривс сверкнул на них взглядом.

Господин Кривс, что бы о нем ни говорили, не внушал уважения представителям анк-морпоркского сословия законников. Он внушал страх. Смерть не отразилась на его энциклопедических знаниях, хитроумии, умении подминать аргументы под себя и свирепости взгляда. «Не нужно мне сегодня пе-

речить», — говорил законникам этот взгляд. «Не перечьте мне, потому что я с вас шкуры сдеру и позвоночник вырву. Помните талмуды в кожаных переплетах, которые вы держите на полках в ваших кабинетах, чтобы производить впечатление на клиентов? Я все их читал и половину из них — написал. Не шутите со мной. Я в скверном настроении».

Один за другим они сели¹.

— Позвольте, я продолжу, — сказал Витинари. — Мне известно, что госпожа Шик позднее беседовала с господином фон Липвигом и сочла его превосходной кандидатурой на руководящий пост, в лучших традициях семейства Шиков, и идеальным опекуном для ее собаки, Шалопая, который в силу обычаев банка стал его председателем.

Не спеша Космо поднялся на ноги и вышел в центр зала.

— Категорически протестую против намеков, что этот проходимец — в лучших традициях моей... — начал он.

Господин Кривс вскочил с места, точно его вытолкнуло пружиной. Но Мокриц был еще быстрее.

— Протестую! — воскликнул он.

— Да как ты смеешь протестовать, — процедил Космо, — когда ты сам *признался* в том, что ты подлый преступник?

— Мой протест относится к утверждению лорда Витинари, будто я имею какое-то отношение к славным традициям семейства Шиков, — сказал Мокриц, глядя прямо в зеленые глаза, из которых, казалось, текли зеленые слезы. — Я, например, никогда не был пиратом и работорговцем...

---

¹ Общий счет с учетом времени и издержек: AM\$253.16.

Масса законников поднялась с мест.

Господин Кривс сверкнул глазами. Масса села.

— Они этого не скрывают, — сказал Мокриц. — Все записано в официальных архивах банка!

— Это так, господин Кривс, — подтвердил Витинари. — Я читал архивы. Тут явно применимо *volenti non fit injuria*.

Снова послышалось жужжание. Шалопай проехал в обратном направлении. Мокриц заставил себя не смотреть.

— О, как это низко! — ощерился Космо. — Чья история свободна от этого зла?

Мокриц поднял руку.

— У-у, я знаю ответ! — сказал он. — Моя выдержит. Худшее, что я когда-либо делал, — обкрадывал людей, которые считали, что обкрадывают меня, но я никогда не применял силу, и я все вернул. Ну да, обокрал пару банков, ну, присвоил деньги, если точнее, но только потому, что они сами напрашивались...

— Вернул? — переспросил Кривс, ожидая какого-нибудь ответа от Витинари. Но патриций глядел поверх толпы, которая почти без исключения была поглощена перемещениями Шалопая, и он лишь поднял палец не то в знак согласия, не то отклоняя вопрос.

— Да, все могут вспомнить, что я раскаялся в содеянном год назад, когда боги...

— Обокрал пару банков? — перебил Космо. — Витинари, неужели вы сознательно поставили известного вора во главе самого уважаемого банка в городе?

Ряды Шиков единым фронтом встали с мест на защиту своих денег. Витинари продолжал смотреть в потолок.

Мокриц посмотрел вверх. Какой-то диск белого цвета кружился в воздухе под потолком. Вращаясь, он опустился ниже и ударил Космо промеж глаз. Второй диск спланировал над головой Мокрица и приземлился в самую гущу Шиков.

— Неужели ему нужно было оставить банк в руках *неизвестных* преступников? — раздался крик, когда все строгие черные костюмы забрызгало кремом. — А вот и мы!

Новая волна торгов уже была в воздухе. Они облетали зал по траекториям, которые неизменно заканчивались приземлением на негодующих Шиков. А потом из толпы выбрался человек под стоны и крики тех, кто временно оказался у него на пути, потому что людей, которые успели отскочить, пока им не оттоптали ноги огромными башмаками, соскочило лестницей, которую тащил на плече новоприбывший. Он невинно поворачивался посмотреть на учиненный беспорядок, и лестница с размаху сносила любого, кто не успевал увернуться. В этом была своя система: Мокриц увидел, как клоун отошел от лестницы, оставив четырех человек в ловушке между рейками таким образом, что любая попытка высвободиться одному причинила бы адскую боль трем оставшимся, а в случае с одним стражником серьезно ухудшила бы его брачные перспективы.

С красным носом, в дырявой шляпе, клоун вприпрыжку выскочил на арену *очень знакомой походкой*, шлепая гигантскими башмаками при каждом шаге.

— Господин Бент? — спросил Мокриц. — Это ты?

— Мой дорогой дружок господин фон Липвиг! — крикнул клоун. — Думаешь, шталмейстер

управляет цирком, да? Только с согласия клоунов, господин фон Липвиг! Только с согласия клоунов!

Бент замахнулся и запустил тортом в лорда Витинари.

Но Мокриц взмыл в воздух еще до того, как торт начал свой полет. Его мозг с большим отрывом шел третьим и сообщал ему все его мысли одновременно, озвучивая то, что ноги, очевидно, поняли и сами: что достоинство великих редко бывает в состоянии пережить вымазанное кремом лицо, что снимок *кремированного* патриция на первой полосе «Правды» сотрясет политическую динамику Анк-Морпорка, и главное, что в мире без Витинари он, Мокриц, не доживет до завтрашнего дня, что всегда было его важнейшей жизненной целью.

Как в немом сновидении, он в замедленном действии плыл наперерез немезиде, вытягивая руку, пока торт летел на встречу с историей.

Торт угодил ему в лицо.

Витинари не двинулся с места. Крем разбрызгался, и четыре сотни замороженных глаз увидели, как один комок полетел в сторону патриция, который остановил его приподнятой рукой. Кроме легкого шлепка, когда крем врезался в ладонь, не было слышно ни звука.

Витинари изучил пойманный крем. Он обмакнул в него палец и попробовал крем на язык. Он задумчиво посмотрел вверх, и все в зале дружно задержало дыхание. А потом патриций произнес:

— Кажется, ананасовый.

Раздался гром аплодисментов. Еще бы. Можно было не любить Витинари, но момент он выбрал идеально.

И вот он уже спускается по ступенькам к застывшему и перепуганному клоуну.

— Клоуны не управляют *моим* цирком, господин, — сказал он, ухватив его за большой красный нос и оттянув эластичную резинку до предела. — Это понятно?

Клоун вынул круглый гудок и издал скорбный звук.

— Хорошо. Я рад, что ты со мной согласен. Теперь я хотел бы поговорить с господином Бентом, если можно.

В ответ послышалось два гудка.

— О да, он здесь, — сказал Витинари. — Позовем его к мальчикам и девочкам? *Сколько будет 15,3 процента от 59,66?*

— А ну, оставьте его в покое! Отстаньте от него!

Побитая толпа снова расступилась, на этот раз перед растрепанной госпожой Драпс, возмущенной и негодующей, как курица-наседка. Она прижимала что-то объемное к своей пышной груди, и Мокриц увидел, что это была стопка гроссбухов.

— Все дело в этом! — объявила она торжественно, широко размахивая руками. — Он не виноват! Они им воспользовались!

Она обвинительно ткнула пальцем в сочащиеся кремом ряды Шиков. Если бы богине войны было позволено носить респектабельные блузки и собирать волосы в тугий пучок, из которого то и дело выбивались волосы, то госпожу Драпс стоило бы обожествить.

— Это все они! Они украли золото много лет назад!

Это вызвало общий взбудораженный гвалт со всех сторон, за исключением Шиков.

— Я дождусь тишины! — прикрикнул Витинари. Законники встали. Господин Кривс сверкнул глазами. Законники сели.

И Мокриц очень вовремя вытер ананасовый крем с глаз.

— Берегись! У него ромашка! — прокричал он и подумал: «Я только что прокричал “Берегись! У него ромашка!” — и я, наверное, на всю жизнь запомню, до чего это неловко».

Витинари перевел взгляд на неправдоподобно большой цветок в бутоньерке клоуна. Капелька воды блестела в практически идеально замаскированном носике.

— Да, — сказал он. — Вижу. Итак, я убежден, что ты и есть господин Бент. Видишь ли, я узнаю твою походку. Если ты не он, тебе достаточно просто нажать. А мне — отпустить. Повторяю: я хотел бы поговорить с господином Бентом.

Иногда у богов напрочь отсутствует чувство такта, решил Мокриц. Должен грянуть гром, завывать ветер, прозвучать напряженный аккорд. Подошло бы любое божественное признание того, что сейчас вершится момент ист...

— 9,12798, — сказал клоун.

Витинари улыбнулся и потрепал его по плечу.

— С возвращением, — сказал он и посмотрел по сторонам, пока не нашел доктора Пьерро из Гильдии Шутов.

— Доктор, не мог бы ты присмотреть за господином Бентом? Ему будет лучше среди своих собратьев.

— С превеликим удовольствием, милорд. Семь тортов в одновременном полете и лестничная ловушка на четырех? Исключительно! Кто бы ты ни

был, брат, протягиваю тебе руку для шуточного приветственного рукопожатия...

— Без меня он никуда не пойдет, — произнесла госпожа Драпс решительно, когда белолицый клоун выступил вперед.

— Кто бы сомневался, — сказал Витинари. — Доктор, пожалуйста, открой двери гильдии и для юной леди, — добавил он на удивление и радость госпоже Драпс, которая изо всех сил продолжала цепляться за «леди», хотя нехотя распрощалась с «юной» уже давным-давно.

— И пусть кто-нибудь освободит этих людей из лестницы. Боюсь, без пилы здесь не обойдется, — продолжал Витинари. — Стукпостук, приобщи к делу эти славные гроссбухи, которые нам так любезно предоставила юная леди. И кажется, господину Шикку требуется медицинская помощь...

— Не... нужно!.. — Космо, с которого капал крем, пытался стоять прямо. На него было больно смотреть. Он сумел еще яростно ткнуть трясущимся пальцем в кипу книг. — Это, — заявил он, — собственность банка!

— Господин Шик, всем видно невооруженным глазом, что тебе нездоровится... — начал Витинари.

— О, как бы тебе хотелось, чтобы все в это поверили, ты... самозванец! — сказал Космо и покачнулся. В его воображении послышались овации.

— Королевский банк Анк-Морпорка, — сказал Витинари, не сводя глаз с Космо, — гордится своими фирменными гроссбухами, обтянутыми красной кожей с неизменно вытисненным на них золотым городским гербом. Стукпостук?

— Дешевый картонный переплет, сэр. Такие тетради продаются везде. Однако они совершен-

но точно исписаны мелким почерком господина Бента.

— Уверен?

— О да. У него прекрасный курсив.

— Подделка, — проговорил Космо как будто распухшим вдвое языком. — Все подделка. Украдено!

Мокриц посмотрел на зрителей и увидел общее выражение их лиц. Можно быть любого мнения о человеке, но тяжело наблюдать, как он разваливается на части прямо на глазах. Двое стражников подбирались к Космо бочком.

— Я в жизни ничего чужого не взяла! — сказала госпожа Драпс, вздыбившись, как лошадь на манеже. — Они были у него в шкафу... — Она задумалась и решила, что лучше быть пунцовой, чем серой. — И мне плевать, что там думает леди Дейрдре Ваггон! Я еще и внутрь заглянула! Ваш отец продал золото и заставил его спрятать это в цифрах! И это только начало!

— ...прекрасная ббчка, — пролепетал Космо, моргая на Витинари. — Ты бльше не я. Милю в твоих бшмаках!

Мокриц тоже стал подвигаться в его направлении. У Космо был вид человека, который мог в любую минуту взорваться — или потерять сознание, или даже повиснуть у Мокрица на шее, бормоча что-то вроде «Ты мой лчший дрг, ты меня ужашешь, дрг?».

Зеленоватый пот струился по лицу Космо.

— Кажется, тебе лучше прилечь, господин Шик, — сказал Мокриц бодро.

Космо попытался сосредоточить на нем взгляд.

— Эт хрошая боль, — признался он, обливаясь

потом. — У меня есть шпочка, есть клинк из крови тыщщи...

Сталь просвистела в воздухе, и серое лезвие с жутким красным отблеском нацелилось Мокрицу между глаз. Оно не дрожало. Космо трясло и лихорадило, но лезвие оставалось прямым и неподвижным.

Приближающиеся стражники замедлили шаг. У них впереди была пенсия.

— Очень прошу, пусть никто вообще не шевелится. Я думаю, что разберусь с этим, — сказал Мокриц, искоса глядя на лезвие. В такие минуты нужен тонкий подход...

— Ах, все это так глупо, — сказала Пуччи и зашагала вперед, цокая каблуками. — Нам стыдиться нечего. Это наше золото! Какая разница, что написано в этих тетрадках!

Фаланга законников очень медленно поднялась с мест, а двое, нанятых самой Пуччи, стали что-то бешено нашептывать ей в уши. Она их проигнорировала. Все теперь смотрели на нее, а не на ее брата. Она была центром внимания.

— Пожалуйста, тише, госпожа Шик, — попросил Мокриц. Неподвижность клинка тревожила его. Какая-то часть Космо функционировала без сбоев.

— Ах, да кто бы сомневался, конечно, ты хочешь, чтобы я замолчала, но дудки! — злорадно объявила Пуччи. Как Мокриц не мог устоять перед открытым блокнотом, так и она неслась вперед, не думая о последствиях. — Нельзя украсть то, что и так принадлежит нам! Что с того, что папенька нашел денежкам лучшее применение? В банке они лежали просто так! Нет, правда, почему вы такие тупые? Все так делают. Это не воровство. Золото же

до сих пор существует, да? В кольцах там, и вообще. Никто же его не выбрасывает. Какая разница, где оно?

Мокриц заставил себя не смотреть на других присутствующих банкиров. Все так делают, говоришь? В это Страшдество Пуччи недосчитается поздравительных открыток. И брат уставился на нее в ужасе. Остальные же члены семейства, кроме тех, кто продолжал усердно избавляться от крема, старательно притворялись, будто видят Пуччи впервые в жизни. «Кто эта сумасшедшая? — говорили их лица. — Кто ее впустил? Что она несет?»

— Мне кажется, госпожа, твой брат серьезно болен, — сказал Мокриц.

Пуччи пренебрежительно встряхнула своими бесспорно прекрасными локонами.

— Нечего за него волноваться, он страдает ерундой, — сказала она. — Он просто хочет обратить на себя ваше внимание. Всякие мальчишеские глупости про то, как он мечтает быть Витинари, как будто кто-то в здравом уме...

— Из него течет что-то зеленое, — сказал Мокриц, но оказался не в силах пресечь напор ее болтовни. Он заглянул в изможденное лицо Космо, и внезапно все стало ему понятно. Бородка. Шапочка. Клинок, да, и чье-то пошлое представление о том, как должно выглядеть железо, извлеченное из крови тысячи человек. И что там насчет убийства мастера по изготовлению колец? Что было под этой зловонной перчаткой?..

«Это мой мир. И я знаю, что делать».

— Прошу прощения! Вы же лорд Витинари, не так ли? — спросил Мокриц.

Делай деньги!

На мгновение Космо подтянулся, и в нем проблеснула искра властности.

— Да! Он самый, — ответил он и приподнял одну бровь. Но потом она сникла, и все его опухшее лицо следом.

— У меня кольцо, — пробормотал он. — Кольцо Втнари. Мое кольцо. *Правильная* боль...

Он уронил клинок.

Мокриц схватил его за левую руку и стянул перчатку. Она соскочила с посасывающим звуком и невообразимо скверным запахом, от которого жгло в носу. Ближайшего стражника стошнило. Какое разноцветье, подумал Мокриц. Сколько тут всего... шевелится...

И там, еще различимый в гнойной массе, виднелся несомненный тусклый блеск стиксия.

Мокриц ухватил Космо за вторую руку.

— Вам нужно выйти на воздух, милорд, вы теперь патриций, — сказал он громко. — Нужно поприветствовать народ...

И снова внутренний Космо ухватился за жизнь скользкой хваткой, достаточно крепко, чтобы его истекающий слюной рот пробормотал:

— Да, это очень важно... — прежде чем вновь вернуться к: — ...плохо. Палец. Странный.

— Солнышко пойдет тебе на пользу, — сказал Мокриц и мягко повел его за собой. — Верь мне.

Глава 13

Глэдис Делает Это Ради Себя — Потешное место —
Прошлое господина Бента — Сомнительность
клоунской медицинской помощи —
Ангел-хранитель Сычика — Золотой секрет
(не драконья магия) — Возвращение зубов —
Витинари смотрит в будущее — Банк-триумфатор —
Маленький презент от Хлюпера —
Как испортить идеальный день

В первый день всей оставшейся ему жизни Мокриц фон Липвиг проснулся — что было приятно, потому что в каждый отдельно взятый день многие этого не делают, — но проснулся в одиночестве, что было уже не так приятно.

Было шесть утра, и туман точно приклеился к окнам, такой густой, что в нем должны были плавать гренки. Но он любил эти моменты, пока фрагменты минувшего дня еще не начали вставать перед глазами.

Минуточку, это не его апартаменты. Это квартира на Почтамте, именно такая комфортабельная и роскошная, как представляешь себе при словах «предоставляется по службе».

Кусочек вчерашнего дня встал на место. А, да, Витинари приказал закрыть банк, чтобы его клерки

проверили там на этот раз *все*. Мокриц пожелал им удачи с особым комодом покойного сэра Джошуа...

Шалопая не было, а жаль. Человек не ценит утреннее слюнявое облизывание, пока не потеряет его. Глэдис тоже не было, и это вызывало беспокойство.

Она не объявилась и пока он одевался, и на столе не лежало свежего выпуска «Правды». Да и костюм некому было погладить.

В конечном итоге он нашел ее в сортировочной, за тележкой почты. Синее платье исчезло, но на его месте появилось серое, которое по зачаточным големским стандартам выглядело довольно модно.

— Доброе утро, Глэдис, — позвал Мокриц. — Могу ли я надеяться на поглаженные брюки?

— В Почтальонской Раздевалке Всегда Стоит Горячий Утюг, Господин Фон Липвиг.

— Да? О. Ясно. А, э... «Правда»?

— Четыре Экземпляра Каждое Утро Доставляются В Кабинет Господина Гроша, Господин Фон Липвиг, — сказала Глэдис с упрёком.

— О сэндвиче, я полагаю, нечего и...

— Мне Пора Возвращаться К Выполнению Моих Обязанностей, Господин Фон Липвиг, — упрёкнула она.

— Знаешь, Глэдис, никак не могу отделаться от мысли, что в тебе что-то изменилось, — заметил Мокриц.

— Да! Я Делаю Это Ради Себя, — сказала Глэдис с горящими глазами.

— Делаеть что именно?

— Этого Я Еще Не Выяснила, Но Я Прочитала Только Десять Страниц.

— Ага! Читаешь новую книгу? Не леди Дейдре Ваггон, надо полагать?

— Нет, Потому Что Она Чудовищно Отстала От Современности. Я Презрительно Смеюсь.

— Ну да, я в этом и не сомневался, — задумчиво произнес Мокриц. — И наверное, это госпожа Ласка дала тебе эту книгу?

— Да. Она Называется «Почему Мужчины Пугаются У Нас Под Ногами». Автор Релевенция Флаут, — сообщила Глэдис с готовностью.

А начинаем мы с самыми лучшими намерениями, думал Мокриц: найти их, откопать, освободить. Но мы и понятия не имеем, что творим и с чем.

— Глэдис, суть книг в том, что... в общем, суть... то есть только потому, что это написано на бумаге, не значит, что нужно... я имею в виду, это не значит, что... проще говоря, каждая книга...

Он замолчал. Они верят словам. Слова вдыхают в них жизнь. Нельзя взять и сказать ей, что мы вертим словами, как жонглеры, и подтасовываем их смысл себе в угоду...

Он похлопал Глэдис по плечу.

— В общем, читай все подряд и думай своей головой, договорились?

— Это Было Без Малого Непристойное Поведение, Господин Фон Липвиг.

Мокриц чуть не расхохотался, но вовремя осекся под ее строгим взглядом.

— Ну, разве что для госпожи Флаут, — сказал он и направился за «Правдой», пока ее всю не растащили.

Еще один тягостно сладкий денек для издателя. Первая полоса, в конце концов, только одна. В итоге редактор решил впихнуть туда все: «Кажется,

ананасовый» в комплекте с иллюстрацией и с перепачканными Шиками на заднем плане, и да, монолог Пуччи со всеми подробностями. Это было великолепно. И она все говорила и говорила. С ее точки зрения все было предельно просто: она была права, а остальные страдали ерундой. Пуччи так упивалась звуком собственного голоса, что стражникам пришлось написать на бумажке официальное предостережение и сунуть ей под нос, прежде чем уволочь ее, все еще продолжавшую говорить...

А кто-то успел запечатлеть момент, когда кольцо Космо попало на солнечный свет. В больнице это назвали почти идеальной операцией, которая, возможно, спасла ему жизнь, по словам врачей, и откуда Мокриц знал, что нужно делать, сказали они, когда все медицинские познания Мокрица на данную тему ограничивались тем, что на пальцах не должны расти зеленые грибы...

Газету вырвали у него из рук.

— Что ты сделал с профессором Флидом? — осведомилась Дора Гая. — Я точно знаю, ты с ним что-то сделал! Не ври!

— Я ничего не делал! — возразил Мокриц и повторил формулировку мысленно. Да, технически так и есть.

— Я была в департаменте Посмертных Коммуникаций, между прочим!

— И что там сказали?

— Я не знаю! Кальмар перегородил дорогу! Но ты что-то сделал, это точно! Это Флид раскрыл тебе секрет общения с големами, так ведь?

— Нет. — И это была чистая правда. Но Дора Гая колебалась.

— Не он?

— Нет. Он помог мне со словарем, но это не секрет.

— У меня получится?

— Нет. — И на данный момент это было правдой.

— Они принимают приказы только от мужчин?

Наверняка в этом все дело!

— Вряд ли, — вполне честно.

— Но секрет есть?

— Не то чтобы секрет. Флид сам это нам сказал.

Он просто не знал, что это секрет.

Правда.

— Это какое-то слово?

— Нет.

Правда.

— Почему ты мне просто не скажешь? Ты же знаешь, что можешь мне доверять!

— Да, конечно. Но можно ли будет тебе доверять, если кто-то приставит нож к твоему горлу?

— Зачем это кому-то?

Мокриц вздохнул:

— Потому что тебе будет известно, как командовать величайшей армией всех времен! Ты не смотрела по сторонам? Или ты не заметила всех этих стражников? Они объявились сразу после слушания!

— Какие стражники?

— Все эти тролли, перекладывающие мостовые. Ты часто видишь подобное? Строй кебов, которые не заинтересованы в пассажирах? Батальон попрошаек? А каретный двор за Почтамтом кишит зеваками, которые ничего не делают и глазят в окна! Вот такие стражники. Это называется засада, а я — дичь...

В дверь постучали. Мокриц узнал этот стук, предназначенный, чтобы осведомить, но не беспокоить.

— Входи, Стэнли, — сказал он.

Дверь открылась.

— Это я, сэр, — сообщил Стэнли, который шел по жизни с осторожностью человека, читающего руководство по эксплуатации в переводе с иностранного языка.

— Да, Стэнли.

— Глава отдела марок, сэр, — пояснил Стэнли.

— Да, Стэнли?

— Лорд Витинари на каретном дворе, сэр, инспектирует новое автоматизированное приемное устройство. Он говорит, что никуда не торопится, сэр.

— Он говорит, что никуда не торопится, — сказал Мокриц Доре Гае.

— Тогда не будем терять ни минуты?

— Именно.

— Удивительно похоже на виселицу, — заметил лорд Витинари, в то время как почтовые экипажи грохотали у него за спиной.

— Это позволяет экспрессу подбирать мешки с почтой, не замедляя хода, — объяснил Мокриц. — То есть письма из мелких региональных отделений могут приниматься прямо на ходу. Это может сэкономить несколько минут на длинных маршрутах.

— И конечно, если я выдам тебе несколько лошадей-големов, экипажи смогут преодолевать по несколько сотен миль за час, как мне сообщили. И к тому же интересно, смогут ли их горящие глаза видеть даже в такой туман.

— Вероятно, сэр. Только вообще-то у меня уже есть лошади-големы.

Витинари холодно посмотрел на него и сказал:

— А! Еще у тебя есть все уши. О каком обменном курсе мы говорим?

— Понимаете, не то чтобы я хотел быть властелином големов, — начал Мокриц.

— Обсудим по дороге. Жду тебя в своей карете, — перебил Витинари.

— Куда мы?

— Здесь недалеко. Мы направляемся к господину Бенту.

Клоун, открывший калитку в неприветливых воротах Гильдии Шутовских дел, перевел взгляд с Витинари на Мокрица, потом на Дору Гаю и не порадовался никому из них.

— Мы хотели бы видеть Доктора Пьерро, — сказал Витинари. — Я требую впустить нас с минимумом веселья.

Калитка захлопнулась. Послышался быстрый шепот и какой-то лязг, и одна створка двойных дверей приотворилась, достаточно для того, чтобы они смогли пройти гуськом. Мокриц шагнул вперед, но Витинари задержал его, положив руку ему на плечо, и указал тростью вверх.

— Это Гильдия Шутовских дел, — сказал он. — Ожидай... потех.

На двери балансировало ведро. Витинари вздохнул и подтолкнул дверь тростью. На обратной стороне послышался грохот и плеск.

— Не знаю, почему они продолжают на этом настаивать, честное слово, не понимаю, — сказал патриций, переступая порог. — Это несмешно и может кого-нибудь покалечить. Осторожнее — крем.

Из темноты за дверью послышался стон.

— Со слов Доктора Пьерро, господин Бент при

рождении был наречен Чарли Бенито, — сказал Витинари, проходя под шатром, занимавшим весь двор Гильдии. — И он был рожден клоуном.

Десятки клоунов прекратили свои ежедневные тренировки и провожали их взглядами. Торты оставались неброшенными, штаны не наполнялись побелкой, невидимые собачки замерли, недоволив хвостами.

— *Рожден* клоуном? — переспросил Мокриц.

— Именно так, господин фон Липвиг. Великим клоуном из рода клоунов. Ты видел его вчера. Грим Чарли Бенито передавался из поколения в поколение.

— Я подумал, он сошел с ума!

— А вот Доктор Пьерро, напротив, считает, что он пришел в себя. У юного Бента, по-видимому, было ужасное детство. Никто не сообщил ему о том, что он клоун, пока мальчику не исполнилось тринадцать лет. А его мать по личным причинам всячески подавляла в нем клоунство.

— Должно быть, раньше клоуны ей нравились, — заметила Дора Гая. Она посмотрела по сторонам. Все клоуны поспешно отвернулись.

— Она любила клоунов, — сказал Витинари. — Точнее сказать, одного клоуна. И только одну ночь.

— Ага. Понятно, — сказал Мокриц. — А потом цирк уехал?

— Увы, да, по цирковому обыкновению. После чего, надо полагать, она старалась держаться подальше от мужчин с красными носами.

— Откуда вам все это известно? — спросил Мокриц.

— Отчасти это аргументированные домыслы, но госпожа Драпс многое сумела из него вытянуть за

последние пару дней. Она дама глубокая и непреклонная.

На противоположном конце шатра был еще один выход, где их встретил глава Гильдии.

Он был весь белый: белый колпак, белые ботинки, белый костюм и белое лицо, на котором тонко очерченная красной краской улыбка скрывала его настоящее лицо, холодное и горделивое, как у Князя Тьмы.

Доктор Пьерро кивнул Витинари.

— Милорд...

— Доктор Пьерро, — ответил Витинари. — Как поживает наш пациент?

— О, вот если бы он попал к нам, когда был еще юн, — сказал Пьерро. — Какой был бы клоун! Какое чувство времени! Да, кстати, обычно мы не допускаем посетительниц женского пола в здание гильдии, но в таких особых обстоятельствах сделаем исключение.

— Ах, какое счастье, — сказала Дора Гая с желчью, пропитавшей каждое слово.

— Просто дело в том, что, как бы ни возражало общество «Шутки для женщин», женщины ни разу не смешные.

— Ужасный недостаток, — согласилась Дора Гая.

— Весьма любопытная дихотомия, потому что клоуны — тоже, — сказал Витинари.

— И я всегда так думала, — сказала Дора Гая.

— Они трагичны, — продолжал Витинари. — И, смеясь над их бедами, мы смеемся над собственными. Нарисованная улыбка скалится на нас из тьмы, смеясь над нашей верой в порядок, логику, статус, реальность реальности. Маска знает, что мы ро-

дились на банановой кожуре, которая ведет лишь к открытой крышке люка смерти, и нам остается надеяться только на овации зрителей.

— Как сюда вписываются скрипучие животные из воздушных шариков? — поинтересовался Мокриц.

— Не имею понятия. Но насколько мне известно, когда потенциальные убийцы ворвались к господину Бенту, он задушил одного из них очень реалистичным веселым розовым слоном из шариков.

— Только вообразите эти звуки, — радостно воскликнула Дора Гая.

— Да! Каков поворот! И это безо всяких тренировок! А трюк с лестницей? Настоящая боевая клоунада! Превосходно! — сказал Пьерро. — Теперь нам все известно, Хэвлок. После смерти матери вернулся его отец и, конечно же, увез с собой в цирк. Любому клоуну видно, что смех у него в крови! Эти ноги! Нужно было отправить его прямиком к нам! В таком возрасте с мальчиком может быть непросто. Но нет, его втиснули в старый костюм его деда и выпихнули на арену какого-то захолустного городка, и вот тогда-то клоунада лишилась своего короля.

— Почему? Что случилось? — спросил Мокриц.

— А сам как думаешь? Над ним засмеялись.

Шел дождь, и мокрые ветки хлестали его по лицу, когда он мчался по лесу, с побелкой, все еще стекающей по его мешковатым штанам. Сами штаны подскакивали на эластичных подтяжках, время от времени стукая его по подбородку.

Хотя бы башмаки были хорошими. Замечательные башмаки. Единственные на его памяти, которые пришлось ему впору.

Но мать воспитала из него порядочного человека. Одежда должна быть приличного серого цвета, веселость вульгарна, а грим недопустим.

Что ж, наказание настигло его быстро!

На заре он набрел на амбар. Он соскреб с себя засохший крем и остатки грима и умылся в луже. О, это лицо! Этот толстый нос, огромный рот, нарисованная белая слеза — они будут сниться ему в кошмарах, он точно это знал.

По крайней мере, на нем остались его собственная рубашка и кальсоны, и они закрывали все самое важное. Он хотел было выбросить все остальное, но внутренний голос остановил его. Мать была мертва, и он не смог помешать приставам забрать все их имущество, даже медное материнское колечко, которое она начищала каждый день. Он больше никогда не увидит отца... он должен был оставить себе что-то... должно было быть хоть что-то, что-нибудь, чтобы не забывать, кто он такой и почему, откуда он взялся и даже почему он оттуда ушел. В амбаре отыскался дырявый мешок. Сгодится. Ненавистный костюм отправился внутрь.

Позже в тот же день он набрел на повозки, остановившиеся под деревьями, но это не были кричащие цирковые повозки. Наверное, что-то религиозное, подумал он, а мама одобряла спокойные конфессии, лишь бы боги не были иностранными.

Его накормили жарким из кролика. И когда он заглянул через плечо человеку, который тихо сидел за складным столиком, то увидел тетрадь, полную цифр, записанных от руки. Ему нравились цифры. Они всегда имели смысл в мире, который его не имел. Тогда он очень вежливо спросил человека, что там записано внизу страницы, и получил от-

вет: «Это называется итогом», и сказал: «Нет, это не итог, это на три фартинга меньше итога». «Откуда ты знаешь?» — спросил человек, и он ответил: «Виджу», и тот сказал: «Но ты ведь только один раз посмотрел!» И он воскликнул: «Ну да, а как еще?»

И тогда перед ним открыли другие тетради, и люди собрались вокруг и стали давать ему примеры, и все они были такими простыми...

Это было гораздо веселее любого цирка, и безо всякого крема.

Он открыл глаза и увидел перед собой смутные фигуры.

— Я арестован?

Мокриц посмотрел на Витинари, и тот неопределенно махнул рукой.

— Необязательно, — сказал Мокриц осторожно. — Мы знаем про золото.

— Сэр Джошуа сказал, что все расскажет о моей... семье.

— Да, мы знаем.

— Люди засмеяли бы. Я не мог этого вынести. А потом... знаете, мне кажется, потом я просто убедил себя в том, что золото мне приснилось. И если я никогда не начну его искать, оно все еще будет там. — Он остановился, как будто разрозненные мысли выстраивались в очередь для высказывания вслух. — Доктор Пьерро был очень любезен и показал мне историю маски Чарли Бенито... — Снова пауза. — Мне сказали, что я замечательно швыряюсь кремовыми тортами. Быть может, мои предки будут мной гордиться.

— Как ты себя сейчас чувствуешь? — спросил Мокриц.

— О, вполне в себе, — ответил Бент. — Кто бы это ни был.

— Вот и славно. Тогда жду тебя завтра на рабочем месте, господин Бент.

— Ему еще слишком рано возвращаться! — запротестовала госпожа Драпс.

Мокриц повернулся к Пьерро и Витинари:

— Не могли бы вы нас, пожалуйста, оставить, господа?

На лице главного клоуна изобразилось возмущение, усугубленное вечно счастливой улыбкой, но они ушли и закрыли за собой дверь.

— Послушай, господин Бент, — заговорил Мокриц с поспешностью. — Мы в беде...

— Я ведь верил в золото, — сказал Бент. — Я не знал, где оно, но верил в него.

— Это хорошо. И оно наверняка все еще есть где-то в шкатулке Пуччи, — сказал Мокриц. — Но я хочу завтра же открыть банк, а люди Витинари перерыли там все бумажки до единой, и можешь себе представить, какой бардак они после себя оставили. А еще я хочу запустить завтра новые банкноты, понимаешь? Деньги, которые не нуждаются в золоте. А банк не нуждается в золоте. Мы с тобой это знаем. Сколько лет он действовал с хранилищем, полным мусора! Но банк нуждается в тебе, господин Бент. У Шиков серьезные неприятности, Космо куда-то заперли, персонал не понимает, что происходит, и завтра, господин Бент, когда банк откроет свои двери, ты должен быть там. Я прошу тебя. Да, и председатель любезно пролаял свое согласие повисить твой оклад до шестидесяти пяти долларов в месяц. Знаю, ты не

такой человек, чтобы польститься на деньги, но прибавку стоит иметь в виду человеку, подумывающему о, кхм, смене домашней обстановки?

Это не было слепой догадкой. Это было очень зрячей догадкой, с идеальным зрением. Госпожа Драпс явно была дамой далеко идущих планов, и эти планы вряд ли включали жизнь, проведенную в тесной комнатке на Вязовой улице.

— Но решать, конечно, тебе, — сказал Мокриц и поднялся. — Хорошо с ним здесь обращаются, госпожа Драпс?

— Только потому, что я здесь, — парировала она. — Сегодня утром заявилися трое клоунов с большой веревкой и маленьким слоном и предложили вырвать ему зуб, бедняжке! А потом, только я их выпроводила, как пришли еще двое и стали белить стены, и, по-моему, очень некачественно! Можешь не сомневаться, я их тотчас же выставила!

— Молодчина, госпожа Драпс!

Витинари ждал снаружи, распахнув дверцу кареты.

— Поедешь со мной, — сказал он.

— Вообще-то тут совсем недалеко до...

— *Садись*, господин фон Липвиг. Поедем живописным маршрутом. Похоже, ты считаешь наши взаимоотношения какой-то игрой, — продолжил Витинари, когда карета тронулась с места. — И уверен, что все грехи будут отпущены. Так что позволь мне вручить тебе это.

Он взял в руки черную трость с серебряным черепом и потянул за рукоятку.

— Эта занятная вещь была изъята у Космо Шика, — сказал патриций, когда наружу выскользнуло лезвие.

— Знаю. Это разве не копия вашей трости? — спросил Мокриц.

— Да что ты? — удивился Витинари. — Я что, похож на такого правителя, у которого «клинок на крови тысячи человек»? Дальше, наверное, только корона из черепов. Похоже, Космо сделал трость на заказ.

— Выходит, это копия слуха? — спросил Мокриц. Где-то снаружи распахнулись ворота.

— Верно, — сказал Витинари. — Копия того, чего не существует. Остается только надеяться, что она аутентична не во всех отношениях.

Дверца кареты открылась, и Мокриц вышел в дворцовый сад. Он имел типичный для подобных мест вид: опрятный, ухоженный, с большим количеством гальки и остроконечных деревьев и безо всяких грядок.

— Зачем мы здесь? — спросила Дора Гая. — Это связано с големами?

— Госпожа Ласска, а что наши местные големы думают о новой армии?

— Пришлые им не нравятся. Они считают, что из-за них будут проблемы. У них нет платы, которую можно заменить. Они хуже, чем зомби.

— Спасибо. Следующий вопрос: могут ли они убивать?

— Исторически творцы големов не делали големов, которые способны убивать.

— Значит, нет?

— Я не знаю!

— Уже кое-что. Можно ли дать им приказ, который не может быть отменен другим человеком?

— Ну да... Если больше никто не знает секрет.

— А секрет — это что? — Витинари развернулся к Мокрицу и обнажил клинок.

— Должно быть, то, как я отдаю им приказы, сэр, — сказал Мокриц, во второй раз глядя вдоль лезвия. Оно и в самом деле поблескивало.

Он был готов к тому, что произошло дальше, только оно произошло совершенно не так.

Витинари вручил ему трость и сказал:

— Госпожа Ласска, я бы очень хотел, чтобы ты не покидала город надолго. От этого он начинает искать неприятности. Расскажи нам секрет, господин фон Липвиг.

— Это может быть слишком опасно, сэр.

— Господин фон Липвиг, мне на лбу у себя написать «тиран»?

— Я могу поторговаться?

— Ну конечно. Я человек разумный.

— И вы придерживитесь условий сделки?

— Нет. Но я предложу тебе другую. Почтамт может забрать шесть лошадей-големов. Остальные големы-воины будут отданы на попечение «Треста Големов», но использование четырехсот големов для усовершенствования семафорной системы, не сомневаюсь, будет одобрено международным сообществом. Мы заменим золото големами в качестве основы для нашей валюты, что ты очень обстоятельно описал. Вы двое поставили нас в очень... любопытное международное положение...

— Извините, что перебиваю, но почему я держу вашу трость? — спросил Мокриц.

— ...и ты расскажешь секрет, и — самое главное — сохранишь жизнь, — закончил Витинари. — Кто сделает тебе более выгодное предложение?

— А, ладно, — сказал Мокриц. — Этим должно было кончиться. Големы подчиняются мне, поэтому...

— Потому что ты одет в золотой костюм и, следовательно, в их глазах выглядишь эмийским жрецом, — сказал Витинари. — Потому что в приказе, чтобы он был полностью усвоен, правильные слова должны быть сказаны правильным человеком правильному слушателю. Я был очень способным учеником. Все дело в логике. Можешь закрыть рот.

— Вы все знали?

— Это же не драконья магия.

— И зачем вы дали мне этот жуткий клинок?

— И впрямь безвкусная вещь, — согласился Витинари, забирая у него оружие. — Она могла бы принадлежать кому-то, например, по имени Кракс Грозный. Мне было просто интересно убедиться, что держать его в руках тебе будет еще страшнее. Ты вообще не склонен к насилию...

— Можно было обойтись и без этого! — сказал Мокриц. Дора Гая улыбалась.

— Господин фон Липвиг, господин фон Липвиг, ничему тебя жизнь не учит, — сказал Витинари, пряча клинок в трость. — Один из моих предшественников бросал людей на растерзание диким черепахам. Мучительная смерть. Он считал это умерительным. Извини, если мои забавы более интеллектуальны. Дай-ка подумать, что же еще? Ах да, с прискорбием сообщая, что человек по имени Сычик Клямс скончался.

Как-то он это сказал...

— К нему явился ангел?

— Вполне возможно, господин фон Липвиг. Но если тебе понадобится художник для новых проек-

тов, уверен, во дворце найдется человек, способный тебе содействовать.

— Значит, так оно и было суждено, — сказал Мокриц. — Я рад, что он теперь в лучшем месте.

— Уж точно в более сухом. А теперь ступайте. Можете воспользоваться моей каретой. Тебе пора открывать банк! Мир продолжает вертеться, и сегодня утром он вертится на моем столе. Шалопай, за мной.

— Я бы хотел внести одно предложение, которое может помочь? — спросил Мокриц, когда Витинари собрался уходить.

— Какое же?

— Почему бы вам не рассказать остальным правителям Равнин о золотом секрете? В таком случае никто не сможет использовать големов как солдат. Это разрядило бы обстановку.

— Гм, интересно. А ты согласна с этим, госпожа Ласска?

— Да! Нам не нужны армии големов! Это правильная мысль!

Витинари наклонился и дал Шалопая собачье печенье. Когда он выпрямился, в его лице произошла едва заметная перемена.

— Прошлой ночью, — сказал патриций, — какой-то предатель отправил золотой секрет правителям всех крупных городов Равнин семафорным сообщением, источник которого никак не удастся обнаружить. Это же был не ты, господин фон Липвиг?

— Я? Нет!

— Но ты же сам это предложил. Это можно расценить и как измену.

— Я только что вам это сказал! Вы не можете повесить все на меня! И потом, это была *правильная*

мысль, — добавил он, стараясь не смотреть в глаза Доре Гае. — Если мы не подумаем о *том, как не использовать* пятидесятифутовых големов-убийц, подумает кто-нибудь другой.

Он услышал, как она хихикнула, впервые в жизни.

— Сейчас у нас есть сорокафутовые големы-убийцы, госпожа Ласска? — спросил Витинари со строгим видом, как будто собирался добавить: «Надеюсь, вы привели достаточно на всех!»

— Нет, сэр. Их нет, — ответила Дора Гая, стараясь сохранять серьезность, но безуспешно.

— Тогда ничего страшного. Какой-нибудь гений однажды непременно придумает и это. И когда это случится, не колеблясь воздержись от того, чтобы приводить их к себе домой. Между тем у нас на руках есть такой вот печальный результат. — Витинари покачал головой в самой искренней, по мнению Мокрица, напускной досаде и продолжал: — Армия, которая подчинится кому угодно в блестящей куртке, с рупором в руках и эмийским переводом фразы «Выкопайте яму и заройтесь в ней», превратит любую войну в увлекательный фарс. Можете не сомневаться, я созову следственный комитет. Он будет работать без отдыха, не считая обязательных перерывов на чай с печеньем, пока не найдется виновник. Я выражу свою личную в этом заинтересованность.

«Ну конечно же, — думал Мокриц. — И хотя многие слышали, как я отдавал приказы на эмийском, лично я бы поставил на человека, который считает войну бессмысленным переводом клиентуры. На человека, из которого аферист лучше, чем из меня, который считает любой комитет чем-то вроде

мусорной корзинки, который каждый день превращает шипение в сосиски...»

Мокриц и Дора Гая переглянулись — и согласились взглядами: это он. Конечно он. Низз и все остальные поймут, что это он. Микробы, живущие на замшелых стенах, должны знать, что это он. И никто ничего не докажет.

— Можете нам доверять, — сказал Мокриц.

— Да. Я знаю, — сказал Витинари. — За мной, Шалопай. Тебя ждет торт.

Мокрицу не хотелось снова садиться в карету. Кареты теперь вызывали у него неприятные ассоциации.

— Он ведь выиграл, да? — спросила Дора Гая.

Вокруг клубился туман.

— Во всяком случае, председатель теперь ест у него из рук.

— Так вообще можно?

— Кажется, это подпадает под принцип *quia ego sic dico*.

— Но что это значит?

— «Потому что я так сказал», если не ошибаюсь.

— Хорошенький принцип!

— Вообще говоря, единственный, который ему нужен. В общем и целом он мог бы...

— Ты должен мне пять тыщ, гошподин Штеклярш!

Фигура вышла из мрака и в одно мгновение очутилась за спиной у Доры Гаи.

— Давай без глупостей, гошпожа, у меня ждешь ножик, — сказал Криббинс, и Мокриц услышал, как Дора Гая сделала глубокий вдох. — Твой приятель

обещался заплатить мне пять штук за донос на тебя, а раз уж ты сам донес на себя и упрятал его в шумашедший дом, я подумал, выходит, теперь ты мне должен?

Мокриц медленным движением ощупал карман, но там было пусто. Его маленькие помощники были конфискованы: в Танти не любили, когда ты приходил со своим кистенем и отмычками, и предпочитали, чтобы такие вещи покупались у надзирателей, как положено.

— Убери нож, и мы поговорим, — сказал он.

— Ага, поговорим! Нравится тебе разговаривать, да? Язык у тебя знатно подвешен! Я вше видел! Почешешь им — и сразу золотой мальчик! Ты им говоришь, что ограбишь их, а они тебе шмеются! Как у тебя это получается, а?

Криббинс чавкал и плевался от бешенства. Человек совершает ошибки, когда сердится, но это едва ли утешает, если кто-то приставил нож к почкам твоей возлюбленной. Дора Гая побледнела, и Мокриц надеялся, что ей хватит ума не топать сейчас ногами. И самое главное, нужно было не поддаваться на соблазн заглянуть за плечо Криббинсу, потому что краем глаза Мокриц заметил, что кто-то крадется к нему...

— Сейчас не время для поспешных действий, — сказал он громко. Тень в тумане замерла. — Криббинс, в этом твоя вечная проблема, — продолжал Мокриц. — Ты что, рассчитывал, что у меня будет с собой такая сумма?

— Вокруг полно мешт, где мы можем ш комфортом подождать тебя, а?

Глупо, подумал Мокриц. Глупо, но опасно. И подумал еще: ум против ума. Оружие, которое

противник не умеет использовать, принадлежит тебе. Подначь его.

— Просто отойди, и мы сделаем вид, что тебя не видели, — сказал он. — Это лучшее, на что ты можешь рассчитывать.

— Ты мне жубы жаговарить будешь, ты, мелкий гаденыш? Да я...

Что-то громко спружинило, и Криббинс издал странный звук. Это был стон человека, который пытался кричать, но даже кричать было слишком больно. Мокриц схватил Дору Гаю, а Криббинс сложился пополам, вцепившись себе в рот. Что-то зазвенело, и на щеке Криббинса выступила кровь, отчего он заскулил и свернулся клубком. А звуки все продолжали сыпаться: это челюсти мертвеца, с которыми столько лет дурно обращались и которыми скверно пользовались, наконец уступили призраку, решительно вознамерившемуся утащить ненавистного Криббинса за собой. Позже врач сказал, что одна пружина достала до самой носовой пазухи.

Капитан Моркоу и Шнобби Шноббс выбежали из тумана и уставились на человека, который продолжал периодически подергиваться под пружинистые звуки.

— Извини, господин, мы тебя потеряли в таком тумане, — сказал Моркоу. — Что с ним случилось?

Мокриц крепко прижимал к себе Дору Гаю.

— Челюсти взорвались, — ответил он.

— И как такое могло произойти, господин?

— Понятия не имею, капитан. Почему бы не сделать доброе дело и не отвезти его в больницу?

— Ты хочешь подать на него заявление, господин фон Липвиг? — спросил Моркоу, бережно поднимая дрожащего Криббинса.

— Я предпочту бренди, — ответил Мокриц. Он подумал: может, Аноя просто выжидает момент. Надо бы сходить в ее храм и повесить ей большой-пребольшой половник. Сейчас не лучшее время проявлять неблагодарность...

Секретарь Стукпостук на мысочках своих бархатных туфель вошел в кабинет лорда Витинари.

— С добрым утром, — сказал его светлость, отворачиваясь от окна. — Туман сегодня имеет приятный желтоватый оттенок. Какие-нибудь новости о Досихпоре?

— Щеботанская Стража разыскивает его, сэр, — сказал Стукпостук и положил перед Витинари свежий выпуск городского издания «Правды».

— Зачем?

— Он купил билет до Щеботана.

— А второй он купит с рук у возницы, едущего в Орлею. Он будет бежать со всех ног. Отправь срочный клик нашему человеку в Орлее, будь добр.

— Надеюсь, вы правы, сэр.

— Серьезно? Я надеюсь, что не прав. Это пойдет мне на пользу. Ах. Ах-ах-ах.

— Сэр?

— Вижу, «Правда» снова раскрасила первую полосу. Долларовая банкнота с лицевой и оборотной части.

— Да, сэр. Очень красиво.

— И в натуральную величину, — сказал Витинари, продолжая улыбаться. — Здесь написано — это чтобы ознакомить народ с ее внешним видом. Прямо сейчас, Стукпостук, прямо сейчас добросовестные горожане аккуратно вырезают оба рисунка и склеивают половинки.

— Мне поговорить с редактором, сэр?

— Нет. Будет интереснее позволить событиям развиваться естественным путем.

Витинари откинулся на спинку кресла и со вздохом закрыл глаза.

— Хорошо, Стукпостук, я собрался с силами и готов услышать, что представляет собой политическая карикатура.

Послышался шелест бумаги, и Стукпостук нашел нужную страницу.

— Что ж, Шалопай вышел очень хорошо.

Под столом Витинари пес, услышав звук своего имени, открыл глаза. Так же, как и его новый хозяин, с еще большим нетерпением.

— У него же ничего нет в пасти?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Стукпостук. — Это же анк-морпоркская «Правда», сэр.

Витинари снова расслабился.

— Продолжай.

— Он на поводке и выглядит непривычно свирепым. Вы держите поводок, сэр. От него нервно пятится в угол стая жирных котов. На котах надеты цилиндры, сэр.

— Обычное дело у котов.

— И на них написано «Банки», сэр, — добавил Стукпостук.

— Как тонко!

— В то время как вы, сэр, машете перед ними веером бумажных денег, и в облаке у вас над головой написано...

— Дай угадаю. «Это вам не ананасовый крем»?

— Очень хорошо, сэр. Кстати, оказывается, председатели остальных городских банков желают аудиенции, в любое удобное для вас время.

— Хорошо. Тогда сегодня после обеда.

Витинари поднялся и подошел к окну. Туман рассеивался, но его дрейфующий покров все еще скрывал город из вида.

— Господин фон Липвиг очень... *популярный* молодой человек, не так ли, Стукпостук? — спросил Витинари, глядя в полумрак.

— Да, сэр, — согласился Стукпостук, собирая газеты. — Исключительно популярный.

— И очень уверен в собственных силах.

— Согласен с вами.

— И преданный?

— Он принял за вас торт, сэр.

— Стратег со стремительным мышлением.

— О да.

— Не будем забывать, что его собственное будущее зависело от этого торта.

— Он восприимчив к политическим веяниям, — сказал Стукпостук и взял стопку бумаг в руки.

— И, как ты верно говоришь, популярен, — сказал Витинари, оставаясь сухопарым силуэтом на фоне тумана.

Стукпостук выждал. Не только Мокриц был восприимчив к политическим течениям.

— Настоящая находка для города, — проговорил Витинари после недолгого молчания. — И не нужно позволять ему простаивать. Хотя понятно, что он должен пробыть в Королевском банке достаточно времени, чтобы прогнать его под себя окончательно, — задумчиво произнес он.

Стукпостук ничего не сказал и просто придал бумагам на столе более приятный вид. На глаза ему попало одно имя, и он переложил документ наверх.

— Тогда ему, конечно, снова начнет не сидеться на месте, и он подвергнет опасности и себя, и окружающих...

Стукпостук улыбнулся документам. Его рука застыла в воздухе...

— Не к слову будет сказано, сколько лет господину Сморщу?

— Главному налоговому инспектору? Уже за семьдесят, сэр, — ответил Стукпостук и открыл выбранную им папку. — Верно, тут написано, семьдесят четыре.

— Не так давно мы задумались над его методами, не так ли, Стукпостук?

— Совершенно так, сэр. На прошлой неделе.

— Боюсь, это человек не гибкого ума. И он несколько растерялся в современном мире. Держать кого-то вверх тормашками над корытом и трясти — это уже не метод. Я бы не стал его винить, если он решит уйти на заслуженный и честно заработанный покой.

— Да, сэр. Когда бы вы хотели, чтобы он принял такое решение? — спросил Стукпостук.

— Спешить некуда, — ответил Витинари. — Спешить некуда.

— Вы уже обдумали кандидатуру на его место? На такой работе друзей не заводят, — сказал Стукпостук. — Тут понадобится особенный тип.

— Я обдумую это, — сказал Витинари. — Наверняка подходящий человек еще подвернется.

Сотрудники банка приходили на работу раньше обычного, пробиваясь через толпы, наводнившие улицы, потому что (а) начинался новый акт восхитительного уличного представления под названием

Анк-Морпорк и (б) у кого-то будут большие неприятности, если пропадут *их* деньги. Однако ни господина Бента, ни госпожи Драпс нигде не было видно.

Мокриц был на монетном дворе. Работники господина Шпулькса — что ж, они сделали все, что могли. Извинительная фраза, которую часто произносят, чтобы сказать, что результат оказался на вершок выше посредственного, в их случае значила: на голову выше превосходного.

— Уверен, мы сможем их еще усовершенствовать, — повторял Шпулькс, пока Мокриц любовался.

— Они идеальны, господин Шпулькс!

— Вовсе нет. Но очень лестно слышать такие слова. Пока что мы успели сделать семьдесят тысяч.

— Этого недостаточно!

— Со всем уважением, мы же не газеты печатаем. Но мы набиваем руку. Ты что-то говорил про другие номиналы?..

— О да. Для начала — два, пять и десять долларов. И пусть пятерки и десятки будут говорящими.

И это не предел, думал Мокриц, пока разноцветные деньги порхали в его пальцах. Люди будут выстраиваться за ними в очередь. Стоит им увидеть такое, и они больше не захотят грубых, тяжелых монет! Гарантия: големы! Чего стоит монета по сравнению с рукой, которая ее держит? Вот это — ценность! Вот это — достоинство! Хм, да, пожалуй, это будет хорошо смотреться и на двухдолларовой банкноте, главное, не забыть.

— Деньги... говорящими? — переспросил Шпулькс с опаской.

— Бесята, — сказал Мокриц. — Это ведь всего лишь разумные заклинания. Даже не нужно прида-

вать им определенную форму. Мы напечатаем их на купюрах большего номинала.

— И ты думаешь, в университете согласятся на такое? — спросил Шпулькс.

— Да, потому что я нарисую голову Чудакулли на пяти долларах. Я схожу и переговорю обо всем с Думмингом Тупсом. Если это не прецедент для нецелесообразного применения магии, то что тогда?

— И что будут говорить деньги?

— Все, что мы пожелаем. Например: «Ты уверен, что тебе нужна эта покупка?» или «Может, отложишь меня на черный день?». Возможности безграничны!

— Мне они обычно говорят: до свидания, — сказал печатник, вызвав дежурное веселье.

— Ну так мы попробуем сделать так, чтобы они посылали тебе воздушный поцелуй вдогонку, — сказал Мокриц. Он повернулся к людям из подсобок, которые сияли и светились от внезапной значимости. — Кто из вас, господа, поможет мне отнести все это в банк?..

Стрелки часов играли в догонялки, спеша разменять новый час, когда Мокриц прибыл в банк, а господина Бента все еще не было.

— Эти часы правильно идут? — спросил Мокриц, когда стрелки расслабленно зашагали к половине.

— Конечно, сэр, — ответил кассир. — Господин Бент подводит их дважды в день.

— Может, и так, но он отсутствует уже...

Двери распахнулись, и появился он. Мокриц почему-то ожидал увидеть клоунский наряд, но это был отглаженный и отполированный господин Бент в строгом пиджаке и в брюках в полосочку, и...

...с красным носом. За руку с госпожой Драпс.

Работники банка уставились на это, не зная, как реагировать.

— Дамы и господа, — произнес Бент, и его голос гулким эхом прокатился в воцарившейся тишине. — Я должен принести вам столько извинений. Я совершил множество ошибок. Да, вся моя жизнь была ошибкой. Я верил, что истинная ценность заключается в кусках металла. Почти все, во что я верил, на самом деле не стоит и гроша, но господин фон Липвиг поверил в меня, и поэтому сегодня я здесь. Давайте делать деньги, основанные не на геологической прихоти, но на гении человеческих рук и разума. А теперь... — Он прервался, потому что госпожа Драпс сжала его руку. — Ах да, как я мог забыть? Теперь я всем сердцем верю в то, что госпожа Драпс выйдет за меня замуж в Веселой Часовне в Гильдии Шутовских дел в ближайшую субботу, церемонию проведет преподобный брат Бим-Бом. Приглашены все...

— ...только осторожнее выбирайте костюм, потому что это побелочная свадьба, — сказала госпожа Драпс, пытаясь говорить игриво.

— И с этим мне остается только... — попытался продолжить господин Бент, но тут его сослуживцы осознали, что они только что услышали, и обступили жениха и невесту. Женщин тянуло к будущей госпоже не-Драпс ни с чем не сравнимой силой притяжения обручального кольца, а мужчины сначала хлопали господина Бента по спине, а потом перешли к чему-то неслыханному, а именно: подхватили его и на руках пронесли по комнате.

В конце концов Мокрицу пришлось поднести ладони ко рту и прикрикнуть:

— Дамы и господа, посмотрите на время! Наши клиенты *ждут*, дамы и господа! Не будем мешать себе делать деньги! Нам нельзя быть плотиной в экономическом потоке!

...и он задумался, чем сейчас занят Хьюберт...

Высунув язык от усердия, Игорь вынул тонкую трубочку из kloкочущих недр Хлюпера.

Несколько пузырьков зигзагами поднялись наверх центрального гидроблока и с хлопом вырвались на поверхность.

Хьюберт вздохнул с облегчением.

— Отличная работа, Игорь, остался всего один до... Игорь?

— Йа, гофподин, — сказал Игорь у него из-за спины.

— Кажется, все работает, Игорь! Старый добрый черездефисный кремний! Но ты уверен, что он и дальше будет действовать как экономический модулятор?

— Йа, гофподин. Я абфолютно уверен в новом рафположении клапанов. Город будет влияйт на Хлюпер, ефли пожелайт, но не наоборот.

— Даже так, было бы ужасно, если бы он угодил в плохие руки, Игорь. Я все думаю, не преподнести ли Хлюпер правительству. Что скажешь?

Игорь обдумал это. По его опыту, «правительство» было самым точным определением «плохих рук».

— Я говорийт, что тебе фтоит вофпользуйтефя возможнофть чаще дышайт фвежим воздухом, гофподин, — сказал он ласково.

— Да, я, наверное, действительно заработался, — сказал Хьюберт. — Хм... насчет господина фон Липвига...

— Йа?

Хьюберт имел вид человека, боровшегося с собственной совестью и получившего коленом в глаз.

— Я хочу положить золото обратно в хранилище. Это решит все его проблемы.

— Но золото было украдено много лет назад, гофподин, — терпеливо объяснил Игорь. — Ты тут ни при чем.

— Нет, но они обвиняли господина фон Липвига, а он всегда был так добр к нам.

— Он и фам фо вфем фправийтфя, гофподин.

— Но мы же *можем* вернуть золото обратно, — настаивал Хьюберт. — Оно вернется оттуда, куда его унесли, разве не так?

Игорь с металлическим звуком почесал затылок. Он следил за событиями с бóльшим вниманием, чем Хьюберт, и, как он понял, пропавшее золото было давным-давно растрчено семьей Шиков. На господина фон Липвига обрушились неприятности, но, по мнению Игоря, они обрушивались на господина фон Липвига, как волна на флотилию уток. Волна быстро сходила, а утки были тут как тут.

— Может быть, — согласился он.

— Это будет правильно, да? — не унимался Хьюберт. — Он ведь был к нам так добр. Мы обязаны оказать ему эту небольшую услугу.

— Я фомневайтфя...

— Это приказ, Игорь!

Игорь просиял. Наконец-то! Вся эта обходительность начинала действовать ему на нервы. Игори всегда ждут безумных приказов. Для этого Игори и рождались на свет (и в некоторой степени

создавались). Кто-то проорал приказ сделать нечто этически сомнительное и с непредсказуемыми последствиями? Фказка!

Гром и молнии, конечно, пришлось бы кстати. Вместо этого были слышны только булькающие звуки внутри Хлюпера и тихий стеклянный звон, от которого Игорю вечно казалось, что он находится на фабрике поющих ветров. Но иногда приходилось импровизировать.

Он долил маленькую колбу «золотого запаса» до отметки в десять тонн, пару минут покрутил сверкающие клапаны и отступил.

— Когда я поворачивайт это колефико, хозяин, Хлюпер вкладывайт аналоговое золото в хранилище, а затем отключайтт фоединение.

— Молодец, Игорь.

— Гм, а не мог бы ты что-нибудь выкричайт? — подсказал Игорь.

— Например?

— Ну, не знаю... например: «Они называли меня психом... прости, пфихом... профти... но теперь я им покажу!»

— Это как-то не в моем стиле.

— Нет? — ответил Игорь. — Тогда, может, поффмеешьфя?

— Это поможет?

— Да, гофподин, — ответил Игорь. — Это мне очень помогайт.

— О, ну, если ты так считаешь, — сказал Хьюберт. Он отпил глоток из кувшина, которым только что воспользовался Игорь, и прочистил горло.

— Ха, — сказал он. — Э... ха-ха-хх хах ХА-ХА ХА-ХА-ХА-ХА...

«Такой талант впустую пропадает», — подумал Игорь и повернул рукоятку.

Хлюп!

Даже снизу из хранилища была слышна суматоха в банковском холле.

Мокриц шел с тяжелым ящиком банкнот, чем вызывал недовольство Доры Гаи.

— Почему бы просто не убрать их в сейф?

— Потому что он забит монетами. Короче, придется подержать их тут какое-то время, пока не разберемся со всем.

— Дело ведь в том, что ты победил, да? Одержал триумф над золотом?

— Есть такое.

— Тебе снова все сошло с рук.

— Я бы так не сказал. Глэдис написала заявление на должность моего секретаря.

— Послушай моего совета: не разрешай ей садиться к тебе на колени.

— Я серьезно! Это же ураган! Она, наверное, нацелилась на мое место! Она верит всему, что читает!

— Ну, вот тебе и ответ. Тоже мне, она меньшая из твоих проблем!

— Каждая проблема — это чья-то возможность, — чопорно произнес Мокриц.

— Если ты еще раз разозлишь Витинари, тебе представится уникальная возможность больше никогда не покупать шляп.

— А мне кажется, ему нравится некоторая оппозиция.

— И ты можешь знать наверняка, до какой степени?

— Нет. И мне это нравится. С точки невозврата открывается великолепный вид.

Мокриц открыл хранилище и поставил ящик на полку. Он казался одиноким и потеряннным, но Мокриц еще мог расслышать мерный стук печатного станка на монетном дворе, где работники Шпулькса трудились в поте лица, чтобы предоставить ящику компанию.

Дора Гая, прислонившись к дверному косяку, внимательно за ним наблюдала.

— Говорят, что в мое отсутствие ты занимался всякими опасными вещами. Это правда?

— Мне нравится заигрывать с опасностью. Это всегда было частью моей жизни.

— Но ты ничего такого не делаешь, когда я здесь, — сказала Дора Гая. — Я достаточно щекочу тебе нервы, да?

Она приблизилась. Каблуки, конечно, помогали, но Шпилька могла двигаться как змея, которая пытается идти от бедра, а строгие, узкие и вызывающе скромные платья, которые она носила, оставляли воображению *все*, и это воспламеняло гораздо сильнее, чем если бы не оставалось ничего. Догадка всегда привлекательнее факта.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила она, бросила окурок на землю и наступила на него каблуком.

— О копилках, — ответил Мокриц немедленно.

— О копилках?

— Да. В форме банка и монетного двора. Чтобы дети с малолетства учились экономить. Деньги нужно будет опускать в щелочку, где Мелкая Монета...

— Ты *серьезно* думаешь сейчас о копилках?

— Нет. Это я так заигрываю с опасностью.

— Так-то лучше.

— Хотя согласись, идея-то хоро...

Дора Гая схватила Мокрица за плечи.

— Мокриц фон Липвиг, если ты сейчас же меня крепко не поцелуешь... Ой! Здесь внизу что, блохи?

Вокруг точно начался ураган. Воздух в хранилище превратился в золотую дымку. Это было бы красиво, если бы не было так тяжело. Прикосновение золота жалило.

Мокриц схватил Дору Гаю за руку и вытащил за дверь. В это время обильные частицы превратились в сплошной поток. Там он снял шляпу, которая отяжелела так, что сдавило уши, и стряхнул на пол небольшое золотое состояние. Хранилище наполнилось уже наполовину.

— Ох, нет, — простонал он. — И ведь все *только* начинало налаживаться...

Эпилог

Белизна, холод, запах крахмала.

— Доброе утро, милорд.

Космо разлепил глаза. Сверху вниз на него смотрело женское лицо в белом чепчике.

Ах, значит, все сработало. Он так и знал.

— Не желаете ли подняться? — спросила женщина и отошла. За ней стояло двое крепко сложенных мужчин, тоже в белом. Все так, как и должно было быть.

Он опустил взгляд на то место, где должен был быть целый палец, и увидел забинтованный обрубок. Он никак не мог припомнить, как же это вышло, но ничего страшного. Ведь чтобы измениться, нужно не только что-то приобрести, но и что-то потерять. Все в порядке. Видимо, это больница. Все в порядке.

— Это больница, не так ли? — спросил он, усаживаясь на кровати.

— Очень хорошо, ваша светлость. Вы в отделении Витинари, кстати говоря.

Все в порядке, думал Космо. Когда-то он спонсировал строительство больницы. Очень предусмотрительно с его стороны.

— А эти люди? Моя охрана? — спросил он, кивая на мужчин в белом.

— Они здесь для того, чтобы с вами не случилось ничего плохого, — ответила медсестра. — Так что можно и так сказать.

В отделении было множество других пациентов. Все были одеты в белые балахоны, некоторые сидели за столом и играли в настольные игры. Многие стояли у большого окна и смотрели на улицу. Они стояли в одинаковых позах, сцепив руки за спиной. Космо наблюдал за ними некоторое время.

Потом он посмотрел на маленький столик, где друг напротив друга сидели два человека, по очереди замеряя друг другу лбы. Ему пришлось приглядеться к ним, чтобы понять, что происходит. Но лорд Витинари не из тех людей, что делают скоропалительные выводы.

— Прошу прощения, сестра, — позвал Космо, и она тут же подбежала. Он жестом подозвал ее ближе, и двое мужчин тоже приблизились, не спуская с него глаз.

— Я вижу, эти люди не вполне здоровы, — сказал он. — Они считают, что *они* — лорд Витинари, да? Это отделение для таких людей? Вон те двое соревнуются во вздергивании бровей!

— Вы совершенно правы, — ответила медсестра. — Очень хорошо, ваша светлость!

— Разве их не смущает, что они видят друг друга?

— Вовсе нет, милорд. Каждый считает, что он настоящий.

— Так они не знают, что *я* настоящий?

Один из охранников наклонился к нему.

— Нет, милорд. Мы стараемся держать это в секрете, — сказал он и подмигнул своему товарищу.

Космо закивал.

— Какая хорошая мысль. Идеальное место, чтобы подлечиться. Как здесь удобно оставаться инкогнито. Кто додумается искать меня среди этих жалких умалишенных бедолаг?

— В этом вся суть, сэр.

— Мне кажется, искусственная панорама могла бы скрасить вид из окна для этих несчастных, — сказал он.

— Ага, сразу видно, кто тут настоящий, сэр, — ответил охранник.

Космо расплылся в улыбке. А две недели спустя, когда он выиграл соревнование по бровям, он почувствовал себя таким счастливым, как никогда прежде.

Клуб «Розовая киска» был набит битком. Пустовало лишь седьмое место в первом ряду.

Никому не удавалось продержаться на седьмом месте дольше девяти секунд. Озадаченная администрация неоднократно меняла подушки и пружины в кресле. Никакого эффекта. С другой стороны, все остальное в клубе шло так необъяснимо хорошо, и в нем витала такая славная атмосфера, особенно в кругу танцовщиц, которые теперь, с появлением валюты, которую можно было совать за подвязки, работали вдвое старательнее. Это большая удача, решила администрация. Ради этого можно и поступиться одним креслом, особенно после того, что произошло, когда они попытались от него избавиться...

Оглавление

От автора.....	5
Глава 1	7
Глава 2	47
Глава 3	78
Глава 4	113
Глава 5	168
Глава 6	212
Глава 7	272
Глава 8	315
Глава 9	339
Глава 10	373
Глава 11	399
Глава 12	419
Глава 13	440
Эпилог	475

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Терри Пратчетт

ДЕЛАЙ ДЕНЬГИ!

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *В. Сергеева*

Художественный редактор *В. Безкровный*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.08.2016. Формат 80х100 ¹/₃₂.

Гарнитура «Mysl». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,22.

Тираж 12000 экз. Заказ 1429.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».

300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-91438-8

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

В электронном виде книга издательства вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес:

Один клик до книги

ReadRate

ИНТЕРНЕТ-СЕРВИС ДЛЯ ТЕХ, КТО ЧИТАЕТ
www.readrate.com

★ Книжные
рейтинги

✉ Личные
рекомендации

👤 Общение

О, Анк-Морпорк, великий город контрастов!
Что ты делаешь со своими верными сынами?

Мокриц фон Липвиг в тяжких раздумьях. С одной стороны, жизнь честного человека, который (о ужас!) исправно платит налоги, ведет к определенному долголетию. С другой стороны, такая жизнь скучна до зубовного скрежета, что особенно ясно в свете нового предложения патриция Витинари – заняться реформированием банковской системы города.

Впрочем, Мокриц слишком хорошо помнит, что жизнь приличного мошенника не только весела и задорна, но и прискорбно коротка. Выбрав путь благочестивого горожанина, главный почтмейстер еще не знает, что ему предстоит стать хозяином очаровательного Шалопая – милого песика, владеющего мажоритарным пакетом акций «Королевского банка Анк-Морпорка».

ISBN 978-5-699-91438-8

9 785699 914388 >

ReadRate

интернет-сервис для тех, кто читает

